

Андрей и Мария
КРУЗ

КЛАССИКА БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ

ЗЕМЛЯ ЛИШНИХ

Гиганты фантастики

Андрей Круз

Земля лишних. Трилогия

«ЭКСМО»

2009, 2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Круз А.

Земля лишних. Трилогия / А. Круз — «Эксмо», 2009,
2021 — (Гиганты фантастики)

ISBN 978-5-04-120883-7

Классическая трилогия о приключениях нашего соотечественника, ветерана афганской войны, бывшего военного инструктора. Привычная жизнь Андрея Ярцева рушится, но неожиданно перед ним открывается выход из сложной ситуации, а за ним – новый удивительный мир. Андрей найдет в нем смысл жизни, верных друзей и любовь. Но ничто не дается бесплатно, и вновь обретенное счастье придется защищать от врагов, новых и старых.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-120883-7

© Круз А., 2009, 2021
© Эксмо, 2009, 2021

Содержание

Исход	8
Москва. 14 июня 2005 года, 16:53	8
Москва. 14 июня 2005 года, 23:15	19
Москва. 15 июня 2005 года, 10:15	20
Москва. 15 июня 2005 года, 12:46	21
Москва. 15 июня 2005 года, 14:22	25
Москва. 18 июня 2005 года, 09:55	27
Москва. 18 июня 2005 года, 12:03	30
Территория Ордена, База по приему переселенцев и грузов «Россия»	33
Территория Ордена, База по приему переселенцев и грузов «Россия»	38
Территория Ордена, База по приему переселенцев и грузов «Россия»	41
Территория Ордена, База по приему переселенцев и грузов «Россия»	45
Территория Ордена, База по приему переселенцев и грузов «Россия»	53
Территория Ордена, База по приему переселенцев и грузов «Россия»	54
Свободная территория под протекторатом Ордена, город Порто- Франко	64
Свободная территория под протекторатом Ордена, город Порто- Франко	69
Свободная территория под протекторатом Ордена, город Порто- Франко	72
Свободная территория под протекторатом Ордена, город Порто- Франко	82
Свободная территория под протекторатом Ордена, город Порто- Франко	86
Свободная территория под протекторатом Ордена, город Порто- Франко	89
Свободная территория под протекторатом Ордена, город Порто- Франко	93
Свободная территория под протекторатом Ордена, город Порто- Франко. 22-й год, 23-е число 5-го месяца, вторник, 20:50	94
Свободная территория под протекторатом Ордена, город Порто- Франко. 22-й год, 24-е число 5-го месяца, среда, 24:45	96
Свободная территория под протекторатом Ордена, город Порто- Франко. 22-й год, 25-е число 5-го месяца, четверг, 09:10	97
Территория Европейского Союза, отроги Меридианного хребта. 22-й год, 29-е число 5-го месяца, понедельник, 08:30	103
Территория Европейского Союза, отроги Меридианного хребта. 22-й год, 29-е число 5-го месяца, понедельник, 13:10	109
Суверенная Территория Техас, город Аламо. 22-й год, 31-е число 5-го месяца, среда, 14:00	113

Суверенная Территория Техас, город Аламо. 22-й год, 31-е число 5-го месяца, среда, 20:40	124
Суверенная Территория Техас, город Аламо. 22-й год, 32-е число 5-го месяца, четверг, 10:20	130
Суверенная Территория Техас, город Аламо. 22-й год, 32-е число 5-го месяца, четверг, 19:46	134
Суверенная Территория Техас, город Аламо. 22-й год, 33-е число 5-го месяца, пятница, 10:30	143
«Тойота Бандейранте»	145
Суверенная Территория Техас, Дорога, Западное направление. 22-й год, 33-е число 5-го месяца, пятница, 16:00	147
Суверенная Территория Техас, Дорога, Западное направление. 22-й год, 33-е число 5-го месяца, пятница, 25:00	151
Суверенная Территория Невада и Аризона, Дорога, Западное направление. 22-й год, 34-е число 5-го месяца, суббота, 07:31	154
Суверенная Территория Невада и Аризона, Дорога, Западное направление. 22-й год, 34-е число 5-го месяца, суббота, 12:45	155
Дорога, Западное направление. – Территория России, протекторат Москвы. Территория России, протекторат Русской Армии, Пункт постоянной дислокации РА. 22-й год, 31-е число 5-го месяца, вторник, 27:20	156
Территория России, протекторат Русской Армии, Пункт постоянной дислокации. 38-е число 5-го месяца, среда, 10:00	159
Территория России, протекторат Русской Армии, Пункт постоянной дислокации. 38-е число 5-го месяца, среда, 13:00	164
Территория России, протекторат Русской Армии, Пункт постоянной дислокации. 38-е число 5-го месяца, среда, 15:00	167
Территория России, протекторат Русской Армии, Пункт постоянной дислокации. 38-е число 5-го месяца, среда, 18:00	174
Территория России, протекторат Русской Армии, Пункт постоянной дислокации. 38-е число 5-го месяца, среда, 20:30	178
Территория России, протекторат Русской Армии, Пункт постоянной дислокации. 38-е число 5-го месяца, среда, 24:10	181
Территория России, протекторат Русской Армии, Пункт постоянной дислокации. 39-е число 5-го месяца, четверг, 08:55	184
Территория России, протекторат Русской Армии, Пункт постоянной дислокации. 39-е число 5-го месяца, четверг, 17:00	193
Территория России, протекторат Русской Армии, Пункт постоянной дислокации. 40-е число 5-го месяца, пятница, 23:00	197
Территория России, протекторат Русской Армии, Пункт постоянной дислокации. 5-е число 6-го месяца, среда, 08:00	200
Территория России, протекторат Русской Армии, окрестности г. Демидовска. 5-е число 6-го месяца, среда, 11:20	203
Скалистые горы, зона дислокации Первого батальона Кубинской армии. 5-е число 6-го месяца, среда, 16:40	205
Территория России, протекторат Русской Армии, Пункт постоянной дислокации. 6-е число 6-го месяца, четверг, 09:00	207
Территория России, протекторат Русской Армии, Пункт постоянной дислокации. 14-е число 6-го месяца, пятница, 09:00	210

Конец ознакомительного фрагмента.

211

Андрей Круз, Мария Круз

Земля лишних

© Круз А., Круз М., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Исход

Москва. 14 июня 2005 года, 16:53

Звонок мобильного был отключен, и аппарат запульсировал в нагрудном кармане моего пиджака в приступе вибрации, как попавший в паутину шмель. Чертыхнувшись, я выловил его оттуда, посмотрел на засветившийся экранчик, где мигала надпись «Zimin». Ага, давно не виделись, прямо соскучиться успел. Я ткнул большим пальцем в кнопку приема и поднес телефон к уху:

– Слушаю вас, Леонид Сергеевич.

Голос мой прозвучал не то чтобы очень вежливо – скорее напротив. Для вежливости поводов не было.

– Андрей Алексеевич, вы уже далеко отъехали? – донеслось из трубки.

– Нет, еще недалеко. А что? – слегка настороженно ответил я.

Продолжать процесс общения никак не хотелось. А ему, кажется, наоборот:

– Мы с вами сейчас могли бы снова встретиться?

Выматериться мне удалось совершенно беззвучно, и при этом я даже удержался, чтобы конкретно не послать собеседника по известному адресу. Выдержка!

– А мы недостаточно еще навстречались? – осторожно спросил я, переведя дух. – На мой взгляд, так на год вперед хватило общения.

Пообщались мы сегодня действительно здорово, причем совсем недавно. Только что, если уж быть точным. Общались не только с самим Зиминим, а с пришедшими с ним каким-то до невероятности молодым и мутным «важняком» из Центрального следственного управления, имени которого я так и не запомнил, и молодым мордатым юристом Федей, много хамившим и изображавшим из себя то ли генерального прокурора, то ли вора в законе. Разговор часто переходил на повышенные тона, Зимин тихо посмеивался и пытался навести порядок за столом, потому что юрист Федя, чувствуя себя в безопасности за двумя ментами, много кричал, угрожал, в конце концов сведя и без того непростой разговор к собственному бенефису. Стороны максимально откровенно обменялись мнениями друг о друге и разошлись в крайне озлобленном состоянии.

– Андрей Алексеевич, вы меня правильно поймите. – Тон Зимина был скорее извиняющимся. – Наш недавний разговор состоялся вообще и именно таким образом потому, что меня уполномочили организовать встречу представителей вашего кредитора и вас...

– А «важняк» кого представлял? – перебил я.

– «Важняк» был для важности, простите за каламбур, – усмехнулся Зимин. – Люди думают, что позвали «важняка», покричали как Федор – и деньги сами к ним пришли. Решили вопрос – что захотели, то поимели. Хотя таких, как Федор, все же к разговорам пускать нельзя. Молодой, глупый, понтов много. Я с вами немножко о другом хотел поговорить, менее... хм... портящем настроение. Найдете время для разговора наедине?

Ехал я домой, никаких больше планов не было. И что такое интересное может Зимин со мной обсуждать? С одной стороны, все его предложения послать хочется, но фактор любопытства... Однако я сделал вид, что задумался, и спросил в свою очередь:

– В часок уложимся?

– Думаю, что уложимся, – подтвердил он. – Собственно, у меня к вам предложение некое. Не понравится – то можем и в пять минут уложиться, понравится – сами решите, сколько посидим. Вы сейчас где территориально?

– На Маяковке, только что из тоннеля выехал в сторону Смоленской.

– Вы знаете пивную «Жигули» на Новом Арбате? Вы пиво пьете?

– Кто же не знает? – вздохнул я. – И кто пива не пьет?

Нелучший собутыльник, но все же... И до дома недалеко.

– Сможете через пятнадцать минут быть там, во втором зале? – спросил Зимин.

– Если у них места на парковке есть – то смогу, – прикинул я. – В крайнем случае, через двадцать.

– Я вас там ждать буду, слева от входа в зал, за одним из столиков. Увидите.

Я надавил на газ, выскочил в левый ряд и погнал в сторону Смоленской, на разворот. Потолкался на светофорах, пропетлял по арбатским переулкам. Места на «жигулевской» парковке были, прямо возле входа. Я сунул купюру в руку парнишке в черной форме, взял портфель с заднего сиденья и вошел в ресторан, мимо фотографии Леонида Ильича со товарищи, пьющими водку на охоте, и мимо гардероба.

Зимин, крепкий мужчина лет пятидесяти, с загорелым лицом и волосами, лишь немного тронутыми сединой, в белой рубашке и легких брюках, сидел за дальним столиком у стены в ближайшем от входа отсеке. Было еще рано, поэтому малоллюдно. Я подошел к столику.

– Присаживайтесь, Андрей Алексеевич, – сделал он приглашающий жест. – Я пива попросил, и к пиву чего-нибудь сообразить. Будете?

Я поставил портфель на стул, сам сел на соседний, расстегнул пиджак, повесил его на спинку стула, затем ослабил галстук. Жарко на улице, лето в Москве – отдельная история.

– Отчего не быть? Буду обязательно.

– Вот и хорошо, – кивнул он.

Как раз подошел официант, поставил на стол запотевший кувшин с пивом, тарелки с закусками, положил два меню. Зимин быстро и ловко налил пиво в кружки, поднял свою в приветственном жесте, кивнул мне – и выпил ее на треть буквально в два глотка.

Я тоже отпил холодного пива, поставил кружку на стол, всем своим видом показывая, что готов слушать.

– Мне надо поговорить с вами, Андрей Алексеевич, – заявил Зимин. – Без Федоров и прочих.

– Ну вот мы сейчас без прочих Федоров вроде, – обвел я рукой окружающую действительность. – Давайте поговорим.

Зимин еще хлебнул из кружки, затем сказал:

– Значит, так... я для начала попробую обрисовать ситуацию так, как я ее вижу. Может, я чего в ней и не понимаю, могу ведь и ошибаться, но определенное мнение у меня сложилось. Положение у вас сейчас почти безвыходное.

– Полагаете? – с некоторой иронией спросил я.

Это он или очень наивный, или неискренний. Другое дело, что выходы несколько радикальные...

– Полагаю, – подтвердил он. – Выход есть всегда, разумеется, я поэтому и сказал «почти», но вот именно хорошего выхода из ситуации нет – мирного, любовного, вы уж моему опыту поверьте. Все же я в милиции двадцать четыре года проработал, и в адвокатах уже три года. Другое дело, что я почти уверен, что кредиторы ваши с вас и рубля не получают. Хотя дело ваше подгребут наверняка, а вас из него вытолкнут.

– Почему вы так думаете?

С последним утверждением я, пожалуй, был согласен, все к тому и шло. Но уточнить не грех.

– А я таких людей, как вы, хорошо знаю, – усмехнулся собеседник. – Или за границу рванете, или станете опасно агрессивным, или еще что-то отчудите.

– Я что – бандит, по-вашему? – спросил я, подумав, что не может быть такого, что Зимин вытащил меня на разговор лишь для того, чтобы я разболтал ему свои планы на будущее.

Хотя, надо отдать должное, он почти угадал. Просто сдаваться я не собирался и варианты уже прикидывал разные. В том числе и с печальными последствиями для противника.

– Нет, не бандит, – усмехнулся Зимин. – Вы вполне уверенный в себе сорокалетний мужик, далеко уже не мальчик, у которого хватает и ума, и здоровья для того, чтобы не давать плясать у себя на голове фокстрот. Даже если бы у вас сейчас были те деньги, которые с вас тянут, вы бы их все равно не отдали, потому что долг ваш, тут ежу понятно, – искусственного происхождения. К тому же вы не обременены семьей, а компания ваша уже развалилась, так что на самом деле вас ничто не сдерживает. А кредиторы, или, как стало модно говорить – рейдеры, этого еще не поняли. Они делают сейчас глупость из глупостей – загоняют в угол и еще злят. Можно сильно пострадать.

– А что же вы так радуете за его выплату, если долг полагаете искусственным? – продолжал я выпрашивать.

– Что я говорю там, с теми людьми, и что говорю здесь – две большие разницы, как говорят в Одессе, – ответил Зимин, нимало не смущаясь моим ехидством. – Я наемный работник, агент. Там я на них работаю, потому что они меня наняли, и поэтому вынужден «радеть», как вы выразились.

Он еще раз с видимым удовольствием приложился к кружке, продолжил:

– Здесь, сейчас, за этим самым столом, я работаю на других людей, которым разборки между коррумпированным префектом, его зятем – бывшим прокурорским, дружкой – начальником БЭПа, всеми прочими и вами – в общем-то, до лампочки. Да и вы здесь не без греха.

– Конкретней насчет грехов, пожалуйста.

Не люблю я облыжных обвинений, даже если на самом деле они правдивы. А кто у нас без греха? Пусть тот и бросается камнями в кого ни попадя. А раз сказал «А», то говори уже и «Б».

– Захотелось вам перейти на качественно иной уровень, ввязались в авантюру, если честно, – сказал он, откинувшись на спинку стула и глядя мне прямо в глаза. – А на этом уровне другие правила, и тот, кто туда идет, должен иметь серьезную защиту и покровительство, чтобы его не съели. А вы пошли – и попали в заранее подготовленную ловушку. Ее же не специально для вас придумали, она там всегда стоит. Как капкан на тропе. – Зимин изобразил руками нечто, подобное смыкающимся челюстям.

Ну в этом он прав, предположим. Я в какой-то момент сам почувствовал, что успех в деле начал привлекать излишек внимания. Хотя бы всевозможные проверки вдруг зачастили без всякого видимого повода.

– Кто попал в него, тот и добыча, – продолжал Зимин. – И что в итоге? Вы своими деньгами оплатили проект и участок, так называемые инвесторы – мало того что отмыли краденое и взяточное, но еще и вас же обокрали, и вы же им еще должны остались. Деньги же прошли по кругу: они вам правой рукой дали, а вы им в левую заплатили. Их деньги вернули, да еще своих добавили. Неужели непонятно?

– Это понятно, – кивнул я. – Но понятно становится потом. Когда схема на поверхность лезет.

– А чтобы было сразу ясно, надо в такие дела под прикрытием ходить или хотя бы справки наводить всерьез, с кем дело имеете, – жестко сказал он. – А вы почти на авось. И на крючке оказались. А чтобы вы не дергались, вам сразу и дело уголовное, и проверки, и надо будет – и еще дело откроют, и еще. Отбивайтесь на здоровье, проводите время с пользой. Ни на что другое у вас его теперь не остается.

– Похоже на правду, – оставалось мне согласиться. Точнее нынешнюю ситуацию и не опишешь. Сам дурак, захотел выше головы попрыгать, а соломка не постелена. И упал больно.

– Естественно, потому что так и есть на самом деле, – добил он меня. – Жадные они, хотят все иметь. А вы ничего не докажете, нигде. По документам вы неправы. Местами... – он поморщился, покрутил руками, – сомнительно, местами натянуто, но наше следствие и суд вы

знаете, они глазки закроют, где нужно. И закончится по-любому плохо. Или они вас до тюрьмы доведут, или вам придется в другой стране с нуля начинать, или доведут до ручки, и вы на себя грех возьмете. Плохо все закончится.

– Почему?

Я понял, что он имеет в виду, но хотел, чтобы он сказал это сам.

– Мой опыт так подсказывает, – дипломатично ответил собеседник. – А еще опыт мне подсказывает, что в строительном бизнесе вы не совсем на своем месте. Здесь надо быть крученым, с гибким позвоночником, с кем надо – вежливым. В Москве строите, а здесь начальников – ух сколько! А вы? То правду-матку в глаза, то большого начальника к бениной маме посылаете. Потом начальник вам в отместку налоговую насылает... видите, как выходит? Давайте по глоточку, а потом я дальше вас порочить буду.

Я усмехнулся, мы чокнулись кружками.

– За горькую правду! – произнес я актуальный тост.

– Ага, именно, – кивнул Зимин, опустошив кружку до дна. – Да и живете вы все последние годы так, как будто это все временное. Ни семьи не завели, все сменяющиеся какие-то дамы, ни даже круга друзей из преуспевающего богатого окружения. Друзья-то все ваши из прошлого – армия, институт. Как будто не нравится вам настоящее ваше, нет в нем никого, с кем стоит дружить.

Опять подошел официант, спросил:

– Выбрали что-нибудь?

Я заказал у него картофельные зразы, Зимин – мясо. Официант ушел, я спросил у Зимина:

– Покопались в моей жизни немножко?

– Покопался, – кивнул он. – Вам бы тоже такую привычку полезно иметь. Если бы вы покопались в прошлом вашего инвестора, то узнали бы, кто он, поняли, что не стоит с ним связываться. И в такую ситуацию не попали бы наверняка. Они-то не впервые такой трюк провернули. Не зная броду... помните пословицу?

– Помню, – ответил я лаконично.

Что есть, то есть, надо бы заранее думать, чем потом так, как сейчас...

– Последние годы вы работали вполне успешно, – продолжал между тем Зимин. – Звезд с неба, может, и не хватало, но для человека с улицы, не зятя премьера или, скажем, не бойфренда президентской дочки – вполне успешно. По странам разным поболтались, тут заработали, там заработали, потом в Москве дело начали, тоже все в порядке было. Но при этом вы только недавно своей квартирой обзавелись, до этого все в съемных проживали. К светской жизни никаким боком. Максимка-то, зять префектовский, из клубов не вылезает, наслаждается жизнью. А вы как будто другой жизни ждете. Кстати, а зачем вы страны проживания столько раз меняли?

– Новая страна – новая жизнь, – ответил я, пожав плечами. – Я их как будто уже несколько прожил. А вы, кстати, психоаналитиком по совместительству не работали?

Зимин хмыкнул:

– Я не работаю, но с психоаналитиком вы уже пообщались.

– Это где же? – удивился я.

– А мужичка командировочного из Питера не помните? Почти напротив, в пабе «Молли Гвинз»? Тот, который почти случайно к вам за столик подсел? Вспоминаете?

– Ах во-о-от как! – протянул я. – Получается, что вы уже с месяц вокруг меня хороводы водите?

– Даже немножко больше, – ответил Зимин, подумав секунду. – Почти полтора.

– И зачем это вам? – насторожился я.

– Предложение некое вам сделать. Давайте налью еще – и расскажу.

Зимин опять аккуратно, без пены, наполнил кружки пивом, поднял свою со стола и сделал ею приветственный жест в мою сторону:

– Давайте, будем здоровы.

Я молча кивнул и отпил из кружки.

– Значит, для начала я кратенько оглашу мнение Семена Борисовича, психоаналитика нашего питерского. Интересно?

– Он и вправду из Питера? – уточнил я.

– Правда, – подтвердил Зимин. – Решили не рисковать, из другого города человека позвали. Вы внимательный, питерское произношение от московского отличите. Да еще и «бординеры-поребрики», «подъезды-парадные»... москвич мог бы проколоться. А нужно было, чтобы вы поверили, что человек приезжий, через пару часов навсегда исчезнет с вашего горизонта.

Я хорошо помнил питерского Семена Борисовича, интеллигентного мужичка в очках и с густыми усами, который должен был кого-то встретить в английском пабе на Новом Арбате, но не встретил, и кому надо было провести пару часов до отъезда на вокзал. Он легко вызвал на разговор меня, сидевшего после очередного визита очередной проверки в поганейшем настроении и зашедшего перекусить и выпить туда, куда я всегда хожу обедать. И этому незнакомому человеку я выложил многое такое, чего никогда не рассказал бы никому из знакомых. Так бывают откровенны соседи по купе в поездах дальнего следования, которые живут вместе в замкнутом пространстве, что располагает к открытости, но поезд приходит на станцию, они прощаются и расходятся, чтобы уже никогда не увидеться.

– И сказал наш многомудрый Семен Борисович, что вы – человек, этому миру не принадлежащий. Каково, а? – Зимин даже паузу выдержал, чтобы убедиться во впечатлении. – Сосед вы просто с этим миром, Андрей Алексеевич. Вот зачем вы, например, каждые выходные носитесь на стрельбище? Тратите при этом немалые деньги на патроны, стреляете часами из всего. Зачем?

– Ну мало ли? – пожал я плечами. – Разные проблемы в жизни случаются.

– Андрей Алексеевич, – засмеялся Зимин. – Даже если вы ваших жуликоватых кредиторов все же решите перестрелять, вам такое умение вовсе не нужно, хватит и гораздо меньшего. О вас на стрельбище чуть не легенды слагают, даже проверяли вас тайно люди из органов – не террорист ли, часом? К тому же проблемам вашим с полгода всего, а вы в Кубинке лет пять уже как пропадаете.

– Вы в курсе, что я раньше пулевой стрельбой занимался, первый разряд имел? – спросил я.

– Знаю, – ответил Зимин. – И знаю, что в Афганистане были снайпером. Не Зайцевым, конечно, но две награды имеете. И все же?

Я пожал плечами. Зачем все во всем ищут какую-то причину? Попробую объяснить:

– Мне просто стрелять нравится. Соревнование с самим собой. Как гольф, например. Или даже бильярд. Вчера так, а сегодня лучше – нет предела совершенству. И способ отвлечься от забот прекрасный.

– Возможно, – согласился Зимин. – Но вот Семен Борисович утверждает, что вы мечтаете о другой жизни – и подсознательно себя к этому готовите, на всякий случай. Что вам на Диком Западе самое место, там бы вы были как рыба в воде. Надеяться только на себя и свой «кольт», мало людей, много земли, кругом опасность, индейцы всякие с бизонами, новые земли...

– Неплохо было бы, но я все же немножко реалист, – пожал я плечами на такое заявление. – По крайней мере надеюсь, что еще остаюсь таковым.

– Еще скажу кое-что, только вы мне сразу морду не бейте, – сдержанно улыбнулся он. – Обещаете?

Не люблю обещать ничего втемную, но любопытно. В конце концов, про обещание и забыть можно – тоже способ.

– Хорошо, обещаю, – кивнул я.

– Я у вас в квартире был, вместе с Семеном Борисовичем, – сказал Зимин и замолчал.

– Вот как даже? – помолчал я, глядя на него. – Хорошо, про морду я обещал.

– Вы худого не подумайте, компромат, деньги или ценности мы у вас не искали, – поднял он руки в жесте «сдаюсь». – Даже не копались нигде. Зашли, посмотрели и вышли, ничего не трогали. Посмотрели просто книги на полках, диски с фильмами, обстановку.

– И?.. – подтолкнул я его к продолжению.

Пусть уж выскажется, надоел со своими драматическими паузами.

– Семен Борисович укрепился в своем мнении, – высказался Зимин. – Человек с деньгами, а мебель по минимуму, из «Икеа», сам привез, сам собрал. Причем подбор такой: удобно смотреть кино, сидеть за компьютером, слушать музыку и спать с женщиной. И все. Ни попыток произвести впечатление, ни приемы светские устраивать. Да и размер квартиры не для приемов... место хорошее, но квартира на одного, без перспектив увеличения численности населения. Пусть и не маломерка, но и не большая. Не хоромы.

Довольно точное описание, по-другому и не скажешь.

– Скорее берлога, – усмехнулся я. – И самому убирать недолго.

– А приходящая горничная? Недорого для вас ведь, по недавним временам? – задал он вопрос.

– Не люблю посторонних дома. Берлога все же.

– Именно! – Он даже ладонью по столу пристукнул. – Машина у вас какая? «Форестер» с турбиной?

– Он самый. Два с половиной литра.

Зимин замолчал – к столу подошел официант с подносом. Молча расставил тарелки, затем пожелал приятного аппетита и удалился. Зимин окликнул его:

– Нам пивка еще кувшинчик!

Официант кивнул, пошел в сторону бара.

– Так вот, о машине... Люди с вашими средствами ездят на машине подороже, посolidней. Чтобы доказать ею что-то окружающим. А у вас другое – быстрая и на все случаи жизни. Не дешевая, но и не дорогая. И в грязь, и в снег, на работу и на рыбалку. Тоже похоже, что машина «на всякий случай», как и стрельба ваша в Кубинке. Единственное, что удивило лично меня, не вписалось, – костюмы у вас дорогие. Пошиты в Лондоне, настоящими портными, на какой-то там улице, забыл на какой...

– Сэвил-Роу.

– Да, да, – закивал он. – На этой самой. Но наш психоаналитик сказал, что это от желания добротности и качества, причем не только в своем внешнем виде. Было бы на показ – вы бы «Армани» носили. А так вы просто обстоятельный – очень распространенная черта для стрелков, с его слов. Он как раз о чем-то таком диссертацию писал. И часы с обувью у вас дорогие, но это от правила, что вы можете быть одеты как угодно, но именно часы и обувь выдадут в вас человека состоятельного. А так вроде и маскируетесь.

Об этом я раньше не задумывался. Все недосуг было самоанализом заняться. А тут вот как разложили: все подспудные желания на свет вытащили, можно сказать.

– Возможно, – пожал я плечами. – Это и для работы необходимо. И к чему это все, что вы мне здесь рассказали?

– К чему... – Зимин задумался. – Сейчас расскажу к чему. Вам никогда не хотелось на самом деле всю эту суетную жизнь бросить и уехать куда-нибудь к чертовой матери, на острова в океане или, скажем, на тот же Дикий Запад? Свое мнение я уже высказал, хотелось бы теперь от вас услышать.

Я отпил из кружки, поставил ее на стол, покрутил. Подумал, затем сказал:

– Допустим.

– Что именно «допустим»? – спросил он. – Скажите прямо, пожалуйста. Это важно, чтобы вы это произнесли вслух, не заставляли толковать ваши ответы.

– Хотелось бы, если была бы такая возможность, – медленно, чуть не по слогам, ответил я.

– Возможность есть. Я серьезно! Мне не двенадцать лет, чтобы здесь такие шутки шутить, – добавил Зимин, увидев мою ехидную ухмылку.

– Рассказывайте, – махнул я рукой.

– Я вам сейчас в общих чертах изложу саму идею, потом вы можете задать мне любые вопросы. На многие из них я отвечу, на некоторые – не смогу, на некоторые отвечать не имею права. Договорились?

Вид у него и вправду был серьезный. Странно.

– Продолжайте, – вздохнул я.

Зимин вновь отдал должное пиву, заговорил:

– Я, с вашего позволения, вербовщик. Работаю я на некую серьезную международную организацию, название и цели которой вам знать не нужно, да и не влияет это ни на что. Коммерческую организацию, фонд. Организация ищет таких людей, как вы: энергичных, желающих круто изменить свою жизнь по тем или иным причинам. У вас есть желание, есть причины и есть проблема, которая все равно заставит вас ее менять, но уже менее упорядоченным путем.

– Вам это зачем? – уточнил я.

Что бы он ни сказал дальше, не так важно, но начинать нужно именно с этого. Зачем ему?

– Я же вербовщик, как уже сказал, – повторил он. – Я зарабатываю на жизнь.

Мотив достойный, кто бы спорил.

– А ваши партнеры и мои инвесторы как сочетаются?

Зимин усмехнулся:

– Партнеры-кредиторы и так уже обожрались, дальше некуда. Поэтому они не сочетаются. Жулье они, и беспокоиться о них мне даже вовсе неинтересно: допрыгаются рано или поздно, губит жадность фраеров. Лично мне вы симпатичны, а поскольку я могу заработать на вас, то лучше я прокину тех партнеров, а вам помогу.

– Как именно? – уточнил я. – В смысле как именно заработаете? И чем поможете?

Официант принес кувшин с пивом, поставил его перед нами. К кувшину никто не приронулся, я молча смотрел на Зимина.

– У вас остались некоторые ценности, – сказал он. – Квартира у вас дорогая довольно-таки, для такой-то площади. Мы прикинули, рыночная цена ее сейчас – около шестисот пятидесяти тысяч долларов. Вы знаете рынок, скажите – так это?

– Да, примерно, – подтвердил я. – Дальше что?

Зимин достал из-под своего стула пухлый портфель из коричневой кожи, открыл его. Вытащил оттуда плоский пакет из оберточной бумаги, перемотанный скотчем, положил перед собой, придавив к столу руками.

– Здесь четыреста пятьдесят тысяч долларов, – сказал он. – Я отдам их вам прямо сейчас, если вы примете мое предложение. Это цена вашей квартиры минус мои комиссионные, минус скидка за срочность продажи, минус то, что все оформление купли-продажи и дальнейшей перепродажи – мои проблемы. Мне даже доверенность от вас не нужна. Если вы примете мое предложение – просто отдадите мне ключи перед отъездом.

– Не бойтесь, что продинамлю?

– Нет, конечно, – покачал он головой. – Я играю в открытую. У вас будет три дня, чтобы подготовиться, не знаю... отметить отъезд, или что там вам еще может понадобиться. Через три дня я буду вас ждать в месте, о котором скажу после. Если вас не будет – вас станут искать ваши кредиторы, менты, кто угодно, и мы им будем помогать. Лишние проблемы для вас. Если

же вы сейчас начнете сами продавать свою квартиру – скорее всего, не успеете. Наложат арест на имущество, останетесь без денег. А я не только деньги предлагаю, но и другую помощь.

Ну что, позиция изложена достаточно четко для того, чтобы вызвать внимание. Продолжим.

– Хорошо, давайте к сути предложения, – сказал я.

– Вам граммов пятьдесят выпить не надо предварительно? – неожиданно усмехнулся он. – А то после моего рассказа может всякое случиться. Скорую психиатрическую мне вызывать начнете или еще что.

– Не надо, – покачал я головой. – Я не скептик и не легковерный. Верю в то, что вижу, или в то, что мне докажут. Докажете, что вы не пургу гоните, – поверю, и никакой «Скорой» не будет.

– Прагматичный подход, – заулыбался он шире. – Итак, перехожу к сути. Я предлагаю вам перебраться в другой мир. Малонаселенный, живущий по законам почти что Дикого Запада. Мир очень далекий, из которого сюда, обратно, хода нет. Система ниппель – туда дуй, а оттуда – гм... ничего, в общем. Поэтому я и предлагаю деньги вперед – чтобы вы не думали, что вас просто банально хотят замочить за квартиру, за оставшееся у вас имущество. Поэтому и не требуем доверенностей и прочего. Поэтому поможем превратить эти деньги или их часть, какую сами выберете, в то, что полезно в том мире, но не слишком ценно в этом. Это жест доверия и приглашение к доверию.

– Вы сколько на этом заработаете? – уточнил я.

Зимин задумался, затем ответил:

– Около восьмидесяти тысяч. Немножко больше. Остаток уйдет на расходы по оформлению и в организацию.

Я задумался. За восемьдесят тысяч люди способны совершить многое, в том числе и сменить сторону. Логика не нарушена, послушаем дальше.

– Организация тоже зарабатывает?

– Нет, – покачал он головой. – У них денег более чем хватает – не их масштаб. Но вы не единственный переселенец. Кроме таких, как вы, есть люди бедные. Им даются подъемные на начало новой жизни. Не знаю сколько, но я точно знаю, что вы финансируете переселение еще нескольких человек.

– Хорошо, допустим, я немного вам верю, – медленно кивнул я. – Что за мир такой?

– Смешно, но толком никто не знает. Даже те, кто его открыл, – усмехнулся он. – Проход получился в процессе какого-то научного эксперимента лет двадцать назад. Затем туда начали переселяться люди. Сейчас там несколько миллионов. Живут пока в пределах одного полуострова, кажется.

– Миллионы исчезли отсюда – и никто не заметил? – с недоверием переспросил я.

– Не только русские: там весь мир представлен. Не во всех странах принято интересоваться судьбой пропавших, да и туда по-разному попадали, вовсе не обязательно пропадали без вести. Меняли место жительства, меняли работу, ехали в длительные командировки, вроде как на север или в другую страну. Вы на языках говорите?

Я кивнул, сказал:

– Английский свободно и испанский не хуже. Вы там были?

– Нет, обратного хода сюда нет. Был бы я там – с вами сейчас не сидел, там бы и остался. Но есть связь. Дорогая, не частая, но информация оттуда поступает. Оттуда туда идет товар, его здесь оплачивают. Фонд, на который я работаю, заинтересован в развитии. И, насколько я понимаю, не только он, есть еще инвесторы.

– А в чем их интерес, что они платят? – спросил я.

– Не знаю, если честно, – покачал он головой. – Может, себе базу готовят, может, рассчитывают на обратную связь, может, что другое.

– Понятно, – сказал я, хоть ничего не было понятно.

– Еще отсюда едут поселенцы, – продолжил Зимин. – Еще там есть океан, есть степи, горы, джунгли, хищники. Много хищников, и все они жуть какие злые. Есть люди, иногда враждующие друг с другом. Зато для вас там будет рай – никакой Кубинки не надо. Хоть на танке катайся, если денег хватит купить.

Я задумался. Глубоко. Затем сам разлил пиво по опустевшим кружкам. Понял, что поймал себя уже на дружественном жесте.

– И кто туда еще едет? – спросил я.

– Этого я не скажу, – решительно заявил он. – Не имею права. Люди едут. Со всего мира. Расселяются компактно, по этническому признаку, насколько мне известно. Да больше ничего и не знаю, если честно.

Опять приложившись к кружке с пивом, я задал следующий вопрос:

– Вы говорили о какой-то помощи?

– Само собой, – кивнул он и вроде как даже придвинул ко мне сверток с деньгами. – У вас будет три дня. Полных дня, то есть даже больше трех дней получается у вас. Три полных дня и две половинки. В субботу в полдень вы должны будете встретиться со мной и уехать. Навсегда. Я обещаю, что за эти три дня вас никто не побеспокоит – ни менты, ни кредиторы. Я сам вас прикрывать буду, отгонять всех. Если кто-то к вам подлезет – звоните сразу же мне, и я все разрулю. Собирайтесь, отдыхайте. Машину вам стоит поменять, кстати.

– Туда на машине можно? – удивился я.

Лично мне представилось что-то вроде космического корабля. Захмелел, наверное.

– С машиной, – кивнул он. – Если хотите, конечно. Это вроде телепортации, и можно здоровые всякие штуки туда посылать. Машина – не предельный размер. Строительную технику даже засылают. Вагоны железнодорожные.

– Зачем ее менять? – спросил я. – Машину в смысле?

– Там дороги пока не очень, – ответил он. – Как в российской глубинке, пожалуй. И еще кое-какая специфика – бывает, что и постреливают. Поэтому, на мой взгляд, лучше «уазика» ничего нет. Его чинить легко, хотя и часто приходится. Или что-то вроде «дефендера», или старых «японцев». Джипы или пикапы. Главное – электроники поменьше. А слесарный ремонт там делают, и запчасти есть, по сведениям. Проблема с ремонтом электроники и подобного. И там обойдется вам раза в два дороже, чем здесь.

– Стреляют? А как насчет оружия? – спросил я.

– Там все купите, что хотите. Не проблема. И свой «парабеллум» прихватите, если хотите, – ехидно улыбнулся Зимин. – Откуда он у вас, кстати, если не секрет?

– От деда остался, с войны, – вздохнул я. – А говорили, что не шарились нигде.

– Он у вас почти на виду лежит, – чуть укоризненно сказал Зимин. – Как новенький, кстати.

– А он и есть новенький. Дед его в разведке с офицера снял, и сам стрелял раз десять. Так и лежал дома у нас. Ну и я пострелял несколько раз.

– А патроны-то где брали? Их у нас не достать небось? – удивился Зимин.

– Шутите, Леонид Сергеевич? – удивился я в свою очередь. – Давно уже выпускают. И Климовск, и Тула. У нас же теперь «Грач» армейский, пистолет под парабеллумовский патрон. И автоматы под него есть, «Бизон» тот же... под парабеллумовский тоже есть модификация, я сам стрелял. «Бизон два – ноль пять» называется, как мне помнится.

– Вот как, – удивленно поднял он брови. – Отстал я. Пока служил – был «макаров», а теперь все, ничего не знаю. Ну вот и возьмите его с собой тоже. Да и вам, наверное, спокойней с ним будет. Вы же ныряльщик? Дайвер вроде как? Тогда и оборудование возьмите – как знать. Там океан. Посудины какие-то имеются у людей. Точно могу сказать, что – одеждой запаситесь поудобней, как для охоты или войны. Все же экстремальные условия, а там, по слухам, нор-

мальную пока не шьют. А все, что отсюда идет, – там втридорога. В общем, все, что в машину влезет и бросить жалко, – берите. Только не перегружайтесь – дороги поганые, больше направления одни. Вот насчет качества дорог мне точно известно, что их там нет. Много раз говорили.

Зимин опять полез в портфель, достал папку, в которой был один лист бумаги с отпечатанным на принтере текстом:

– Здесь вот адреса вам и контактные телефоны. В виде пароля мою визитку показывайте. Вот здесь, на Березовой аллее, – он потыкал пальцем в первую строчку, – машинами торгуют. Хозяина зовут Игорь, очень толковый парень. Может вашу оценить и быстро выкупить, без волокиты. Взамен у него подберете что вам надо. У него и «уазики», и иномарки. Даже «тигр» газовский недавно был, но уже уехал. Кому понадобился? «Хаммер» тоже у него видел.

– А с топливом там как? – уточнил я.

– Топливо есть, и недорого, говорят, только качество так себе. Поэтому лучше или дизелек, или бензиновый мотор попроще. У Игоря выбор всегда неплохой. Цены он задирает, но зато может машину подготовить, как туда нужно, на Новую Землю. Добавит чего нужно, усилит, подварит.

Увидев мой удивленный взгляд, пояснил:

– Не нашу Новую Землю – мир этот мы так называем. Только там жарко, в отличие от нашей.

– А вообще климат какой?

Так незаметно для самого себя я перешел к вопросам.

– Летом сухо и жарко, зимой прохладней – и мокро. Как в африканской саванне. Не бывали?

– Бывал.

– Ну видите как, даже там вы бывали, а я дальше Сочи – никуда, – вздохнул он. – Зимой градусов до десяти-двенадцати температура падает. Изредка. Как мне рассказывали. Так с одеждой и рассчитывайте. Кстати, об одежде.

Он снова подтащил к себе листок, ткнул пальцем во второй абзац:

– Это магазин для рыболова и охотника. Подойдете к менеджеру, зовут Ильей, тут написано. Там вам скидку небольшую сделают, а самое главное – у него в подсобке можно набрать отличной военной и полувоенной справки. И нашей, и натовской. Камуфляж, разгрузки, обувь, носки, перчатки, очки... что угодно, в общем. Плюс все для туристов, но это уже в зале. Хороший выбор радиостанций. В общем, уделите внимание – может пригодиться.

Зимин покрутил головой, поискал глазами официанта, махнул ему рукой. Тот подошел, встал у стола. Зимин посмотрел на меня:

– Андрей Алексеевич, по полтинничку все же, а?

– На пиво-то? – удивился я заявлению вроде грамотного человека.

– Так мы же в сторону повышения градусности, все в рамках правил, – успокоил он меня. – Градус снижать нельзя, во избежание последствий, а повышать только рекомендуется.

– Да напиваться неохота, – поморщился я. – Дел еще, если договоримся... Машину с учета и на учет и прочее...

Зимин отмахнулся рукой:

– Андре-е-ей Алексеевич... На сей счет не волнуйтесь, я все объясню. В момент справитесь, никакой возни.

Уговорил. Точно уговорил.

– Ладно, давайте по соточке, все равно ведь полтинничком не ограничимся, – ответил я.

– Ну вот и ладно, – обрадовался Зимин и повернулся к официанту: – Так, давайте нам... «Русский Стандарт» есть?

– Разумеется, – солидно кивнул тот.

– Триста «стандарта» и грибочков там соленых, и еще чего... такого же.

При этом он изобразил некий странный жест руками, но официант его понял. Они всегда такие жесты понимают.

– Давайте большую тарелку солений наберем вам? – предложил официант.

– Ага, давайте, – обрадовался Зимин.

Официант опять ушел, а мой визави повернулся ко мне:

– Андрей Алексеевич, машину вы свою так отдайте, с номерами. Игорь потом сам все сделает. Доверенность не нужна, потому что вы все равно с Новой Земли липовую опротестовать не сможете. А деньги уже у вас будут. Взаимная гарантия, так сказать. А ставить на учет... Смеетесь? Кому ТАМ какой учет нужен? Хоть краденую везите. Вам по Москве и ехать-то надо будет минуту или меньше. И гаишников там не было и не будет.

– А если будет? – спросил я уже из чистого упрямства.

– Не будет, поверьте уж, нам они в этом месте совсем не нужны, – спокойно ответил Зимин. – К тому же, как мне кажется, у Игоря и машины-то все краденые. «Страховочный» вариант или что-то в этом духе. Но вы не берите в голову, на этой части пути безопасность гарантируем.

Я хмыкнул, затем спросил:

– А где не гарантируете?

– За «воротами». Дальше вы сами, я даже толком и не знаю, как там. Знаю только, что кто-то вас встретит и объяснит, что надо.

– Хорошо бы, – вздохнул я в задумчивости. – Надеюсь, хоть не в степь выкинет? Или в море?

– Нет, в степь не выкидывает, – усмехнулся он. – И в море тоже. Ворота, говорят, тоже в обслуживании нуждаются с той стороны. Точнее – там другие ворота, и с ними тоже люди работают.

– С этим понятно. Еще что-нибудь?

– А вот выпьете со мной чуток – я вам самое главное расскажу.

Пришел официант, мы выпили, потом еще, наконец Зимин снова заговорил о деле:

– Теперь, Андрей Алексеевич, самое главное. Это я уже говорить не должен, если честно, но и прямого указания не говорить у меня тоже нет. Так что скажу – деньги там другие. Золотой эквивалент. Менять наши деньги лучше здесь, и тоже на золото. Там их принимают, но по убогому курсу, в два раза заниженному, поскольку не нужны.

– А почему принимают? – уточнил я.

– Под будущее, – ответил Зимин. – Вроде бы надеются открыть обратный проход и вернуть их в оборот.

– Тогда продолжайте, – подбодрил я его. – Еще какой-то бизнес?

– Вы догадливы, – усмехнулся он. – Помогу вам обменять доллары на золото. Здесь, в Москве. Курс в мою пользу, конечно, но по-божески. И такого количества золота быстро вам все равно никто не найдет.

Смешно, но именно в этот момент я ему вроде поверил. Так старательно обдирают тех клиентов, кого кидать не намерены. Если тебя собираются обобрать, то как раз все в твою пользу.

– Спасибо за совет, – поклонился я.

– И теперь последнее, потом уж просто посидим да выпьем. Я вам завтра позвоню днем, часа в два, скажем. И вы мне озвучите ваше окончательное решение. Если решите остаться – тогда просто верните деньги, а этого разговора не было. Стол с меня. А если продолжаем игру – тогда... милости просим, наверное.

Москва. 14 июня 2005 года, 23:15

Я, слегка пьяный, сидел у себя на кухне за барной стойкой с бокалом коньяка и пытался переварить сказанное Зиминим. Если честно, то я был согласен ехать туда, куда он меня звал, на сто процентов. При условии, что это правда. Начать новую жизнь, зависеть только от себя, стряхнуть все проблемы одним махом. Что меня здесь держит? Ничего. Совсем ничего. Все равно фирму развалили, народ поувольнялся, работа встала уже месяца три назад. Осталась только драка без надежды на успех и именно те выходы, о которых вчера говорил Зимин. А так... ни семьи у меня, ни детей, да и друзей близких почти нет.

Деньги из вскрытого пакета лежали передо мной. Я даже заехал к одному знакомому в обменный пункт по пути, проверил. Все в порядке, четыреста пятьдесят «косых», как из пушки, не очередной разводняк – мол, «мы тебе давали настоящие, а ты нам фуфло возвращаешь». В чем еще может быть подвох? Грохнуть меня за квартиру и продать ее? Тогда деньги проще пообещать в последний момент – мало ли на какую фигню я их успею растратить? И доверенности подготовить заранее: мол, в последний момент на деньги обменяешь. А тут вперед отдали, вроде как доверие продемонстрировали. И никакой бумажной волокиты.

Нет, ежу понятно, что карманный нотариус любые нарисует, но зачем такой огород-то городить, себе жизнь усложнять? Не за годовалый же «форестер»? Ну хорошая машина, мне нравится, только одной из причин покупки ее была еще и неугоняемость марки. Угонщики другие любят, подороже. Взять меня со стволом на улице? Так проще было с обыском заявиться на дом, про ствол-то они уже знали давно. К тому же ствол у меня был не один. Хотя вру, это нелегальный. Есть еще самозарядный дробовик «ФН», но он легальный, из магазина. Все равно не то.

Как ни думал – ни до чего не додумался. Решил – хрен с ним, займусь подготовкой, буду бдителен. Если пойдет что не так в субботу – открою огонь из всех стволов, если дадут, и будь что будет.

С этим и завалился спать. С этим, и с этой... Леной ее звали, неделю назад познакомились, и она явно уже строила планы на будущее совместное счастье. Только это вряд ли. Я коньяк допил, а она из ванной вышла, в полотенце завернутая. Я едва успел пакет с деньгами убрать в стол.

Москва. 15 июня 2005 года, 10:15

Отправив эту самую Лену с утра домой, или куда там ей надо, я приступил к сборам. Начать я решил с ревизии того, что имел сам. В последние пару лет я увлекся рыбалкой – не поскупился, накопил хороших вещей для выхода на природу. Прекрасная канадская многослойная куртка, которую можно было превращать из легкой курточкой с раскраской в лесной камуфляж – до зимней парки, которую никакой мороз не брал. Отличные серые, канадские же, «тактические» брюки, с множеством карманов, из плотной, почти не рвущейся ткани. Высокие охотничьи ботинки из добротного нубука, водостойчивые, с мощной подошвой. Прекрасная камуфляжная панама, тоже «лес». Шапочка-маска, «лес», камуфляж. Если на ветру холодном сидеть с удочкой, то очень полезной бывала. Пара крепких рюкзаков, побольше и поменьше, «дневной» и «трехдневный».

Кроссовки. Три пары, в меру разношены. В Афганистане мы носили их всегда, если только командование не начинало гонения на подобное нарушение уставной формы одежды. И еще ботинки «вибрамы» для туризма. При определенных условиях удобней любых берцев. Все спортивные носки, тренировочные костюмы, хлопчатобумажные майки. Джинсы – тоже все, которые целые.

Две пары отличных очков ESS со сменными светофильтрами. Хоть от солнца, хоть от тумана, хоть от бликов – поляризованные. Одни обычные, другие – на ремешке, противопылевые заодно, прилегающие к лицу, с вентиляцией.

Гидрокостюма два – три и пять миллиметров в толщину, маски – тоже две, ласты, регуляторы, компенсаторы плавучести, все-все и даже балласт. Все – в специальную сумку.

Куча барахла росла на глазах. Подумал, что в случае «затоваривания» лучше потом выкину лишнее, чем сейчас нужное забуду.

Ноутбук!!! Конечно же! Где есть топливо – там есть хотя бы дизеля. Где есть дизеля – есть электричество. Пригодится. Беру! Что еще?..

Москва. 15 июня 2005 года, 12:46

Немного ошалевший от домашних сборов, отъехал от дома. Пункт первый – автоторговец Игорь. С машиной лучше сразу разобраться, чтобы понять, сколько барахла брать с собой. В «форестер» мой, с разложенными задними сиденьями, целая прорва влезала, но что теперь возьму? «УАЗ» брать не хотелось – еще в армии посмотрелся, как водилы с ними... мучились, в общем. Механик из меня посредственный, ремонт редуктора моста своими силами в степи проводить – никакого желания. Ладно, посмотрим, что нам предложат.

Нужное место на Березовой аллее нашел сразу. Металлические ворота с домофоном, за ними – склад, двухэтажный кирпичный домик и площадка со стоящими кое-как автомобилями.

Позвонил в ворота, спросил Игоря. Какой-то мужик в промасленном комбинезоне открыл ворота, махнул рукой – проезжай, мол. Заехал, встал. Спросил у мужика, где найти Игоря. «Щас позову», – ответил тот и ушел в дом.

Игорь оказался молодым парнем, темноволосым и стриженным под ноль, лет двадцати пяти, в таком же синем комбинезоне, как и у давешнего мужика, только чистом.

– Я от Зимина, – сказал я, протягивая его визитку.

Игорь глянул на нее, кивнул:

– Я так и понял. Он предупреждал.

Он посмотрел на «форестер», подошел поближе. Заглянул вниз, влез в салон, вылез, поводит пальцем по зазорам кузова, снова влез, завел, заглушил.

– Вроде нормально все. Сейчас Саныч ее посмотрит – и о цене поговорим. Хотя по моим прикидкам – двадцать две.

– Игорец, ты чего? – удивился я. – Машине год, ей цена сороковка.

– Ну значит, можешь ее за тридцатник с чем-то в салоне выставить, – пожал он плечами. – Тебе же срочно надо? И без переоформления, даже без доверенности? Так? К тому же мне надо успеть тебе еще машину подготовить. И ты же еще на ней пока и ездить будешь. Отдашь в последний момент, хрен его знает, что ты за это время с ней сделаешь. Ну двадцать три, ладно.

– Двадцать семь.

Он покачал головой, вздохнул, сказал:

– Даю двадцать четыре – и все. Или сам продавай. Я серьезно.

Я подумал. Тут вся жизнь наизнанку выворачивается – что лишняя пара тысяч меняет?

– Ладно, – сказал. – По рукам. Грабь, чего уж там.

– Ну и ладно, раз ладно, – легко согласился он. – Пошли мой автопарк смотреть.

Я пошел за ним следом к воротам склада – высоким, грубо сляпанным, крашенным зеленой краской.

– На улице у меня только для общего пользования стоят, в складе – подготовленные, – попутно просвещал меня Игорь. – И сервис маленький у нас там.

Игорь отпер ключом дверь в воротах склада, мы вошли внутрь. Я огляделся. Внутри склад был в два раза меньше, чем снаружи. В смысле, делился глухой стеной пополам. Одна из половин как раз и была Игоревой территорией. Мощный подъемник, шиномонтажный стенд, верстаки, инструменты, даже покрасочная камера в металлическом гараже, установленном в дальнем конце склада.

– Видал? Не техцентр, но делаем все, – сказал он с гордостью, демонстрируя свои владения. – Причем не только для вашего брата, но и для стрит-рейсинга, любителей внедорожного экстрима и чего угодно.

– Нашего брата? – удивился я. – Это какого?

– Да переселенца. Я в курсе. – Он усмехнулся: – Да ты не напрягайся, я всю жизнь с вами работаю. Высший допуск, так сказать. Ты машинки посмотри.

Вдоль стены склада стояли в рядок, вполоборота к воротам, шесть машин. Два «УАЗа», оба со снятым верхом, «ниссан патрол» предыдущего поколения, шестьдесят первая модель, с угловатым кузовом, джип «рэнглер», пикап «мазда», и последней в ряду стояла большая песчаной окраски машина знакомого вида, какие мне довелось видеть еще в те времена, когда я жил далеко от России, в жарких странах. К нам такие не заезжали сюда...

– Погоди... Это же «семиспятка»? – поразился я. – Ты где ее добыл?

– В Грузии, – усмехнулся Игорь. – Там на них всякие ООН, Красный Крест и прочие катаются. Иногда такие машины падают в пропасть. Горы, понимаешь... и даже не увидишь на дне ущелья ее остатки. Или украдут, например.

Он похлопал здоровый внедорожник по крылу. Я открыл водительскую дверь, заглянул внутрь. Даже не думал, что я такую машину здесь увижу. Их еще «труп карриер» зовут – «войсковой транспорт». Здоровая семиместная машина, которая бывает и одиннадцатиместной. Всего три двери, влезать в салон через заднюю распашную надо или через две передние. Недавно покрашена явно, хоть сама и не новая. И покрашена потому, голову на отсечение, что раньше была белой и с эмблемами во весь борт. И было там что-то вроде ООН написано, или, скажем, ОБСЕ. Или красный крест был нарисован. Кто еще на таких ездит?

Обивка всего салона – моющийся винил, руль и приборная панель простые, как мычание, багажник гигантский, да еще и на крыше дополнительный, с лесенкой сзади. Подключаемый полный привод со всеми блокировками, все просто и кондово. Сбоку труба-шнорхель с «грибной шляпкой» сверху. Класс.

– Четыре и два литра, безнаддувный дизель? – уточнил я на всякий случай с замиранием сердца.

– Именно! – кивнул Игорь. – Сто сил. Соображаешь! А все от нее морду воротят – мол, дубовая и дохлая, а ведь вечная машина.

Это верно, недаром во всяких трудных местах те, кому по работе положено в грязь и в горы, именно на таких и ездят. Для знающего человека такую в Москве найти – это как алмаз купить по дешевке. «Кохинор», не меньше.

– А пробег? – спросил я, заглядывая в салон.

– Чуть больше семидесяти тысяч. Мечта.

Я с недоверием посмотрел на него. Он поднял руки, сказал:

– Клянусь. Чем хочешь. Да сам проверь, если разбираешься. А движки до миллиона без капиталки ходят.

– Сколько? – вздохнул я.

– Пятьдесят, – нежно улыбнулся он.

– Опять офигел? – с подозрением посмотрел я на него. – За паленую, без учета? Первый гаишник твой?

– Какой гаишник? Сам офигел? – картинно удивился Игорь. – Нет там гаишников, вымерли как класс. Увидишь – застрели. Сделали тотальное ТО, поменяли все регламентное, целых четыре запаски к ней, резина внедорожная по кругу новая, целых два комплекта, считай, плюс четыре диска. Дополнительный аккумулятор поставил, два прожектора с обеих сторон, кенгурятник – австралийский «Тафф» с противотуманками, можешь всех давить, лебедка, багажник на крышу сделали, здесь такой не достать. Не хочешь – не бери. Вон «патруля» бери, вообще за двадцатку отдам. Или «УАЗ» за десятку. На мои машины торга нет, все.

Он ведь видел, гад, что я заднего хода уже не дам. И правда, не дам ведь. Если куда в тяжкое место – нет машины лучше. А «патруль» у него с «наддувным два и семь», так что не очень. Был бы тоже с «четыре и два» атмосферником, как «тойота», я бы еще подумал. Нет, плевать мне на деньги. Только «семиспятку», и ничего больше.

– Ладно, уговорил, черт красноречивый, – махнул я рукой. – Грабь.

– Хорошо, – обрадовался он. – Сейчас по территории прокатимся, попробуешь. У нас тут буераки-реки-раки не хуже, чем на Луне. Оценишь.

Обещанных буераков на территории действительно хватало. «Семиспятка» преодолела их прекрасно, даже трясло несильно – все же база довольно длинная. Показалась немного валкой, можно было бы диски и резину пошире, но тогда на другом отразится. Нормально, даже отлично. Дизель тарыхтит как тракторный, но так и должно быть. Мы сделали пару кругов, опять заехали в склад.

– Ну как? – спросил Игорь.

– Нормально. Никаких вопросов, – честно сказал я. – Хорошая машина.

– Опции какие нужны тебе? – неожиданно спросил он меня.

– Опции? – не понял я, потому как уже все, что можно, в машине имеется. – А какие есть?

– Первая и главная – могу двигун в титан с боков взять. День работы.

– Титан тут варишь? – поразился я.

– Не-а, в другом месте закажу, но они быстро делают, – ответил Игорь. – Лекала за день сделаю, отдам, послезавтра уже стоять будет. Тебе же к субботе?

– Ага, – кивнул.

– Успеем. Треха с тебя будет, тоже без торга. – Он загнул палец, продолжил: – Плюс титановыми пластинами закрываю баки с боков. Еще два косаря. Дальше – за передние сиденья инструментальный стальной ящик типа сейфа, ну потоньше, конечно, запирается намертво. Говорят – там, в Новой Земле, нужен. Три запаски на крыше, запираются на замок. Все вместе пять пятьсот.

– А веса сколько машина прибавит?

– Килограммов двести с титаном, да еще ящик с колесами. Под четыреста, пожалуй. Но ей не смертельно. Гонять не будет, а так – как с компанией едешь.

– Нет, тяжеловато, – покачал я головой. – БТР из нее все равно не сделаешь. Ящик ставь, раз надо, и нормально, – согласился я, затем спросил: – Что со связью?

– Покупай, что нравится, приноси, – пожал он плечами. – Мы установим быстро. И недорого, как в обычном сервисе – лишнего не возьмем.

– Понял, – кивнул я. – Сделаю.

– Ладно, тогда тебе всего на пятьсот дополнительных, – посчитал он. – Плюс двадцать семь за машину доплата. Годится?

Да. Нормально. Грабеж среди белого дня. Но снявши голову, по волосам не плачут.

– Ладно, нормально, – сказал я без особого энтузиазма.

– Предоплата сто процентов, – снова улыбнулся он, уже до ушей. – Утром деньги, а стулья можешь и вовсе не забирать.

Я отсчитал Игорю деньги на верстаке, он их сгреб, извлек машинку, проверил все с ловкостью банковского кассира, потом расписочку написал. Молодец. Мы вышли на улицу. Возле моего «форестера» стоял Саныч.

– Саныч, как? – спросил его Игорь, когда мы подошли.

– Нормально, – ответил Саныч – немолодой бородатый мужичок. – Аккуратно клиент ездил.

– Тогда как договорились, – протянул мне руку Игорь. – Приезжай в субботу, только пораньше. Ты на сколько договорился с Зиминим?

– На двенадцать.

– Ну вот, к одиннадцати подъезжай со всем барахлом. Машину еще попробуешь, пока барахло перегрузишь... Чаем напою. Лады?

– Договорились, – кивнул я.

– Да, еще... тут кидняка никакого нет, понял? – сказал он неожиданно. – Поэтому не психани в последний момент. А то был тут такой с месяц назад. Все нормально, нормально, «хаммер» взял, в подготовку чуть не полтинник засадил, а как до отъезда дошло – такой кипеш поднял... Достал из своего «мерина» волюну – и понеслось: мол, я вас, козлов, насквозь вижу, я вас щас всех... Быканул по-черному.

– Чем закончилось? – заинтересовался я.

– Мастер у нас еще есть, Серега, – усмехнулся Игорь. – Монтировку в тряпку замотал, сзади подкрался – и по черепу. Тот и отрубился. Водичкой побрызгали, отошел, вроде успокоили. Поехал в Новую Землю, но обещал, случись чего, на том свете достать. Так что ты поаккуратней, а то не ровен час монтировка тяжелой окажется, или на твоём «калаше» спуск слишком легкий. Нам если от каждого клиента по пуле получать – помрем вскорости, с непривычки.

– Хорошо, учту, – принял я его речь к сведению. – Погоди... Зимин сюда подъедет, клиент здесь бычил... Это тут у вас стартовая позиция, что ли?

– Почти. Рядом совсем. Зимин тебя проводит, – ушел в общем-то от ответа Игорь. – Да, вот еще что – фотку свою привези цветную, три на четыре.

– На фига? – удивился я. – На доску почета?

– Нет, туда тоже типа пропуск нужен. На него. Тут твой проход регистрируют. У нас тоже отчетность.

– Привезу.

Москва. 15 июня 2005 года, 14:22

Путь от Березовой аллеи до Садового кольца оказался долгим из-за пробок. В конце концов, скучая и слушая музыку, я дотолкался до небольшого магазина со скромным названием «Рыбалка и охота» и даже сумел припарковаться неподалеку, что для этого места и времени было настоящим достижением. Обед в магазине был, к счастью, с часу до двух, то есть уже закончился, а заранее спросить я не озаботился. Магазин состоял из трех крошечных зальчиков, забитых всевозможным добром указанного на вывеске направления. За кассой скучала девушка лет двадцати с крашенными супрой прямыми волосами, круглым лицом и голубыми глазами. Я бодро подошел к ней, поздоровался и поинтересовался, как бы мне с Ильей пообщаться. Она вежливо поздоровалась в ответ писклявым голосом и скрылась за дверью с надписью «Только для персонала». Вышла она с каким-то длинным и тощим парнем в очках в черной квадратной оправе и бритым черепом.

– Чем могу помочь? – спросил парень.

– Я от... – достав из нагрудного кармана, показал я ему визитку.

– Ага, очень хорошо, – заулыбался он и протянул руку: – Меня Илья зовут.

– Андрей.

– Очень приятно. С зала начнем или с подсобки?

– Давайте с подсобки.

Подсобка оказалась больше самого магазина. В шкафах, на вешалках, столах и где только возможно – громоздились горы одежды, обуви, всевозможной экипировки. От обилия расцветок камуфляжа зарябило в глазах.

– Что-то специальное хотите?

– Камуфляж горный, лесной, пустынный, «камыш» есть?

Не знаю, нужен ли он там будет вообще, но как рабочая одежда и одежда для природы он тоже пригодится. Надежно, практично и крепко – не зря же у нас каждый работяга норовит в камуфляж приодеться.

– Как не быть, есть, конечно, – кивнул он солидно. – Размер скажете?

– Размер скажу.

В компании Ильи я провел битых два часа и покинул магазин с двумя здоровыми армейскими сумками и военным рюкзаком, набитыми всем, что мне потенциально могло пригодиться в малопрозрачном будущем.

Набрал «камков», прихватил подвесную снайперскую и разгрузку неплохую от «Спецоснащения». К подвесной разных подсумков набрал, на все случаи жизни. Черт его знает, какие они будут, эти случаи.

Оружием магазин не торговал, разве что пневматикой, а оптикой – очень даже не брезговал. Поэтому не пожалел я денег на пару переходников под оптику с нашего стандарта на крепление Пикатинни, американский прицел ACOG трехкратный, к которому батарейки не нужны (дорогущий!), и коллиматорную «кобру». Взял компактный бинокль со стабилизацией картинки и прикупил белорусский трехкратный ночной прицел NVRS 3x50 Tactical, почему-то называвшийся «уикоп». Илья объяснил, что под такой маркой эти прицелы продаются в Америке. Однако крепление было нашего стандарта, боковое. За прицел выложил больше двух тысяч. Но не жалко – вещь хорошая, прицел пассивный, но можно инфракрасную подсветку включать при необходимости, да и сам он включается с выносного пульта на цевье оружия. С переходником к нему даже видеокамеру подключать можно, и как ночной монокуляр – он хоть куда. Корпус черный, титановый, две рельсы Пикатинни под дополнительные прибуды. Серьезная штука, в хозяйстве всегда пригодиться может.

Теперь связь. Связь – первое дело, пусть хоть с самим собой для начала. И желательно – максимально гибкая. К счастью, Илья и в этом не подвел. Торговал он «кенвудами» и «айкомами», но с первыми я знаком был лучше. Взял мобильную, сиречь – монтируемую в машину – радиостанцию, совмещенную с радиочастотным сканером, с дальностью действия до пятидесяти километров, и две переносные, военного стандарта, с кучей полезных функций. Самое приятное было в том, что вопросами регистрации и разрешений здесь не грузили. Надо – и покупай. Я и купил. Не зря Зимин в это место послал.

На случай, если на «той стороне» война начнется не сразу, а хотя бы чуток погода, купил я еще пару брюк, несколько рубашек и свитеров из туристической коллекции, запасаю шортами и гражданскими ботинками для жаркого климата. И в пир, и в мир, и в добрые люди, как говорится. Потом пришлось еще и сумки покупать – иначе было все не утащить.

Затем я отправился по указанному Зиминим адресу в отделение некоего малопонятного банка «Финансовый союз», где был принят немолодой усатой дамой Анной Исааковной. Она обратила всю имевшуюся у меня наличность плюс то, что оставалось на кредитных картах, в большую кучу золотых монет, тех самых, что предлагались к покупке как средство сбережения. Откуда столько взяли? Странно. Но ладно.

Зимин позвонил на телефон, который он мне оставил для связи.

– Андрей Алексеевич? – послышался его голос.

– Я. Принял ваше предложение, хотя есть ощущение, что мне пора в Кащенко, – сказал я в трубку, опережая вопрос.

– Знаю уже, что приняли. Мне все отзвонились, где вы были. В субботу в двенадцать встречаемся у Игоря, а в Кащенко не ездите, не стоит. Там ни вам, ни мне не помогут. Договорились?

– Договорились, – вздохнул я.

Золото я домой не повез, а вместе с сумкой камуфляжа положил в автоматическую камеру хранения на Курском вокзале. Остальное отвез домой. Но перед тем как поехать домой добрался до Игоря и отдал ему базовую радиостанцию для установки в приобретенную «тойоту». В общем, покатался по городу.

Всю дорогу размышлял над реальностью происходящего. По-прежнему искал подвоха, но никак не находил. Во всей этой комбинации я ничего не терял – если только по наводке из банка не придут домой меня грабить. Но сомнительно. В любом случае золото я спрятал, а придут в моем присутствии – отобьюсь. Есть чем. На всякий случай решил последнюю ночь дома не спать. Снять номер в гостинице с охраняемой парковкой, выспаться – и прямо оттуда поехать.

Проблема была в том, что я готовился к переселению в мир, в существование которого я по-прежнему не верил. Все указывало на то, что меня всерьез собираются туда проводить, но... куда? Куда, мать его? Какой еще другой мир? А если не туда, то куда? Дать три дня на сборы, подарить кучу денег и... дальше что? А хрен его знает что. Но если Зимин с компанией не больные на голову, то становится похоже на правду.

Москва. 18 июня 2005 года, 09:55

В субботу утром в городе машин было немного. Я выспался в президентском номере «Мариотт Аврора» на Петровке, не пожалев тысячи восьмисот долларов за номер плюс счет за обслуживание себя и двух девиц из стриптиза, относительно случайно составивших мне компанию. Накануне я сильно не напивался, так что похмельем не страдал. На ресепшен на меня посмотрели как не знаю на кого, хотя смотреть им по должности положено всегда вежливо.

Я расплатился, спровадил стриптизерш ловить такси, а сам спустился в подземный гараж, где томился мой загруженный сумками «форестер». Петляя и проверяясь, заехал на Курский, забрал сумку из камеры хранения, доволоч ее до машины – и рванул на Березовую аллею. Добрался без проблем по свободным улицам.

Перед самыми воротами остановился, огляделся. Вокруг не было ни единой души. Надел наплечную кобуру с «парабеллумом», отрегулировал и набросил джинсовую куртку. Вроде порядок. Дробовик и запас патронов к нему и «парабеллumu» лежали в чехле в багажнике. Вновь тронулся с места и подъехал к воротам. Вышел из машины, позвонил в домофон.

Игорь открыл ворота сам.

– Давай заезжай, – махнул он рукой. – Закатывай прямо в цех, открыто.

Ворота цеха действительно были открыты. Возле шиномонтажного стенда возился виденный мною раньше Саныч, балансируя мощное внедорожное колесо. Пока на засаду все это похоже не было.

Я тормознул возле «тойоты», заглушил мотор, выбрался наружу. Игорь и еще какой-то молодой парнишка в очках зашли в цех, закрыли ворота.

– Андрей, давай, принимай работу, – позвал Игорь.

Я подошел к машине. На крыше торчала немалой длины антенна. Заглянул в салон, убедился, что радиостанция аккуратно установлена на месте магнитолы и вторым блоком ниже, вместо части «бороды». Культурно установлено, аккуратно, все подогнано тщательно. За спинкой заднего сиденья был намертво прикреплен к полу сваренный из толстого металла длинный ящик, закрытый на навесной замок.

Я сел в салон, осмотрелся. Тангента на витом шнуре висела в специальном креплении. На панели были закреплены держатели с зарядниками для карманных радиостанций. Ну ты скажи, как все продумано. Нашлись и крепления под винтовки – на потолке и справа от трансмиссионного тоннеля. Не заказывал, но сделали. Ну и спасибо.

– Вроде все как договаривались, – подвел я итог. – Даже больше.

– Как в аптеке, – гордо заявил Игорь. – Связь мы проверили, коробку выбросили, а руководства на нее с фурнитурой в бардачке. Две канистры с солярой в кузове – подарок фирмы. Бак под пробку, верст на девятьсот тебе хватит. Фото привез?

Я достал из кармана бумажник, вытащил из него маленькую цветную фотографию. Игорь взял ее у меня, протянул парнишке в очках. Посмотрел на меня:

– Как назовешься теперь?

– В смысле? – не понял я.

– А в смысле – новая жизнь у тебя, – пояснил он. – Сейчас Димыч тебе новый документ соорудит, тамошний. Там ты его отдашь тому, кто спросит, и там тебе выдадут уже окончательный. И до твоего настоящего имени там никакого дела нет никому. Хоть Бонапартом назовись, по барабану.

Я озадачился. В общем, мне мое имя жить не мешало, даже вовсе. Но если так...

– Андрей Ярцев, – сказал я, пожав плечами. – Отчество писать не нужно.

– Как скажешь. Димыч, давай.

Димыч взял фотографию и вышел из цеха.

– Можешь вещички в «тойоту» перекидывать, – повернулся ко мне Игорь. – Только правило такое – весь огнестрел складывай в ящик, запирай. Со стволами наперевес на ту сторону не положено. Все понятно?

– Понятней некуда.

– Ключи от замков в замках и торчат, – перешел он на деловой тон. – А от «субары» сюда давай. Запасные взял?

– Взял, держи.

Я отдал Игорю связку ключей и документы на машину.

– От квартиры – Зимину? – спросил я.

– Все равно, можешь мне, – махнул рукой Игорь. – И вообще все, что оставляешь, можешь мне отдать. Я не в курсе, что там надо, но все передам. С собой не увези, главное, а то это уже с концами.

Я отдал Игорю пакет с документами на машину и квартиру, связку ключей:

– Вроде все.

– Ну нормально, – кивнул он. – Давай перегружаться. Про ствол не забудь только. Сейчас не надо, если тебе так спокойней, но у ворот все же убери. Нельзя.

Точно, мне так спокойней. Пусть пока висит где висел.

Мы с Игорем быстро переложили сумки в огромный багажник пикапа, я прихватил их резиновыми «крабами», чтобы не болтались на ходу. Остатки денег я убрал в карман, сумку с золотом затолкал под сиденье, отсыпав предварительно пару десятков монет в набедренный карман брюк. Мало ли когда они там понадобятся?

– Ну вроде все... – сказал Игорь. – Давай чайку... или пивка? Ждем Димыча с документом и Зимина.

– Давай пивка лучше. Все же вчера перебрал малость.

Здесь я соврал. Тоже малость. Вчера я действительно не сильно пьян был, зато два дня предыдущих прошли как в угаре. Даже и помню не все. И не всех. Так проще было, чем ломать голову над тем, куда меня собираются запульнуть с золотом и всем барахлом на краденой «тойоте».

– Пивка? Для рывка? – оживился Игорь. – Это запросто. Саныч!

– Чего? – откликнулся продолжавший копать в углу у верстака Саныч, про которого я уже успел забыть.

– Достань там из холодильника пару пива!

– Какого?

– «Хайнекен». Или тебе «Балтику»? – повернулся ко мне Игорь.

– На хрен «Балтику», – величественно отмахнулся я, – «Хайнекен» пусть будет.

– Неси «Хайнекен».

Саныч побренчал бутылками за холодильной дверцей и подошел к нам с двумя из них, с зелеными этикетками. Игорь взял их у него, ловко скovyрнул пробки ключами от пока еще моей квартиры и протянул одну бутылку мне.

Не успели мы еще допить пиво, как вернулся Димыч. Он протянул мне то, что на первый взгляд показалось кредитной картой. Я взял кусок еще горячего пластика в руки и посмотрел. Действительно похоже на кредитку. Но без магнитной полосы на обороте, а со штрихкодом. На лицевой стороне карточки была напечатана моя фотография, снизу было написано в две строчки «Андрей Ярцев» и «Andrey Yartsev», еще ниже стояло сегодняшнее число. Над именем, как на кредитке, был шестнадцатизначный номер, разбитый на четыре группы по четыре цифры. В правом верхнем углу имелась радужно переливающаяся голограммка с изображением пирамиды с глазом – точь-в-точь как на обороте однодолларовой купюры. На обратной стороне карты во всю ширину была изображена такая же пирамида в круге.

– Что это? – удивленно спросил я, разглядывая карточку.

– Твой документ, – ответил Игорь. – На хрена нужен – я не в курсе, но говорят, что без такого туда нельзя.

– А что за знак? В масоны меня приняли, что ли? – удивился я, разглядывая.

– Почему в масоны? – не понял он.

– Знак масонский, классика жанра, – постучал я ногтем по теплому пластику. – Глаз на пирамидке.

– Я не в курсе, это уже там объяснят, – пожал он плечами.

Москва. 18 июня 2005 года, 12:03

Зимин пришел вовремя – ровно в полдень. Вошел в цех, поздоровался со всеми за руку.

– Как, Андрей Алексеевич? – с несколько преувеличенной бодростью обратился он ко мне. – Готовы?

– Да вроде как готов, знать бы куда... – усмехнулся я, скрывая мандраж.

– До конца я и сам не знаю, но мне кажется, что вам там самое место.

– Двусмысленно звучит, – хмыкнул я.

– Односмысленно, просто – буквально, – улыбнулся он. – Двинули? – указал он рукой на «тойоту».

Я сел за руль, Зимин обошел машину, сел на пассажирское сиденье.

– Просторно здесь, – с некоторым удивлением сказал он, оглядевшись. – Хорошая машина. Рыбалка там, или охота... Ладно, не будем время тянуть. Поехали.

– Далеко? – уточнил я.

– Да рядом совсем, – показал он рукой. – Вон туда, к этому же зданию с обратной стороны.

– Вторая половина цеха? – догадался я.

– Она самая, – подтвердил он. – Подъезжайте к воротам и посигнальте.

Я завел «тойоту». Холодный дизель затарахтел, по всему кузову прошла вибрация. Я включил первую и плавно тронул машину с места. Игорь открыл нам ворота, и мы выехали в солнечный летний московский полдень. Свернули направо, еще раз направо – и по гравийной дорожке подкатили к таким же воротам, из каких только что выехали.

– Сигнальте, – скомандовал Зимин.

Я дважды надавил на клаксон. Сигнал Игорь тоже поменял – вместо стандартного биби-канья прозвучало что-то вроде корабельного ревуна, только потише разве что. Ворота дрогнули и начали раздвигаться в стороны.

– Заезжайте, сразу направо, – показал рукой мой спутник. – Увидите белую разметку, остановитесь в ней и выходите из машины.

– Понял.

Я закатил машину в полумрак склада, включив фары, свернул резко направо, увидел прямоугольник, ограниченный белыми и как будто даже фосфоресцирующими линиями, и остановился точно в нем.

– Глушите мотор пока, надо еще пару минут поговорить, а вытяжка тут слабая – надымим выхлопом, – сказал Зимин.

Заглушил двигатель, оставил ключи в замке зажигания и вышел из пикапа, оставив дверь открытой. Зимин тоже вышел. Я огляделся.

Помещение было таким же, как и цех за спиной, но ни верстаков, ни шиномонтажа, ни подъемников здесь не было. Было что-то вроде подиума, огороженного леерами, у одной торцевой стены. На подиуме стоял открытый шкаф с несколькими перекидными рубильниками. У ворот была застекленная будка, судя по всему – из бронестекла, в которой сидел мужик в черной униформе с надписью «Охрана» на спине. Возле него стоял, прислоненный к столу, полуавтоматический дробовик «Сайга-12К».

Сразу перед размеченным прямоугольником начиналась невысокая, сантиметров тридцать, ребристая эстакада, грубо сваренная из стальных листов и швеллеров. Эстакада стыковалась с грубо сваренной роликовой платформой на рельсах, на которой вполне можно было поместить большой грузовик. Рельсы уходили под арку, стоявшую неподалеку от задней стены из серого силикатного кирпича.

У стены слева, друг на друге, как обычные складские поддоны, лежал огромный штабель этих самых платформ, а возле них скромно притулился вилочный погрузчик, которым, судя по всему, платформы устанавливались на рельсы. Одноразовые конструкции? А потом их куда?

Арка выглядела ничуть не футуристичней, чем грязноватая кирпичная стена за нею. Здоровая рама, сваренная из листового металла, с какими-то желтыми цилиндрами по наружному периметру. Сама арка была грубо покрашена суриком. На верхней перекладине висел обычный светодиодный светофор, уложенный набок. Разве что подходящие к арке кабели вызывали некоторое уважение, да и то небольшое.

– Не внушает? – угадав мою реакцию, усмехнулся Зимин.

– Не слишком, – честно сознался я. – За бутылку сварили?

– За два ящика, – засмеялся он, и я даже не был уверен, что Зимин не шутит. – Главное, что работает. Впрочем, здесь только портал. Все оборудование во флигеле, несколько человек там еще. Теперь попрошу чуть-чуть внимания. Готовы?

– Готов.

– Тогда даю последние инструкции, – перешел он на деловой тон. – Садитесь в машину, ждете. Я уйду к стартовому пульту. Загорится красный свет. Возможно, придется немножко подождать. Посидите там, не нервничайте. Загорится желтый – заводитесь. Если что-то случится, не заведетесь вдруг, или еще что – сразу давите на сигнал. Начнем заново. Это не перекресток, зеленого ждать не надо, и вы сразу заезжаете на платформу, пока передние колеса не упрутся в ограничитель. Видите?

Он показал пальцем на поперечную трубу, кривовато приваренную у самого края платформы.

– Вижу, – подтвердил я.

– Прекрасно, – продолжил Зимин. – Глушите двигатель и просто ждете. Загорится зеленый, включится сирена – это начало процесса прохода. Платформа сама поедет вперед. Не бойтесь, не волнуетесь, стараетесь просто замереть. Выглядит – как в кривое зеркало въезжаете. Самое главное: никаких движений, никакой паники, все идет как надо. Зеркала, которое появится перед вами, – не пугаетесь. Старайтесь даже не шевелиться в кабине и задержите дыхание, пока сами, в смысле ваше тело, полностью зеркало не проедет. Это понятно? Нельзя шевелиться.

– Понятно, – кивнул я.

– Портал односторонний. Попытайтесь что-то сделать – встать, выскочить из машины – никто даже не предскажет, что с вами будет. Только вперед, платформа сама идет с нужной скоростью. Портал вам не повредит, все остальное узнаете на той стороне. Там вас встретят и все объяснят, что делать дальше. Повторите, пожалуйста.

– Жду желтого в машине, заезжаю на платформу, глушу мотор. На зеленый с сиреной меня тащит в кривое зеркало, при проезде которого даже не дышу. Меня встретят, – максимально коротко повторил я инструкции.

– Все. Удачи. – Он хлопнул меня по плечу. – По машинам.

Он направился к подиуму, а я сел в машину. В почти пустом зале было хорошо слышно, как забухало железо под каблуками Зимина, когда он прошел за леера ограждения. Что-то лязгнуло, и возник негромкий шум, как будто включился большой вентилятор. Впрочем, может, это вентилятор и включился. Хотя нет, шум шел от арки. На светофоре вспыхнул красный фонарь.

Ждать желтого пришлось совсем недолго – не больше минуты. Шум усилился и перерос в тонкий, довольно неприятный свист. Светофор загорелся желтым, я завел машину. Снова застучал дизель. Громко, как-то даже нахально, вызывая гуляющее от стены к стене эхо.

«Да куда же я прусь-то, идиот?» – подумалось. Меня бросило в пот, в кровь влетело не меньше литра адреналина, аж в глазах круги пошли. Изображение стены в арке заколебалось,

словно там поднимался горячий воздух, только он не поднимался, а собирался к геометрическому центру проема.

Я врубил первую передачу, отпустил сцепление, и тяговитый дизель легко затащил меня на платформу. Машина уперлась в трубу, скрипнув резиной, я заглушил мотор. Желтый горел передо мной как маленькое солнце, звук действовал на нервы, он был как зубная боль в стадии обострения.

Свист ушел куда-то в область ультразвука, заставив меня сморщиться, и исчез совсем, сменившись гудением, как от трансформатора. Проем арки на какое-то мгновение прострелило искрами, колеблющаяся поверхность как будто бы подернулась инеем и превратилась в колышающуюся ртуть. Я увидел отражение фургона, себя за рулем – волнующееся, расплывающееся, двоящееся, разрывающееся на фрагменты и снова сливающееся. Вспыхнул зеленый, и включился ревун, как на больших черных машинах с синими мигалками, посылая в замкнутое складскими стенами пространство требовательное рывканье.

– Да и мать его яти! – крикнул я сам себе, чувствуя, как меня вместе с машиной с металлическим скрипом потащило вперед, внутрь своего собственного отражения. Кенгурятник, затем капот беззвучно погрузились в него, затем стойки лобового стекла...

Волнующаяся ртуть зеркала неумолимо приближалась, мои колени ушли в нее, и я почувствовал... сложно сказать, что я почувствовал... как невесомость, но только там, где меня втянуло в эту самую мембрану между... мирами? Чем и чем? Появилось желание скорее просунуть голову на ту сторону, но я, наоборот, замер и перестал дышать. На меня накатывалось мое собственное уродливое отражение – перекошенное, плывущее все ближе и ближе к лицу, прямо носом в него. Я зажмурился, почувствовал в лице одновременно и жар, и холод, что-то скользнуло по щекам к затылку, звук ревуна неожиданно исчез, как его и не было, наступила тишина, я почувствовал, как что-то так же облизнуло холодом спину. Я открыл глаза, сразу же бросил взгляд в зеркало заднего вида – машина появлялась из ничего, из колеблющегося воздуха!

Меня внесло в бетонный ангар, слева от меня были распахнутые ворота, через которые в помещение щедро вливался солнечный свет. В ангаре не было никого. С гулким металлическим ударом платформа остановилась, лязгнули стопоры, а я перевел дыхание. В ворота забежал высокий крепкий блондин с короткой стрижкой, в униформе песчаного цвета с каким-то шевроном, в малиновом берете с золотой эмблемой, махнул оранжевым светящимся жезлом в сторону выезда и крикнул:

– Туда, туда сразу давай. Заводись и освобождай платформу. Паркуйся на пятом месте, снаружи. Давай, мужик, не тормози!

Территория Ордена, База по приему переселенцев и грузов «Россия» 22-й год, 19-е число 5-го месяца, пятница, 11:21

Остановив пикап на гравийной площадке, под желтым щитом с цифрой 5, я заглушил двигатель и вышел из машины. Огляделся.

Было жарко, но это была не московская июньская жара, зловонная и загазованная. Это была «натуральная» жара, какая и должна быть в тех местах, где она «по штату» положена. Подобная жара бывает на юге Испании, в июле, когда солнце не просто греет, а откровенно пытается тебя или зажарить, или испарить из тебя всю влагу. Пучки чахлой травы, местами выбивающейся из-под гравия под бетонным забором, выгорели до желтизны. В них стрекотали какие-то сверчки, порхали местные мотыльки. Я задрал голову и увидел птиц. Блекло-голубое, почти белое от зноя небо – и много птиц.

На стоянке я был не один. Несколько машин вразброс стояли на площадке, все внедорожные. За мной остался ряд бетонных боксов, как в военном парке для техники, около десятка, с надписями над каждым, выполненными также черным на желтом: «Мск», «СПб», «Ект», «Нвсб», «Кмр». Остальные мне было прочитать сложнее – мешали тень и угол. Двор был огорожен высоченным забором из бетонных плит с витками «егозы» поверху. Выезд был лишь через массивные металлические ворота, над которыми висели две камеры наблюдения. Третья камера красовалась над дверью с надписью «Иммиграционная служба Ордена». Рядом была еще одна дверь с надписью «Караульное помещение».

Парень в форме, берете и с жезлом вышел из бокса и направился ко мне. Я заметил, что через плечо у него на ремне свисает американский карабин М4 с коллиматорным прицелом. Обратился он ко мне тем не менее на чистом русском, козырнув:

– С прибытием вас! Проходите в ту дверь, – указал он на железную дверь иммиграционной службы. – Все ценное спокойно можете оставлять в машине – территория закрыта и охраняется. Если у вас есть огнестрельное оружие, которое до сих пор не находится в опломбированном состоянии или в ящике, то рекомендую положить его туда сейчас. При выезде с территории ящик будет опломбирован, пломбу снимут на контрольно-пропускном пункте на выезде с базы. Проход в помещение иммиграционной службы с оружием является нарушением закона.

– Как скажете, – согласился я.

Чего уж дальше дисциплину нарушать? Все равно меня не обманули, куда-то я явно угодил. Меня не убили за квартиру или машину, золото тоже никто не украл, и нападать на меня пока явно не собираются. Я достал из-под куртки «парабеллум», подошел к машине, отпер ящик и положил пистолет внутрь. Затем убрал туда дробовик в чехле. Раз там не пригодился, то уж здесь точно не понадобится.

– Больше оружия у вас с собой нет? – спросил охранник.

– Все в ящике.

– Прекрасно. Проходите в ту дверь.

Я оставил вежливого охранника, принадлежащего к неведомому мне Ордену, на стоянке и направился в иммиграционную дверь.

Дверь выглядела неказисто – обычная металлическая, с крашеной ручкой и глазком. Правда, мощная, как на военном корабле между отсеками. Но когда вошел внутрь, то удивился. Я ожидал классические стойки иммиграционного контроля, как в аэропортах, но внутри оказалось просторное светлое помещение, напоминающее приемную в хорошей клинике, с низкими мягкими диванами, какими-то журналами в стойках, кулером с холодной водой и стой-

кой ресепшен. За стойкой стояла молодая, очень симпатичная светловолосая женщина в такой же песочной форме, как у охранника, но без берета. Вместо автомата у нее на поясе висела кобура. Мне удалось разглядеть шеврон – такая же пирамида с глазом, как и на новоприобретенном удостоверении личности.

– Здравствуйте, – поприветствовала она меня. – Рады вас видеть в Новой Земле. Могу я посмотреть на вашу идентификационную карту?

Голос был дежурно-вежливый, приятного тембра. Такими озвучивают автомобильные навигационные системы. «Следуйте двести пятьдесят метров вперед, после чего на круге выберите второй поворот», – говорят такие системы, совершенно не заботясь о том, слушаешь ты этот приятный голос или нет.

– Здравствуйте, – поздоровался я в ответ. – Можете, разумеется.

Я достал карточку из нагрудного кармана куртки, протянул ей, а пока она прокатывала карту в каком-то придатке к компьютеру, я снял куртку. Жарко тут все же.

– Пожалуйста, – протянула она мне карточку. – Ваше прибытие зарегистрировано, господин Ярцев. Если у вас сохранились документы из вашей прошлой жизни, но вы хотите расстаться с ней навсегда, можете бросить их сюда, в бумагорезку. Здесь ваше прошлое не интересуется никого, и оно исчезнет, превратившись в бумажную труху. Вы в Новой Земле и имеете все права на новую жизнь.

– Спасибо, – отказался я. – Может быть, попозже.

– Как хотите. Это необязательно, – все так же доброжелательно улыбнулась девушка. – В мои обязанности входит кратко ознакомить вас с основными принципами проживания в Новой Земле, помочь разобраться в финансовой системе и при необходимости снабдить вас первоначальным набором необходимого для жизни здесь. Более подробную информацию вы можете взять из этой памятки.

Она взяла со стенда небольшую глянцевою книжечку в голубой обложке с надписью «Памятка переселенца».

– Почитаете ее на досуге, – протянула она мне брошюрку. – Это действительно необходимо – у нас опасный мир. Кроме того, вы можете купить подробные карты местности и путеводитель по основным населенным пунктам Новой Земли. Если у вас остались какие-нибудь наличные деньги Старой Земли – лучше потратить их. Они здесь невыгодны и дальше не везде принимаются. Набор карт стоит двадцать долларов, путеводитель – десять. Рубли – к доллару по тамошнему курсу, а потом из долларов – по местному.

Я достал из заднего кармана кошелек, протянул ей стодолларовую купюру. Она взяла с той же стойки еще одну книгу, потолще первой, и сложенную в папку стопку карт. Все это она забросила в бумажный пакет, взяла у меня из рук «Памятку», положила ее туда же и отдала пакет мне:

– Сдача составила семьдесят долларов. – Она постучала пальцем по экрану монитора, привлекая мое внимание. – Смотрите, я открыла вам счет в Банке Ордена и зачислила сдачу на счет. По курсу три доллара тридцать центов за один экю Новой Земли. Таким образом, вам зачислено восемнадцать экю и девятнадцать центов.

Экран демонстрировал мне меню какого-то счета, где напротив моей фамилии засветились красные цифры: «Е 18,19».

– Пользоваться счетом вы можете почти в любом населенном пункте Новой Земли – отделения Банка Ордена есть почти везде, – продолжала между тем девушка. – Счет привязан к вашей личной карте, номер карты является и номером счета. В случае утраты идентификационной карты вы можете ее восстановить в любом отделении Банка Ордена с использованием системы паролей и отзывов.

– Карта как кредитка работает? – уточнил я.

Девушка на секунду сбилась, улыбнулась и продолжила все тем же «вещательным» тоном:

– К сожалению, обращение кредитных карт пока еще невозможно в нашем мире, но вы в любой момент в любом отделении банка можете получить наличные с вашего счета и положить их на счет. Оттиск на специальном бланке с вашей идентификационной карты, которую здесь зовут обычно «Ай-Ди» для краткости, в отдельных случаях является персональным чеком.

– Понятно, – кивнул я дежурно-приветливой девушке с мягким голосом. – У вас только один банк в этом мире?

– Разумеется, нет, – покачала она головой так, что ее светлые, недавно подстриженные и вытянутые волосы качнулись. – Но только этот банк имеет сеть, охватывающую всю территорию, и дает возможность пользоваться своим счетом в любом месте. Другие банки являются местными. Пока вы не определились с местом жительства, лучше пользоваться услугами орденового Банка. К тому же отделения орденового Банка являются полномочными представителями Ордена по всем вопросам на тех территориях, где они открыты.

– А если возить наличные с собой?

– Смотря какие суммы, – немного удивилась она вопросу. – У нас это может быть очень опасным. Кроме того, банк не открывает информацию о владельце счета никому и никогда. Здесь не существует судебных постановлений или иных документов, могущих изменить это правило. Кроме того, должна сказать, что именно банк является эмитентом экю – местной денежной единицы. Она обеспечена золотом, поэтому вы можете обменять банкноты на соответствующее количество золота в слитках и монетах в любом отделении орденового Банка в любое время. Золото будет вам выдано в виде золотых монет Ордена.

– Что за Орден такой?

Надо же, какие названия тут завелись. Орден, блин, тевтонский.

– Подробная информация об Ордене имеется в памятке и путеводителе. – Она подняла брошюрку, повернув ее лицевой стороной. – Вкратце же скажу, что Орден – организация ученых, открывших проход, и первых переселенцев, преследующая целью населить этот мир как можно большим количеством людей и старающаяся по мере своих возможностей облегчить процесс становления новой цивилизации.

«Чешет как по писаному. Хорошая девочка, старательная», – подумалось мне.

– Что касается Банка Ордена – вы можете открыть дополнительный депозитный счет, на который внесете имеющееся у вас золото по весу. Необходимое вам количество золота вы можете в любом отделении орденового Банка конвертировать в экю и зачислить их на основной счет.

– Два вопроса, – прервал я ее. – Как конвертируется весовое золото в денежные единицы и могу ли я снять со счета свое же золото по весу?

Она не сбилась, а очень бодро протараторила:

– Золото конвертируется по курсу – одна десятая грамма за один экю минус процент за конвертацию. Изъять ваше золото из банка вы можете в виде золотых монет Ордена за вычетом такого же процента...

– Процент какой?

– Процент рассчитывается исходя из текущего...

– Девушка, милая, процент какой? – чуть надавил я.

– В среднем – около десяти процентов...

– Умный у вас банк, ничего не скажешь, – усмехнулся я. – Десять процентов с любой суммы. Неплохо.

– Если вы вносите деньги в экю или золотые экю – процент не взимается, – заметила она, чуть приподняв светлую бровь. – А прибыль банка расходуется на вполне благие цели, такие как оплата переходов новых поселенцев, подъемные пособия для несостоятельных и другие

подобные программы. Если, скажем, у вас имеется килограмм золота, он превратится в девять тысяч экю, которые будут в полной безопасности в банке. Тысяча экю, взятая с вас банком, даст возможность привезти в этот мир еще одного человека и дать ему возможность устроиться.

Я задумался. Черт его знает, какие здесь правила. Если десять процентов – и считай, что влился в местную финансовую систему, то не так страшно. Как божеский налог уплатил, десятину церковную. Потому что про налоги пока никто ничего не говорил.

– Я понимаю, что вы сомневаетесь, – улыбнулась она. – Но поверьте, в нашем мире банки не обманывают клиентов.

– Святыми стали? – усмехнулся я в ответ.

– Как раз наоборот – святых здесь слишком мало, поэтому всегда есть вероятность, что обманутые вкладчики приедут на танке. Чревато, знаете ли...

По крайней мере, сейчас в голосе примерной девушки появились человеческие эмоции. Не все же ей как диктофону запись прокручивать. Впрочем, и к самой девушке я присмотрелся внимательней. Девушка была красивой, а не просто симпатичной, как показалось вначале, просто красота была той, что не сразу бросается в глаза. Светлые прямые волосы были густыми, гладкой волной свисая почти до плеч. Лицо с высокими скулами, немножко курносоем аккуратным носом, тонкими прозрачными светлыми бровями над большими, серьезными зелеными глазами. Небольшой рот с полными губами был даже немного маловат для ее лица, но делал его прелестней – как будто немного удивленным. Фигура тоже радовала глаз. Худенькой она не была, ее скорее даже крепкой хотелось назвать, спортивной. Но не слишком – лишь достаточно крепкой для того, чтобы выглядеть здоровой и свежей. Держалась она очень прямо, оттянув плечи назад. Рубашка плотно обтягивала широко расставленные, похожие на перевернутые чаши груди. Кожа в вырезе рубашки была нежной и загорелой тем золотистым цветом, которым обычно загорают блондинки. Короткие рукава рубашки оставляли открытыми руки выше локтя, и они мне тоже понравились – нежные, с маленькими ладонями и изящными пальцами.

Легкие форменные брюки скрывали форму ног, но скрыть совсем не могли – ноги были хорошими, красивыми. В меру широкие, очень правильной формы бедра, великолепный крепкий зад.

– Хорошо. Вы меня уговорили, – кивнул я.

Я решил положить половину имеющегося золота на счет, часть его превратив в местные деньги. Остальное решил оставить в прежнем виде – не дело все яйца в одну штанину закладывать: жизнь может такого пинка отвесить!

– Что у вас здесь с оружием? – перешел я к волнующим материям.

– Оружие вы можете купить прямо у нас, со склада, – показала она рукой на какую-то дверь в дальнем конце зала. – Ничего экстраординарного здесь нет, продаются в основном снятые с вооружения образцы. Зато совсем недорого, по местным меркам. В городах же есть оружейные магазины, где торгуют всем, что в голову придет, но цены там заметно выше.

– Насколько здесь оружие действительно нужно? – спросил я.

– Нужно, – решительно ответила она. – От нашей транзитной базы до ближайшего города – около ста пятидесяти километров. Дорога патрулируется силами Ордена, но дать стопроцентную гарантию безопасности никто не может. Здесь есть банальный дорожный разбой.

– А что за город здесь?

– Порто-Франко.

– Это статус? – немного удивился я.

– И статус, и название, – улыбнулась она. – Здесь много странных или смешных названий. Порто-Франко имеет статус «свободного города» – не экономически, а скорее политически. Это один из основных пунктов, куда вначале попадают переселенцы в страны северней Залива. В дальнейшем большинство их расселяется по полуострову и дальше, но начинают свой путь оттуда. Поэтому там настоящая мешанина из новых переселенцев, тех, кто давно здесь живет,

всех рас и народов. Официально он под протекторатом Ордена, главный принцип жизни – абсолютная терпимость ко всему. В других, не орденских, городах вы такого не встретите. Местами здесь вообще никакой терпимости не найти.

– Хорошо, давайте начнем с банка, а потом посмотрим, что у вас с оружием.

– Я рекомендую вам для начала купить часы, – как-то странно улыбнулась она. – У нас продаются неплохие электронные часы Swatch.

– У меня есть часы, – удивился я заявлению. – Лучше, чем Swatch.

Девушка улыбнулась:

– Не могу возразить ничего, но... Местные сутки длятся около тридцати стандартных земных часов. Кроме того, здесь решили продолжительность единицы времени не менять, поэтому продолжительность последнего часа суток – семьдесят две минуты. И в году у нас четыреста сорок дней. Поэтому вопрос о возрасте здесь затруднителен – как считать?

«М-да... – подумал я. – И вот как... А сколько вам лет? Мне тридцать земных и четыре местных... например... Интересно, а как с часами биологическими? Что с ними в таком случае делается?» Это я и спросил.

– Постепенно привыкаем, – пожала она плечами. – Поначалу многим сложно. «Совы» и люди с беспорядочным образом жизни быстрее осваиваются.

– Я – «сова», – обрадовался я. – Очень беспорядочная.

– Повезло. Скажу кое-что еще, что порадует меньше. Вам надо пройти еще курс прививок. Причем прямо сейчас. Здесь есть болезни повышенной пакостности, от которых надо обезопаситься.

– Колоть будут? – уточнил я.

– Бойтесь? – усмехнулась она. – Все вперемешку. Колоть, царапать и с ложечки кормить.

– Пить-то после них можно?

– Самый главный вопрос? – вскинула она брови.

– Разумеется! – решительно ответил я.

– У медсестры спросите. Но вроде бы пока никто не запрещал.

Территория Ордена, База по приему переселенцев и грузов «Россия» 22-й год, 19-е число 5-го месяца, пятница, 15:03

На банковские формальности ушло немало времени. Каждую из сданных монет проверяли долго и тщательно, засовывая в какой-то аппарат и ожидая, когда на маленьком экранчике высветятся цифры. Перевели в местную валюту оставшиеся у меня в кармане три тысячи долларов. В результате я стал обладателем сорока пяти тысяч экю на счете и пяти тысяч – в кармане, в местных банкнотах.

Банкноты меня потрясли до глубины души. Больше всего они напоминали игральные карты из очень тонкого, но прочного и упругого пластика. Напоминали и формой, и размером. Одна сторона была у них полностью голографической, переливающейся блуждающими цифрами номинала, с другой стороны голограммы были маленькие и по углам, а номинал напечатан в центре банкноты. Кроме того, номинал был выдавлен рельефно – для расчетов в подвале и под одеялом, наверное, – а заодно и алфавитом Брайля. Видя мою перекосившуюся рожу, в банке мне объяснили, что пластиковые деньги почти не изнашиваются и подделка их невозможна. А к виду, мол, я привыкну. Привыкну, конечно, чего же не привыкнуть? В свое время к цветным раковинам привыкали как к средству платежа.

Все это я наблюдал, почесывая левую руку, куда дважды кольнули пневматическим шприцем. На языке остался вкус чего-то сладко-липкого от ярко-зеленого сиропчика, который мне скормила из трубочки средних лет медсестра в белом халате тоже с орденской символикой. Она же меня предупредила, что к вечеру может подняться температура. Ну это понятное дело.

На выходе из бункера, который изображал банк, меня опять встретила девушка с ресепшен.

– Я должна вас проводить в арсенал, если вы, конечно, не передумали.

– Не передумал. Ведите.

Мы пошли по узкому бетонному коридору с матовыми плафонами светильников в потолке, пока не уперлись в основательную железную дверь. Девушка достала из поясной сумки, напоминающей подсумок, ключи и отперла замок. Шагнув внутрь через металлический порог, она зажгла свет и повернулась ко мне:

– Проходите, пожалуйста.

Я вынужден был немного пригнуть голову, проходя внутрь, при моем метре восьмидесяти пяти. Помещение представляло собой вытянутый вдаль от двери бетонный каземат с голыми стенами, деревянным прилавком и кассой. В помещении, кроме нас, никого не было.

– А продавец? – удивился я безлюдью.

– Я за него, – пожала плечами девушка. – Сегодня немного покупателей – день такой, поэтому я одна справляюсь. Кроме вас сегодня еще один человек переселится, но он будет позже. Больше до завтра никого не ждем. Смотрите, выбирайте.

Основной выбор был не то чтобы очень велик. В длинных пирамидах стояли СКС, АКМ и АКМС. Было какое-то количество первых выпусков АК-74 и АКС-74. Нашлось с десяток АКС-74У, «ксюх». Особняком стояли пять СВД с фанерным прикладом и цевьем, там же – с десяток РПК и РПК-74. Была пара ПК, стоявших на столе на сошках.

Пистолеты были представлены всего тремя моделями – ТТ, ПМ и АПС. В углу были свалены в кучу даже пистолеты-пулеметы ППШ и ППС, с виду совершенно новенькие, в пушечном зале.

Середина зала была занята здоровенным штабелем патронных ящиков и цинков. Вот и весь выбор. Я задумался. С пистолетом все ясно – пока хватит и «парабеллума», а «стечкин»

покупать – так, по мне, большого смысла нет. Хотя и двадцатизарядный, но не слишком удобный, тяжелый, а патрон слабоват. И громоздкий он, не по делу. «Макаров» обычный и обсуждать не стоит. Против «парабеллума» он не катит ни по меткости, ни по мощности, разве что по надежности впереди планеты всей. ТГ тоже палка о двух концах – пробивная сила в нем есть, но вот останавливающее действие никакое, и отдача слишком резкая. Так себе пистолет, на мой взгляд.

По основному я с СВД в свое время очень неплохо обращался, да и на стрельбище ее любил. Но как оружие самообороны снайперка, пусть даже и самозарядная, никуда не годится. Понятие «ураганный огонь» – точно не про нее, в кабине, случись стрелять из окна, с ней не развернешься. А покупать впрок – смысла нет, несмотря на всю мою запасливость. Мало ли что можно в городах купить? Деньги пока есть еще.

Автоматы... Я сразу решил остановиться на калибре 7,62. Может, у пули настильность поменьше, чем у 5,45, зато если в лесу... И если во что крупное стрелять вроде хищного бегемота, например, или какую другую тварь... Нет, 5,45 не катит.

– Подствольники есть?

– Сейчас нет, – покачала она головой.

Жаль, жаль...

– А гранаты? – продолжал я расспрашивать.

– Гранаты есть. РГД-5 и Ф-1¹.

Это хорошо, что у них гранаты есть. Гранаты нам всегда пригодятся. Тяжело в деревне без гранаты. И пулемета.

– Гранаты сколько стоят у вас?

– РГД по тридцать, Ф-1 по семьдесят.

– Неслабо, – высказал я мнение.

– Здесь все неслабо, – подтвердила мое мнение девушка. – С той стороны пересылают. В городах еще дороже будет.

Странное ощущение. Гранаты как помидоры в магазине покупаю. Привыкну со временем, наверное. Я решил остановиться на АКМ², благо они были на вид совершенно новенькими, явно со складов длительного хранения. АКМС со складным плечевым упором отпал сразу – приклады люблю нормальные.

– С магазинами как у вас? – спросил я. – Я обычные имею в виду, по тридцать, рожки.

– Есть тоже сколько угодно. По десять за штуку – пластмасса, по пятнадцать – металлические. Вон там набирайте, – указала ее рука на большой открытый ящик в дальнем углу каземата.

– Хорошо, – кивнул я. – Давайте считать. АКМ сколько?

– Пятьсот пятьдесят.

– АКМ. Вот этот, – ткнул я пальцем в один из автоматов. – Десять металлических магазинов. Цинк патронов. Патроны почему?

– Обычные – сорок центов за патрон. Стальная гильза, оболочечные.

¹ РГД-5, Ф-1 – разновидности осколочных ручных гранат, наступательных и оборонительных.

² Автомат Калашникова АКМ 7,62-мм, модернизированный автомат Калашникова (АКМ, Индекс ГРАУ – 6П1) – автомат, заменивший в 1959 году на вооружении советской армии АК и являющийся его дальнейшим развитием. Масса: 3,1 кг (АКМ без штык-ножа с неснаряженным магазином из легкого сплава); 3,3 кг (АКМС без штык-ножа с неснаряженным магазином из легкого сплава); 3,6 кг (АКМ без штык-ножа со снаряженным магазином из легкого сплава); 3,8 кг (АКМС без штык-ножа со снаряженным магазином из легкого сплава); 0,17 кг (магазин из легкого сплава); 0,33 кг (стальной магазин); 0,26 (штык-нож без ножен). Длина: 1020 мм (с примкнутым штык-ножом); 880 мм (без штык-ножа); 640 мм (АКМС со сложенным прикладом); длина ствола: 415 мм; патрон: 7,62×39 мм; калибр: 7,62 мм; механизм: отвод пороховых газов, поворотный затвор; темп стрельбы, выстрелов/мин: ~600; дульная скорость, м/с: 715; прицельная дальность: 1000 м; максимальная дальность: 400 м (эффективная); вид боепитания: коробчатый магазин на 30 патронов (возможно использование магазинов от РПК на 45 патронов); прицел: секторный.

Насколько понимаю, тут даже прямой конвертацией доллара в эю не пахнет. Цену они ломанули беспощадно. Спрос родил предложение? Или как?

– Скидки за цинк? – уточнил я.

– Скидок нет, – вежливо улыбнулась она.

Я вздохнул: что еще остается, кроме как согласиться? Что-то я последнее время только и делаю, что соглашаюсь.

– Хорошо, цинк патронов, четыре «эфки», четыре РГД... Ножи я там вижу. Что это?

– Ижевского завода, обычные армейские. Сто эю.

Неплохо. Кусаются цены, кусаются.

– Тоже давайте, – вздохнул я.

Девушка постучала ладонью по столу, на котором были разложены пистолеты, спросила:

– Пистолеты не нужны? Здесь все второе оружие носят. К тому же в некоторых городах ношение длинноствольного и автоматического запрещено, а пистолеты разрешены.

– Пистолет есть. Посчитайте, пожалуйста.

Девушка пощелкала клавишами кассового аппарата.

– Тысяча четыреста пятьдесят. Полагается подарок, если больше тысячи потратили. Рекомендую пломбирующую сумку для оружия.

– Это что? – уточнил я.

– В некоторых городах запрещается открыто носить оружие, – объяснила она. – Как и здесь в общем-то. Можно держать в машине, в оружейном ящике, или в сумке. Их пломбируют на въезде и снимают пломбу на выезде из города. В сумке безопасней: из машины проще украсть. А в большинстве гостиниц есть сейфы, возьмут на хранение.

– Полезно, – согласился я, чувствуя, что Игорь меня развел на установку инструментального ящика. – Давайте тогда сумку.

Девушка вытащила из-под прилавка сумку из плотной синтетики, с ремнем и металлическими петлями по краю, в которые был вплетен тонкий тросик, выложила на прилавок.

– Пока она вам не нужна, можете просто сложить все в свою машину. На Базе, тем более в зоне безопасности, не воруют. А в дальнейшем может пригодиться.

– А где можно набить магазины и пристрелять оружие? – поинтересовался я.

Чего тянуть? Пусть уж все в готовности будет. А пристрелка – вообще первое дело.

– Снарядить рожки можете здесь, а пристрелять – наверху. У нас есть стометровое стрельбище, я вас провожу.

Территория Ордена, База по приему переселенцев и грузов «Россия» 22-й год, 19-е число 5-го месяца, пятница, 17:00

К пяти часам местного времени я закончил пристрелку, снарядил рожки и притащил все покупки к машине, свалив их в оружейный ящик. Затем вновь зашел в дверь иммиграционного контроля. Девушка сидела за стойкой, раскладывая пасьянс на экране компьютера. Работы у нее явно не было.

– Девушка, скажите... простите, так и не знаю вашего имени...

– Светлана, – улыбнулась она, подняв глаза.

– Очень приятно, – разулыбался я в ответ. – Светлана, у меня вопрос вопросов имеется.

Где можно пообедать, выпить и переночевать?

Она махнула рукой в сторону двери за моей спиной, куда я пока еще не ходил, и объяснила:

– Выйдете вот в эту дверь, сразу свернете налево. Через сто метров упретесь в маленькую круглую площадь с фонтанчиком посередине. Слева увидите небольшое двухэтажное здание отеля. На первом этаже – бар «Рогач». Бармен заодно и хозяин гостиницы. Можете оставаться на Базе до трех ночей. Больше не разрешается – все же закрытая зона.

Я хотел уже поблагодарить и идти, как она сказала:

– В любом случае никогда не выезжайте из населенных пунктов ночью, если только не в составе колонны. Даже если вы оказались где-нибудь нежелательным гостем, вас все равно не отправят из города ночью – только с утра.

– Спасибо.

Я вернулся во двор, где стоял пикап, вытащил из него сумку с одеждой и маленький рюкзак с туалетными принадлежностями и прочими предметами личного обихода. Надев рюкзак и закинув ремень сумки на плечо, я прошествовал через приемную Светланы, одаренный ее вежливой улыбкой, и вышел на улицу.

Огляделся вокруг и приятно поразился. Все не так плохо в общем-то, не то что в глухом бетонном дворе, а вовсе очень симпатично. Заасфальтированная улочка уходила направо и примерно в двух сотнях метров упиралась в здание, на котором было написано «Станция». Улочка была вплотную застроена двухэтажными кирпичными домиками из какого-то зеленоватого и голубоватого кирпича, тянулась налево еще метров на сто, после чего разбегалась на три стороны, окружая маленький, выложенный светлым камнем фонтанчик. Такая же маленькая, почти игрушечная площадь тоже была окружена теми же веселыми домиками.

Я пошел в сторону фонтана. На улице было даже не так жарко, как в замкнутом дворе, дул легкий ветерок. Хотя все равно жара под сорок примерно. Ну, чуть меньше, может быть. Мало не кажется, к точке плавления меня близко.

Светлана не обманула: действительно фасад одного из домиков слева от фонтана украшала надпись: «Гостиница. Hotel». Первый этаж переходил в маленькую веранду, над которой висел невероятный по размерам череп с шестью разной длины рогами и пугающими размером то ли клыками, то ли бивнями. Я прикинул объем черепа – зверушка-то со слона должна быть ростом. Ничего так себе. Под черепом была еще одна вывеска – «Бар “Рогач”».

Я прошел через пустую веранду, заставленную столиками, в бар. Такой простой сельский стиль. Деревянные столы, тяжелые стулья, полумрак, тележные колеса вместо люстр. За стойкой никого не было, зато на стойке был колокольчик, по которому я и постучал. За стойкой распахнулась дверь, из которой вылетело облако кухонных запахов, и в облаке выплыл толстый человек с ярко выраженной армянской внешностью.

– Здравствуйте, чего вы хотели? – приветливо спросил он меня.

– И вам не болеть. Мне бы комнату на одну ночь и пообедать, – вкратце изложил я список планов на будущее.

– Всегда рады, – развел он толстыми волосатыми руками. – Вам комнату с ванной или с душем? С ванной – пятнадцать за ночь, с душем – десять. С ванной и номер немножко побольше. А кровати везде одинаковые. Телевизор, всю ночь кино крутим по второму каналу, программка под телевизором лежит.

– Давайте с ванной. Телевидение у вас тоже есть?

– Дорогой, вы о нас плохо думаете, – улыбнулся хозяин. – Вот вас как зовут?

– Андрей.

– А меня – Арам. – Он слегка поклонился. – Так вот, Андрей, в нашей Новой Земле целых четыре телевизионных канала! Чувствуете, какой прогресс? Правда, не везде принимает, – вновь усмехнулся армянин.

– Прекрасно! – восхитился я. – А интернет есть?

– А теперь вы слишком хорошо о нас думаете. Вот вам ключ... – Арам взял с крючка за спиной один из болтающихся там ключей с бронзовыми бирками, – ...и поднимайтесь в двести второй номер. Располагайтесь, бросайте вещи – и спускайтесь сюда. Я вас долмой покормлю и отбивными. Долму любите?

– Если вкусная.

– У меня – да и невкусная? – слегка обиделся он. – Идите уж.

– Еще вопрос: с пивом у вас как? – поинтересовался я о животрепещущем.

– С пивом у нас не «как», а колбаски острые – и мясные, и из морепродуктов, местное изобретение, – наставительно ответил кабатчик, воздев перст указующий. – И пиво у нас отменное, немцы варят. И светлое, и темное. Такого вы в Старом Свете и не пробовали даже. Идите, идите, давайте. Я пообедать к вам подсяду – все равно еще часа два затишье будет.

– Спасибо, – поблагодарил я гостеприимного хозяина гостиницы, опять взвалил сумку на плечо, обогнул стойку и поднялся по гулкой деревянной лестнице на второй этаж.

В довольно симпатичном коридорчике с гулким полом, наводящим на мысль о деревянных перекрытиях, и обитыми деревянными панелями стенами было восемь дверей. Моей оказалась вторая справа.

Не слишком большая, но и не маленькая комнатка, двуспальная кровать в деревенском стиле, кресло из светлого дерева, обитое яркой грубой тканью, маленький стол с настольной лампой и тумба с небольшим телевизором. Шкаф. Дверь в ванную. Ванная небольшая, белый кафель, ванна за занавеской. Зеркало с подсветкой. Унитаз. Ничего лишнего, но и неплохо. Выглядит все новым, очень чисто.

Я повесил джинсовую куртку, которую так и таскал в руке, в шкаф, разделся, прошел в ванную, включил душ. Вода быстро нагрелась, и я минут десять стоял под струями. Вылез, вытерся, вышел в комнату. Открыл большую сумку, достал оттуда легкие брюки «чинос», светлую рубашку с короткими рукавами. Обул мокасины на босу ногу. Раз на территории базы безопасно, то и нечего военнопольным видом блистать или охотника на тигров изображать.

Когда я вернулся вниз, Арам уже накрывал столик на веранде.

– Андрей, как вам номер? – спросил он.

– Хороший. Мне понравился, – не соврал я.

– Присаживайтесь, сейчас кушать будем.

Я сел за стол, а Арам удалился на кухню. Вернулся он быстро, с большим подносом, на котором красовалось блюдо долмы, соусник, две тарелки со свиными отбивными с жареной картошкой и початком кукурузы.

– Еще минутку.

Он поставил пустой поднос на соседний, не накрытый стол, пошел к стойке – и вернулся с двумя огромными кружками темного пива.

– Теперь порядок, – подсел он ко мне. – С прибытием вас. Поздравляю.

– Спасибо. Как думаете, оно того стоило? – спросил я, поднимая кружку в приветствии.

– Я думаю, что стоило, – осторожно ответил он. – Может, здесь и тяжело временами, и опасно бывает, но я обратно отсюда – никогда. Как на духу говорю.

– Почему?

Он подумал секунду, затем ответил:

– Здесь твоей жизнью никто не управляет, ты сам себе голова. И если голова работает – будешь жить хорошо. Не работает – будешь как получится. Но здесь у тебя нельзя отобрать того, что ты имеешь. Я в Питере знаете сколько взяток платил? У меня кафе было на Петроградке. Кто только у меня не кормился! Всем дай, всех накорми от пуза на халяву, и еще тебе же покажут, что ты живешь только их милостью. Надоело. Здесь я только небольшой налог Ордену плачу, пятнадцать процентов, а остальное – мое. Хоть в дело пускай, хоть в землю закопай. Я здесь четыре года, и брат мой младший здесь. Мы с ним еще в Порто-Франко гостиницу месяц назад открыли, и хотим в Москве открыть. В смысле не в Старом Свете, а здесь, здесь тоже Москва есть. Если интересно, у брата при гостинице еще оружейный магазин есть. Скажете, что от меня, – скидку сделает.

– Думаете, так и дальше будет?

– Если и изменится, то не скоро, – уверенно ответил он. – Сначала заселить все нужно плотно, потом у людей оружие поотбирать, да еще и самих людей изменить в сторону массовой баранизации. На наш век свободы хватит. Я же говорил, что телевидение пока не везде принимается? Вот как везде начнет – так и тупеть будем. Зато книги здесь опять читают. Разве плохо?

– Книги с той стороны? – показал я большим пальцем куда-то себе за спину.

– Нет, на той стороне их только копируют, а потом здесь издают с нарушением авторского права. – Арам помолчал секунду, задумавшись, а затем спросил меня: – Или право не нарушается? Право ведь только на Земле работает, наверное?

– Не знаю, затрудняюсь сказать, – пожал я плечами, затем спросил: – Все говорят, что опасно здесь. А в чем опасность?

– Опасностей хватает. Здесь, на базе, как у Христа за пазухой, конечно, а за забором... – Арам начал загибать толстые пальцы: – Хищники, перво-наперво. Хищников здесь много, и больших, и маленьких. Плюс всякие твари ядовитые, ползучие и летучие. Банды, само собой, – загнул он еще один палец. – Сейчас дорогу до Порто-Франко, после того как ветку железнодорожную достроили, подчистили немного, но все равно, случается, налетают. Теперь, правда, редко. Мелкие банды, не пойми откуда. Здесь же степь кругом. Прерия. Саванна, пампасы, если хотите. Население маленькое, территория большая. Дальше на юг другие проблемы начинаются. – Тут он загнул еще один палец. – Здесь ведь уже страны образовались. И христиане есть, и мусульмане, и все что угодно. И спорные территории, и полезные ископаемые, и борьба за них. Как пиво, кстати?

– Пиво роскошное, спасибо.

Пиво и вправду было хоть куда – давно такого не пил.

– Видите, не соврал, – улыбнулся он. – Вы пейте, кушайте. Здесь все, что с той стороны, дорогое, а еда и выпивка у нас везде дешевые.

– Это хорошо.

Арам не соврал. Долма была вкусная, хоть я и не большой ее поклонник.

– Вот. О чем я? – Он посмотрел на свой полусжатый кулак и продолжил: – Да... есть спорные территории, спорная политика. Поэтому и воюют, и союзы заключают. Все как у больших, только чаще и повальней. В некоторые места просто белому человеку ездить не стоит, в некоторые – христианину. Есть места, где рабство воскресили и где людьми торгуют. Есть

места, где скопились те, кто и раньше людьми не были, а теперь совсем озверели. Но есть и другие места, и другие достоинства у этого мира. Стали нравы проще, люди друг к другу тянутся. Можно кров и защиту найти быстрее, чем в Старом Свете. В некоторых местах люди снова забыли, как дверь запирать. Разве плохо? Законы гостеприимства вспомнили.

– Значит, не ошибся я с решением, по-вашему? – спросил я, глядя ему в глаза.

– Если вам, Андрей, хочется свободы, хочется зависеть только от себя и верных друзей, самому драться с тем, что видится вам злом, – вам здесь самое место.

Территория Ордена, База по приему переселенцев и грузов «Россия» 22-й год, 19-е число 5-го месяца, пятница, 19:21

Через пару часов в бар начали подходить первые посетители – все в песочной орденской униформе. Арам ушел за стойку – разливать пиво, а я поднялся к себе в номер. Разделся, завалился на кровать, открыл «Памятку переселенца».

«Глава 1. История Новой Земли.

Первые люди в Новой Земле появились в 1983 году по летоисчислению Старого Света. Это были ученые, случайно открывшие Проход в результате эксперимента с магнитными полями высокой мощности.

Целая группа ученых-идеалистов и их соратников воспользовались возможностью основать новую цивилизацию. Часть их коллег осталась в Старом Свете, начав тайную агитационную кампанию, склоняя людей к переселению на новые земли. Даже к их удивлению, желающих переселиться оказалось много. Люди рвались к свободе, к новым перспективам. Нашлись и те, кто взялся финансировать новый проект, – состоятельные люди с высоким чувством ответственности за будущее человечества.

Однако сохранять все в тайне своими силами было сложно, весь проект оказался под угрозой. И тогда был организован Орден, возглавил который совет ученых, открывших этот мир. Задачами Ордена стали: привлечение как можно большего числа поселенцев, снабжение их всем необходимым, организация новых Проходов в Новую Землю по всему миру, обеспечение безопасности Проходов. Орден пополнялся новыми сотрудниками, обзавелся агентами во многих странах мира, многие из которых даже не подозревают, для чего и на кого они работают на самом деле. Уже в 3 году в Новой Земле проживало около 300 тыс. поселенцев, а в 21 году их количество составило почти 7 миллионов человек, разбросанных на огромной территории. К сожалению, Орден не смог предотвратить образование государств по национальному, расовому или религиозному признаку, чего руководство Ордена всегда хотело избежать. Люди обнаружили, что земля нового мира богата ископаемыми, идеальна для фермерства. И новообретенное богатство сразу же захотелось переделить. Начались конфликты. Но таков неизбежный путь становления нового мира, собираемого из людей мира старого, со старыми привычками, менталитетом и стереотипами.

Ордону, несмотря на это, удастся сохранять нейтралитет и оставаться над схваткой. Все стороны всех конфликтов знают, что Орден работает на каждого поселенца, независимо от цвета кожи, убеждений и веры. Орден защищает Человечество Новой Земли в целом...»

Стоп, стоп, стоп, благородные какие, сейчас рыдать начну, растрогавшись... Я отложил брошюрку в сторону, задумался.

По своему опыту знаю, что там, где очень много благородства сразу и в одном месте, – всегда какая-то дрянь зарыта. Вот не верю я давным-давно в тех, у кого денег очень много, но цель их жизни – сделать всех кругом счастливыми. Эти деньги сперва заработать надо, а процесс их извлечения из карманов ближних в таких количествах редко напоминает благотворительность. Это как Джордж Сорос: весь мир о нем говорит, филантроп он и почти Мать Тереза, но об осчастливленных им я так и не слышал, а вот про оставшихся без последних штанов в результате очередного его «игрушечного» финансового кризиса – сколько угодно. Украд сто рублей у ста человек, а потом торжественно, с фанфарами, вернул одному из них пятиалтынный. Даже не ему – сиротке конфет отсыпал перед камерами, причем «камеры» здесь ключевое слово. Благотворительностью называется, если кто не в курсе. А из скольких стран «бла-

готворителя» пинками вышибли, за его неуместную политическую активность? Даже в России сообразили это сделать.

Сладенький текст про Орден тоже вызвал еще не оформившиеся, смутные подозрения. Ладно, как говорили в Одессе, – будем еще посмотреть. В любом случае я здесь, кроме бара Арамова, еще и не видел ничего.

Отбросив памятку, я взял с прикроватной тумбочки бумажный пакет с путеводителем и картами. Начал с карт. Первой лежала карта Новой Земли в совокупности – так сказать, «политическая карта мира», наложенная на географическую. М-да, интересная конфигурация. Больше всего заселенная местность напоминала Центральноамериканский перешеек, но такой, как бы сплюснутый сверху. То, что должно было быть Мексиканским заливом, по форме скорее напоминало Средиземное море в зеркальном отражении. Сверху, сначала по равнине, а потом по горным каньонам, затем по долине меж горных хребтов, на перешеек стекала большая река, разбегавшаяся в дельте на многочисленные рукава. Называлась река Амазонкой. Местность вокруг рукавов вся была покрыта тройными горизонтальными черточками болот. В своем среднем течении, в том, которое уместилось на карте, река была окружена сплошным тропическим лесом. Часть леса и западное побережье были очерчены пунктиром, и там было написано «Бразилия». Так, Бразилия тут в полушарии Северном. На реке был город Сао-Бернабеу, на побережье – еще два кружка, Баия и Рио-де-Жанейро³.

Правее Бразилии широко раскинулся Латинский Союз, ограниченный снизу на карте горной цепью под уже в третий раз повторяющимся названием Сьерра-Невада. Где-то в дебрях Латинского Союза брала начало река... угадайте? Правильно, Рио-Гранде, которая текла вниз, в сторону Средиземно-Мексиканского залива (название мое, на карте – Большой залив), разделяя две соседние территории – Американскую Конфедерацию слева со столицей в Форт-Ли, стоящем на Большой Реке (а в переводе ведь – та же Рио-Гранде, хоть и не она), и просто Техас. Без хитростей так, без затей. Столицей Техаса был городок Вако. Название вызвало какие-то ассоциации в голове, но вспомнить, что связано с этим именем, я так и не смог. На территории Техаса тоже был прочерчен маленький пунктирчик, которым была отделена Автономная Территория Невада и Аризона. На этой территории, на слиянии рек Рио-Гранде и Мормонской, красовался город Нью-Рино.

Сверху Конфедерация и Техас упирались в горную цепь Сьерра-Гранде, к которой с запада примыкала Сьерра-Невада, выше которой находился все тот же Латинский Союз, делившийся на множество маленьких территорий, среди которых запомнился мне Атцтлан со столицей в Ситио де Ла Луз.

Снизу и правее Техас перетекал в здоровенный полуостров, соответствующий местоположением Италии, с двумя большими островами внизу слева. Правда, форма полуострова больше напоминала мешок с картошкой, нежели сапог. Территория несла гордое название Американские Соединенные Штаты и делилась на три штата – остров Манхэттен, со столицей Форт-Рейган, остров Колумбия, со столицей Форт-Вашингтон, и штат Нью-Йорк, со столицей Форт-Линкольн. Маленький уголок штата Нью-Йорк был тоже отделен пунктирчиком и назывался Федеральный округ Новый Израиль, где находилась столица этого государства – Сион. Сион, говоря по-русски.

Однако я вовремя остановил ползущие вверх брови, вспомнив, что у американцев вообще слабость к библейским именам и названиям. А обретя новую землю, они запросто могли ее назвать Землей Израилевой, а столицу – Сионом. «Бысть во гради Сионе...» и тэ дэ. Даже на имена посмотрите – Абрамы-Абрахамы, Самуилы-Сэмьюэлы, Исааки-Айзеки... очень все по-библейски.

³ http://zhurnal.lib.ru/img/k/kruz_a/zemlyalishnih/fookin__map.jpg

За двумя большими островами скромно притулились два острова поменьше. Один назывался Нью-Хэвен, второй звался скромно – Остров Ордена. Никаких столиц на этом острове обозначено не было. Понятно только, что там вот эти самые, которые благородные, живут.

Правее Американских Соединенных Штатов... АСШ? Язык сломаешь... Правее и выше этого АСШа, в общем, начиналась территория Европейского Союза. ЕС не делился на провинции, но по названиям городов можно было понять, где кто живет. Европейский Союз тянулся до самого океана справа, сверху он был отделен горами от... Китая. Да, да, граница Евросоюз – Китай превратилась в реальность. В Китае столицей был Бейджинг, и был там порт Шанхай. Ну все знакомо, короче. Ладно, смотрим дальше, как говорят товарищи китайцы: «Ибу ибуди да дао муди», – что в переводе означает: «Шаг за шагом двигаемся к цели».

От Европейского Союза снизу справа было отломлено два ломтика. Один принадлежал Британскому Содружеству, назывался Новым Уэльсом и был отделен узеньким проливом от островов Новая Англия, Новая Шотландия и Новая Ирландия, собственно, и образующих основную территорию Союза. Просвещенные мореплаватели опять заныкались на островах. Тоже свежестью не блещет. Второй ломтик назывался «свободная территория под протекторатом Ордена», где в ряд, по побережью, выстроились пять Баз, над второй сверху была стрелочка с надписью «Вы здесь». Угу, спасибо, будем знать. На стыке моря и границы с ЕС находился город Порто-Франко.

На самом выходе из Большого залива в океан раскинулся еще один остров, обозначенный как территория Ордена. Судя по карте, рельеф у него был горный по краям, понижающийся к середине. В середине – озеро. Наверняка остатки бывшего гигантского вулкана. Но даже названия или какого иного пояснения там не было. «Терр. под протект. Ордена» – и все тут.

Я перескочил взглядом по карте влево. А вот и мы. Российская Конфедерация. Зажата между Американской Конфедерацией справа, горами и Бразилией слева сверху, Амазонским хребтом слева снизу, болотами речной дельты снизу и заливом – справа. В заливе почти у самого берега были разбросаны Дикие острова. А левее и вниз, в горах и частично речной долине, красовался Ичкерийский Имамат. За-ши-бись! Без них – никуда! Со столицей в Джохаре, разумеется, – Джохар-Юрте, если точнее.

А сама территория Российской Конфедерации особо размерами не блистала, и к тому же делилась на две части, названий не имевших. Часть от гор до болот, с городами Демидовском, Береговым и Базой, была подписана «протект. Рус. Армии», другая – прибрежная, с городами Москва и Новая Одесса – «Моск. протект.». Тут все ясно, у нас бардак, как всегда.

Ичкерийский же Имамат снизу сливался с Великим Исламским Халифатом со столицей в Новой Мекке. Судя по карте, на этот раз халифам досталась не пустыня, а вполне плодородные земли вроде целинных. Даже широкая река, протекавшая с юго-запада на северо-восток, с широкой дельтой. И называлась она Евфратом, хотя больше на Нил была похожа. Территория халифата огибала залив снизу и граничила с Африканским Халифатом Нигер и Судан, «протект. ВИХ». Дальше шли сплошные джунгли Дагомеи со столицей в Мандела Сити, городами Малколм Экс и Лумумба и большим озером Свободы в центре. Из озера Свободы текла река Замбези, вливавшаяся в Большой залив. В этом месте у Дагомеи был отчекрыжен кусочек берега с городом Кейптаун (и правда – на мысу), и назывался кусочек Свободная Африканская республика «под протект. Брит. Содр.». Справа от Дагомеи был оторван кусок побольше и назывался Британской Индией со столицей в Порт-Дели. Понятно, Индия теперь в Африке. Все, на этом известный местной географической науке мир заканчивался. Конец географии.

Я перелистал остальные карты – это были подробные карты каждой из территорий по отдельности. Точно пригодятся. Полистал путеводитель. Интересно. Много фотографий, особенно интересен раздел «Животный мир». Рогача, чья башка торчала над верандой бара, искал специально и нашел сразу. Копытная зверюга под три тонны, покрытая черной шерстью, тра-

войдная. Рога для самообороны, бивни – раскапывать почву. И тоже для самообороны. По статьям – похудевший и подросший носорог, только рогов целый пучок, и все – не на носу.

Отдельно там был раздел «Хищники и опасные животные». Большой такой раздел, внушающий уважение. Много змей, все большие. И ядовитые, и душительные. Душительные бывают ну очень большими. Из ядовитых особенно впечатлила дагомейская гадюка – толстая змеюка метра три длиной, растительной раскраски и с хитрой чешуей – как «лохматый» камуфляж. Разгляди такую в опавших листьях. Укус приводит к смерти в 100 % случаев, если не ввести сыворотку в течение двух-трех минут.

Ладно, эта – в Дагомее, тут их нет. А кто тут живет? И тут опасных тварей хватает. Как вам тварь весом до тонны, напоминающая копытного бультерьера гиеновой раскраски, у которого пасть удлиненили раза в два, как у крокодила? «Большая гиена» называется. Только охотится как росомеха – кусает, затем неумолимо и неторопливо преследует жертву, пока та не скопытится от усталости и потери крови. Правда, это если на кого-то очень крупного – всех, кто мельче, вроде человека, пополам перекусывает. Зарегистрировано, кстати, множество случаев нападения на людей и домашний скот.

А вот что-то вроде свиней-падальщиков. Сложения атлетического. Эти тут как раз и заменяют гиен. Не толпой не охотятся – маленькие, килограммов по триста-четыре всего, можно сказать – мелочь пузатая. А вот толпой уже охотятся, смелеют, и людьми не брезгают.

В джунглях распространены крупные хищники вроде норки, только очень большой. Видать, просто размером брать в джунглях проблематично: тесно все же – вот и удлинилась. Здоровая гибкая тварь, килограммов по триста бывает. А мех, пишут, хороший, не хуже, чем у той самой норки.

Так. Все для дайвинга мне взять посоветовали. А что у нас в синем море? Акулы почти обыкновенные, только большие и очень много. Змеи морские, только пасть полноценного размера, не как у наших, поэтому кусать могут не только маленьких рыбок, но и больших ныряльщиков. Есть местные разновидности мурен, тоже ядовитые. Полноценно ядовитые, а не просто зубы не чистят, как наши земные.

Какие-то пресмыкающиеся вроде ихтиозавров и плезиозавров, к счастью – пелагические, у берегов редко встречаются. Зубастые киты, метров по двадцать с лишним, менее «рыбного» типа, чем земные, ближе к ящерам статями. В истории Земли подобные были, назывались базилозаврами. Панцирная рыба до десяти метров в длину, башка бронированная, пасть, как гильотина, любит этой башкой лодки бодать. Из лодок падают, а она их за это ест. В общем, дайвингом заниматься – милое дело.

Ага, вот что пишут: «Животный мир пока изучен недостаточно, и непрерывно обнаруживаются новые виды, опасные для человека. Всегда будьте бдительны в диких землях». Обязательно будем.

Полистал раздел насекомых. Насекомые большие и не очень, кусаются и жалятся. Ядовитые, паразитные и всякие прочие. Чем дальше в лес, тем ну его на хрен. Для начала – достаточно. Пока надо эту информацию переварить. А сверху пивом побрызгать. Пошел я снова к Араму на пиво, пожалуй. Он еще каких-то удивительных местных ракообразных обещал, в виде шашлычков и колбасок. Проверить надо. И светлого местного я еще не пробовал, а я его всегда темному предпочитаю.

Было душновато, кондиционера в номере не было, лишь вентилятор в углу крутился, гудя как шмель, поэтому я еще раз влез под душ перед выходом. В баре было уже многолюдно. Примерно половина посетителей была одета в песочную орденскую униформу с различным количеством лычек или пирамидок на отворотах воротников. Были мужчины и женщины, хотя мужчин было больше. Говорили в основном по-английски, хотя было слышно, что он был родным не для всех. В основном люди толпились у бара, где помимо Арама заправляла еще крашеная блондинка лет тридцати с уставшим лицом. Отдельные кучки посетителей стояли вдоль

стен, держа кружки с пивом на тянущихся по периметру зала полках. За столиками же людей было мало. За одним из них я увидел Светлану из иммиграционного контроля, сидящую с задумчивым видом, помахал ей рукой. Она махнула в ответ и показала на стул напротив.

– Добрый вечер, – поздоровался я, усаживаясь.

– Добрый вечер. Как устроились? Как гостиница? – спросила она.

– Спасибо, все очень хорошо.

– Арам сказал, что вы уже познакомились.

Она кивнула в сторону суетящегося хозяина. Это что, она его обо мне спрашивала или он сам рассказал?

– Уже. С ним поди не познакомься, – подтвердил я.

– Я подругу жду, но она на дежурстве задержалась, – вдруг сказала она, объясняя свое одиночество, и показала пальцем на мобильный телефон, лежащий перед ней на столе.

– Мобильная связь здесь есть? – удивился я.

Зимин вроде бы говорил, что нет здесь такой.

– Только в пределах орденских баз и в некоторых городах. Роуминга пока нет.

– Вы что пьете? Что это у вас? – спросил я.

Перед Светланой стоял бокал с чем-то рубиново-прозрачным.

– Это местная разновидность вина, – ответила она, покрутив бокал в пальцах. – Может, и не вино даже, потому что вино должно быть из винограда, а это в Бразилии делают из лесной вишни. В общем, там и с вишней общего немного, если по науке, но на вкус и цвет похоже. Сок сбраживается мгновенно, поэтому даже вкус почти не меняется. И алкоголя – как в сухом вине или чуть меньше. Попробуйте.

Она протянула мне свой бокал. Я осторожно отпил. Действительно просто вишневый сок, не слишком кислый. Вкусно.

– Замечательно! – вполне искренне объявил я. – Просто здорово!

– Видите? – заулыбалась она. – Здесь вы еще много нового увидите. Смерть от жажды и голода в Новой Земле еще никому не грозила.

– Надеюсь. Но я все же пива выпью – оно здесь тоже исключительное, – заявил я.

– Да, знаю. Я тоже пиво люблю, но толстею от него, – вздохнула девушка.

– Вам что принести?

– У меня пока есть, – покачала головой. – Подруга придет – пошлю ее, пусть опоздание отработывает.

К стойке протолкнуться было уже сложно. «Sorry, mate»⁴, – пришлось раздвинуть двоих чуть ли не приросших друг к другу спинами парней, чтобы попасть в зону досягаемости Арама. Он сразу подошел ко мне вдоль стойки.

– А, Андрей! Чего вам налить? Темного?

– Давайте светлого, я еще его не пробовал, – ткнул я пальцем в кран с зеленой этикеткой и непонятной надписью готическим шрифтом.

– Большую?

– Большую. И бокал... вот это вино местное, вроде вишневого... – неопределенно покрутил я в воздухе пальцами.

– Так и называют, вишнежкой. Это Свете?

– Да, ей.

– Хорошая девочка, не обижайте, – улыбнулся Арам.

– Обидишь ее, с ее-то пистолетом, – вспомнил я висящую кобуру.

– Пистолет у нее на работе, а здесь она беззащитна перед приезжим столичным ловеласом, – сказал он.

⁴ Прости, приятель (англ.).

– Хорошо, буду тише воды и ниже стола.

– Ниже стола тоже не надо – придется на себе вас в номер тащить, – покачал головой кабатчик.

Пока мы болтали, Арам налил вино и наполнил огромную кружку пивом.

– Там сколько? – ткнул я пальцем в кружку, пораженный.

Точно знаю, что понятие «большая» подразумевает все же нечто меньшее.

– Литр, – с гордостью выставил тяжелый сосуд на стойку Арам. – У нас большая – литр, а та, что вы думали, – средняя. Пинта. Ноль пять, если хотите.

– Спасибо, буду знать.

– На здоровье, отдыхайте.

Неся перед собой бокал с вином и огромную кружку пива, я ловким зигзагом обошел кучки подвыпивших бойцов и чиновников Ордена и вернулся к столу.

– Вы все-таки взяли вино! – с оттенком укоризны в голосе сказала Светлана.

– Мне будет неловко, если ваша подруга пойдет за ним, а я буду сидеть за столом и сдувать пену с пива, – оправдался я. – Тем более что у вас в бокале после моего глотка едва на доньшке осталось. Вопрос разрешите?

– Конечно.

– А почему так много иностранцев? – показал я на толпу в баре. – База, как я понял, принимает только из России?

– На самом деле не только, – отрицательно покачала она головой. – Почти вся Восточная Европа через нас, это только название такое. Кроме той площадки, где вы вышли из ворот, есть еще три. И на каждой площадке по десятку «ворот». А в Ордене состоят люди со всего мира. Непосредственно на первом контакте стараются ставить соотечественников. К тому же Орден постоянно ротацию персонала производит. Я здесь год этот доработаю – и уеду на их базу возле Порт-Дели, за Залив. Там буду уже не на приеме, а логистикой заниматься. Язык общения в Ордене – английский, все на нем говорят.

– А вроде не так много людей сюда идет, верно? – задал я с утра мучивший вопрос.

– День на день не приходится, иногда сплошной поток, – покачала она головой. – Сегодня совсем пусто на этих воротах. Зато в грузовые, что на станции, сегодня столько натолкали, что подруга моя с работы никак не вырвется.

– Понятно, – кивнул я. – Хорошо, если так. А еще хорошо, что вас встретил – уже знакомое лицо. К тому же лицо удачное, красивое такое.

– Вы сразу начинаете меня соблазнять? – Она посмотрела на меня в упор своими светлыми прозрачными глазами. – Наверное, это предосудительно.

– Предосудительно сразу сдаваться соблазнителю – получается, что никакой моральной стойкости нет, – наставительным тоном школьного учителя сказал я. – А соблазнять нужно начинать сразу, чтобы растянуть процесс и дать возможность женщине не сдаваться немедленно, а соблюсти временной интервал, отпущенный на приличия.

– Ну надо же, а я и не знала, – с притворным удивлением раскрыла она глаза.

– Видите, сколько полезных новых знаний пришло со мной в этот мир.

– Да уж вижу! – засмеялась Светлана. – И как сформулировано! Уважаю.

Она махнула рукой кому-то у меня за спиной:

– А вот и подруга.

К нашему столику подошла невысокая, несколько полноватая в бедрах шатенка с забранными в растрепанный хвост волосами.

– Hi Gracey!⁵

⁵ Привет, Трейси! (англ.)

– Hi Svetlana!⁶

Девушки изобразили двойной поцелуйчик возле щек. Трейси села за стол. Разговор так и перешел на английский.

– Привет, я Андрей, – привстал я, пожимая протянутую руку.

– Я Трейси, – заулыбалась пришедшая. – Приятно познакомиться.

– Мне тоже приятно, – продолжал я блистать вежливостью. – Выпьете что-нибудь?

– Красное вино, пожалуйста, – сразу ответила она. – Спасибо.

– Скоро вернусь, – кивнул я и поднялся из-за стола. Арам, увидев меня, помахал мне рукой, показывая, что он сейчас сам подойдет. Я сел обратно, и действительно помогавшая Араму блондинка подошла к нам с бокалом и поставила его перед Трейси.

– Спасибо, – поблагодарила официантку Трейси, затем повернулась ко мне: – Спасибо, очень мило с вашей стороны. Новичок здесь?

– Да, только что пришел сюда, – подтвердил я ее догадку. – Подозреваю, что моя «новичковость» на морде написана.

– Нравится?

– Неплохо, – пожал я плечами. – Девушки вот красивые, пиво хорошее. Тепло.

– Верно, – улыбнулась она. – И прорва пустого места за забором. Локтями пока не толкаемся.

Поскольку Трейси по-русски не говорила, все перешли на английский. Трейси работала суперкарго на железнодорожной станции. На этой базе работала уже два года и тоже ожидала перевода, но уже на остров, где находится центральная база Ордена в Новой Земле. Сегодня же она «goes out»⁷ со Светланой, поскольку по местному календарю сегодня пятница, впереди два выходных и можно выспаться.

Я поинтересовался, где они проводят выходные, на что Трейси ответила, что здесь отличный пляж, хорошие волны, можно кататься на доске, если не боишься акул. Сам же пляж огорожен сеткой, есть волейбольные площадки и мини-гольф и хороший ресторанчик морской кухни, принадлежащий все тому же вездесущему Араму. А вообще до Порто-Франко три часа на поезде, который ходит раз в день, а там тоже можно повеселиться.

Меня даже пригласили на пляж, уверяя, что нет никакого смысла выезжать в Порто-Франко в субботу, потому что там тоже выходные и мне придется два дня болтаться в незнакомом месте без дела. А по правилам базы я имею полное право обретаться здесь еще две ночи, да и правило это не слишком строгое, разрешение легко продлить – достаточно сослаться на плохое самочувствие, и никто не откажет.

Я еще несколько раз курсировал к стойке, сам Арам тоже подходил к нам с напитками, даже посидел пару минут за нашим столом. Чуть позже появились две молодые чернокожие девчонки, которые работали официантками, зал заполнялся, все столики были заняты. К нам постоянно подходили какие-то знакомые Светланы и Трейси, время от времени кто-то пил с нами. В зале стоял гул голосов, громко играла музыка. Дамы уже были изрядно навеселе, Светлана придвинулась ко мне поближе. В какой-то момент она прижалась губами к моему уху и щекотным шепотом сказала:

– Хватит пить, временной промежуток, отпущенный на приличия, вышел. Закажи только что-нибудь в номер.

Мы поднялись из-за стола, попрощались с Трейси и каким-то высоченным немцем с двумя треугольниками на воротнике, сидевшим с ней, и пошли к лестнице. По пути Арам сунул мне в руки бутылку все той же вишневки, сказав, что сегодня запарка, множество клиентов, пока еще официантки в номер принесут – час пройдет. А бокалы и штопор я в номере найду.

⁶ Привет, Светлана! (англ.)

⁷ Здесь: вышла поразвлечься (англ.).

Я взял бутылку за горлышко, догнал ушедшую по лестнице Светлану. Мы поднялись на второй этаж, она шла впереди, я подошел сзади, обнял ее за плечи, развернул, прижался к губам. Она ответила на поцелуй, губы были вишневыми на вкус, я почувствовал упругую грудь, прижавшуюся к моей груди, немножко отстранился, провел по ней ладонью, оценив форму и тяжесть, опять развернул ее, слегка шлепнул и подтолкнул вперед. Мы дошли до двери, я извлек ключ из кармана брюк, замок щелкнул, дверь открылась с легким скрипом.

Мы вошли, я захлопнул дверь ногой, вновь привлек девушку к себе, снова поцеловал в вишневые губы, в лицо, волосы, пахнущие травами, холодные и шелковые, струящиеся по ладони. Она обхватила меня руками за шею, я нагнулся, обнял ее за бедра, прижал к себе, поднял – она тихо ойкнула, донес до кровати, аккуратно опустил на спину, начал расстегивать форменную рубашку, почувствовал, как ее руки потащили с меня мою рубашку вверх. Я выскользнул из не расстегнутой до конца рубашки, нагнулся к тумбочке, включил неяркую лампу под абажуром, вновь повернулся к Светлане. Она уже срывала с себя форменную рубашку, открыв плоский, загорелый в золото живот и широко расставленные груди. Я нагнулся, начал целовать ложбинку между ними, их прохладные нежные купола, небольшие розовые твердые соски.

Она слегка оттолкнула меня, я выпрямился, стоя над ней на коленях. Ее руки вцепились в ремень, вжикнула молния. Я перевернулся на бок, сбросил на пол брюки и что еще на мне осталось, рядом упали брюки и трусики Светланы. Я вновь нагнулся к ней, уже сбоку, целовал лицо, губы, шею, ее руки сплелись за мной, гладили по спине. Я опустил губами к животу, затем еще ниже, прижался лицом к нежному лобку, покрытому светлыми волосами, целовал бедра... Она вскочила на колени, снова оттолкнув меня, вцепилась поцелуем в губы, снова упала на спину, потащив меня на себя...

А температура после прививок у меня так и не поднялась.

Территория Ордена, База по приему переселенцев и грузов «Россия» 22-й год, 22-е число 5-го месяца, понедельник, 09:14

Мы стояли со Светланой в пустом помещении иммиграционной службы. Все вещи были уже упакованы, лежали в багажнике «семиспятки». Охранник запломбировал мой оружейный ящик в кузове, объяснил, как выехать с базы. Срок моего пребывания здесь истек, да и просто мне надо было ехать, искать свое место в этом новом для меня мире. Позади остались два бесшабашных, веселых дня на белом песке пляжа у синего теплого океана, с долгими посиделками на террасе пляжного ресторанчика «Чирингито», волейболом и лоботрясничаньем. Остались позади и две ночи, заполненные ласками, шепотом, безумием секса и красивой девушкой, которая стояла сейчас рядом, прижавшись ко мне.

– Мне было хорошо, – пробормотала она негромко. – Спокойно и весело. И легко. Я не хочу, чтобы ты уезжал.

– Мне тоже с тобой хорошо. Но ехать надо, я даже пока не знаю, кто я и где я на этой земле.

– Я знаю. Ты – это ты, и сейчас ты здесь. Но ты все равно езжай, только пообещай приехать ко мне. Даже если не приедешь – все равно пообещай.

– Если я пообещаю – я к тебе приеду. И я обещаю.

– Обещаешь приехать?

– Обещаю приехать.

– Ты можешь уже не застать меня здесь. Меня переведут в Порт-Дели.

– Туда сложно попасть?

– Тебе – да. Тебе надо будет ехать в Британское Содружество, в Портсмут, и оттуда паромом в Нью-Дели. В нашем мире это долгий путь.

– Я приеду в Портсмут и сяду на паром. Мою машину-пикап возьмут на паром?

– Это же паром. Возьмут и тебя, и твою машину, и даже возьмут еще и меня, если я уеду оттуда с тобой.

– Куда?

– Туда, куда ты меня заберешь. Куда ты поедешь?

– Пока не решил. Но в любом случае – сначала поеду на русскую территорию, а после видно будет.

– Далеко. Ты береги себя. Для меня хотя бы. Поцелуй меня. Здесь камеры, но пусть смотрят. Там девчонки сидят за камерами – пускай завидуют.

Я нагнулся и поцеловал ее в губы. Вкуса вишни уже не было. Был вкус Светланы. Вкус женщины.

– Я влюбилась.

– Наверное, я тоже, – вырвалось у меня.

– Ты не уверен? – подняла она глаза. – Нет, не отвечай. Я сама все вижу, сама все знаю. Что бы ты ни ответил, я знаю, что я тебе не безразлична. И буду это знать, даже если это и неправда. Но мне кажется, что правда. Правда ведь?

– Правда.

– Езжай. Езжай, а то разревусь.

– Увидимся.

– Конечно, если приедешь.

– Приеду.

– Вот и езжай. Раньше уедешь – раньше приедешь.

Территория Ордена, База по приему переселенцев и грузов «Россия» 22-й год, 22-е число 5-го месяца, понедельник, 09:32

Вернувшись к машине, я еще раз проверил, как уложены вещи, надел разгрузку. Легкомысленные «чинос» и рубашка с мокадинами переселились в сумку, а я надел полувоенные брюки хаки, затолкав в набедренные карманы два ИПП и нож, обул легкие горные ботинки «вибрам», которые с успехом заменяют любые берцы. В карманы разгрузки я затолкал восемь снаряженных рожков к АКМ, надел очки, натянул панаму, а на шее завязал бандану. Если будет пыльно в дороге, то можно натянуть на лицо. В набедренную нейлоновую кобуру, в специальное гнездо, воткнул запасной магазин к «парабеллуму».

Кондиционер в машине был, но включать его я не стал, а открыл передние окна с обеих сторон. Включил рацию, настроил ее на канал, по которому местные патрули оповещали о проблемах на дороге. Вроде бы все. Выбрал нужную карту из стопки, развернул ее нужным участком вверх и, вложив ее в прозрачную упругую папку, бросил на пассажирское сиденье. Можно ехать.

Кто-то невидимый открыл ворота, и я выехал из замкнутого бетонного пространства стоянки, поймав отраженное от стен тарахтение дизеля, свернул в сторону железнодорожной станции, перед ней – налево и через пару минут остановился у местного КПП. КПП выглядел как хороший опорный пункт. В укрытиях из бетонных блоков стояли два «хамви» с крупнокалиберными пулеметами М2 на крышах и бронетранспортер М113. На площадке бетонной вышки стоял дозорный, рядом с ним к перилам была прислонена крупнокалиберная снайперка «мак-миллан». Все на блоке были одеты в американский «пустынный» камуфляж уже чуть устаревшего в Старом Свете образца, кевларовые американские шлемы и бронежилеты. У всех автоматы М16А2.

Между стеной вышки и одним из бетонных укрытий был установлен шлагбаум, возле которого стоял боец с винтовкой наперевес, второй страховал его из укрытия. Я подъехал к шлагбауму, и солдат сделал мне знак остановиться. Я притормозил, и боец подошел к машине с моей стороны:

- Доброе утро, сэр, – сказал он, заглядывая в окно. – У вас есть Ай-Ди?
- Да, есть.

Я протянул ему свою идентификационную карту. Боец сверил фотографию на карте с моей личиной, попросив снять темные очки, затем достал из поясной сумки ручную машинку для считывания штрихкода, провел ею по карте. В его сумке что-то пискнуло, и он вернул карту мне.

- Спасибо за сотрудничество. У вас есть оружие, которое надо распечатать?

Голос был «дежурных интонаций», когда человек говорит и сам не слышит, что именно говорит.

- Да, есть, – кивнул я. – Кое-что лежит в ящике. Могу я достать его оттуда сейчас?

– Да, сэр. Теперь вы можете делать со своими игрушками все, что захотите, – усмехнулся он.

- Спасибо.

Боец влез в машину через заднюю дверь, разломил пломбу на ящике специальными кусачками, после чего посоветовал пользоваться сумкой, и я с ним легко согласился. Достав оружие, я распределил его по местам. «Парабеллум» перекочевал в набедренную кобуру, АКМ разместился в универсальном кронштейне в салоне справа от трансмиссионного тоннеля.

Достав из ящика четыре гранаты, я затолкал их в специальные карманы на разгрузке. Две Ф-1 и две РГД-5. Теперь, кажется, все. Готов в путь.

– Спасибо, до свидания, – поблагодарил я солдата.

– Удачи, сэр. Езжайте осторожно.

Признаться, я здорово волновался: все же не каждый день ты выезжаешь в самостоятельный путь в новом и незнакомом мире. Дорога была обычным грунтовым грейдером, тянувшимся вдоль однопутного железнодорожного полотна. Колеса «семиспятки» поднимали облака пыли, которые собирались в длинный шлейф, относимый ветром с океана в сторону степи. Океан был совсем недалеко, метрах в пятистах вправо. С любого места я видел длинные пологие волны, идущие в мою сторону и исчезающие под срезом обрывистого берега.

Железная дорога тянулась слева, и я подумал, что если так сделали специально, то у автора проекта была голова на плечах. Железнодорожная насыпь образовывала неплохое препятствие для машин, справа же дорогу прикрывал океан. Если здесь и вправду случались набеги моторизованных банд, то сейчас для них даже организовать погоню проблематично – переехать через рельсы сложно, преследуемый сможет оторваться. Для засады же в плоской как стол степи места почти не было, и сама насыпь тоже не давала укрытия для транспорта.

Дорога позволяла держать скорость около пятидесяти-шестидесяти километров в час, при этом пользуясь определенным комфортом. Если верить карте, то до Порто-Франко всего примерно сто пятьдесят километров, можно за три часа доехать.

Степь была безлюдной, но назвать ее пустыней язык не поворачивался. Еще в первые десять минут мне довелось видеть несколько больших стад рогачей, еще каких-то травоядных, похожих на крупных антилоп, только с четырьмя загнутыми назад острыми рогами. В высокой траве иногда мелькали спины хищников, бредущих среди стад копытных. В одном месте я увидел, как табун каких-то животных, похожих на очень горбоносых лошадей с крупными головами и короткими ногами, бросился врассыпную, и за одним животным бежала та самая копытная смесь бультерьера с крокодиллом, которую я видел в путеводителе и которая называлась «большой гиеной». Бежал хищник иноходью, переваливаясь из стороны в сторону, выбивая из земли сдвоенные облачка пыли, поочередно с каждого боку.

Над мелькавшими периодически в траве тушами падали сидели, нахохлившись как грифы, какие-то твари вроде небольших птеродактилей. Они рвали падаль длинными клювами с редкими и кривыми, но очень острыми зубами, время от времени истерически орал и дрались между собой.

Пару раз туши копытных оказывались на дороге – приходилось их объезжать по траве. Обнаглевшие падальщики взмахивали крыльями и орал на пикап, даже не собираясь взлетать и уступить добычу какой-то «тойоте».

Падаль распространяла на жаре тяжелый запах гниющего мяса, поэтому я старался объезжать ее по большому радиусу, медленно, глядя перед собой, чтобы не угодить колесами в яму или чью-нибудь нору, незаметные в высокой траве. «Тойота» с высокой подвеской легко преодолевала участки неровной почвы, дизелек стучал весело.

Я подумал, что все окружающее очень напоминает документальные фильмы об африканских национальных парках и, в общем-то, мне нравится. Дорога нырнула в неглубокую низину, затем поднялась на небольшое плато, и за переломом дороги я увидел какие-то строения и бетонную вышку, такую же, как на выезде с базы. Я вспомнил, что по карте между базой, с которой я выехал, и Порто-Франко была еще одна база.

Действительно – вскоре я увидел перекресток с указателем на английском языке «Орденская База по приему переселенцев и грузов “Северная Америка”». На въезде был такой же блок – КПП, как и тот, который я недавно проехал. На блоке так же стояли два «хамви» в укрытиях, но вместо М113 один капонир занимал старый легкий танк «шеридан» с крупнокалиберной короткоствольной пушкой.

На самом перекрестке стояли еще два камуфлированных бежевых «хамви», возле которых было несколько солдат и офицер или сержант в малиновом берете. Проезжая мимо них, я помахал им из окна, и они все дружно мне ответили.

Метров через двести я переехал через железнодорожную ветку по аккуратно уложенному пятну брусчатки, прогремев колесами.

Дорога опять нырнула вниз, и база «Северная Америка» скрылась за изломом, как будто ее и не было. Вокруг потянулись степи... или саванна? Все же больше на Африку похоже, ту, которую я помнил по передаче «В мире животных».

Неожиданно радиостанция, включенная в режим частотного сканера, хрипло заговорила:

– Папа Медведь, Папа Медведь, это Страус, как принимаешь? Прием.

– Страус, здесь Папа Медведь, принимаю чисто и громко. Прием, – ответил чей-то казенный голос.

– Папа Медведь, преследуем две мобильные единицы, возможно враждебные, двигающиеся в сторону железной дороги. Внедорожные грузовики, автоматическое оружие, до двадцати человек внутри.

– Принял. Страус, обозначь свою позицию, прием.

– Папа Медведь, квадрат Ромео-Лима-двенадцать, прием.

– Принял. Страус, нужна ли поддержка? Прием.

– Папа Медведь, вышлите две патрульные машины на запад, в направлении Отель-Лима-двенадцать. Прием.

– Принял. Страус, займите свою позицию. Прием.

– Принял, Папа Медведь. Прием.

Ага, не все же быть идиллии тут. Два грузовичка с пулеметами и какими-то охламонами все же шляются. Обозначения квадратов мне ничего не сказали, но я на всякий случай разогнул усики на обеих РГД и проверил, как достается автомат из держателя. Прошло минут десять, но вокруг ничего не происходило. Затем за железной дорогой вдалеке пропылили два «хамви» на высокой скорости, обогнав меня. Они исчезли из поля зрения, оставив в воздухе прозрачный пылевой шлейф, медленно рассеивающийся в безветрии.

Дорога вновь поднялась ненамного и резко нырнула в широкую низину. Когда я почти достиг противоположного ее края, тишина вокруг неожиданно взорвалась недалекими пулеметными очередями. Я сбросил скорость и поднялся почти к самому взлобку подъема, затем остановился, затянув ручник.

Стрельба велась как минимум из трех или четырех крупнокалиберных и единых пулеметов. Затем раздались хлопки автоматического гранатомета и резкие, как петарды, взрывы. Схватив АКМ, я выскочил из кабины, сбегал с дороги в траву и, пригибаясь, поднялся выше по насыпи. Поднес к глазам бинокль, благо солнце было справа сзади, да и не до бликов там было. Метрах в трехстах передо мной крепко дымил песочного цвета «унимог», весь размалеванный какими-то надписями, сделанными красной краской. Из кузова бил ПК, выбрасывая полоску огня и пульсирующий хвост прозрачного серого дыма в сторону противника. Возле колес грузовика присели несколько фигурок в разномастной камуфляжной одежде, стреляющих с колена по двум частично укрывшимся за бугром «хамви». С крыши одного из внедорожников по грузовику бил частыми короткими очередями крупнокалиберный пулемет, со второго – автоматический гранатомет. Уже со второй очереди гранатометчик накрыл грузовик, возле которого взметнулись облака песка, фигурки попадали, из кузова вырвался клуб дыма со вспышкой внутри, пулемет замолчал.

Еще два «хамви» неслись по краю ложбины, идущей вдоль дороги, стреляя куда-то вниз, в невидимую мне цель, из двух М2. Два человека с оружием бежали в сторону от погони прямо на меня, постоянно оглядываясь. Один был бородат, в черной майке и камуфляжных штанах, с

автоматической винтовкой. Второй – в военной панаме, голый по пояс, но с подвесной системой на голом теле, тоже в камуфлированных брюках, с РПК в руках.

Неожиданно в сторону железной дороги из ложбины с ужасным креном, прыгая на кочках, вывернул еще один размалеванный «унимог», оставляя «хамви» с противоположной стороны оврага. Один из них свернул следом, исчез из поля зрения, второй же остановился, и пулеметчик начал поливать грузовик длинными очередями. Второй «хамви» показался из оврага уже на этой стороне, тоже встал как вкопанный, покачнувшись и подняв тучу пыли, и с его крыши тоже ударила струя дульного пламени.

Судя по всему, один из «хамви», уничтоживший первый грузовик, тоже поддержал коллегу огнем. «Унимог» буквально скрылся в облаке пыли и искр, выбиваемых из его бортов и кабины тяжелыми пулями калибра 12,7 миллиметра. Проскочив по инерции еще метров двадцать, грузовик как-то осел сначала набок, затем еще и назад – и задымил черным дымом. Из кабины выпал раненый, поднялся на ноги и был буквально разорван на куски скрестившимися на нем тремя очередями. Кровь забрызгала дырявый борт, тело отбросило на машину, и оно рухнуло.

Тем временем я потерял из виду двух бегущих пешеходов – они нырнули в очередную ложбину. Я опустил бинокль, оглядел поле боя. Военные внедорожники разворачивались в линию, видимо сразу намереваясь начать прочесывание. Прямо передо мной были заросли какой-то плотной травы, куда, по всей видимости, вела ложбина, в которой скрылись двое бежавших. Я услышал с той стороны шуршание жестких стеблей, прижал к плечу приклад АКМ и направил его в сторону шума.

Буквально в пятнадцати метрах передо мной из зарослей высокой травы выскочили оба беглеца, увидели меня, оба вскинули оружие. Я уже успел поймать в прицел голую грудь пулеметчика, нажал на спуск, отсекая очередь на трех выстрелах. Автомат толкнулся в плечо, в прицеле я увидел, как грудь противника мгновенно залило кровью, он завалился навзничь. А я подогнул колени и сместился в сторону. Второй противник успел выстрелить в ответ от пояса, у него была FN-FAL⁸ со складным прикладом, но засуетился и запыхался, а эта винтовка при стрельбе очередями задирает ствол вообще немилосердно, поэтому пули ушли намного выше меня.

Я упал на колено, пригнулся, максимально снижая свой силуэт, и тоже выпустил еще одну, а затем вторую очередь. Попал я обеими, обладателя черной футболки толкнуло назад, он согнулся и, припадая на одну ногу, пошел боком, прижимая руки к животу. Винтовка выпала в траву. Я взял прицел повыше, прицелился в голову и снова выстрелил в три патрона. Вокруг головы противника появилось кровавое облачко, и его с разворотом отбросило вбок, тело упало в траву. Кажется, все.

Не опуская ствола, я подошел к лежащим телам, носком ботинка отбросил в стороны от тел упавшее оружие. Затем расслабился, опустил автомат.

Два «хамви» подлетели ко мне, ударив по тормозам, окутав меня пылью, и из них закричало сразу несколько голосов – истошно, с надрывом:

– Замри! Не двигаться! Брось оружие! На колени! Руки за голову! Не двигаться!

Я бросил автомат перед собой, опустил на колени, положив руки на затылок. Двое, судя по звукам, выскочили из машины и, обходя меня с двух сторон, чтобы не перекрывать линию огня друг другу и пулеметчику на крыше «хамви», подкрались ко мне. Чьи-то руки вцепились мне в запястья, заводя их за спину. Я не сопротивлялся. Полоска одноразовых наручников затянулась на руках, пистолет вытащили из кобуры, затем меня подхватили под плечи.

– Встаньте, пожалуйста, – сказал кто-то из стоящих за спиной.

⁸ Fusil Automatique Leger (легкая автоматическая винтовка) – бельгийская штурмовая винтовка образца 1953 года. Точное, надежное, популярное в мире оружие под патрон 7,62x51 мм.

С помощью двоих солдат я поднялся на ноги.

– Кто вы? Что вы здесь делаете? Есть у вас с собой Ай-Ди? – обратился ко мне веснушчатый голубоглазый блондин с двумя лычками на рукаве униформы.

– Новоприбывший. Покинул Базу «Россия» около сорока минут назад, направляюсь в Порто-Франко. Мой Ай-Ди в кармане для документов разгрузочного жилета. Верхний левый, – исчерпывающе представился я и показал на нагрудный карман подбородком.

Обладатель двух лычек отстегнул клапан, достал из кармана идентификационную карту, протянул ее стоящему рядом бойцу с одной лычкой.

– Проверь его.

Боец вернулся к «хамви», забрался внутрь. Было слышно, как он вызывает по радио все того же Папу Медведя, затем диктует номер карты и имя. Видимо, Папа Медведь подтвердил мою историю, потому что, вернувшись к сержанту, боец, отдав мою карту, произнес:

– Все в порядке, он чист.

Сержант показал ему на мои наручники. Боец достал из разгрузки универсальные кусачки и ловко перещелкнул армированную пластиковую ленту.

– Ваш Ай-Ди, сэр, – сказал сержант, отдавая уже мне карточку. – Спасибо за сотрудничество.

Я подобрал с земли свой автомат, поменял магазин на новый, поставил оружие на предохранитель и повесил его на плечо. Сержант остался стоять рядом, наблюдая, как бойцы обыскивают тела убитых мной. Мы немного разговорились. Со слов сержанта выходило, что в этих местах давно уже не было крупных банд. Они даже отменили ежедневный конвой, который раньше проходил вдоль всех баз, собирая вновь прибывших и доставляя их в Порто-Франко. Однако, узнав об этом, отдельные группы грабителей снова стали прорываться сюда с разных направлений в расчете удачно грабануть новичков, многие из которых везут с собой прорву ценного имущества и денег. После Порто-Франко становится сложнее новичков обнаруживать – большинство из них дальше идут с конвоями, к тому же большинство тех, кто не положил деньги на счет на базе, делают это в городе.

Патрули в меру возможности гоняют бандитов и истребляют. Сегодняшнюю банду, к счастью, удалось обнаружить заранее, в противном случае мне пришлось бы отбиваться от них одному – они были прямо впереди меня, а для «унимога» и железная дорога не препятствие. Однако бандиты поздно заметили преследование, потому что затаились в низинке, их прижали с двух сторон у оврага и быстро истребили, пользуясь подавляющим превосходством в огневой мощи.

Были и плюсы лично для меня. Бонусы, так сказать. Оказывается, ухлопав двух этих злодеев при свидетелях в момент совершения преступления, я сделал благое дело как для общества, так и для себя лично. За это мне полагалась премия по тысяче экю за голову, и, кроме того, мне отходили все трофеи, снятые с них. Деньги должны были мне перечислить на счет сразу, как патрули вернутся на базу, а трофеи солдаты уже разложили на траве. Мне достался РПК в хорошем состоянии, с тремя дисковыми магазинами, но китайский, отчего я поморщился. Бельгийская винтовка FN-FAL складной десантной модификации с шестью запасными магазинами на двадцать патронов каждый и еще почти двумя сотнями патронов в рюкзаке покойника. Два ножа – мачете и нож-кастет из дрянной стали, китайская поделка. Револьвер «Colt Python»⁹ с длинным стволом и тридцатью патронами в запасе, с поясной кобурой, и, что порадовало особенно – новенькая «Beretta 92» модификации «Elite Brigadier»¹⁰ с усиленным затвором, обрешеченной профилированной рукояткой, пятнадцатизарядная, с двумя

⁹ «Colt Python» – популярный в США и в мире револьвер под патрон «.357 ремингтон магнум».

¹⁰ Beretta 92 FS «Elite Brigadier» – одна из модификаций 9-миллиметрового самозарядного итальянского пистолета «Beretta 92S».

запасными магазинами и кобурой. Пара гранат GIAT совершенно незнакомой мне системы, французского производства, моток проволоки и кольшки для растяжек. Отличный компактный бинокль «Nikon» со стабилизацией изображения. В общем, выгодно пострелял.

Пока я разбирался с трофеями, меня посетила одна мысль: я только что убил двух человек и не испытываю никакого мандража. Почему? Конечно, когда адреналин покинет кровь, меня немного потрясет, но это исключительно от пережитой опасности. Жалости к убитым или угрызений совести я никаких не испытывал. Мне приходилось стрелять в людей и раньше, но это было много лет назад, даже воспоминания уже стерлись, превратились в тусклые черно-белые фотографии, даже фамилии некоторых сослуживцев забылись. И вот я опять влез в заваруху – и ничего. Совсем. Я услышал, как в «хамви» заговорила рация. Капрал с одной лычкой позвонил сержанта, тот с кем-то некоторое время говорил, затем вернулся ко мне. Его вызвала на связь База «Северная Америка», откуда выехала в сторону Порто-Франко машина с двумя канадцами. Они должны были быть возле нас приблизительно через пятнадцать минут. Сержант попросил меня дождаться попутчиков и двигаться дальше двумя машинами. Так, мол, безопасней, случись что с машиной, и кроме того – я показал, что могу себя защитить, а канадцы больше напоминают «geeks»¹¹, поэтому для них мое соседство тоже будет полезным. Мне было все равно, до города оставалось около полутора часов езды, солнце только еще подбиралось к зениту, а познакомиться с новыми людьми всегда интересно.

Пока я поменял в универсальной набедренной кобуре «парабеллум» на «беретту» в целях сбережения антикварного пистолета, распределил запасные магазины к ней по кармашкам разгрузки, убрал в машину и упаковал трофеи, – на дороге появилось пыльное облако. Оно приблизилось, неся в себе ярко-красный джип «рэнглер», обремененный массой хрома, никелированными колесными дисками, дополнительными фарами на крыше. Когда это чудо приблизилось, сержант жестом показал водителю, чтобы он остановился возле моего пикапа.

Из машины вылезли двое – высокий, несколько полноватый парень в очках, белой майке с надписью на груди «I make the rules»¹² и высоченная, худая, но очень широкая в кости девица с вытянутым лошадиным лицом, в джинсах и розовом купальном топе на низкой плоской груди. Мы подошли к ним, и сержант с легким ехидством поинтересовался, специально ли они украшали машину к переезду в Новую Землю и куда они спрятали оружие. Выяснилось, что из оружия у парочки был дробовик в багажнике, в чехле, потому, что они не любят охоту и вообще охотиться не намерены. И к тому же они отрицательно относятся к насилию. Машину же они купили в таком виде у друга только позавчера.

Сержант вопросительно посмотрел на меня, но я отвел его в сторону и сказал, что мне не жалко дать им до города нормальный ствол из трофейных, но будет безопасней для всех, если вопросы обороны всех троих я возьму на себя.

На приборной панели в джипе лежал такой же путеводитель, как и у меня, только на английском языке. Я спросил у девицы – заглядывали ли они в него? Она ответила, что им было некогда, они торопились, вещи никак не влезали в багажник, и путеводитель никто не читал. По поводу вводного инструктажа высказался парень, которого звали Джейми, и сказал, что не верит ни единому слову властей предрежащих, поскольку те прилагают все усилия заставить его, Джейми, враждебно относиться к другим людям, в которых он, Джейми, видит или друзей, или жертв обстоятельств, белых и пушистых в душе.

Мне показалось, что ни Джейми, ни его подруга Шэрон до сих пор так и не обратили внимания на два горящих грузовика, от которых по саванне... (или все же – степи?) стелился черный дым. Трупы им не были видны из-за высокой густой травы, поэтому я, продолжая беседовать, подвел обоих к тем двоим, которых записали на мой счет, благо лежали они рядом с

¹¹ Буквально, в нашем понимании, «ботаники».

¹² «Я устанавливаю правила!» (англ.)

железной дорогой. По пути Джейми излагал свою точку зрения на влияние обстоятельств, воспитания и тяжелого детства на формирование личности, склонной к насилию. В самый ответственный момент рассказа его взгляд остановился на разнесенном двумя пулями черепе бандита в черной майке, и плавная речь сменилась мгновенной бурной рвотой. Шэрон вывернуло с отставанием в три секунды, зато блевала девушка дольше. После того как их желудки очистились, они повернулись ко мне и спросили, что все это значит.

За меня ответил сержант, опять подошедший к нам, который радостно сообщил чело-веколюбивым молодым людям, что одиннадцать вооруженных бандитов собирались устроить засаду на дороге, чтобы обзавестись красивым, почти новым «рэнглером», вещами и денежками заблудших канадцев. По счастью, засаду обнаружили раньше и уничтожили совместными усилиями патрульных и народного мстителя. Проблевавшие канадцы изобразили, в меру оставшихся сил, каменные лица и молча пошли к своей машине. Судя по всему, сержант со всем патрулем пал в их глазах исключительно низко. Видимо, потому, что забыл спросить бандюг на «унимогах», какое у них было детство и достаточно ли мама уделяла им внимания.

Я тоже вернулся к машине и уже хотел было дать сигнал трогаться с места, но кое о чем вспомнил и подошел к красному никелированному чуду. Шэрон и Джейми уже успели погрузиться в салон. Я поинтересовался у них через окно – имеются ли у них средства связи? Они показали мне два мобильных телефона, но сказали, что здесь какая-то проблема с роумингом и сигнала сейчас нет. Поэтому я протянул им предусмотрительно захваченный с собой «кенвуд» и несколько раз повторил, что связь держать на втором канале, после чего заставил продемонстрировать, как они ее, связь в смысле, держат. Связь, в общем и целом, держалась, они даже запомнили, как переключать тангенту. Оставив им рацию, я вернулся к «тойоте», дал команду «старт» и тронул с места.

Первые километров двадцать пути прошли без приключений, джип послушно тянулся сзади как привязанный. Я даже надеялся на то, что до города мы сумеем доехать без приключений. Местность была практически плоская, дорога грунтовая, но ровная. Слева по-прежнему тянулись рельсы, за ними временами вдалеке сверкал океан, иногда пропадая за срезом берега, но появляясь вновь. «Тойотовский» дизель, работая на такой скорости в максимально экономичном режиме, даже не удосужился стронуть стрелку указателя уровня топлива с максимальной отметки. Пейзаж слева оставался неизменным – все те же стада, все те же хищники и падальщики. Этот мир был заселен до предела, но не людьми. За все время поездки, кроме патруля и бандитов, мы не встретили ни одной живой души. Вдруг краем уха я услышал, как в бормотание дизеля вплетается другой – раскатистый, ритмичный, металлический звук. Звук набегал сзади, и я глянул в зеркало заднего вида. Нас нагонял поезд. Впереди локомотива была прицеплена платформа с высокими бронированными бортами, с прорезанными в них бойницами. Из бойниц в каждую сторону торчали стволы крупнокалиберных пулеметов. Дизельный локомотив тоже был защищен стальными листами, сразу за ним шло два частично блиндированных пассажирских вагона. За пассажирскими вагонами тянулся ряд платформ, груженных строительной техникой и грузовиками, замыкала состав платформа с двумя шестиствольными пулеметами «Minigun»¹³ в бронированных гнездах. Догоняя нас, локомотив дал гудок. В пустой степи звук разнесся мощно и привольно, заставляя разбегаться пасущихся рогачей и взлетать летучих падальщиков.

К сожалению, рогачи и падаль были не единственными, кто среагировал на гудок локомотива. Красный джип неожиданно вильнул – сначала в одну сторону, затем в другую, встал поперек дороги и, не снижая скорости, рванул в травяные просторы. Его свободный бег остановила разлагающаяся туша рогача, возле которой кормилась стая тех самых атлетических

¹³ Шестиствольный пулемет Гатлинга высокой скорострельности с вращающимся блоком стволов и приводом от электродвигателя (стрелять с плеча, как в кино и в играх, нельзя). Калибр 7,62x51 НАТО.

свиной с усеянными разновеликими клыками пастями. Ну тех, которые вне стаи не нападают, а в стае нападают почти обязательно.

Машина подмяла под себя одну из хрюшек, подпрыгнула на ней и так ударилась в мертвую тушу, что почти трехтонное тело, до того лежавшее на боку, перевернулось на спину, вяло разбросав конечности. Вверх взлетело целое облако мух. Хрюшки издали отчаянный то ли рев, то ли визг – и отскочили в стороны. Но не разбежались, а образовали почти правильный круг.

Заговорил «кенвуд» голосом Джейми:

– Кхм... привет... у нас проблема, по-моему... Мы во что-то врезались...

– Да, я вижу, – согласился с его заявлением я.

Я выдернул АКМ из держателя, положил себе на колени, перещелкнул предохранитель в режим автоматического огня, затем врубил заднюю передачу и сдал назад с разворотом, оставаясь на дороге с таким расчетом, чтобы все происходящее находилось в секторе огня из водительского окна. Даже подал назад свое сиденье до упора, чтобы рукам с оружием было просторней.

– Мотор работает? – спросил я в рацию.

– Хм... Не знаю... – послышался неуверенный голос Джейми. – Эти животные... Они очень громко кричат... Не слышу ничего...

– Посмотри на приборную доску, придурок! – разозлился я.

Свалились тут на мою голову, гуманисты. В ответ послышалось визгливое:

– Не называй его так!

Ага, это Шэрон. Затем снова Джейми:

– Все лампочки мигают.

Ага, лампочки видим, но выводы не делаем. Ладно, подскажем:

– Значит, заводи машину, – сказал я.

– Чего?

– Машина, – напомнил ему я. – В которой ты сидишь. У нее мотор не работает. Значит, заведи мотор.

– А... о'кей...

Через заднее зеркало джипа я увидел какую-то возню, затем «кенвуд» опять заговорил голосом Джейми:

– Хм... Он не работает.

В его голосе уже слышалась паника.

– О'кей, расслабься, – успокоил я его. – Посмотри на рычаг коробки передач. Где он?

– Прямо здесь...

– Дерьмо! – выругался я. – В каком он положении? «Драйв»?

– О да! – оживился Джейми. – В положении «Драйв».

Ага, пока его еще не осенило. А пора бы уже.

– Передвинь его в нейтральное положение, – подсказал я. – Не «парковка», а именно нейтральное. О'кей?

– О'кей... Сделал! – гордо известил он меня.

– Умница! – вздохнул я с облегчением. – Теперь заводи машину.

Именно в этот момент хрюшки решили внести оживление в процесс. Вообще хрюшками я их называл только потому, что все же нечто общее в их облике с дикими кабанами было, и даже рыло напоминало пяточок. Но любая из этих зверюг могла сожрать любого нашего кабана не подавившись. А если и подавившись, то несильно. Их ноги были длинней кабаньих, широченную грудную клетку оплетали могучие мускулы. Морда вытянута и приплюснута сверху. В пасти был внушительный набор крючковатых зубов, клыки торчали по бокам наружу, как у вепря, но еще целый пучок коричневых зубов торчал впереди. Видимо, таким прибором свинкам было проще вырывать куски из туш. Уши больше напоминали пучки щетины, хотя на теле

шерсти почти не было, лишь морщинистая серая кожа. Маленькие, близко посаженные красные глазки смотрели вперед, что сразу выдавало хищника – у свиньи глаза-то не так расположены.

Самый здоровенный самец отчаянно завизжал, как пилорама, в которую угодило сучковатое бревно, присел на задние ноги, мощно толкнулся, разогнался в три прыжка и атаковал правую дверь джипа. Вот это был удар! Дверь вмялась внутрь как картонная, крики сидящих внутри я услышал не только в рации, окно двери взорвалось брызгами закаленного стекла. Джип встал на два левых колеса, затем вновь тяжело упал на четыре. Кабанчик помотал башкой, отскочил, снова прицелился.

У Джейми хватило ума врубить заднюю передачу, но не хватило хладнокровия сообразить включить передний мост или хотя бы нажать на газ плавно. Из-под широких покрышек его машины взмыли ввысь огромные фонтаны песка, задний мост немедленно погрузился до самых ступиц. Впрочем, некая польза от этого случилась – кабанчик не ожидал такого и отскочил на несколько метров назад, тут же приготовившись к повторной атаке. Этого времени мне хватило для того, чтобы вскинуть автомат, прицелиться в кабанчика и выпустить в него длинную очередь. АКМ протарахтел, сыпанул гильзами в салон. Часть пуль прошла выше, но как раз попала в кого-то из стаи.

Тут уже завизжали все хрюшки. Не давая им опомниться, я, почти не целясь, высадил частыми короткими очередями в них весь магазин. Мгновенно отстегнув его и бросив себе под ноги, я схватил с соседнего сиденья еще один, трофейный, китайскую «банку» на сто патронов, воткнул в приемник и продолжил обстрел стаи.

В вожака попало не меньше шести пуль, одна из них, судя по всему, перебила ногу в суставе, еще одна попала прямо в глаз. Несмотря на такие ранения, зверюга подышать пока не собирался. Нагнув рыло почти к самой земле, пуская кровавые вожжи слюны, он явно собирался напасть еще и «тойоте». Я взял в прицел полоску черной щетины между его ушами и дважды бабахнул короткими. Этого хватило. Тварь завалилась набок, несколько раз взбрыкнула копытами – и затихла.

Реакция стаи была предсказуема: все бросились бежать. Некоторые из свинок явно были серьезно ранены, но сдох только вожак.

Выбросив наполовину опустевший барабан из автомата, я вставил туда еще один, полный. Огляделся. Прямой и непосредственной угрозы вроде бы не было. Я поднял с пола «кенвуд», брошенный мной во время заварухи.

– Джейми... Шэрон... Джейми... Шэрон... вы меня слышите? – начал я запрашивать.

– О'кей, это Джейми... – послышался задыхающийся голос.

– Джейми, спокойно, – сказал я. – Можешь завести машину сейчас?

Джейми удалось завести машину, но, завязнув, ему не удавалось подключить передний мост. А на одном заднем джип выбирать отказывался. Пришлось мне все же съехать с дороги и подкатить к ним поближе. Развернувшись к ним передом, я заставил Джейми вытянуть трос из лебедки моей машины, дойти с ним до джипа и зацепить его за проушину. Сам я стоял все это время с автоматом наготове. Командуя по рации и управляя лебедкой из кабины, я убедил канадца сделать именно то, что от него требовалось.

Через пару минут обе машины стояли на дороге лицом по направлению движения. Я осмотрел их машину. Кабанчик ударил как осадный таран. Клыки распороли металл двери, наружные петли, на которых крепятся дверцы у этой машины, треснули. Вторым ударом он бы просто оказался в салоне вместе с остатками двери, и страшно представить, что бы он сделал с канадцами. Застрял бы, конечно, но его набора торчащих во все стороны клыков хватило, чтобы разнести все и всех в клочья.

Впрочем, без потерь не обошлось. Вмявшаяся дверь ударила Шэрон в бок, который сплошным пятном наливался багровым. На лице и плече были крошечные порезы от осколков

стекла. Неожиданно блеснул Джейми. Оказывается, раньше он, в рамках какой-то благотворительной программы, получил фельдшерское образование. У них был военный фельдшерский набор, и Джейми с явным знанием дела оказал своей подруге медицинскую помощь. Шэрон ойкала и попутно интересовалась у меня, обязательно ли было убивать «это животное». Я смог лишь ответить, что мог бы и не убивать, в общем-то, он не мою машину таранил. Тут даже Джейми попросил подругу заткнуться. Впрочем, она не заткнулась, а накинулась на него, выясняя, с каких это пор он почувствовал, что вправе говорить с ней таким тоном, а попутно обвинила в сексизме и мужском шовинизме.

Мне приходилось читать, что запах крови далеко расходится не только в воде и приманивает хищников в саванне не хуже, чем акул в океане. Пока мы разбирались с повреждениями, на плоский пригорок метрах в двухстах от нас покачивающейся иноходью выгребла «большая гиена». Ну, тот самый бультерьер с башкой от крокодила. Буквально через тридцать секунд рядом с ним появился второй, немного поменьше. Супруга?

Пришлось дать команду всем заткнуться и сматывать удочки отсюда. При виде этих двух тварей с метровыми челюстями и весом под тонну канадцы спорить не стали, а быстренько погрузились к себе в машину. Наконец наш маленький караван вновь тронулся в путь. Хищники нас преследовать не стали – их явно привлекла туша свежееубиенной «свинки», да и от разлагающегося рогача еще немало осталось.

Проехали мы недолго. Мало того что от удара в грудь гниющей падали «рэнглер» вонял как скотомогильник и привлекал всех окрестных мух, – выяснилось, что радиатор у него все же потек. Пришлось опять останавливаться. К счастью, течь была небольшая, а у меня в наборе инструментов была пара упаковок герметика. Чтобы не извозиться в свисающей ключьями с передка джипа падали, я решил поручить ответственное дело ремонта Джейми, руководя если не оттуда, где был свежий воздух, то, по крайней мере, с такого места, где концентрация мух на кубометр атмосферы была понижее.

Дождаться, пока герметик возьмется, пришлось около получаса. Все это время я присидел у себя на крыше с автоматом, но ничего страшного не произошло – окружающий мир на нас внимания не обращал. Так же паслись стада, так же по высокой траве временами пробегали порывы ветра, поднимая шелестящие волны. Я заставил Джейми распаковать свой дробовик, оказавшийся классическим самозарядным «Remington 870 Wingmaster»¹⁴ 12-го калибра, проверил его боеприпасы. На этот раз у меня даже волосы дыбом не встали, когда я обнаружил, что у них все патроны снаряжены исключительно мелкой стальной дробью. Джейми, правда, объяснил мне, что стальная дробь не наносит такого ущерба окружающей среде, как свинцовая, но эти резоны я во внимание не принял. Достав из своих запасов коробку патронов с картечью, я отдал ее канадцу и заставил попутно зарядить дробовик. И даже научил его, как это делать.

Наконец мы обрели возможность тронуться с места. И устремились к новой жизни, какой бы она ни была.

¹⁴ Популярный в Америке и в мире охотничий дробовик.

Свободная территория под протекторатом Ордена, город Порто-Франко 22-й год, 22-е число 5-го месяца, понедельник, 14:55

Город сначала заявил о своем существовании дорожным блоком. Таким же, как и возле баз. Бетонная вышка вроде допотопного поста ГАИ, но посерьезней – из пушки сразу не развалишь, укрытия для техники и личного состава. Те же два «хамви» – один с М2, другой с автоматическим гранатометом и М113 с крупнокалиберным. Полосатый шлагбаум, возле него – боец с М16 наперевес. Проверка документов, опечатывание оружия, выдача на руки тоненьких черно-белых карт города с кратким путеводителем.

Я с чувством глубокого облегчения попрощался со спутниками, пожелал Шэрон скорейшего выздоровления, отобрал у них «кенвуд» и покатил вперед, в сторону городских окраин. Со слов Арама я знал, что гостиница его брата Саркиса находится как раз на въезде в город и пропустить ее невозможно. И действительно, уже через две минуты я увидел высокий столб с вывеской наверху, гласившей: «Мотель “Арарат”». Надпись была сделана красным на фоне синей горы на заднем плане.

Я свернул на стоянку перед мотелем и остановился. Мотель представлял собой огороженную засыпанную серым гравием площадку, обсаженную по периметру чахлыми кустиками, одноэтажный домик, на этот раз не из зелененького, а из светло-голубого кирпича, в котором находились ресепшен, ресторанчик, бар и оружейный магазин, а дальше шли две шеренги классических мотельных домиков-боксов с парковочным местом на одну машину перед каждым. Выглядело все симпатично, чисто. Построено широко, за каждый метр площади никто не трясся. Видать, земли в этом мире много, экономить пока рано.

На стоянке стояли две машины: угловатый «ниссан патрул», серьезно подготовленный к суровостям жизни, и внедорожный грузовик «ивеко» с кунгом, песочного цвета, но безо всяких зловещих надписей, как у давешних разбойников. Еще три-четыре машины стояли возле мотельных домиков. Видать, не пустует Саркисов мотель.

Я припарковался рядом с «патролом», вышел из машины, потянулся – и направился в мотель, в деревянную дверь с надписью «Reception». Над дверью блыкнул колокольчик, и я попал в полутемное, как мне показалось с улицы, помещение с несколькими диванами и креслами. Ярко освещены были только стойка и пространство перед ней, потому что они находились рядом с большим, от пола до потолка, окном. Я подошел к стойке и хлопнул по такому же, как и у Арама в гостинице, бронзовому звонку. Из двери за стойкой вышла копия Арама, разве что немного помоложе, но как бы даже не толще. Копия произнесла:

– Хэллоу, хау кен ай хэлп ю, ара?

– И вам хэллоу, мне бы номер и пици всякой, – поприветствовал и я его. – Арам вас очень рекомендовал.

– Арам знает что говорит! – гордо заявил Саркис. – Все номера одинаковые, пятнадцать в сутки, телевизор, мини-бар, телефон городской связи, кровать «королевская».

– Это в смысле – двухспальная сплошная? Неразъемная? – уточнил я.

– Именно неразъемная, ара, – загордился Саркис. – Если найдешь компанию – на такой кровати лебедкой не разоймут.

– Это вдохновляет, – согласился я. – Мне бы еще оружейный магазин посетить ваш.

– Сначала заселитесь – или сначала в магазин? – спросил Саркис.

– Давайте с магазина, чтобы потом опломбироваться, сдать на хранение и больше не суетиться.

– Прошу!

Саркис сделал приглашающий жест в сторону правого крыла домика – в левом был ресторанчик.

– Сейчас, прихвачу все барахло из машины, – сказал я.

– Давай, жду.

Я вышел на стоянку, вытащил из кузова тяжеленную теперь опечатанную сумку, в которой лежало все оружие, имевшееся у меня, и заволок ее внутрь.

– Ого! Тебе к этому еще что-то понадобилось? – с иронией осведомился Саркис.

– Продать кое-что хочу. Лишнего много.

– Тут лишнего оружия не бывает, дорогой.

Из ресторана вышла средних лет полноватая женщина в белом простом платье. Саркис махнул ей рукой, сказал мне, обычно для армян путая роды в русском языке:

– Вот она пришел. Помощница, пока за стойкой постоит. Пошли.

Мы вышли из парадной двери мотеля и зашли в соседнюю, над которой висела вывеска «Gun Store». В отличие от арсенала на базе, это действительно было похоже на магазин. Нормальный прилавок, стенды с различной экипировкой и оружейными аксессуарами, даже манекены в тактической одежде, бронежилетах и шлемах. Возле стены стояли стенд для зарядки-разрядки оружия и верстак. За прилавком скучал невысокий, так же как и Саркис, упитанный мужичок с запорожскими усами и красным лицом. Одет он был в клетчатую рубашку, на голове красовалась бейсбольная кепка с силуэтом револьвера Кольта образца 1873 года и надписью «Great Equalizer». ¹⁵

– Знакомся, это Билл, – похлопал Саркис толстяка в бейсболке по плечу. – Он из Невады сюда десять лет назад прибыл. Там тоже в оружейном магазине работал. А здесь мы партнеры, магазин – пополам.

– А остальное? – залюбопытствовал я.

– Остальное – наше с братом, – отрезал Саркис.

– Hi Bill. How are you doing? – поздоровался я, протягивая руку.

– Hi, you? – пожал мне руку в ответ Билл.

– Билл уже по-русски научился не хуже нас! – вмешался Саркис.

Насчет «не хуже» Саркис погорячился, конечно, – спешим на кавказскую впечатлительность, – но Билл и правда неплохо болтал по-русски. Из разговора выяснилось, что в Старом Свете Билл работал в оружейном магазине механиком. Он занимался совершенствованием оружия, наизусть помнил каждую возвратную пружину, каждую детальку, выпущенную любой компанией, и помнил, в каком году она была выпущена. Здесь он тоже не только продавал оружие, но и усовершенствовал его. Закупал, где мог, детали, кое-что делал сам в мастерской, находящейся в задней комнате магазина.

Билл срезал пломбу с сумки, и я вытащил и разложил на верстаке все, что имел, отложив в сторону лишь «беретту», «парабеллум» и АКМ. «Парабеллум» я вообще продавать не собирався – все же остался от деда. Дробовик же я решил убрать куда подальше и в ближайшем будущем о нем не вспоминать. Пока практической пользы в нем не видно было, – здесь места для автоматов, но как знать? Вдруг когда понадобится.

Билл осматривал все тщательно, разбирал, собирал, с зеркалом изучал каналы стволов, крутил отдельные детали под лупой с круговой подсветкой. За это время я выщелкал из магазинов к РПК все патроны и ссыпал их в сумку. Они мне и попозже пригодятся – дорогие они здесь. В конце концов он предложил мне за всю кучу тысячу пятьсот экю. Я здешних конъюнктур не знал, поэтому сказал, что вроде нормально, но сначала посмотрю, что есть в магазине

¹⁵ «Великий уравнитель» (англ.). Намек на старую американскую поговорку: «Бог сотворил людей, а полковник Кольт сделал их равными».

на предмет купить. Саркис заметил, что это самое разумное, но добавил, что цена честная, русских он не обманывает, к тому же меня брат прислал. Пришлось уверить его, что никто его ни в чем не подозревал, просто мне пока самому неизвестно, что нужно.

Выбор в магазине был. Модели преимущественно натовских стандартов, или мощные целевые винтовки с продольно-скользящими затворами. Попался на глаза даже крупнокалиберный «баррет» первого выпуска. Было много оптики – как прицелов, так и биноклей, было множество полезных мелочей. На одну такую мелочь я навелся сразу, как акула на кровь. Под стеклом возле кассы лежали пластиковые каплеры для магазинов стандарта АК. Для незнающих – такие пластиковые зажимы, позволяющие соединять магазины по два, с зазором между ними примерно в сантиметр.

Многие сматывают магазины по два изоляцией, «валетом». Такому безобразию я всегда был решительным и стойким противником. Представьте себе, лежите вы, допустим, в грязи и палите в сторону неприятеля, уперев магазин в землю. А земля, скажем, мокрая. Или, скажем, мелкий гравий под вами, как в Афгане не раз бывало. Магазин, который вы примотали изоляцией к тому, который ваш автомат сейчас кормит, упирается в землю чем? Правильно, угадали, открытой стороной, самим патроном. И вот вы первый рожок отстреляли, ловко так перевернули магазин, а тут... опа... застрял в нем патрон. Задержка подачи. Потому как грязь туда набилась или мелкие камешки. И заклинило патрон, не выходит он из рожка, нечем вам теперь поражать неприятеля на всю глубину его порядков. И пришел вам, скажем, каюк в результате такого усовершенствования.

Если уж охота вам сматывать магазины, делайте это по-человечески. Проложите между ними что-нибудь, например пару обрезков деревянной рейки, и поверх прокладок этих изоляцией и обмотайте. И никаких проблем – второй магазин рядом с первым, и переворачивать не надо при перезарядке, и внутрь ничего не попадет.

Поэтому потребовал я себе каплеров этих сразу много, с запасом. Шоб було. Я давно понял – на войне с оружием и боеприпасами куркулем быть нельзя. Не получается. Сколько ни занькай, ни натаскай себе – все равно не куркуль, а разумно запасливый и предусмотрительный воин. А потом как раз те, кто над тобой смеется, идут к тебе же на поклон. Вот и здесь будем исходить из того же. Всего-то тут четыре дня, а уже два раза пришлось стрельбу учинять.

Пошел я шариться по магазину дальше. Побарахтал в руках винтовку «Ерма SR-100», немецкую, с тремя сменными стволами, под патрон «лапуа» восемь и шесть десятых миллиметра, он же – «.338 Лапуа», еще под «.300 Винчестер магнум» и стандартный «триста восемь». Могучая штука. Как по тактико-техническим характеристикам, так и по цене. Ломили за нее Билл с Саркисом ни много ни мало тринадцать тысяч. Поэтому побарахтал – и обратно поставил. В другой раз. Не такой я тут миллионер, чтобы так себя баловать. Хотя в Старом Свете она должна стоить в несколько раз дешевле. Да и все равно там это оружие из разряда чертовски дорогих.

Больше заинтересовала винтовка «кимбер» в цветах пустынного камуфляжа, под патрон «.300 Винчестер магнум». И патрон мощный, за километр и больше стреляй, и просят всего четыре тысячи, хоть и это беспредел, если честно. Синтетическое ложе «макмиллан», двадцатипятидюймовый матчевый ствол, маузеровского типа затвор, качество... «Кимбер» именно качеством и знаменит.

– Нравится? – спросил Билл, подходя. – Если купишь, то тебе с большой скидкой «девятнадцать-одиннадцать»¹⁶ продам. Тоже «кимбер». За половину цены.

Соблазн велик, велик... И денег жалко. Как-то я к местным ценам не очень привыкаю.

– За половину какой цены? – усмехнулся я.

¹⁶ Пистолет конструкции «Кольт М1911», который выпускается множеством фирм в мире, и «Кимбер» производит одни из самых качественных модификаций.

– Моей цены, разумеется, – ответил Билл. – Семьсот экую получится.

– Нет, не надо, – покачал я головой. – «Беретты» пока хватит. И винтовка дороговата.

– Возьми вот эту за две двести, если калибр «триста-магнум» ищешь, – сказал Билл, снимая со стенда классической формы винтовку с длинным темно-серым матовым стволом, чуть необычным прикладом и ложем из зеленого полимера. – Семисотый «ремингтон», длинный, тактический, классика, на алюминиевом каркасе, ствол двадцать шесть, ложе «Белл и Карлсон», цевье широкое типа «бобровый хвост», на прикладе выемка под левую руку для стрельбы с сошек...

Он потыкал пальцем в загогулистый нижний срез приклада.

– Хорошую оптику – и вся саванна простреливается, – закончил он свою речь. – По меткости ничуть не хуже «кимбера».

Винтовка мне понравилась. Взял в руки, покрутил, приложился. Хорошо. Ладно, утро вечера мудренее, завтра буду думать. Не могу я пока понять – нужна ли она мне вообще? С кем воевать собрался? Тем более что из таких винтовок стрелять – это как кошельком бросаться. А если просто пострелять, так лучше что-то под недорогой патрон взять, все не так накладно... «Варминтную» какую-нибудь модель. Думать надо, в общем. С другой стороны, если брать еще что-то полегче, то и основной ствол надо бы могучий. Об этом и спросим.

– Что под «лапу» еще есть? – спросил я. – Ну, кроме «эрмы» за несуществующие деньги.

Билл немного удивился вопросу.

– «Сако». Но тоже за большие деньги, естественно, – ответил он, усмехнувшись в усы. – Хоть и не такие, как за «эрму». И еще вот это...

Он взял с пирамиды немного необычной формы винтовку с черным полимерным ложем, скелетным прикладом, вроде как у СВД, и очень серьезно выглядевшим многокамерным дульным тормозом. Выглядела винтовка угловато и даже уродливо, но при этом явно была сделана качественно.

– Это что?

– «Арамалайт» тридцатый¹⁷, – ответил Билл. – Тоже под «лапу», но в два раза дешевле, чем «сако». Простейшей формы, но очень жесткий каркас, ложе простейшее, регулируется только щека. Могу тебе ее камуфлированной сделать.

– А стреляет?.. – спросил я о главном.

– В угловую минуту укладывается, – ответил продавец. – Даже с запасом. По кучности к ней претензий нет, ее выставляли на конкурс для армии. Из недостатков – спуск вообще не регулируется – ни по позиции, ни по усилию, но он достаточно легкий, пять фунтов всего. Сама весит двенадцать фунтов, очень легкая для калибра. И стоит всего три тысячи, вроде как рекламная акция. Сошки, кстати, в цену включены, в отличие от «сако». Мой совет – бери, не прогадаешь.

Вообще серьезное предложение. Патрон «лапу» – это штука такая, серьезней разве что пятидесяти калибр, с каким особо не побегаешь. И цена приличная. Наверняка потому, что для «армалайт» новый товар. Ресивер вон какой восьмигранный, серьезный, ствол тоже уважение вызывает. Взять, что ли? Когда еще такую цену предложат? Хотя для мира, мной покинутого, цена наверняка запредельная.

– С автоматом ничего не хочешь сделать? – вдруг спросил Саркис, сбив меня с тяжких раздумий.

– С автоматом? – спросил я. Мой взгляд упал на новенький АКМ, из которого я стрелял всего ничего. – А что с ним делать?

¹⁷ Снайперская винтовка ArmaLite AR-30 предназначена для поражения живой силы, а также небронированной техники противника и выпускается американской компанией «ArmaLite, Inc.».

– Могу поменять приклад на складной с регулируемой щекой и резиновым амортизатором, – постучал Билл по деревяшке ручкой отвертки. – Установлю дульный тормоз как на новых «калашниковых». Поставлю полимерное цевье поудобней и с планками. Можно будет ставить лазер, фонарь и прицел сверху.

– По-«скаутски»? – уточнил я.

Это значит – далеко впереди. Не всегда удобно для стрельбы на большие дистанции, зато при средних позволяет быстро «ловить» цель в оптику, а для коллиматорного прицела так и просто лучше, чем установка стандартная.

– Разумеется, – кивнул Билл. – И прицел могу подобрать за разумные деньги, пистолетный.

По-«скаутски» можно ставить прицелы с большим расстоянием от зрачка – эдак в сорок пять сантиметров. А такие все больше для револьверов выпускаются.

– И сколько будет стоить? – спросил я о главном.

– Если не считать прицела, то в пару сотен уложишься, – ответил толстяк. – Ну а прицел... тут уж какой выберешь. «Бушнелл» тебе рекомендую, с переменной кратностью, от двух до шести, за двести пятьдесят.

– И когда?

– Оставишь сейчас здесь – завтра с утра заберешь, – пожал он жирными плечами.

– Хорошо! – решительно заявил я. – А заодно к утру насчет винтовки решу.

Как камень с души. А то и хочется, и колется... А так – все завтра, типа устремленность в будущее. Перспектива.

Оставил я все в магазине, произвел расчет, переложив разницу себе в карман. А потом мы с Саркисом пошли обратно: номером меня обеспечивать.

Свободная территория под протекторатом Ордена, город Порто-Франко 22-й год, 22-е число 5-го месяца, понедельник, 16:40

А номера в мотеле уютненькие оказались. Не хуже, чем у Арама на базе. Мебель из светлого дерева в скандинавском стиле, света много, ванная хорошая. Живи да радуйся. Помылся, переоделся и согласился с требованиями организма, что его кормить пора. Оделся, правда, не как на базе, а попроще – эдаким мужественным охотником на слонов на отдыхе. Охотник, в смысле, на отдыхе, не слоны. Слоны пусть что хотят, то и делают, меня не колышет. И пошел сравнивать кухню Саркисову с кухней Арамовой.

Саркис, в отличие от брата, за стойкой не стоял. За бармена, а заодно и официантку, была маленького роста девица с вьющимися волосами и стреляющими глазками, черными и блестящими, как маслины. Я сел за столик у окна, и она сразу подошла ко мне, положив передо мной меню и спросив по-английски с непонятым акцентом, что я буду пить. Я решил в оригинальность не впадать и попросил светлого пива. Она ушла к стойке, а я огляделся. В зале было занято лишь два столика. За одним сидели два загорелых до черноты мужика средних лет и говорили по-английски тоже с неизвестным акцентом. Было слышно, что английский им родной, но что за произношение? Австралия? Новая Зеландия?

За другим столом говорили по-русски. О чем – мне слышно не было, но, судя по худому лицу младшего из собеседников, с крючковатым носом, короткой бородой, странному, еле заметному акценту, как будто человек говорит, но при этом горячий чай в горле удержать пытается, можно было сразу отнести его к чеченской нации. Нохча, короче. Лицо загорелое, на лбу – шрам от касательного пулевого, на затылке маленькая круглая шапочка, на вид – лет тридцать. Второй был постарше, годам к пятидесяти, с широким русским лицом, маленькими глазами. Красный нос и иные признаки – вроде как пустой водочный графин и полупустая рюмка – выдавали в нем любителя выпить. Одет он был в серый городской камуфляж, но куртку снял и повесил на спинку стула, оставшись в серо-синей майке, обтягивающей и еще крепкие мускулы, и уже большое брюхо. На рукаве куртки виднелась какая-то эмблема, но какая – мне было не видно.

Больше в зале никого не было. Я открыл меню и погрузился в его изучение. Меню было на четырех языках, включая русский. Сразу видно, что мотель находится на проходном месте. Молодцы армянские братья – знают, как за дело взяться.

К тому времени как вернулась девушка с пивом, я пришел к мнению, что заказать надо что-то местное, чего раньше не пробовал, и заказать это именно сегодня. Почему сегодня? Потому что я сегодня еще никуда не еду, и случись чего – в сортир бегать удобно, быстро и близко, и унитаз там с сиденьем симпатичным – не чета кустикам с насекомыми в саванне. Но вот что? Пришлось обратиться к девушке за помощью. Остановились на отбивной из той самой антилопы с четырьмя рогами, которую здесь оригинально называли просто «антилопой», с обжаренной в масле разновидностью местного дикого картофеля. В качестве закуски рекомендован был салат из побегов какого-то растения с уже совсем местным перцем, и с местными же ракообразными, оливковым маслом и уксусом «бальзамико». Слава богу, тут в Европейском Союзе немало испанцев с итальянцами живет – сразу наладили производство полезных в любой кухне продуктов. Это мне еще на базе удалось из путеводителя выловить.

Девушка ушла, а я достал из кармана тот самый путеводитель, что мне выдали в первый день, и открыл его на главе «Порто-Франко».

«Город Порто-Франко находится на границе восточной территории Ордена и Европейского Союза. Население превышает 30 тысяч человек. По масштабам Новой Земли это

большой город. Основным занятием жителей является обслуживание переселенцев и грузов, поступающих с пяти северо-западных баз Ордена. В Порто-Франко имеется железнодорожная станция, небольшой грузовой порт и аэродром. Аэродром имеет две бетонированные полосы и хорошие системы управления полетом, что позволяет принимать крупные самолеты.

Через Порто-Франко проезжает каждый переселенец, поэтому здесь много приезжих из самых разных территорий Новой Земли. Многие из них прибывают в поисках специалистов среди новоприбывших, некоторые ищут соотечественников, чтобы увеличить население своих территорий. Много визитеров из мест, где еще не проложены железные дороги – на станции Порто-Франко производится перевалка большого количества грузов, которые далее перевозятся морем или на грузовиках.

Поэтому на территории города почти стихийно сформировались небольшие субтерриториальные образования, принадлежащие какой-либо из территорий Новой Земли. Здесь представлены, пожалуй, все заселенные территории Новой Земли, находящиеся выше реки Амазонки. Эти представительства в основном сосредоточены на Главной улице. Для новых переселенцев, еще не определившихся с выбором, куда отправиться дальше, в этих представительствах могут оказать неоценимую помощь. Там же, на Главной улице, находится Северо-Восточная штаб-квартира Ордена. В середине Главной улицы находится Овальная площадь, где были разбиты первые в городе скверы, много магазинов, ресторанов, баров и клубов.

Следует напомнить, что Орден на своих территориях придерживается политики невмешательства в поведение людей, доколе это не нарушает прав окружающих. Поэтому некоторые местные значные заведения могут показаться излишне «свободных нравов». Заведения подобного рода сосредоточены севернее Второй улицы и западнее Океанской улицы. Если вам не нравится происходящее там – просто не посещайте по вечерам этот сектор города. Тем же, кто решил посетить это место, следует знать, что здесь не всегда бывает безопасно. Патрульные силы Ордена стараются следить за порядком по всему городу, но большое скопление пьяных и возбужденных людей нет-нет да и приводит к нежелательным эксцессам. В остальных частях города вы можете практически не волноваться за свою жизнь и собственность.

В городе проходит много известных во всей Новой Земле соревнований. В частности, 400-километровая гонка по саванне на багги. Эти соревнования собирают много болельщиков каждый год, поэтому если вы решили гонку посетить, лучше озаботиться поисками номера в отеле заранее. Гонки проходят с 1-го по 5-е число 8-го месяца».

Вот, в общем, и все о городе. Короче, местный Доусон-Сити, или через какой там город все золотоискатели на Аляску ехали? Кажется, Доусон все же. Соответственно и обстановочка. Масса приезжих, все проездом, кутерьма, кого-то ограбили – искать злодея бесполезно. Действительно – ищи как ветра в поле. Приезжие едут с накоплениями, ошалевшие от новых впечатлений, как же – вообще другой мир, не родной, скажем, Урюпинск или другой какой Париж, и граждане командировочные здесь же – главный и основной класс выездных пьяниц. Соответственно им тут и развлечений, и удовольствий вагон, а заодно и карманам облегчение.

Посмотрел я карту – как раз в начале Главной улицы мотельчик наш и находится. Вышел отсюда, пошел куда глаза глядят – и попал куда надо. А на русское представительство глянуть надо обязательно. Оно тут одно хоть? Одно. А если одно, то какую часть представляет? Московско-Одесскую? Или ту, которая «протект. Рус. Армии»? Или обе сразу? И какая из них лучше? И что это вообще такое? По тексту-то мне вторая больше импонировала, но кто знает... В любом случае насчет дороги у них лучше всего уточнять, кто бы они ни были.

Пока путеводитель листал да карту разглядывал, принесли еду. Такой ерундой, как салат сначала, горячее – после, здесь не заморачивались: притащили обе тарелки сразу. Заодно поставили в корзиночке масло оливковое, «бальзамико» и специи. Все на вид выглядело аппетитно, пахло – соответствующе. Салат оказался хорошим, местные ракообразные напоминали на вкус обычных раков, а формой – не знаю, они уже очищенные были, не поймешь. Антилопа

в виде отбивной из самой себя оказалась зверем вкусным, хотя и жестковатым. Дикий картофель был мелкий, как помидоры «черри», и немного сладковатым. В общем, обед достойный, даже пришлось к нему еще пива спросить.

Пока я тщательно пережевывал отбивную, разговор русского с чеченцем за столиком напротив подошел к концу. Рук они друг другу пожимать не стали, зато чеченец полез в карман, вытащил оттуда небольшой мешочек с чем-то тяжелым внутри – и бухнул это перед собой на стол. По звуку – тяжелое что-то. Для пистолета маловат мешочек, что еще может быть? Золото? Судя по тому как мордатый в милицейском камуфляже ловко смахнул мешочек со стола и сунул в брючный карман – точно золото, не шоколадка.

После этого русский поднялся, снял со спинки стула куртку и вышел из ресторана. Чеченец посидел еще немного, дождался официантку, заплатил по счету пластиковыми банкнотами, махнул рукой – мол, сдачи не надо, и тоже вышел. Пошел он в сторону мотельных домиков – видать, живет здесь.

Свободная территория под протекторатом Ордена, город Порто-Франко 22-й год, 22-е число 5-го месяца, понедельник, 18:10

Пешего хода до русского представительства оказалось около десяти минут, зато все десять по жаре. Хорошей такой жаре, под которой заживо плависься и к которой я никак не привыкну. Надо было на машине ехать. А такси в городе нет.

Представительство проще было назвать подворьем. Не меньше гектара земли было огорожено живой изгородью, на вид колючей, как дикобраз. В изгороди имелись ворота, открытые нараспашку, но в будке прямо под вентилятором сидел охранник в русском пустынном камуфляже, панаме и с автоматом на плече. Он спросил у меня документы, провел по штрихкоду обычным сканером, как в магазинах, и пропустил внутрь.

Внутри стояло двухэтажное здание, выстроенное буквой «П», на этот раз из кирпича красноватого. В середине центральной части были стеклянные двери, возле них – бронзовая начищенная табличка «Представительство». На левом крыле была табличка «Гостиница», на правом не было ничего.

Я прошел в центральное крыло, огляделся. Обычный вестибюль, как в гостинице, диваны-кресла-стойка. За стойкой – женщина средних лет в очках. Короткая стрижка, светлый костюм в стиле «сафари», ноль косметики. Я подошел к ней, поздоровался. Она поинтересовалась целью визита.

– Я – новый поселенец, – заявил я. – Просто собираю информацию, пытаюсь понять, куда ехать и как.

– Тогда вы по правильному адресу, – дежурно улыбнулась она. – Посидите минуточку, сейчас к вам подойдут.

Она указала на низкий широкий диван у стены. Рядом с диваном стоял кулер с водой. Очень кстати. Я подошел к нему, налил в пластиковый стаканчик ледяной воды, выпил, опять налил, опять выпил, затем обернулся к ней:

– Скажите, у вас здесь представительство, в том крыле – гостиница. А в том? – показал я рукой. – Просто дверь без таблички.

Она пожала плечами и ответила, не отрывая взгляда от какого-то журнала:

– А там просто различные службы. У нас работы всякой хватает. И грузопоток, и отправка поселенцев, у которых своего транспорта нет, и безопасность, и много всего еще.

– Понятно, спасибо.

– Хотите – возьмите пока вот эти буклеты. – Она достала из-за стойки и протянула мне небольшую пачку красочно отпечатанных брошюрок.

– Спасибо, полистаю пока.

Я подошел к ней, взял буклеты, однако полистать ничего не успел. Только уселся на диван, как из боковой двери вышел молодой человек в светлых брюках и белой рубашке, упитанный, со светлыми усиками и редеющими волосами, подошел ко мне, протянул руку.

– Добрый день. С приездом вас, – поприветствовал он меня удивительно праздничным голосом. – Меня зовут Сергей, фамилия Крамаров, я специалист по работе с новыми переселенцами. Пройдемте ко мне в кабинет, если вас это устраивает.

– Устраивает. Пойдемте.

Я встал, и мы зашли в ту же дверь, откуда Сергей Крамаров вышел. За дверью была небольшая приемная, в которой у компьютера сидела вальяжная, крашенная в радикально черный цвет девица со слегка смазанной губной помадой. Угадать, что смазало помаду, было несложно – господин Крамаров лицо-то вытер, но вот на воротнике сорочки немножко оста-

лось. Из приемной дальше вели еще три двери, в одну из которых мы и зашли. Кабинет у специалиста по переселению был маленький, зато окно в нем было большое, и выходило оно прямо на плотную живую изгородь. Ничего так вид получался, зелененький, однотонный.

– Присаживайтесь, – сделал Крамаров пригласительный жест в сторону не слишком удобного кресла. – Вас как зовут?

– Да, забыл представиться, простите, – спохватился я. – Ярцев моя фамилия называется, Андрей Ярцев.

– Прекрасно. – Молодой человек всплеснул руками, показывая, как «прекрасно». – Вы когда прибыли?

– В Порто-Франко часа четыре назад, – глянул я на часы. – А вообще в Новую Землю – в пятницу утром.

– Три дня на базе провели? Поезда ждали? – удивился собеседник.

– Нет, я своим транспортом, просто так вышло.

– Досюда без приключений добрались?

– А куда же без них, без приключений? – усмехнулся я. – С приключениями, но без потерь, слава богу.

– Это хорошо, что без потерь. – Он даже выглядел заинтересованным и готовым к проявлению сочувствия. – Что-то серьезное?

– Нет, – покачал я головой.

– Ну и ладно тогда, – с облегчением, что сочувствия не требуется, перевел он разговор на другую тему: – Вы, как я понимаю, намерены направиться на Российскую территорию?

– В общем, идея примерно такая, – согласился я. – Только знаю я о тутошней России столько, сколько в орденском путеводителе написано.

Крамаров усмехнулся даже с неким оттенком покровительственности по отношению к путеводителям.

– Да, там они не много написали, – небрежно взмахнул он пухлой рукой, словно муху отгоняя. – Образована тогда-то, население такое-то. И все. Ну, с этим я вам помогу. Брошюрки Ирина Александровна вам дала уже, как я вижу. Их почитать стоит, в них уже довольно подробная информация. Может оказаться полезной. Вы в прошлой жизни кем были?

– В прошлой жизни – не знаю, – честно ответил я.

Крамаров засмеялся:

– Это местная идиома, все так говорят. В Старом Свете, я имею в виду.

– То, чем я там последние годы занимался, здесь пока малоприменимо, – сказал я. – Но я располагаю кое-какими деньгами, поэтому есть время разобраться, что здесь к чему. Спешить срочно зарабатывать на жизнь мне не надо. Я к вам больше вот с какой целью зашел – понять, почему, как и на кого делится русская территория. Если русские пополам разделились – значит, противоречия там неслабые. Вот с этого места хотелось бы поподробней.

Крамаров вежливо, но выразительно вздохнул:

– Думаю, информацию о разделении Российской территории вы взяли из орденского путеводителя и карты? Так ведь?

Я промолчал, рассчитывая на сообразительность собеседника.

– Мнение нашего правительства на этот счет однозначно: Российская территория едина и управляется единым правительством, – решительным и официальным тоном заявил Крамаров и даже хлопнул ладонью по столу.

– Правительство у вас где квартирует? – уточнил я.

– В Москве, разумеется.

– А что такое База и Демидовск?

– Если выразиться проще, военно-промышленный регион, – ответил он, скосив при этом глаза в окно.

– Хорошо, – попробовал я зайти с другой стороны. – Военно-промышленный регион центральному правительству в Москве подчиняется?

– Разумеется, это записано во всех основных документах...

– Мне напоминать вам старый анекдот про битье по роже, а не по паспорту? Как в реальности? – перебил я готовую пролиться как вода из ведра речь.

– Есть определенные разногласия, которые будут разрешены в любом случае, – крайне обтекаемо сформулировал ответ Крамаров и придал своему лицу максимально индифферентное выражение.

– Какого рода разногласия?

– Обычные, все как в прошлой жизни. Полномочия регионов и центра.

Он сложил пухлые короткие руки на груди, словно закрывшись от меня. Разговор ему явно перестал нравиться. Я подумал немного и опять задал вопрос уже явно не горевшему желанием продолжать беседу Крамарову:

– Армия. Армия управляется кем? Где находится командование?

– В Москве есть министр обороны, – сухо ответил он.

– Вы сказали – «есть министр обороны», но не сказали: «армия подчиняется министру обороны и Верховному Главнокомандующему в лице»... кто тут, президент? Государь? Шахиншах?

– Ну не так все просто, – поморщился он. – В Московском регионе имеются части сил безопасности, подчиненные центральному правительству. Действительно в населенном пункте База, они ее почему-то ПэПэДэ называют...

– Пункт Постоянной Дислокации...

– Что, простите?

– Говорю, Пункт Постоянной Дислокации. ПэПэДэ.

– А, понятно, спасибо. Вот в этом самом ППД действительно находятся воинские части, которые в настоящий момент почти не подчиняются Москве. Причиной разногласий является то, что фактически русская местная армия занимается банальным наемничеством. Охраняют границы совсем других территорий, проводят военные операции на заказ, ведут самостоятельную финансовую политику, что для нормальной армии просто недопустимо. Представьте, если бы армия Российской Федерации там, на той стороне, сама себе зарабатывала бы деньги, сама тратила...

– Возможно, и неплохо было бы, – пожал я плечами. – По крайней мере, ей бы хоть какие-то деньги доставались.

– Кроме того! – Крамаров воздел руку к потолку, привлекая особое внимание к тому, что он намерен сказать: – Кроме того, они взяли под крыло самый настоящий криминал из Демидовска. Город Демидовск даже основан уголовным авторитетом Демидовым и назван в его честь. Представьте, кто там правит. А так называемая Южная группировка, которая сама себя называет Русской Армией, как будто они единственная вооруженная сила на российской территории, их выгораживает перед центральным правительством, покрывает финансовые злоупотребления, препятствует работе правоохранительных органов на этой территории. Фактически «крышует» уголовников.

– Скажите, а основные источники доходов Русской Территории в чем? Откуда деньги?

– В брошюрах подробно написано, – ткнул он пальцем в стопку ярких буклетов, которые я продолжал держать в руках. – В Демидовске есть тяжелая промышленность, полезные ископаемые. Есть военное производство возле ППД. Есть порт в Новой Одессе. Есть нефть.

– Где?

Крамаров обернулся к висящей на стене карте, очертил пальцем некий овал в западной части Большого Залива.

– В основном на южной границе, в дельте Амазонки, на шельфе и вглубь территории до Демидовска почти.

– Понятно. В общем, узнал достаточно, спасибо за беседу, – встал я с кресла. – Последний вопрос: как лучше добираться?

– Есть два пути. – Он даже показал мне два пальца, чтобы я не перепутал. – Один через ЕС до Меридианного хребта и вдоль него, через Техас и Конфедерацию к нам. Второй – южнее ЕС, северная часть Американских Штатов, Конфедерация – и тоже к нам. Самый лучший способ – поищите соотечественников на грузовой станции, узнайте, когда конвой пойдет, и присоединяйтесь к нему.

– Вот за это спасибо, совет хороший, – сказал я, протягивая руку. – Извините, что отвлек вас, пойду я.

– Отвлекли?

– Ну... – ткнул я большим пальцем себе за спину, в сторону приемной с девицей.

– Хм...

– Всего хорошего!

– До свидания, – с явным облегчением попрощались со мной.

Я покинул крамаровский кабинет, прошел мимо искусственно брюнетистой девицы, открыл дверь и остановился. Через вестибюль, не замечая меня, шел мордатый в городском камуфляже, тот самый, которого я в «Арарате» видел. Быстро пройдя до противоположного конца холла, скрылся за дверью, судя по всему ведущей в то крыло, где «различные службы». Посмотрев ему вслед, я вышел из здания, прошел через двор-парковку, в ворота мимо младшего сержанта – и пошел в сторону Овальной площади, насколько я запомнил направление по карте.

До площади оказалось совсем недалеко, еще минут десять ходу. Действительно площадь была овальная. Круг с фонтаном в середине, а по бокам, в вытянутых концах овала, были разбиты буйно зеленевшие скверики со скамейками, дорожками и какими-то скульптурами, выполненными в стиле агрессивного деконструктивизма. Площадь по периметру была огорожена трехэтажными домами, весь первый этаж которых занимали магазинчики, ресторанчики, бары и еще невесть что. Увидел даже офис с надписью «New World Mail»¹⁸ и изображением стилизованного почтового рожка. Ага, значит, почта тут работает. Решил зайти.

В почтовом офисе было почти пусто, только какая-то толстая тетка в углу заполняла желтый бланк. За стойкой сидел парнишка лет семнадцати-восемнадцати на вид, с серьгами в ухе, носу и брови, крашенными в черный и красный цвет волосами, но тем не менее в голубом форменном комбинезоне с белыми буквами NWM и все тем же почтовым рожком, вышитыми на нагрудном кармане. Такое сочетание выглядело странным.

Несмотря на пугающий вид, парнишка оказался толковым. Выяснилось, что из почтовых услуг доступны самые классические. Отправка писем, телеграмм, посылок. Если абонент живет в городе, имеющем телефонную сеть, и имеет номер, то можно и факс послать. Или позвонить из переговорной кабины. Я подумал – и решил отстучать телеграмму Светлане. Порадовать девушку, что не коварно соблазнил и бросил, а даже часто о ней думаю. И правда ведь думал. Часто. Потом вспомнил, что не знаю толком ни адреса, ни даже фамилии. И есть ли у нее фамилия или все как у меня?

Парнишка-почтарь, видя мое затруднение, не растерялся, сказал, что на базах народу немного, и если послать телеграмму просто «База «Россия», иммиграционный контроль, Светлана», то даже такая телеграмма обязательно найдет адресата.

Я написал в бланке от руки транслитом: «Skuchaju. Vernus za toboj. Dojdeshsa? Andrey», – и отдал ее почтарю. Текст его немало озадачил, но он постарался не подать виду, быстро

¹⁸ «Почта Новой Земли» (англ.).

набил его на клавиатуре компьютера, нажал «Ввод» и выдал мне чек на четыре экю, который я немедленно оплатил.

Покинув почтовое отделение, я решил прогуляться в сторону железнодорожной станции. Прикинул по карте – оказалось, первый поворот налево после Овальной площади, если вернуться по Главной улице назад. Так попаду на Станционную, и по ней – согласно названию – до упора. Нет проблем.

Вообще, судя по карте, город делился на несколько четко очерченных зон. Овальная площадь образовывала геометрический центр города, и расходящиеся от нее под прямым углом улицы делили Порто-Франко на четыре приблизительно равные части. Две четверти города, находившиеся к югу от Главной улицы, судя по всему, были жилыми районами. Главная улица и ближайшие окрестности служили местным променадом. Северо-восточная четверть примыкала к порту и железнодорожной станции и несла на себе функции делового района. Оставшийся северо-западный ломоть отходил под местный квартал «красных фонарей», судя по всему, а также под стадион и множество маленьких гостиниц. На границе этого района и Главной улицы находилось что-то вроде полицейского участка, обозначенного на плане как «Отдел патрульных сил Ордена по охране правопорядка».

Первая половина Станционной улицы была застроена домиками с вывесками каких-то офисов, затем слева и справа потянулись заборы складов. Время от времени проезжали машины, причем я заметил, что здесь популярны все больше не самые современные, а те, что попроще и в ремонте полегче. Разумный подход, это не по Москве кататься. В конце улица резко расширялась, превращаясь в обширную стоянку, ограниченную с противоположной стороны высоким бетонным забором с колючей проволокой поверху. В заборе было двое ворот. Одни были открыты, и над ними, на арке, висел большой щит с надписью «Railway station»¹⁹. Вторые ворота были шире первых и перегорожены шлагбаумом. Над ними было написано «Cargo terminal»²⁰. Возле шлагбаума была караульная будка, сложенная из бетонных блоков, больше напоминающая дот, возле которой перетаптывался уже привычно выглядящий солдат Ордена в «песчанке» и малиновом берете, с М4 на плече. Еще двое находились в будке. Здесь было оживленно. На стоянке много машин, преимущественно грузовики или пикапы. Было и несколько мотоциклов. Суетились люди с папками документов, возле грузовиков курили водители. По территории стоянки неспешно прохаживался еще один орденский патруль. Некоторые из находившихся на стоянке были одеты в военную форму, некоторые, как и я, – в нечто «двойного назначения». Был даже испанского вида господин с зачесанными назад набриолиненными волосами и эспаньолкой, одетый в роскошный кремовый летний костюм, белую сорочку и яркий шелковый галстук. Выглядел на этой пыльной площади он как петух на навозной куче и явно этим гордился. Время от времени он начинал метаться между несколькими машинами с аббревиатурой UL на бортах, что-то кричал суetyащимся там темноволосым людям, экспансивно размахивал руками. До меня доносились лишь слова: «Venga! Venga!»²¹ В стороне, слева от ворот, выстроилось пять «Уралов». Возле них стояли несколько военных в камуфляже необычного рисунка. На задних бортах и дверях грузовиков, камуфлированных желтыми и зелеными пятнами, виднелись крупные белые буквы «РА» и «RA». Я подошел ближе, прислушался. Знакомые нецензурные словосочетания укрепили меня в мысли, что это – свои.

Подошел ближе, глянул. У одного из вояк, в патрульном кепи, были капитанские погоны, а у второго, в черном берете и в тельняшке с черными полосами, выглядывавшей из выреза, – погоны прапорщика. Остальные по званию были не старше ефрейтора. Подошел к старшему

¹⁹ «Железнодорожная станция» (англ.).

²⁰ «Грузовой терминал» (англ.).

²¹ Давай! Давай! (исп.)

по званию, судорожно листавшему какие-то накладные в папке, дождался, когда он поднимет глаза от бумаг.

– Здравия желаю, товарищ капитан, – объявил я. – Ищу попутный конвой.

– Попутным только ветер в задницу бывает, – мрачно посмотрел на меня капитан. – Куда надо?

– Хотелось бы в ППД.

– Значит – по адресу, – кивнул он. – Выход через два дня, время уточним позже. Транспорт есть или балластом?

– Транспорт есть, могу даже посадить кого-нибудь.

– Что за транспорт? Дорогу выдержит? – спросил он недоверчиво. – А то тут со всяким новички попадают.

– «Крузак» семьдесят пятый – хоть в кругосветку на нем.

Сразу расколол, что я новичок. Говорил же, что это должно быть на морде написано.

– Оружие есть? Стрелять умеешь? – последовал следующий вопрос.

– С этим все в порядке, – усмехнулся я. – Только стрелять и умею толком.

– Служил? – заинтересовался капитан.

– Давно, с восемьдесят четвертого по восемьдесят восьмой. Но форму не терял, стреляю всю жизнь. Скорее даже форму набрал.

– Где именно служил? – уточнил он.

– Начинал в Таманской мотострелковой, а закончил в сто третьей воздушно-десантной. Как так получилось, лучше не спрашивай, – заранее пресек я все возможные вопросы.

– Не буду, – кивнул он. – А чего так долго служил? Или, наоборот, мало?

– Срочником начал, закончил прапором. Два плюс два, комиссовался.

Я посмотрел на эмблемы на капитанских погонах – эмблемы были автомобильных войск.

Он перехватил мой взгляд, засмеялся:

– Ты на них не смотри. Я вообще-то тоже из ВДВ сюда, но здесь ВДВ нет, а мы – проводка конвоев, легкая пехота. По тутошним меркам чуть не самые крутые войска. Как зовут?

– Андрей.

– Капитан Немцов, – протянул руку капитан. – Можно Владимиром. Это Василий, он же прапорщик Быхов. К нам из чучковской бригады СпН. Связь в машине есть?

– Есть. «Кенвуд» хороший стоит, стационарный, и «кенвуды» же короткой связи.

– Это хорошо, – кивнул он. – Ладно, мы здесь еще два дня будем, сейчас – запарка, тут с грузом напутали. Охота пообщаться – подходи к восьми в «Биерхалле» на Шестую улицу, там и поговорим. Нет, отставить: к девяти лучше, можем задержаться.

– Хорошо, подойду. А что за форма на вас такая? – не удержавшись, поинтересовался я.

– Местного изготовления, – ответил капитан, пощупав ткань у себя на рукаве. – Китайцы шьют по нашему заказу. Верись – отлично шьют, даром что «чайна мейд». Они и разгрузки для нас делают, и ремни. Местная расцветка, «саванна».

– Хорошо выглядит, – сказал я.

– Точно. Ладно, извини, побежали на станцию.

– Удачи.

Ну что, можно сказать, что новости хорошие. Пару дней можно и здесь покрутиться, зато пойду с конвоем. Правда, не видел я там никакой брони – как вести собираются? Хотя, может, броню туда не пускают просто: нечего ей у станции делать. А то забудет снаряд в стволе невнимательный боец, в какой-нибудь БМП-1, как у нас раз было, а потом на электроспуск нажмет. И чини потом дефицитное станционное имущество.

Времени оставалось еще вагон, поэтому я решил прогуляться к порту. Без конкретной цели – просто поглазеть. Вновь достал карту из кармана, определился на местности. Если с

парковки этой выйти и идти налево, никуда не сворачивая, то упруешься прямо в гавань. Пройдись.

Дорога до порта заняла еще минут пятнадцать быстрым шагом. Все это время я шел вдоль железнодорожной ветки. Видать, у наших с морским транспортом проблемы, если конвои гоняют через половину материка. А так – милое дело: со станции взял, на судно погрузил, погудел в гудок – и пошел куда надо тебе. «Лишь волны бегут от винта за кормой, и след их вдали пропадает».

Территория перед портом выглядела почти так же, как и перед станцией. Грузовики, суэта. Тоже двое ворот, тоже охрана в них. Я направился к воротам с надписью «Passenger terminal». Туда пускали без ограничений. Стояло там, на берегу, маленькое здание морского вокзала, у пирса болтался один небольшой пароходик не слишком пассажирского вида. Зато в грузовой гавани, которую хорошо было видно с пирса, стояли под погрузкой два относительно крупных судна. Ну так себе крупных, конечно, по сравнению.

Мне вспомнилось, что для протаскивания через «ворота» железнодорожный вагон – практически предельный размер. Значит, суда уже местной постройки. Я в морском транспорте не специалист, но выглядели они вполне нормально. Пусть и не супертанкеры, но и не совсем калоши. Одно судно было под британским флагом, второе – под синим, с желтыми звездами по кругу – ЕС, значит. Возле британского судна крутилось несколько военных в ярко-красных беретах. Работал портовый кран, перетаскивая на борт какие-то платформы со штабелями мешков.

Вдалеке, на рейде, болтался маленький военный корабль, что-то вроде сторожевика. Сине-серый «американский» цвет, орденский флаг – черная пирамида в круге на белом поле. Ракетного вооружения на нем я не разглядел, но артиллерийское присутствовало. Одноствольная орудийная башня на баке, калибром, судя по всему, миллиметров сто – сто двадцать, и двухствольный автомат на корме.

Между пассажирской и грузовой территорией порта был маленький бар «Slow boat». Подход к нему с пассажирской территории был свободен, а с грузовой надо было идти через калитку в сетчатом заборе, возле которой, под навесом, маялся часовой. Стен как таковых у бара не было – их заменяли бортики высотой с барную стойку, и было видно, что внутри довольнолюдно. Я уже нагулялся по жаре, поэтому мысль освежиться чем-нибудь эдаким мне не показалась крамольной.

Интерьер бара был выдержан в тропическом стиле, с плетеной мебелью и тростниковым потолком. У стойки пили эль двое военных в камуфляже непривычной расцветки, с красными беретами, сложенными и заткнутыми под погон. Там же пили пиво пятеро матросов, говоривших по-французски. Видать – с «европейца». Еще несколько матросов занимали два столика и говорили с выраженным британским акцентом – его ни с чем не спутаешь. А вот за баром находились китайцы, двое. Лет по тридцать, наверное, хотя европейцу сразу понять трудно – может, и ошибаюсь, – крепкие, мускулистые.

Подошел к стойке, облокотился.

– Что могу сделать для вас? – спросил один из барменов.

Точно китаец, акцент такой, что как на лбу написано.

– Пинту лагера, пожалуйста, – попросил я.

Бармен не глядя снял с крючка над головой высокую граненую кружку, приставил ее к стальному крану и ловко наполнил почти без пены. Бросил передо мной зеленоватый кружок, явно вырезанный из листа какого-то растения, поставил на него кружку. Я попробовал – было не хуже, чем то, которым угощал Арам, только немного горчило. Посмотрел на круглую табличку на кране – «Hoffmeister». Тоже немецкое, судя по всему. На втором кране была табличка «Queenstown Pride». Снизу, буквами помельче, было написано «Finest British Alc. Since 0008». Понятно, Британское Содружество тоже пивоварничает вовсю. Судя по цвету напитка и отсут-

ствию пены, все сидящие англичане пили именно эль. Дальше от меня были еще два крана – с темным пивом и сидром.

Бармен повернулся, нагнулся, достал из-под стойки пластиковую банку с какими-то орехами, зачерпнул оттуда деревянной лопаточкой около пригоршни, высыпал их на деревянную розетку и поставил передо мной.

– Спасибо, – поблагодарил я и спросил: – Что это?

– Орехи. Местные орехи. Вкусно! – разрекламировал орехи бармен.

Я закинул орех в рот – действительно неплохо, особенно к пиву. То ли на миндаль смахивает, то ли на фундук. Что-то среднее.

С моря раздался гудок, и все посмотрели в ту сторону. Из-за волнолома показался рыбацкий сейнер, входящий в гавань. Небольшой, метров двадцать в длину, сидящий в воде чуть выше ватерлинии.

Я спросил у бармена, куда можно добраться пассажиром из этого порта. Оказалось, что небольшие суда ходят примерно раз в неделю в Виго, испанский порт Евросоюза, Куинстон и Роки-Бэй Британского Содружества, и еще в американские Форт-Линкольн и Форт-Рузвельт. Билеты довольно дорогие, но штормы не в сезон здесь довольно редки и путешествие безопасней наземного. Однако в сезон дождей, который длится три месяца, регулярные морские рейсы прекращаются. В это время здесь часты быстро образующиеся и очень сильные штормы, которые небольшие местные суда преодолевают с трудом, если преодолевают вообще. Жизнь в порту на сезон дождей почти замирает.

Впрочем, насколько я понял со слов бармена, замирает и дорожное сообщение. Грунтовые дороги размокают, местная почва превращается в расплывающуюся красную глину, и машины вязнут в ней по ступицы. Существует всего две одноколейные железные дороги: одна ведет в Американские Штаты и захватывает там почти все основные города, вторая – вдоль побережья Евросоюза. Остальные обходятся так.

Подошедший за новой порцией эля морячок услышал наш разговор и рассказал, что два года назад они в конце года вышли в рейс – очень уж выгодный фрахт был. Шли из Ньюпорта в Форт-Вашингтон с орденским грузом и добрались до порта еле живыми, с избитыми надстройками, сорванным такелажом и водой в трюмах. Не удержавшись, я поинтересовался у морячка, почему у американцев все города называются фортами да еще имени президентов? Тут в беседу влез один из вояк в камуфляже и сказал, что форты – это для того, чтобы ощущать себя героями-первопроходцами, а президенты – для патриотизма. «Земля храбрых...» и все такое. Даже проиграл на губах первые ноты американского гимна. Затем добавил, что американская территория здесь – единственная, которой еще никто никогда не угрожал, по крайней мере – Американским Штатам. У Техаса и Конфедерации есть кое-какие проблемы с Латинским Союзом, но непосредственно у Штатов – отродясь ничего не было. Тишь, гладь да божья благодать. Но все в фортах.

Военные в камуфляже оказались морскими пехотинцами, но уже просто британскими, не королевскими. Ея Величество осталась на той стороне «ворот» и с этой стороны ни на что не претендовала. Пару месяцев назад их по замене перебросили на территорию метрополии из Кейптауна.

Как мне удалось узнать, раньше территория Мыса принадлежала Дагомее, аккуратно до тех пор, пока семь лет назад в дельте Замбези не нашли алмазы. И дагомейское правительство немедленно и совершенно добровольно подписало с Британским Содружеством договор об аренде Мыса на двести лет. Британцы построили там городок, укрепили Мыс против вторжения и начали активную добычу. Но начались трудности.

На самом деле дагомейское правительство в самой Дагомее никого не интересуется и никаким влиянием не пользуется, но юридически имело право договор подмахнуть, что и сделало за небольшую, в общем-то, мзду. Этого хватило, чтобы британцы на законных основаниях ввели

туда войска. Место было беспокойным. Многочисленные мелкие и крупные банды постоянно пытались прорваться на Мыс с целью грабежа или политически мотивированного грабежа – мол, вернем наши земли, проданные правительством предателей, и все такое прочее. Само правительство после этого просуществовало несколько месяцев, как, впрочем, и все последующие – больше года никто не продержался. Заправляли в Дагомее всевозможные племенные вожди и мелкие царьки, которые были готовы поддержать только одного правителя – самого себя.

Восточной границей Дагомеея соприкасалась с Британской Индией. На эту территорию переселялись с помощью английских агентов жители Индии из Старого Света. Там находилось какое-то количество британских войск, и были сформированы местные части колониальной легкой пехоты. Там тоже частенько случались стычки с бандами из Дагомееи – численности как войск, так и всего населения не хватало для того, чтобы всерьез перекрыть границу. Местность была сложная, в основном горно-лесная, что делало невозможным применение военной техники в серьезных объемах. Поэтому основная тактика борьбы с бандами заключалась в действии патрулей и отрядов аэромобильных войск. Один из военных, Иан, до Кейптауна прослужил год в Порт-Дели, вот он и поделился опытом.

Тогда я немного расспросил их, что они знают о Русской Армии. Выяснилось, что репутация у нее серьезная. Численность РА доходила до пятнадцати тысяч человек, в составе двух бригад и двух отдельных полков, и они контролировали самую сложную границу в этом мире. До тридцати процентов их бойцов посменно работали по найму на других территориях.

Обычным наемничеством это не было – правительства территорий платили в казну армии, а за это целые подразделения РА брали на себя какую-то конкретную задачу. В Техасе они брали на себя проводку множества конвоев и периодически участвовали в рейдах вдоль границы с Латинским Союзом. В Бразилии занимались поиском и уничтожением тайных баз наркоторговцев и бандитов в устье Амазонки. По соглашению с Британским Союзом, которому уже не хватало своих немногочисленных войск для обеспечения всех интересов снова зарождающейся империи, участвовали в десантах на территории Халифата Нигер и Судан с целью уничтожения нарождающегося пиратства. Британцы обеспечивали десант с моря, а все сухопутные операции спланировали и провели бойцы из РА, благо пиратство доставляло и русским территориям немалые проблемы.

В общем, по отзывам бриттов, Русская Армия представляла собой в этом мире значительную силу, и, кроме того, была самой опытной. Почти на восемьдесят процентов она состояла из участников боевых действий еще в Старом Свете, в ней уже служили молодые солдаты, родившиеся в Новой Земле, прошедшие выучку у старших, и самое главное – только РА никогда не простаивала. Соответственно, таким опытом похвалиться здесь не мог никто. Как следствие опыта, русские несли мало потерь. Зачастую сам факт присутствия подразделения РА где-нибудь сразу решал все вопросы в их пользу или в пользу их союзников.

В последнее время Орден начал относиться к ним с подозрением и ставить палки в колеса при любой возможности. Появилось мнение, что РА ведет столь активный военный образ жизни, чтобы максимально натаскать личный состав в боях, а затем замахнуть на какие-то другие задачи, более амбициозные. Только вот какие?

Британцы не слишком поддерживали такую политику – активность Русской армии у северных границ Исламского Халифата оттягивала значительную часть сил этой страны от британских владений на этой стороне Большого Залива. Уход РА от активных действий означал бы для Британского Содружества усиление давления в сторону их владений, почти автоматическое попадание Халифата Нигер и Судан в состав Исламского Халифата, вытеснение дагомейских банд и племен на границы Британской Индии и на Мыс. Пока же нигерийцы и суданцы под знамена главного халифата не очень рвались, потому что для них это означало немедленную отправку на борьбу с РА.

По ходу беседы каждая из сторон по паре раз проставилась «под политику», я попил «Queenstown Pride» и нашел его вполне на уровне, и, в конце концов, я глянул на часы и понял, что пора отбывать в тот самый «Биерхалле», в котором мне назначил встречу капитан Немцов.

Свободная территория под протекторатом Ордена, город Порто-Франко 22-й год, 22-е число 5-го месяца, понедельник, 21:03

Найти «Биерхалле» труда не составило. Город был построен по параллельно-перпендикулярной схеме, с запада на восток шли улицы с именами, перпендикулярно им – с номерами. «Биерхалле» был классической баварской пивной, с длинными тяжелыми столами и скамейками, огромными пивными бочками за стойками и классической немецкой кухней, одобренной, правда, местным колоритом. Зал был почти полон, было шумно и накурено, и я не сразу нашел Немцова. Он сидел в дальнем от входа углу зала в компании старшины Быхова и какого-то старшего лейтенанта лет тридцати на вид, с общевоинскими эмблемами. Среднего роста, весь какой-то средний, лицо незапоминающееся, хоть вроде и приятное.

Я подсел к ним, и Немцов кивнул на старлея:

– Знакомься, старший лейтенант Владимирский.

Я пожал старлею руку:

– Андрей.

– Михаил, – представился он.

Подошла крупная деваха с румянцем во всю щеку и спросила по-русски с отчаянным украинским акцентом:

– А вы шо заказывать будете?

Я попросил какие-то колбаски с капустой и картошкой из традиционной части меню и пива. Деваха удалилась, а Немцов повернулся ко мне:

– Ты где служил, говоришь?

– В сто третьей, – лаконично ответил я, решив, что достаточно информации для досужего любопытства.

– Значит, был в Афгане, если по возрасту судить. И там ты был...

– В Кандагаре мы сидели, – заполнил я паузу.

– Правильно, – кивнул он. – У нас в подполковниках человек служит из этой дивизии, как раз из Кандагара, Николай Сергеевич Барабанов. Не знаешь такого?

– Николая-то? – поразился я. – Конечно знаю, он у нас замкомандира разведроты был, и он же меня к себе перетащил, когда я на сверхсрочной оказался...

– Серьезно? – удивился Немцов. – Тесен мир, как говорится. Точно, он так и служил там, замкомроты, потом ротным. А ты кем был?

– А я снайпером был.

– А на сверхсрочной звание какое?

– Прапора подвесили, у меня же незаконченное высшее к тому времени было, – объяснил я зигзаг своей судьбы. – По штату инструктором по стрелковой сделали, а по факту так снайпером и оставался. У меня же первый разряд по пулевой еще до службы был. Слушай, если проверяешь – так прямо и скажи. А если с Барабановым связь есть, телеграммку ему отбей: так, мол, и так, подошел такой вот мужик, зовут Андреем, говорит, был с тобой прапором и снайпером в Кандагаре. Срочно вышли его приметы и фамилию. Прочитаешь, спросишь мою фамилию – я тебе ее скажу, и так опознаемся. Чего огород-то городить?

– В командировке он, – развел руками Немцов, выслушав мою отповедь. – Впрочем, полюбому свяжемся. Тут у нас на этот раз конвой загадочный получается, уже на воду дуем. Мало того что с нами курвовоз идет, так еще новость. Подкатили к нам московские – с просьбой подсоединить три грузовика. У них охраны десять человек своих, мы их не знаем, чего они стоят – не знаем, доверяя к московским, в силу определенных причин, немного.

– А вообще у них кто в армии? – поинтересовался я.

– Армия официально у них мы, только мы на них клали вприсядку, и уже давно, – усмехнулся капитан. – А есть еще внутренние войска, подчиняются ихнему министру МВД. Знаешь кто за министра у них? Коршунов, слышал о таком? Бывший замминистра внутренних дел в прошлой жизни.

Фамилия знакомая, прямо из газет. Если это тот, о ком я думаю.

– Погоди, он же вроде миллионов двести нашелкал, а когда хреново запахло, то в Израиль дернул, а наши его выдать просить стеснялись – видать, такое бы всплыло... – выложил я то, что вспомнилось.

– Он самый и есть, – кивнул Немцов. – Нырнул в Израиле, а вынырнул тут. И все двести лимонов, судя по всему, вовремя в золотишко перевел и сюда закинул. А в Москве при власти других нет, только такие. Они же не от хорошей жизни сюда бегут, а лишь те, кого даже там припекло так, что дальше некуда.

Немцов махнул рукой с досадой, крепко приложился к кружке, после чего продолжил:

– Ладно, не суть, а стал тут Коршунов министром. Сам начал армию формировать, сначала – за свои кровные. Назвал Внутренними войсками – по привычке, видать. Братъ старался тех, кто с боевым опытом. Но тут нашла коса на камень. Лучше всего к нему менты шли, «вованы» уже не так. Точнее, даже вообще не шли. Из спецназа «вованского» к нему вообще ни души не пошло, а кто ушел – тот к нам перебежал. Все же репутация у человека знатная, вроде помойки на жаре.

– Да уж точно, прямо звезда, – согласился я.

– Ага, именно, – кивнул собеседник. – Ядро армии этой своей он из ОМОНа, меньше – из СОБРа набрал. Ну и из ГУИНа, вертухаев. Насчет того же ОМОНа по Чечне скажу так: в бою они нормально, все же мужики взрослые в основном. Не паниковали, не бегали. А вот насчет тактической грамотности и вообще именно военной подготовки – полный ноль. Стояли на блоках, деньги собирали за проезд, зачищали что-то, тащили что видели. Вспомни, все главные проколы – с ОМОНОм, ну, на худой конец, – с «вованами». Что подмосковный ОМОН, что курганский. Ни разведки по маршруту следования, ни опознаться даже нормально. Как будто Черкизовский рынок чистить ехали.

– А Майкопская бригада как же? – неожиданно спросил Быхов.

– Вась, ну ты спросил, сам, что ли, не знаешь? – чуть возмущился Немцов. – Во-первых, какая, в задницу, бригада? Сводный отряд бригады там был, численностью в батальон. Кого в сводный отряд свели – слезы одни. Какой у них приказ был? Если в суть глядеть, то на броне выдвинуться в центр города, встать как на выставке, ждать местное население с хлебом-солью и принимать пленных, которые в очередь на сдачу встанут. Ермоловы наши умом-то не блистали, думали – погремят броней, чичи с перепугу Дуду за усы приведут. Ну, может, утрирую, не без того, но почти что так. Майкопских командование многомудрое под монастырь подвело. Сдало, в прямом смысле этого слова.

– Тоже верно, – согласился Быхов.

– Ладно, не об этом речь, – знатно, по-хозяйски отхлебнув еще из кружки, сказал Немцов, затем продолжив рассказ: – В общем, получилось у Коршунова что-то вроде огро-о-омного ОМОНа. Но все равно оказался маловат для московских потребностей. Поэтому подметались и пэпээсники, и вообще не пойми кто, из частных ЧОПов публика, да и просто левота.

– Специально набирали, что ли? – спросил я.

– Можно и специально, если знать где, – усмехнулся Немцов. – Тутошний представитель коршуновский, Силаев, по слухам, сюда прямо с ментовской зоны прибыл, ему еще мотать лет десять оставалось. Наверное, не за то, что пьяных в вытрезвяке обирал, на такой срок туда влетел. Подполковником там был, а тут полковником стал. И вообще говорят, что иркутская и нижнетагильская ментовские зоны сильно поуменились численностью, зато тут таких при-

бавилось. В общем, тот еще воинский контингент получился. Просил их грузовики до кучи в колонну взять сам Силаев, а я ему ни на грош не верю. На нем пробы ставить некуда, хоть ряшку наел – в три дня не уделаешь.

– Погоди, погоди... – прервал я его. – А как он выглядит, Силаев этот? Мордатый, нос красный, глазки маленькие, здоровенный, с брюхом, в ментовском «камке» ходит?

– Ну да, откуда знаешь? – удивился Немцов.

– Видел дважды. Раз в представительстве, а второй раз – в ресторане в мотеле. И сидел он там с нохчой, а тот ему, судя по всему, платил за что-то.

– Ни фига себе... – впервые вмешался в разговор молчавший до того Владимирский. – Точно чех с ним был?

– Сто пудов.

В этом я ошибиться не могу. Не знаю как, а всегда легко национальность определяю. И не только чеченца от, скажем, даргинца отличу, а даже корейца от японца и китайца. Как получается – сам не понимаю. По совокупности признаков.

– Да-а... – протянул Немцов. – Что-то с конвоем этим у нас все как в сказке – чем дальше, тем ну его на хрен... И курвовоз этот кстати...

– Слушай, что за курвовоз такой? – не выдержал я. – Звучит очень красиво, но ни фига не понял.

– Это еще одна песня про родину, – сказал он после очередного глотка. – Сейчас вот пивка еще попьем – и пойдем в ней последний куплет допевать. Увертюра к этой опере такая: получался тут сначала демографический перевес в сторону мужского контингента. Мужики более склонны лучшей доли искать на стороне. А с женщинами сложнее – домовиты, оседлы. Ехали и женщины, конечно, но гораздо меньше. И вербовщики что повадились делать – проституток прямо с улиц сюда закидывать, добровольно-принудительно. Наловят, всем медосмотр, и какие здоровые – пинком сюда, мешок с вещами на первое время вручат и тысячу экю. Подают под соусом: «Каждый имеет право на второй шанс». Ну, может, что и есть в этом благородное, вдаваться не буду.

– Нормально... – восхитился я простотой решения.

– Говорят, что половина их, даже больше, и правда к нормальной жизни здесь вернулись, грешно врать, – продолжил Немцов. – Ну а вторая половина так и осталась при своих занятиях в той или иной форме. Хохлушка эта, что пиво носит, тоже ведь из таких. Разве что профессия теперь попрличней все же. А закинули ее сюда из Москвы, вроде как и не хватится никто особо – жизнь у них и так опасная.

– Да уж наверняка... – прокомментировал я.

– А весь поток переселенцев через этот городок идет. И образовалась тут банда сутенерская из всякой мрази – какие-то цыгане румынские, албанцы, молдаване затесались. Принимают их всех здесь, разводят, бабки отбирают и на работу определяют. И уже неважно, что ты там дальше делать собиралась, а будешь тут в борделе шуршать.

Немцов отвлекся, отпиллил ножом кусок отбивной, закинул в рот, запил пивом и продолжил:

– В общем, наткнулись мы на барак, где бабский личный состав собирали, вроде сборного пункта – хохлушка эта подсказала. Стукнули в представительство, очень настоятельно, и Силаев как морду ни воротил, но в Орден вынужден был обратиться.

– И что Орден? – заинтересовался я.

– Ордену по барабану вообще-то, чем люди занимаются, но вот на случаи принуждения на своей территории реагировать обязаны, иначе вся идея добровольного переселения псу под хвост. В общем, налетел патруль орденский, с криками и топотом, всех мордами в пол, девок отобрали, расселили в гостинице за свой счет, выделили им транспорт, даже по штуке экю снова вручили. Порядочно поступили, тут не отнимешь. Только додики эти, сутенеры которые,

вроде как не при делах остались. А значит, и дальше будут девок ловить, только умнее станут. Поэтому мы решили их навестить, рассказать, чего им дальше делать.

– А внимут увещеваниям? – уточнил я.

– Нашим – внимут, – сказал капитан. – Во всей Новой Земле психов не найдется, кто бы с нами связаться хотел. И даже если мы их тут на фонарях вешать начнем, патруль орденский или опоздает к экзекуции, или адресом ошибется. Зря мы, что ли, с войны не вылезаем? Сначала ты работаешь на репутацию, потом репутация работает на тебя.

– Понял.

– Прогуляешься с нами? Нам бы еще одного для огневой поддержки, случись чего.

Интересно, проверить решили, что ли? Или как?

– Есть у меня ствол неопечатанный, но в мотеле остался, – осторожно ответил я.

– Ствол дадим. Вон Вася Быхов даст, у него два, точно знаю. У него их всегда два.

– Угу, – кивнул прапорщик.

– Тем более что Вася сам и обнажать его не будет. Вася у нас за главного уговаривателя сегодня.

– Когда пойдем? – спросил я, глянув на часы.

– Через часок двинем. Трое бойцов еще подъедут – на улице помаячить, – чтобы сразу понятно всем было, кто тут шумит.

– А где это?

– Да два квартала отсюда. Клуб у них там и бордель. «Живая роза» называется.

Свободная территория под протекторатом Ордена, город Порто-Франко 22-й год, 22-е число 5-го месяца, понедельник, 22:23

Клуб «Живая роза» выглядел ярко, но банально. Неоновые надписи «XXX», «Live girls», «Live show», «Nude girls» переливались на фасаде, там же в виде простенькой мультипликации дергались женские силуэты. Внутри гремела музыка. На входе перетапывался высокий тучный брюнет с руками, похожими на свиные окорока. Пара посетителей зашла внутрь.

Мы подъехали на БРДМ-2, у которого стволы пулеметов были затянуты в брезентовые чехлы и запломбированы. Во время поездки Быхов сунул мне новенький «Грач», который я заткнул под рубашку за пояс. Все спешили, трое бойцов спрыгнули с брони и остались у машины, мы же вчетвером пошли в клуб. Вышибала величественно простер перед нами руку и с сильным акцентом произнес:

– Ten equ for each...

Договорить не успел. Невысокий, худощавый и даже интеллигентный с виду Владимирский коротко ударил его в печень, схватил руками за голову, надавив на глаза, и втолкнул его внутрь. Вышибала с грохотом свалился на пол, попытался подняться, но, получив удар по затылку от Быхова, рухнул лицом вниз.

Из какой-то двери высунулась усатая морда, глаза на морде испуганно расширились, но дать задний ход владельцу усов не успел. Я подскочил к двери и что было силы припечатал ее ногой. Попало удачно, прямо по шее. Морда завывала и вместе с туловищем вывалилась наружу. Быхов поднял его как куклу и с маху запустил в стеклянную витрину головой. Зазвенело, загрохотало, вой прекратился.

– Нам сюда, – сказал Немцов, и мы вошли в дверь, откуда так неудачно вышел усатый.

Из боковой каморки высунулась размалеванная тетка лет сорока, от которой так перло пудрой (именно пудрой, не духами, я знаю разницу), что меня чуть не вывернуло. Интеллигентный Владимирский схватил ее за волосы, выволок из двери, дал пощечину, чтобы прекратить ультразвуковой визг, и спросил ее:

– Где Флориан, падла? Флориан где?

Дама зарыдала, сразу же залившись тушью до самого низа отвислых щек, и ткнула толстым пальцем с накладным ногтем в сторону лестницы, ведущей на второй этаж. Владимирский втолкнул ее обратно в каморку, дав попутно под зад, отчего вся задница дамы, сделавшая бы честь и бегемоту, пришла в хаотичное движение, вошел следом. Что-то загрохотало, музыка взвыла и замолкла. Вместо дамы из каморки вылетел тощий хлыщ в бейсбольной кепочке. Поочередно наткнулся на колено Немцова, кулак и колено Быхова – и сполз по стенке. Михаил опять присоединился к нам, и мы направились вверх по лестнице.

На втором этаже был длинный коридор типа гостиничного. Между лестницей и коридором стоял стеклянный шкаф с различного рода силиконовыми членами и прочими атрибутами заведения. Перед шкафом стоял еще один амбал, на этот раз с бородой, прислушивавшийся к звукам снизу. Доходило до него, видать, неспешно, потому что мы все уже успели подняться, когда он вдруг засуетился и полез рукой себе под рубашку. Медленно, быстрее это делать надо. Я было за «Грача» схватился, но Быхов вырубил его в два удара и уложил в витрину. Снова посыпалось стекло, под вышибалой расплылась лужа крови.

Я задрал на валяющемся бородаче рубашку и выудил у него из-за пояса девятимиллиметровый «глок», а в кармане нащупал запасной магазин. Сунул пистолет сзади за ремень – спереди уже был заткнут «Грач». Немцов хохотнул и подобрал с пола огромный розовый член больше полуметра в длину и невероятной толщины. Взмахнул им пару раз как дубиной, снова

засмеялся и вдруг с разбегу ударил ногой в дверь справа от нас. Дверь с грохотом распахнулась настезь. Я заглянул внутрь – там стояли шкаф, конторский стол с креслом за ним, диван и телевизор с DVD-плеером. В комнате никого не было.

Немцов огляделся, вдруг быстро подошел к шкафу, распахнул двери. В шкафу сидел хлипкий чернявый мужичонка в кожаном пиджаке – это в такую жару-то! – и в белой водолазке.

– А-а, – протянул Немцов, – Семен! Ты как раз нам и нужен, переводчиком будешь!

С этими словами он резко ударил «переводчика» в солнечное сплетение. Тот собрался было рухнуть на пол, но Быхов не дал ему этого сделать, схватил за волосы, с маху впечатал мордой в шкаф, а Немцов тут же начал охаживать того по почкам пластиковым членом. Семен от боли даже кричать не мог, только хрипел.

– Ну Сема, где Флориан? Где он, радость наша безмерная, а?

Семен показал глазами на стол. Немцов с радостным криком подскочил к столу и перевернул его набок. Стол бахнулся на пол, выбив пыль из коврового покрытия. Под ним, скорчившись между тумбами, сидел молодой мужик цыганистого вида с модной бородкой, в белой шелковой майке и лимонно-желтых штанах. На руках и шее у него висело с полкило золота в виде цепей и браслетов.

– Флорик! Друг мой! А мы к тебе по делу! – объявил Немцов, похлопывая своей импровизированной дубинкой себя по ладони.

Тот что-то быстро заговорил по-румынски. Быхов ударил Семена по голове:

– Переводчик, не спать!

Это помогло: Семен затараторил с пулеметной скоростью:

– Он деньги, деньги предлагает! Не бить просит!

Я, как самый практичный, заглянул в шкаф и обнаружил там, на верхней полке, еще ствол с запасными магазинами – новенький «Walther P99» калибра «0.40». И тоже забрал.

– Деньги – это хорошо! – заявил Немцов. – Деньги пусть дает. Переведи!

Семен опять быстро затараторил, а Флориан часто, как заводная игрушка, закивал головой.

– Деньги давайте, мы их девкам дадим, – согласился Немцов. – Теперь вы оба, наперегонки колитесь – сколько еще русских девок у вас по такому же принципу работают? Кто первый не успел рассказать, вылетает в окно башкой вниз, на дорогу. Именно башкой вниз, я смею обратить на это ваше особое внимание.

Семен, ввиду явного преимущества по причине владения русским языком, быстро перечислил шесть имен.

– Миша, бери этого додика с собой – и идите собирать баб с рабочих мест, – обернулся Немцов к Владимирскому. – А мы тут добеседуем.

– Не вопрос! – сказал Владимирский, схватил Семена за шиворот и поволок в коридор, попутно «ушибив» его мордой о косяк двери.

Тем временем Быхов взялся бить Флориана. Бил он его тщательно и вдумчиво, так, чтобы тот не отключился и не помер. Флориан отлетал к стенке, валился на пол, Быхов его поднимал и снова бил. Так продолжалось довольно долго. Немцов тем временем обшаривал ящики стола, вытащив их наружу. В ящиках нашлась еще одна пушка – короткоствольный почти антикварный револьвер «Кольт детектив спешл» – и две пары ключей от машин. Револьвер Немцов забрал, а ключами потряс перед носом поднятого старшиной Флориана:

– Где? Where?

– Ин гараж. Аутсайд, – прохрипел сутенер на ломаном английском.

– Хорошо, Сема покажет, – кивнул Немцов. – Давай, Вася, займи гостя.

В комнате опять загрохотало. Появились Владимирский с Семеном.

– Шестерых нашли, – сказал Владимирский. – В коридоре стоят.

Из коридора действительно доносился чей-то громкий шепот.

– Хорошо, – начал распоряжаться Немцов. – Берешь Сему, пусть отведет вот к этим машинам, держи ключи. Сажаешь двух бойцов с девками, пусть везут их к остальным. И пусть ждут нас там до завтра. Дашь им по стволу, на всякий случай. Андрей, дай «Грач» и что-то еще из того, что собрал.

Я достал пистолет из-за пояса, протянул Михаилу, затем вытащил «глок» и тоже отдал, вместе с магазином.

– Сема, где гараж?

– Та прямо за домом, – замахал тот руками, показывая направление. – С первого этажа, прямо с-под лестницы дверь есть.

– Понятно, – кивнул капитан. – Сему тогда с нами оставишь. Пусть переводит дальше. Возьмешь одну из машин – и к Андрею потом приезжай. Знаешь, где он живет?

– Знаю, запомнил.

– Давай, с богом. А мы тут побеседуем.

Беседа затянулась еще минут на пятнадцать. В результате стороны пришли к соглашению, что Флориан и компания отдают обе машины, все деньги и все цацки с Флориана, после чего с рассветом покидают город и уже в нем не появляются. В случае выполнения всех пунктов договора первой стороной – вторая сторона обязалась первую не убивать. Член-дубину пода-рили Семену на память и обязали носить всегда с собой.

После этого мы раскланялись и вышли из клуба. На улице уже собралась небольшая толпа. За нею дежурил «хамви» патруля Ордена, возле которого стояли четверо солдат в полицейской экипировке. Когда мы вышли, все четверо во главе с сержантом заухмылялись.

– Видишь, везде есть нормальные люди, – показал на них Немцов. – Ну кто таких уродов любить и защищать будет? Пошли.

Мы прошли через толпу, уселись на БРДМ и поехали в мотель «Арарат».

Свободная территория под протекторатом Ордена, город Порто-Франко 22-й год, 23-е число 5-го месяца, вторник, 10:00

Вчера победу над темными силами криминала обмывали долго. У Саркиса и водка нашлась московского – новоземельного – разлива, ничуть не хуже «кристалловской», и ради такого дела Саркис сам расстарался, соорудил великолепный шашлык, притащил чуть не бочку солений. Сидели, болтали, даже пели. Подъехал Владимирский на дизельном «хаммере» гражданской версии, пикапе. Неплохо жил Флориан, судя по всему. Здесь такая машина ой-ой-ой сколько стоит – не верю, что он с ней через «ворота» пришел.

Часть денег отложили на раздачу спасенным девицам, вторую часть Немцов сложил в портфель с, как он выразился, «дорожной казной» – для передачи в финчасть по прибытии в ППД. Взятые у злодеев пистолеты я отдал ему, хоть и было желание приныкать «вальтер», да постеснялся. «Хаммер» решили гнать с колонной: пригодится на базе, – а второй машиной оказался неновый «чероки». Саркис пообещал его пристроить и деньги завтра получить.

С утра мы пришли в ресторан позавтракать, и Саркис рассказал, что уже весь город обсуждает, как разнесли бордель. Лейтмотивом обсуждений было полное отсутствие сочувствия пострадавшим сутенерам. Немцова и компанию после этого я уже всерьез зауважал: приехать в чужой город, устроить погром, даже не скрываясь, и никуда отсюда не торопиться – для этого действительно нужно иметь репутацию, и не дутую. Я даже спросил его, не опасается ли он мести коллег вышеуказанных сутенеров, на что Немцов ответил, что сутенеры наверняка сегодня даже лавочки позакрывают до отъезда конвоя, чтобы, не приведи бог, и им не перепало.

Затем разговор перескочил на полковника Силаева и его чеченского партнера по переговорам. Опять обратились к Саркису. Тот сказал, что чеченец съехал еще вчера днем, машина у него была – «лендкрузер» такой же, как у меня, семьдесят пятой модели, песочно-бурой раскраски. Я вспомнил – действительно стоял такой возле одного из домиков. Еще он зачем-то подходил к охотникам.

Охотниками были те двое, которых я видел в ресторане и не смог опознать их акцент. Саркис сказал, что они южноафриканцы, живут тем, что охотятся на рогачей и антилоп и организуют охоту на гиену для желающих. Оба знают все окрестности как свои пять пальцев. «Унимог» с жилым кунгом и подготовленный «патрол» – их техника. Про Силаева же сказал, что в лицо его знает, но у себя в ресторане видел впервые. По крайней мере, он подтвердил, что видел я именно Силаева и именно с чеченцем.

Военным пора было ехать по делам, готовить конвой, поэтому я предложил взять южноафриканцев на себя. Никто не возражал. Мы попрощались и договорились встретиться вечером все в том же «Биерхалле». Я заплатил за завтрак, вышел из ресторана на улицу и сразу же увидел на стоянке «унимог», а возле него обоих охотников, что-то грузивших в машину. Подошел к ним, поздоровался, извинился за беспокойство. Представился. Они тоже представились – оказались братьями Ван Ритмеер, Хансом и Клаасом. Буры, в общем. Акцент южноафриканский, бурский, появившийся от соседства с африкаанс – диалектом от смеси фламандского и немецкого языков.

Разговорить охотников особого труда не составило. Достаточно было поинтересоваться – интересна ли и опасна ли охота на гиену, и что необходимо, чтобы в ней поучаствовать? В течение десяти минут я получил исчерпывающую информацию по этому вопросу. Выяснилось, что главная проблема с гиеной – убить ее быстро. Зверюга невероятно живуча, а с учетом

ее размеров и агрессивности – неудачный выстрел может повлечь целую кучу проблем для охотника. Бывали случаи, когда и машина не спасала.

Тогда я поинтересовался наиболее подходящим временем и местом для охоты. Южно-африканцы ответили, что охотиться можно когда угодно, кроме сезона дождей, потому что саванна становится почти непроходимой для машин. А место подойдет любое – лишь бы там паслись стада копытных. Гиены охотятся поодиночке, но иногда сбиваются в стаи и тогда нападают даже на рогачей. Стараются отбить от стада больных и слабых, после чего поочередно атакуют жертву, нанося огромные раны своими гигантскими челюстями, ждут, когда жертва ослабеет от потери крови, и начинают жрать ее живьем.

Я спросил, в чем же смысл того, что люди обращаются к ним за организацией охоты, если охотиться на гиену можно где угодно? Из-за того, что профессионалы могут подстраховать в случае неудачного выстрела? Клаас ответил, что это тоже причина, но самое главное – то, что они знают места, где можно проехать на машине так далеко, как только захочется, не опасаясь упереться в бесконечный овраг, искать целыми днями брод, и будет это не слишком далеко от города.

На вопрос о том, что они хорошо знают только окрестности города, братья ответили дружным возмущением. Они сказали, что вчера днем к ним подходил один приезжий из халифата, и они сумели ему нарисовать на карте маршрут от самого Меридианного хребта до границ Американских Штатов. Причем из так называемого Угла, где местность здорово изрезана природными препятствиями, образующимися в сезон дождей, когда потоки воды устремляются с гор на мягкую почву саванны. Нарисовать со всеми ориентирами, без единого пересечения с наезженными дорогами, минуя все главные природные препятствия и исключительно по необжитой территории. Я пообещал в будущем обратиться к ним за подобной услугой, на что мне ответили, что они будут рады получить двести экю за рисование еще одного маршрута. Мы распрощались.

Выходило, что чеченец что-то планирует в районе Меридианного хребта, части Сьерра-Гранде, там, где сложный рельеф, который упрощает организацию засады. После чего ему требуется безопасный маршрут отхода на американскую территорию. Зачем ему туда? Даже я, новичок, уже понял, что отношения американцев в Новой Земле с жителями всех южных халифатов и имаматов особой теплотой не отличаются. Зачем туда чеченцу?

Ну, предположим, он планирует засаду на конвой. С кем? Какими силами? В составе охраны конвоя пойдет не меньше двадцати бойцов капитана Немцова, плюс десять сменных водителей, которые подготовлены ненамного хуже в боевом отношении. С конвоем пойдет броня. Нет, правда, инженерно-разведывательного дозора – расстояния не позволяют ему полноценно работать, так что следует рассматривать возможности установки фугасов на дороге, что может дать значительное преимущество нападающим.

Что ему нужно? Захватить что-то или разгромить конвой? Если что-то захватить, то понятно, зачем ему скрытный маршрут движения транспорта. Но почему на американскую территорию, и только до нее – дальше уже можно не скрываться? Он на американцев работает, что ли? И что может быть в конвое такого, чего у американцев нет, и они готовы пойти на такие проблемы, как прямая конфронтация с одной из самых опытных и решительно настроенных военных сил в этом мире? Может, они и сами не слабы, но зачем им лишние проблемы? Разумные люди на военный конфликт ни с какой силой не идут до самой последней крайности.

Получается, что, не зная характера груза, можно лишь гадать на кофейной гуще. А спрашивать Немцова об этом я не стал – не настолько я еще признан своим, чтобы интересоваться. Надо хотя бы дождаться, когда Немцову ответ от Коли Барабанова придет. Вот если бы у самого нохчи поинтересоваться с пристрастием... В любом случае чеченец покинул город, и скорее всего он отправился вперед, по маршруту движения колонны. Откуда он мог его узнать? Почему именно этот самый Угол его интересовал? Ведь конвои ходят по двум произвольно

выбранным маршрутам, причем второй – значительно южнее, на пару сотен километров, так просто засаду не перекинешь. Это намеренно делается, чтобы, как говорится, врагов обмануть. В таком случае понятно, за что он платил Силаеву. Платил за маршрут и график движения колонны. Откуда Силаев узнал? Уговорил присоединить к колонне свой груз. И дал свою охрану дополнительно.

Охрана от Силаева – самое темное место. Или охрана, или сама засада в полном составе. Но тоже непохоже – тогда маршрут отхода планировали бы не из Угла, откуда до американской земли далеко, а из другого места, поближе. Пустые здесь земли пока еще, можно сотню конвоев уничтожить, и никто следов не найдет. Получается, скорее всего, что московская охрана едет добросовестно.

Еще вопрос: как будут следить за передвижением колонны? Расстояния большие, временные допуски здесь – неделя в ту или в другую сторону, мало ли что может колонну затормозить раньше. Или вдруг, в последний момент, маршрут поменяют. Так ждать можно до морковкина заговенья. Как понять, что засада не удалась, и отходить? Значит, следить за колонной будут. Кто-то в конвое – или следом машину пустят? Как будут держать связь? Сомнительно, что в конвое не будут сканировать эфир, это же первое дело. Значит, передача должна быть такой, чтобы особого внимания не привлекла. Скорее всего – связь московской охраны с Силаевым, условными фразами. Значит, в охране кто-то есть, кто в курсе замысла. Или втемную используют, типа ты меня держи в курсе, как колонна идет, а то груз ценный, воякам этим из РА доверять трудно... Все может быть. Ладно, надо будет с ребятами вечером обсудить.

Хорошо, а теперь посмотреть надо, что Билл с моим АКМ сделал. Я повернулся и направился в магазин.

Билл был на месте, читал какую-то книгу. Готовый автомат лежал перед ним на прилавке. Услышав меня, толстяк поднял глаза, узнал и сделал приглашающий жест – оцени, мол, работу.

Действительно поработал он всерьез. Деревянный приклад исчез, его место занял каркасный, из алюминиевых трубок, жесткий и прочный. Наверху расположилась поворотная щека, которая легко регулировалась. Приклад завершался качественным резиновым амортизатором, в меру жестким и в меру упругим. Удобно получилось, полноценно.

Цевье, занявшее место стандартного деревянного, было длиннее и заходило аж за газоотвод, к которому тоже жестко крепилось, равно как и к ствольной коробке, что делало его мертво-неподвижным и пригодным для установки прицелов. Еще оно было жестким, потому что специальными захватами обжимало ствольную коробку автомата и газоотвод. С четырех сторон на нем были планки, а на верхней закреплен коллиматорный прицел «ЕОТех». Сидел он на вполне привычной линии прицеливания, разве что на пару сантиметров выше, но компенсировалось все формой приклада. Удобно, прикладисто.

Ствол заканчивался дульным тормозом, как у АК-103. Сменилась даже рукоятка управления огнем на нечто более эргономичное, удобное в ладони. Так примерился, эдак – отлично получилось.

– Планка длинная, выходит за габарит, вместе с холосайтом ставится увеличитель, – заговорил Билл и показал мне нечто, напоминающее маленький оптический прицел. – Ставится на оси коллиматорного, и получаешь оптический прицел для средней дальности. Правда, это дорого, дороже твоего автомата, но как знать, чем ты там дальше будешь пользоваться.

– Пристрелять-то получится? – на всякий случай уточнил я. – А то знаю я, как цевье на «калаше» держится.

– Без проблем, – ответил Билл. – Это цевье очень жесткое, на алюминиевом каркасе, верхняя и нижняя часть крепятся друг к другу, в общем, держится насмерть. И после чистки заново каждый раз пристреливать не нужно – посадка сохраняется.

На вырост, получается. Может, он и прав на самом деле. А может, и смысла нет, надо еще посмотреть, как этот ствол стреляет. Жаль, калибров под рукой не было, когда его выбирал,

но на стометровке вроде кучно все шло, тем более валовым патроном одна тысяча девятьсот шестьдесят третьего года выпуска. Получится схватить что-то лучше – получится. Не выйдет – пока и так нормально. У Саркиса, к сожалению, не под мои взгляды магазин заточен, нет ничего подходящего. Не М16 же покупать, в конце концов?

– Что скажешь? – спросил Билл.

– Отлично сделано, – похвалил я его. – И на твое предложение согласен.

Я показал пальцем на прицелы.

– А что с «армалайтом»? – спросил он.

Хорошая винтовка. Конкретно хорошая. Чего уж там, все равно лучше ее мало что за разумные деньги найдешь, я у вояк спрашивал за ужином. Надо брать. А также прицел, дальномер и запас патронов. И ехать пристреливать, потому как Немцов сказал, что местные орденские вояки на свое стрельбище за разумную плату пускают пострелять.

Свободная территория под протекторатом Ордена, город Порто-Франко 22-й год, 23-е число 5-го месяца, вторник, 15:00

До второй половины дня проторчал на стрельбище, «выводя нули» у новой винтовки с десятикратным «Люпольдом Mk.4». Признаться, была у меня сначала мысль о том, что баллистика Новой Земли может старосветской не соответствовать, но оказалось, что страхи напрасны – разница была маленькая, можно даже в расчет не принимать. АКМ заново пристрелял, и вообще оказалось, что с ним повезло. Калибры с патронника и дула соответствовали числу «7,62», что вообще было как выигрыш в лотерею, – ну, и кучность была вполне нормальной. К четырнадцати часам остался доволен результатом и поехал обратно.

Днем решил прогуляться в город – все же скучно сидеть в мотеле, да и интересно к местной жизни присмотреться: вообще ведь другой мир, ничего общего с прошлым. Несмотря на все приключения прошлых дней, я как на крыльях летал. Один и свободен, весь новый мир передо мной, сам себе голова. Ни начальства надо мной, ни властей. Ни того жулья, которое стало модно называть «рейдерами». Прав был психолог Семен Борисович: сюда мне надо было, сюда, и раньше, не ждать, пока сороковник стукнет в той жизни. И что я там столько времени делал? Только годы проводил.

Решил по магазинам пройтись. Но сначала опять зарулил на почту – отправил я с телеграммой обратный адрес: «До востребования». Вдруг, думаю... И правда, дожидалась меня телеграмма ответная: «Po prejnemu vlublena, рока esche jdu. Svetlana». Сложил я телеграмму в квадратик, засунул квадратик в пакетик герметичный, а тот поближе к сердцу убрал. И чего это я таким сентиментальным становлюсь? За мной такого отродясь не водилось. Поблагодарил все того же панка-почтовика – и вышел на улицу.

Прошелся я по кругу по всей площади, огляделся. Нашел симпатичную кофейню и выпил на веранде чашку потрясающего капучино, с корицей. Заметил напротив, с другой стороны сквера, магазин «Electronic amp; Computer Store», решил зайти посмотреть, чем торгуют при упавшем уровне технологии. Да почти тем же, чем и в прошлой жизни. Купил там диск с довольно подробной трехмерной картой Новой Земли, интерактивной к тому же. Можно самому наносить на нее то, чего на ней пока еще нет. Зря ноутбук с собой тащил, что ли? Пригодится. И аккумулятор пообъемней к ноутбуку прикупил – пусть будет в запасе. И в довершение всего – мобильный, раз уж есть здесь связь, хоть и без роуминга.

Потом опять сходил в кафешку, еще кофе выпил – очень уж хорош оказался, да и телеграмма душу грела, настроение повышала. А потом гулять пошел, безо всякого дела. Тоже ведь можно, если свобода.

Свободная территория под протекторатом Ордена, город Порто-Франко. 22-й год, 23-е число 5-го месяца, вторник, 20:50

– Значит, вот как получается... – протянул Немцов, лелея в руке очередную кружку пива, поднесенную заботливой и румяной украинкой Галей. – Теперь более или менее все проясняется.

Мы встретились в немецкой пивной в прежнем составе. К моему облегчению, Коля Барабанов уже ответил, поэтому доверия ко мне стало больше. Я выложил военным все новости, которые мне удалось узнать. Что за груз, так мне и не сказали, допуска у меня еще не было, но сказали, что груз действительно «по делу и конкретно секретный», что получили они его через «ворота» с великим трудом, огромными затратами и невероятными ухищрениями. И что гибели груза рады были бы многие, кто знал бы о нем, а если американцев взять – то они бы даже вдвойне, или больше.

– Выбора у нас нет, конвой вести надо, – сказал Немцов. – Засада там или что, а груз должен прибыть на базу – только там он в безопасности будет. Курвовоз передаем следующему конвою, они через три дня выйдут, Южной Дорогой, а сегодня в город прибыли. С ними бабский личный состав в большей безопасности будет. Надо быть готовым ко всему и максимально обезопаситься. В принципе, как говорится: предупрежден – вооружен.

– Вот насчет «предупрежден» идея возникла, – влез я. – Можно немного обезопасить маршрут, как мне кажется.

Все повернулись ко мне, Немцов сказал:

– Чего замолк? Продолжай, вдруг и вправду по делу?

– Хорошо, излагаю идею, всем слушать внимательно, – кивнул я. – Меня толком только вы и знаете, в списках личного состава не значусь. Машина у меня хорошая, связь есть. Пойду за конвоем следом, за мной и следить никто не станет. Буду попутно эфир слушать, вы мне только вводную дадите, что ваше, а что не ваше. О связи с вами договоримся – так в молчании пойдем, буду только раз в сутки присутствие обозначать, чтобы тоже не прослушали.

– Ну и чего? – поторопил меня Немцов.

Не люблю, когда торопят. Пусть слушает.

– Не нукай, не запяг еще, – усмехнулся я. – Перед Углом обгону конвой и пойду вперед, а вы замедлитесь. Проведу разведку местности на предмет самых удобных мест для засады. Если такое место найду, буду доразведывать и связываться. Если обнаружу засаду – подам сигнал, дождусь вас, выберу позицию. Когда пойдет огневой контакт – начну работать откуда-нибудь с тыла, метров так с шестисот или больше. Не обнаружу засаду – буду дожидаться на очередной точке, если контакта нет – буду уходить вперед.

– И все один? – уточнил капитан.

Я пожал плечами: мол, куда деваться? Не одному бы лучше, конечно...

– Конечно, неплохо было бы еще кого-нибудь, но в последний момент убирать кого-то из подразделения – может подозрения вызвать. Может, они в курсе, какой списочный состав у вас.

– Подозрений не будет, – сказал Немцов и кивнул на Владимирского: – Миша должен отсюда до Базы «Россия» сгонять и потом в Порто-Франко следующий конвой ждать. По обратному маршруту с нами он не идет. Так что он спокойно с тобой может поехать, это – важнее. И эфир послушает, и за корректировщика умеет, и «винторез» с собой возьмете – тогда совсем другое дело будет. Миша, ты как?

– Сделаем, – кивнул тот, не возражая.

– Вообще мечта! – обрадовался я. – Вроде «лешего» у вас есть что-нибудь, лохматка какая-никакая?

– Вот это есть. Без вопросов, – ответил Немцов. – Завтра с утра тебе в мотель подвезем. Миш, и ты тогда готовься.

Это он уже Владимирскому сказал, на что тот лишь кивнул и ответил:

– Сделаем.

Владимирский вообще немногословен был – дай бог, чтобы за весь вечер три слова сказал. Идеальный попутчик – сам могу сутками молчать.

Свободная территория под протекторатом Ордена, город Порто-Франко. 22-й год, 24-е число 5-го месяца, среда, 24:45

С утра я забрал из хранилища у Саркиса свою сумку с оружием, после чего весь день провалялся в номере, занимаясь подгонкой и переупаковкой всякого снаряжения, заучиванием наизусть баллистической таблицы на доселе неизвестный мне калибр «.338 Лапуа» и просто всякой ерундой – разве что пообедать сходил, а потом столь же плотно еще и поужинал. Вообще-то негоже так нажираться на ночь – потом брюхо в штаны не влезет, но у меня от нервов вечно жор нападает, вот и сейчас так вышло.

Владимирского привезли к двадцати трем, на Флориановом «хаммере». С собой у него была большущая опечатанная сумка с оружием и РД, а заодно и рация «Северок-К», без чего нам, собственно говоря, было не обойтись.

Устроился он в соседнем номере, но тут же пришел ко мне, притащил «лешего», краску для лица и ленту лохматую для винтовки. Ну вообще как в раю. Переодевать его не потребовалось – он еще днем гражданской одеждой закупился, если это можно назвать гражданской. Ну, по крайней мере не в своей форме, а в полувоенном тут все ходят, особенно в дороге.

Посидели с чаем, обговорили способы связи с колонной и таблицу сигналов. Еще раз пробежались по плану на завтрашний выход из города. Мы должны были догнать колонну на КПП у западного выезда из Порто-Франко, и так проследовать за ними. Пробежались по всему плану и, поняв, что ничего умного уже выдумать не можем, плюнули на это дело и разбрелись по номерам спать.

Свободная территория под протекторатом Ордена, город Порто-Франко. 22-й год, 25-е число 5-го месяца, четверг, 09:10

Я сидел в машине, ожидая, когда через КПП пройдет конвой. Мы не опасались, что это вызовет подозрения: так поступали многие путешественники. Не каждый конвой возьмет в колонну неизвестно кого, да и платная это услуга, зато если тащиться следом, то все же можно было надеяться, что случится что – окажут помощь. Или, если охрана серьезная, случайные бандиты смоются, и идущие следом проскочат мимо них без потерь. Конвой выглядел серьезно. Бойцы и командиры были в «брониках», у всех новые араамидные легкие шлемы с открытыми ушами, обтянутые камуфляжными чехлами. Вооружение – новые автоматы АК-103 с подствольниками, а у Быхова – «абакан»²² с какой-то незнакомой мне оптикой на креплении с переходником.

Техника тоже внушала почтение. Впереди, в головном дозоре, шел БРДМ-2 с двумя бойцами на броне. Доделанный вариант «бардака», кстати, с дверями в бортах. Не надо, как раньше, через верх лазить. Его два пулемета, КПВТ²³ и ПКТ²⁴ представляли серьезную силу, особенно в далеко просматриваемых и простреливаемых просторах местных саванн. Возглавлял колонну БТР-80²⁵, вооруженный так же, но еще и с автоматическим гранатометом АГ-17 на боковом кронштейне на башне. Похоже, что уже местная самодеятельность, я такого не видел раньше. Да и башня странная, переделанная, с возможностью перезарядки гранатомета. Точно, местная.

Следом за бронетранспортером выстроились в ряд пять военных «Уралов», а за ними уже затесался «трофейный» внедорожник. Замыкал колонну еще один такой же переделанный БТР-80, а уже в хвост ему пристроились «московские». У них колонна была поменьше, всего из трех «КамАЗов», а возглавлял ее новенький внедорожник «тигр», по компоновке напоминающий инкассаторскую машину, только на мощных колесах и с крупнокалиберным «кордом» на крыше, прикрытым бронешитками. Сейчас возле него стояли четверо, в «сферах» и в камуфляже «с той стороны». А в самый хвост пристроился еще один «тигр», уже с АГС-17²⁶ и ПКМБ на крыше.

Насколько я помню, «тигры» в Старом Свете как раз для МВД в основном поставлялись, для ОМОНов, вот и здесь они. А вообще больше тридцати человек охраны получилось, внушает уважение.

²² АН-94 «Абакан» – автомат конструкции Никонова, выпускающийся в г. Ижевске. Построен по лафетной схеме, принцип работы – «накопление импульса отдачи», при стрельбе очередью из двух патронов выпускает их с частотой 1800 выстр./мин, что на дистанциях боя до 100 метров приводит к попаданию двух пуль практически в одно отверстие.

²³ КПВТ – крупнокалиберный пулемет Владимирова танковый. Могучее оружие калибра 14,5 миллиметра, разработанное как зенитное, но впоследствии применявшееся преимущественно для вооружения бронетехники. Производится в Коврове на заводе имени Дегтярева.

²⁴ ПКТ – пулемет Калашникова танковый. Версия пулемета ПКМ, предназначенная для установки на бронетехнику, с электростпуском.

²⁵ БТР-80 – бронетранспортер, выпускаемый филиалом завода ГАЗ в Арзамасе. Колесная схема 8x8, везет двух или трех человек экипажа (в зависимости от модификации) и от семи до восьми – десанта. Вооружение тоже отличается от модификации к модификации.

²⁶ АГС-17 «Пламя» – автоматический 30-миллиметровый гранатомет. Выпускается на заводе «Молот» в Вятских Полянах, а также в Югославии по лицензии и в Китае без всякой лицензии (куда люди смотрят?). Рассчитан на ведение огня до 1000 метров, питается от лент по 29 выстрелов.

Конвой на КПП пропустили примерно за пятнадцать минут, проверив документы и сняв пломбы с оружейных чехлов. Заревели моторы, и колонна двинулась вдаль по пыльной грунтовке, оставляя за собой город. Я на всякий случай пропустил перед собой пару машин, торопившихся на выезд, после чего тронулся следом. С нами занимались не больше двух минут, считав штрихкод с карт и сняв пломбы с оружейных сумок. Я отъехал на пару десятков метров от КПП, остановился на стояночке, как все здесь обычно поступали, вытащил из сумки оружие, разложил по своим местам, надел разгрузку с уже распределенными по подсумкам магазинами, распихал в нее гранаты. Михаил проделал все то же самое, и мы поехали дальше.

Пока я рулил по пыльной дороге, оставляя за собой городские окраины Порто-Франко, Михаил набивал двадцатизарядные магазины для «винтореза» – не торопясь, думая о чем-то другом, заталкивая один остроконечный патрон за другим. Я обратил внимание на то, что пачки для патронов выглядят несколько необычно, да и маркировка на них странная.

– Это что за патроны? – поинтересовался я.

– Местные, демидовские, – ответил он и передал мне одну пачку.

Действительно, на ней стояло клеймо из шестеренки, пересеченной мечом, а снизу тянулась надпись «Демидовск-патрон». Просто так и со вкусом, сугубо по-советски назвались. Я достал пару патронов из пачки, посмотрел. Сделано культурно, капсуль сидит ровно, пуля в дульце гильзы – тоже вроде бы. Гильза стальная, для переснаряжения не пойдет. Зато производится легко, если лак правильный есть.

– Ну ты скажи! – удивился я. – А я думал, что здесь все патроны из-за «ворот».

– Нет, – покачал он головой. – Оттуда только редкие калибры, а по основным мы рынок местный перекрываем. Уже давно начали, лет пять назад, еще Демидов был жив.

– Кстати, что хоть за Демидов, расскажи? – попросил я.

– История интересная. Был такой Демидов, и был не просто авторитет – а вор в законе, откуда-то из Сибири. Очень старый, сюда попал еще в начале местной истории, почему – толком никто не знает. Золотишко у него кое-какое было, ну и братва при нем. Много или мало – не знаю, знаю, что были. Поселился он сначала в Новой Одессе. Но там что-то с кем-то не поделил, пришлось ему убыть из Новой Одессы в чисто поле. Осел на каком-то хуторе, возле гор. А у него еще помощник был, вроде начштаба, но не из блатных, а, как ни смешно, какой-то старый инженер. Они в свое время с ним где-то на колымских приисках познакомились...

– Где? – не поверил я своим ушам.

– Где слышал, – засмеялся Владимирский. – Знаешь, сколько им лет обоим было? Совсем стариканы. Аверьянов фамилия инженера, Аверьяном все кличут. На хуторе они повадились на охоту ходить, чтобы не все хозяевам их кормить. Ну и наткнулся Аверьян на какие-то породы, по которым следовало, что должно быть золото. Сказал он об этом Демидову, а тот сразу всю свою кодлу поднял по тревоге. Соорудили лотки и прочее, что там старателям нужно, и пошли вдоль речек местных гулять. И действительно намыли сколько-то золота. Говорят, что неплохо намыли, богатое место нашли. Аверьян стал образцы брать, все вдоль и поперек там облазил. По его прикидкам, золота там было куда больше, и места богатые, но золото рудное, не самородное. Надо было извлекать. В общем, наехал он на своего друга старого. А у того хоть четыре класса образования и возраст чуть не сто, а энергия осталась. Как, каким путем, но пробил он и деньги, и технику из Старого Света специально под это затребовали, и даже геологов с технологами затащили в Новый Свет, золотые горы сулили...

– И чего? – подбодрил я его.

Пусть рассказывает, все равно впереди дорога долгая и тяжелая. Все развлечение, да и узнаю что-нибудь полезное.

– Ну и ничего. Пробил он все, что требовалось, начали добычу. Припрягли поначалу отделение орденового Банка, начали совместно слитки штамповать, а те организовали платежи за «ворота».

– Стой, так туда вроде ничего нельзя перекинуть, – удивился я.

– Связь есть. Вот они вроде как по взаимному зачету с Орденом в Старом Свете работают. Здесь золото принимают, а там по нужному адресу за тебя платят.

– А Ордену это на фиг? – продолжал я давить.

– Говорят, что вроде правление Ордена под себя здесь мир готовит. Там деньги зарабатывают и сюда в виде всего на свете сливают. А взамен забирают золото, которое накапливается. А как здесь жизнь организуется, а там, наоборот, увянет – сдернут за ленточку.

– Хм... – задумался я. – Ну... может быть.

В принципе, такой вариант тоже со счетов сбрасывать нельзя. Там горы ничем не обеспеченных долларов, за которые все же можно покупать что-то ценное для этого мира. А здесь у них в обмен на это накапливается реальное золото. И жизнь на Новой Земле благоустраивается, людей прибавляется, глядишь, и через сколько-то лет с большим даже желанием сюда и миллиардеры начнут отваливать. Но это один вариант, есть и другие.

– Ладно, с этим понятно. И что с Демидовым дальше было?

– Началось понемногу, с золота. Появились оборот и новые возможности. Загорелись они с Аверьяном идеей местный «Уралмаш» построить, благо фамилия намекала. Потому что геологи, которых из Старого Света притащили, чего здесь только не нашли. Нашли железо, олово, медь и еще прорву всего. А в довершение всего – нефть, да еще и с газом. Раньше как только не крутились: из-за «ворот» везли ГСМ, здесь растительное топливо синтезировали, на спирт даже движки переделали. И нашли ее удачно для нас – как раз наш берег, дельта Амазонки, долина Амазонки, и туда за горы, в сторону халифата. И тут оказалась нефть у тех, кого Америка не любит, – как назло прямо. Мы да муслимы. А Орден – он ведь американский по факту, только играет в нейтралитет. Точнее сказать – Америка здесь орденская: делает, что велят.

– И дальше что? – подтолкнул я его.

– Дальше с нефтью появились проблемы, естественно, – усмехнулся он. – Нефть – это как жизнь. Мы сначала сырую нефть продавали, это еще ничего было. А потом нефтеперегонный поставили – Демидов все тот же организовал. Сумел затащить оборудование. Построили на берегу, в Новой Одессе, терминал наливной, потом еще один, в Береговом. Стали в танкеры закачивать. Денег вообще валом стало по местным масштабам. Налево не тратили – все в оборудование, в специалистов. Короче, как Днепрогэс строили.

– И как?

– Да построили, – заявил он уверенно. – Теперь и пояса подраспустили, стало можно почти полной глоткой жрать и пивом запивать. Не жируем, но хорошо живем, как мой батя профессор при советской власти. Дача там, машина, отпуск в теплом месте и полный холодильник. Тот же старлей в войсках и в те времена победней был, чем я сейчас.

– Серьезно? – удивился я.

– Вполне, – кивнул Михаил. – Жилье казенное есть, но не квартира-маломерка, а дом какой-никакой. Машинка приличная, «самурай», но здесь это отлично, машины-то все через «ворота» едут, дорого обходятся. Девушку в ресторан водить хватает, в отпуск езжу, с друзьями пиво пью и на рыбалку катаюсь. Чего еще надо?

– Да и ничего, наверное, – пожал я плечами. – Если за свой труд, так и в самый раз. Когда человек заходит за свои реальные потребности, получается паскудство и чревоугодие. Социализм?

– Да не совсем, – покачал он головой. – Военные-то просто на зарплате, тут все понятно, а на предприятиях коллективная собственность. Никаких акций, никаких бирж. Пришел работать грузчиком – у тебя, скажем, одна акция. Поднял квалификацию – две. Стал мастером – три. И так примерно до десяти, директорских. Ну и зарплата в пропорции, и голоса на собраниях. Уволился – все потерял, иметь акции и жить на халяву не выйдет.

– А армию как содержат?

– Очень просто: составят смету и сначала на нее работают, каждое предприятие, каждый человек долю вносит. А что остается – твое. Сначала меньше, чем у вояк, было, теперь сравнялось. Если вырастет – и нам поднимут, чтобы из армии оттока не было.

– А частники? – уточнил я. – Не осталось? В Москву сбежали?

– Да ну! – отмахнулся Владимирский. – А магазины? А кабаки? А фермы? А автосервисы да всякое прочее? Да и самими машинами частники торгуют. У нас народ помнит, что бывает, если штанами государство торгует. Частнику тоже простор, если на свой страх и риск охота жить. Выбор есть. Да нормально у нас, серьезно говорю, никому не обидно. В России бы так!

– Да, неплохо было бы, – согласился я. – Идеализм, но воплощенный. И все же, на твой взгляд, вы богатые или бедные?

– Трудно сказать, – засомневался Михаил. – С армией по основным затратам закончили, с промышленностью тоже такой гонки нет, как раньше, хоть в основном все в нее. Зато уже система образования есть. Наших-то учителей нищих сюда и сманивать не надо было – кому предлагали, те с радостью бежали. От первых поселенцев дети уже выросли. После школы два пути пока, правда, если не в частники: или в Демидовск на заводы, если голова есть – то инженерами или технологами, – или к нам, в ППД, в армию. Военная подготовка в школах с первого класса. У нас ведь по большому счету главные статьи доходов: нефть, золото, металл и все из металла, и боеприпасы. По местным меркам – немало. Машиностроение начало появляться, суда строим, но пока только для себя, экспорт весь европейцы держат. Моторостроительный строят, но там пока проблем хватает. Крестьяне есть, но так – своих если только прокормят, а экспорта от них нет.

– Понятно... – протянул я. – Извини, перебил. Так что там по главной интриге?

– А по делу... дальше пошли непонятки. Тут же, в местной Москве, вся шваль из прошлой жизни собралась – чиновники какие-то проворовавшиеся, менты бывшие, из тюрем извлеченные. Бандитов вообще море, все поделили, что Коршунов под себя лично не подмял. Привыкли или грабить, или халявничать, а у Демида с Аверьяном с этим просто – участвуй деньгами или чем другим реальным в работе, а то – пошел на хрен. Халявщиков не любили. Аверьян и сейчас жив, а Демид скончался.

– То есть с этого заваруха и началась? – уточнил я.

– Ага, тут и пошел раскол на нашей территории, – подтвердил Михаил. – Орден и американцы местные сразу начали с москвичами любовь крутить. А поскольку по бумагам мы у них в подчинении были, хоть в реальности на них клали, те давай концессиями торговать: налетай – подешевело. А как эта любовь с Орденом у них пошла – так их и окончательно послали: нечего продажную сволочь на свою шею по новой плодить. Концессионными договорами тем, кто их уже заключил, вежливо предложили подтереться, а выплаченные указанным лицам деньги получать с них обратно самостоятельно. Ну а те, естественно, сразу бычить начали. И демидовская братва тоже в позу встала – крысиную натуру не переделаешь, тоже попытались на куски все потащить, плюнули на босса престарелого.

– И?

– И Демид понял – надо защищаться. Вояки толковые были у него рядом, успел собрать с бору по сосенке ядро и вооружить. Им он свое окружение и слил – всех, от первого и до последнего человека. Постреляли их к чертям собачьим. Но этого было недостаточно. Он снова к военным: просить, чтобы организовали вербовку «за ленточкой», но только таких – с боевым опытом, с рекомендациями, чтобы воевать умели, а не в Арбатском военном округе по коврам строевым топтать. И пошла массовая вербовка.

– Тебя так же подгребли? – уточнил я.

– Конечно, – кивнул он. – А сколько тогда людей поувольнялось от безысходности? Меня вот возьми: две Чечни прошел – ни квартиры, ни денег, ничего. На работу не берут никуда –

вы, мол, все на голову больные; в армии оставаться – просто сил нет, честно. Хотел служить, но больше не мог. На войне еще нормально, а как обратно – хоть волком вой. Короче, проблем с вербовкой не было. Как объявляли людям, что в русскую армию, временно находящуюся за границей, в суровых условиях, но за нормальную зарплату, жилье и без штабов столичных, – так только успевали переправлять. А работяги кишки рвали, чтобы всех вооружить нормально.

– И что вышло?

– Ну что вышло... – почесал в затылке Владимирский. – В общем, когда здесь ясно стало, куда ветер дует, демидовские решили костями лечь, но армию создать, напоить-накормить-обслужить и обеспечить всем, чем можно. Они там, по-моему, сами жрать забывали, но, считай, – три бригады создали. Пусть не по штатам Старого Света укомплектованы – таких денег здесь ни у кого нет, – но все же...

Он постучал по стволу своего «винтореза», который так и держал стоймя между колен:

– Видел? А оружие у наших бойцов? Форму? Обувь? В российской армии-то похуже будет. И все с иголочки, новенькое, и мобилизационные склады имеются. Техники даже хватает, хотя здесь это... сам понимаешь. Техника у нас все же подешевле, чем там, все больше с капиталок. Ну да не до жиру, тут почти у всех так. А мы что – люди нам последний кусок хлеба отдают, ну и мы в ответ – чем можем.

– И чем можете?

– А сам посчитай... – начал загибать пальцы Владимирский. – Московских охламонов турнули. Нохчи шалить начали – гоняем. Начали по найму работать, берем дорого, городу нас кормить куда как легче стало, а кое-кого и сами кормим. Банды в горах крутились со стороны Бразилии, проблем от них хватало, – а сейчас и дорогу к горам забыли, сбежали в джунгли. Дороги везде поспокойней стали, и в немалой степени – наша заслуга. Создавали мотоманевренные группы, работали чуть не по всему пространству северней Залива. И лихие люди страх божий узнали. Конвои не только свои водим, но и чужие, за деньги. И еще очередь на нашу проводку.

– То есть основные задачи выполняете, – уточнил я.

– А как же, – подтвердил Владимирский. – Даже сами себе задачи ищем, чтобы квалификацию не терять. А вот год назад Демида убили. Снайпер выстрелил, когда тот по территории НПЗ шел. С крыши стрелял. Снайпера живым взять пытались, но он «эфку» на себе рванул – хорошо, что не пострадал никто. По виду – араб. И на территорию его провели, однозначно. Начинается что-то против нас, по всему видно. Слишком много силы забрали, слишком потенциально богатые. Аверьянов стал экспедиции северней заселенной территории посылать уже, искать новые места, для жизни подходящие, поудобней.

– И кто теперь за Демидова? – спросил я.

– Ну кто может быть? Аверьянов. Они вдвоем начали, к тому же в производственных делах он куда компетентней Демида был. Тот разве что пробивной, а по всем делам коллеге в рот смотрел. Но Аверьян старый уже, под девяносто ему, чем держится – непонятно. Но дело тащит.

– А развлекаетесь как? – перешел я к волнующему.

– А как обычно, кабаки открыты, – пожал он плечами. – Необязательно в Демидовск ехать, и у нас в ППД можно повеселиться. Армия ведь у нас пожизненная, кто не в нарядах и не в командировках – гуляют как хотят. А в отпуск в основном в Бразилию катаемся.

– Как там?

В Бразилии старосветской мне и самому бывать приходилось – не скажу, что не нравилось.

– Известно как! – засмеялся Владимирский. – Карнавалы и девушки. Весело там, хотя народ безалаберный – жуть. Но к нам с пиететом относятся – за то, что их банды гоняем, и

торговый путь по Амазонке никто не перерезал. И вообще у нас с ними постоянное сотрудничество – соседи все же.

Он помолчал, глядя в окно, затем добавил:

– А вообще здесь, к счастью, политики меньше власти забрали. Между территориями официально отношения могут быть разными, а между вот людьми – совсем другие. Мало здесь людей, вот и кладет народ впрямую на политику. Ты если в местную Америку попадешь – поймешь. Правительство их нас вроде на дух не переносит, клянет на все лады, а случись чего в дороге – любой поможет, накормит, напоит. Нельзя здесь по-другому. Здесь главная национальность – человек. Ты вот так еще покатаешься по пустой саванне – любому встречному как брату рад будешь, если он тебя, конечно, за машину не застрелит. Да и границ толком ведь нет. Правительство само по себе, люди сами по себе. Потом все испортится, наверное, но мы еще нормально жизнь проживем. Ладно, сеанс связи, – добавил он, посмотрев на часы.

Территория Европейского Союза, отроги Меридианного хребта. 22-й год, 29-е число 5-го месяца, понедельник, 08:30

Конвой в течение светового дня проходил около четырехсот – четырехсот пятидесяти километров, скорость была невысокой, но стабильной. Обычно конвой перемещался быстрее, но на этот раз Немцов темп сдерживал, чтобы заставить нервничать возможную засаду, если наша догадка с агентом была неверной. Мы так и тянулись следом, ориентируясь по радиомаяку и столбу пыли, поднимавшемуся над колонной. На ночь конвой останавливался, выставлялось боевое охранение. Нам с этим было сложнее: костров жечь мы не могли, чтобы не обнаружить себя перед потенциальными вражескими агентами в конвое, поэтому просто спали в машине, сменяя друг друга на часах. Иногда «тойота» привлекала внимание животных, но обошлось без эксцессов, к счастью.

Один раз конвой заехал в крошечный городок на заправку – их машины были оснащены дополнительными баками, но и такой запас топлива иногда подходит к концу. После конвоя и мы завернули туда же, чтобы напоить «тойоту» соляжкой. Встречных машин было мало, шли они тоже в составе колонн. Однажды попался конвой с наливниками, развозящими топливо по этим самым фортам-заправкам. Охрана была тоже русская, поэтому, по приближении к нему, Михаил залег, чтобы никто не взялся обсуждать в эфире, зачем старлей Владимирский едет в чужой машине следом за своим конвоем.

К исходу четвертого дня пути на горизонте показались горы. Сложенные из красноватого слоистого камня, они поднимались полукругом по всему горизонту, образуя некий природный амфитеатр невероятного размера. За первым хребтом виднелся следующий, выше, за ним еще один, и дальние горы вершинами упирались в облака.

Михаил сказал, что это уже Меридианный хребет. Проведя еще одну ночь позади конвоя, наутро мы пошли на обгон. Немцов должен был изобразить поломку, что давало нам временную фору. В дальнейшем эта машина должна была и дальше создавать проблемы, приводящие к задержкам, не слишком долгим, чтобы брать ее на буксир, но достаточным, чтобы мы могли отрываться дальше. Скорость прибавить всерьез мы не могли – сложнее стало бы наблюдать за дорогой.

Конвой мы нагнали через десять минут. Михаил опять залег на заднем сиденье и накрылся спальником – не нужно было ему светиться.

Конвой еще не развернулся в походную колонну. У одного из «Уралов» был поднят капот, из-под которого торчали две камуфлированные солдатские задницы. Посты тоже пока не были сняты.

Мы быстро проскочили мимо колонны и рванули вперед. Примерно через пару километров я сказал Михаилу, что можно вылезать, и он снова перебрался на переднее сиденье. Дальше оставалось глазеть по сторонам в поисках места засады.

Разумеется, стопроцентной гарантии обнаружения оной дать не мог никто, но мы рассчитывали на то, что люди, поджидающие конвой, не слишком много внимания обратят на «семисыпятку» без знаков принадлежности к Русской Армии, с двумя гражданскими внутри. А если они к тому же уже нервничают в ожидании из-за того, что конвой очень сильно задерживается, то могут себя обнаружить.

Горы постепенно приближались, местность становилась более изрезанной оврагами, руслами рек, совсем пересохшими или легко преодолеваемыми вброд. Примерно к трем часам дня мы въехали на участок дороги, ограниченный слева длинным и глубоким, непреодолимым для транспорта оврагом. Справа, метрах в ста от дороги, тянулся такой же длинный бугор, за обратным скатом которого можно было укрыть и танковый батальон. К тому же это место было

очень близко к той точке на карте, от которой братья-буры проложили маршрут отхода для чеченца.

– Здесь повнимательней, – тихо сказал Михаил.

– В курсе, – кивнул я. – Проедем до конца оврага и начнем искать место, где машину спрятать. Надо прогуляться.

– Согласен.

Бугор и овраг тянулись параллельно друг другу приблизительно на километр. Примерно через половину этого расстояния мы одновременно обратили внимание на необычно торчащий у самой дороги большой пучок травы. Похоже на фугас на обочине вообще-то. Здесь особо не развернешься с хитростями по установке СВУ²⁷.

Мусора вдоль дорог не валяется, пустые машины не припаркованы, нарушишь укатанный грунт – сразу видно будет, земля давно в камень превратилась, засыпать ее обратно и поливать – не поможет, ее ливнем продолжительностью в неделю поливать надо, чтобы сделать все как было. А трава у обочин недостаточно густая, чтобы устройство укрыть. Прикопать – волна может вверх пойти: только пыль поднимется, а конвой мимо пройдет.

А вот если фугас замаскировать удастся, овраг заминировать, лучше управляемыми минами, и дожидаться конвоя – тогда другое дело. Пропустить головной дозор, рвануть фугас у головного БТР, и по остальной броне – из гранатометов. Колонна встанет, броня отстреливаться начнет, до бугра участок голый, метров сто или больше, на гранатный бросок так просто не подбежишь, да и минировать этот участок в густой высокой траве труда не составит – все можно растяжками заплести. Значит, водители укрываться на склоне оврага начнут, он достаточно пологий, чтобы вниз не скатиться. В такой кутерьме не до поиска мин будет, и тогда рвануть минное поле. И бери грузовики целыми, причем голыми руками. Броня против хорошо укрытых гранатометчиков на такой дистанции долго не продержится. Сто метров – не то что для РПГ-7, для «Мухи» даже не дистанция. Разве что с другой стороны оврага никого в засаду не посадишь – там местность понижалась, даже дороги видно бы не было. А в остальном – классика жанра.

Бугор с оврагом закончились, мы отъехали примерно на два километра и тихо скатились в русло высохшего ручья. Там и встали. Вылезли из машины, подали условный сигнал по радио, что идем на доразведку местности. Я в снайперской обвеске был, Михаил – в разгрузке, так сверху «леших» и натянули.

Стараясь держаться в низинах, потому что ничто так не привлекает внимание, как нечто перемещающееся на фоне неба, мы двинулись обратно, ориентируясь по дороге. Жарко было несусветно, мы сразу же начали буквально истекать потом. А на пот тут же навелись мелкие и кусачие мухи. Ноги поднимать приходилось повыше, ставя на всю ступню, чтобы приглушить треск пригибаемых стеблей жесткой травы. После первого километра такого перемещения в глазах круги пошли. Михаил держался бодрей – все же и возраст, и тренирован получше, чем я. Это он тут воевал, а я в Москве в офисе сидел, спортзал три раза в неделю революции не сделал.

Местность шла немножко в гору, и когда мы достигли перелома, я медленно опустился на колено в густой траве. Владимирский сделал то же самое. Посмотрел на солнце – справа сзади, бликов не будет. Достал из нагрудного кармана бинокль и долго осматривал бугор. Удобное место для выставления флангового дозора. Но как ни смотрел – ничего заметить не смог. А его не может не быть, если здесь есть засада. Кто-то должен будет встретить «бардак» передового дозора, который вернется при нападении на колонну.

²⁷ СВУ – самодельное взрывное устройство.

Сделал знак к движению, и мы пошли к бугру. У его подножия залегли и медленно поползли вверх. На вершине двигались вообще по сантиметру. Выбрались, замерли. Оба достали бинокли – и начали осматривать местность перед собой по секторам, смещая точку наблюдения друг другу навстречу.

Нет, этот мир погубят курящие часовые. Курящие, ходящие куда не надо для «отправления естественных надобностей», собирающиеся вместе, спящие на постах. Какое еще нарушение «Устава гарнизонной и караульной службы» я пропустил? Точно – еще пять нельзя.

Фланговое охранение у засады было. Просто расположилось оно в стороне от основных позиций, и сидящие в идеально замаскированном, накрытом сетью с вплетенной в нее травой окопе, решили, что теперь можно и расслабиться. И закурили. И дым их рассекретил. Их было двое – я разглядел в бинокль, и курили оба. Более того – курили сигары, немилосердно чадающие. В двенадцатикратник разглядел даже лица – на чеченцев они были мало похожи, скорее на латиноамериканцев с изрядной примесью индейской крови. Самодетельность или чеченец нанял людей в Латинском Союзе? Скорее всего – второе.

– На двенадцать, двое курят в окопе, – прошептал я.

– Где?.. Вижу. Они бы еще шамаль там курили, кретины, – пробормотал Владимирский.

Я взялся за дальномер, померил расстояние до окопа:

– Двести двадцать восемь метров. Дотянешься из «винтореза»?

Он помолчал секунду, затем сказал:

– Без проблем.

Ну и хорошо. Я бы тоже с такой дистанции не промахнулся. Опять повел биноклем по вытянутому бугру. Все понятно: засада подготовлена всерьез. Человек до сорока, все в тщательно замаскированных окопчиках по гребню, перед каждым по травинке выщипан сектор обстрела. Немного впереди засады мне даже удалось разглядеть проволочку – ветром под нее заголало траву, легла неестественно. Значит, растяжки. Но все же они схалтурили. Ожидая противодействия только по фронту, землю из окопчиков они просто выбрасывали на обратный склон, разбрасывая в траве, и отсюда видны были как на ладони.

Я сполз назад пониже, развернул «Северок». Риск быть прослушанным был, но небольшой. Сомневаюсь, что за несколько секунд противник успеет просканировать все частоты и обнаружить передачу.

– Первый, я – Дальний. Прием.

– Дальний, я – Первый, слышу тебя, прием, – послышался голос в наушнике.

– Семья встречает на вокзале, – дал я условный сигнал. – Как принимаешь?

– Принимаю. Давай координаты.

Я дал координаты по карте, затем объяснил позицию:

– Бугор вдоль дороги, в ста метрах от нее – до сорока злодеев. Хорошо спрятались. Слева по ходу колонны овраг, наверняка минирован. Перед ними – тоже.

– Принял, – послышался уже голос Немцова. – Излагай идеи.

– Есть место для развертывания, метров за тысячу пятьсот до оврага, со стороны противника не просматривается. Броню в линию, выход на позицию и сосредоточенный огонь по гребню бугра. Они все по нему вытянулись. Главное, вплотную не подходить, за пределы действия РПГ.

– Принял.

– Ждите сигнала.

– Принял.

Выигрышная позиция противника в случае обнаружения засады могла легко превратиться в проигрышную. Война в степях всегда была маневренная, привязать себя к стационарной позиции – большой риск, расчет на удачу. Могут обойти, охватить с флангов, и тогда – все. Плоский рельеф местности не давал возможности нападавшим создать хоть какую-либо

глубину боевого порядка – хороший сектор огня открывался только с вершины вала. Спустишься ниже – и высокая густая трава сократит видимость метров до пяти, а то и меньше. В случае отступления им пришлось бы преодолевать не менее трехсот метров до ближайшей ложбины, где можно укрыться.

Наверняка у них было охранение дальше по дороге, которое должно было подать сигнал о приближении конвоя, но это принесло бы пользу лишь в одном случае: если бы конвой так и втянулся в засаду в походном порядке. Если же грузовики отстанут, а сюда на полной скорости ломанется вся броня – функция этого дозора сведется лишь к подаче сигнала «Спасайся кто может», – сдержать атаку им не по силам.

Вести полноценный огонь в сторону своего левого фланга у главных сил засады не выйдет: они будут друг другу перекрывать сектора обстрела, и в то же время весь их боевой порядок окажется в узком секторе огня для брони, простреливаясь на всю глубину. Несколько пулеметов, включая крупнокалиберные, и три автоматических гранатомета должны смести их с вершины бугра, срезать с грунтом, причем с дистанций, обычным гранатометам недоступных.

Если Немцов правильно расставит технику, в чем сомневаться не приходилось, то оба склона окажутся под обстрелом. Начнется суэта, которая даст возможность нам, двоим, вести огонь с тыла. До основных сил засады было около четырехсот метров, для снайперской винтовки – не расстояние, хотя «винторез» уже не будет работать. Ну да и черт с ним, отработает по фланговому охранению – и достаточно.

Из того, что нам удалось разглядеть в бинокли, засада вооружена лишь стрелковым оружием и РПГ-7, которые реально эффективны на расстоянии до трехсот метров. Официально прицельная дальность РПГ – до четырехсот, но это уже «сферический конь в вакууме».

Единственную проблему для нас мог составить лишь ближайший к нам фланговый дозор. Если мы откроем огонь, то они наверняка нас обнаружат и с такого расстояния, будучи хорошо укрытыми, смогут создать немало проблем. Особенно если они с гранатометом, что возможно.

– Миша, делаем так, – зашептал я. – Броня подойдет – эти двое на какой-то момент отвлекутся, не удержатся. Нас они не видят, опасности не чувствуют, наверняка попытаются высунуться из окопа и посмотреть. Попытайся снять их тихо. Одного рассчитаешь точно, а второго – не знаю. И тогда, что бы ни случилось, просто не давай ему высунуться. А я буду работать по гребню, корректировать все равно ничего не нужно.

– Годится, принял, – ответил он, уstraиваясь с винтовкой.

Откинув сошки, я аккуратно установил на них винтовку. Затем достал дальномер, измерял дистанцию до основных сил засады. До их правого фланга – 421, до левого – 590. Это в ярдах – у меня все в ярдах здесь, даже баллистическая таблица. Узковато они по фронту расположились. До окопа дозора – 228. Я проверил установки «люльпольда», выставив его на прямой выстрел, откинул крышки с прицела, приложился. Затем аккуратно опустил винтовку на сошки, уперев прикладом, и опять сполз назад, чтобы связаться с конвоем.

– Начали! – сказал я всего одно слово в эфир, после чего нам оставалось только ждать.

Прошло около двадцати минут. Двое в окопе нас по-прежнему не видели. Докурили свои сигары, затем, как мне было видно в бинокль, болтали друг с другом, лишь изредка бросая взгляды в свой сектор наблюдения. Обормоты. Вдалеке послышался рев нескольких дизелей – шла броня. Двое в окопе оживились, начали по очереди приподнимать сетку у себя за спиной, пытаясь что-нибудь разглядеть, хотя разглядеть они могли в том направлении только траву и возвышавшийся над нею вал.

Еще через несколько минут из низины, километрах в полутора, одновременно вынырнули оба БТР, «бардак» и один из «тигров», который с АГС. Идя на предельной для такой местности скорости, они быстро развернулись в линию.

– Начали, – тихо скомандовал я, наводясь на гребень.

Рядом со звуком духовушки в тире шелкнул «винторез», затем сразу еще несколько раз.

– Минус один, по второму не пойму, – пробормотал Владимирский. – Шустрый попался. Держу окоп, работай.

Я подвел перекрестье к окопу в середине порядков засады, где, судя по моим наблюдениям, находился пулемет, нашарил его позицию. Точно, есть такой. Немецкий НК21 на треноге, хорошо замаскированный, возле него две головы, ко мне затылками.

Броня ударила из всех стволов, по всей длине вала разорвались петардами и вспухли пыльными облаками разрывы гранат, тяжелые пули крупнокалиберных пулеметов простригли траву и землю. В окопе, за которым я наблюдал, засуетились, начали перемещать пулемет для ведения огня во фланг. Я взял в прицел голову пулеметчика, выстрелил. Дульный тормоз – это хорошо, но долбанула меня винтовка в плечо чувствительно, полыхнула двумя хвостами пламени в стороны.

Пулеметчика бросило грудью на бруствер, а второй номер нырнул вниз, в окоп. Тогда я дважды, быстро передергивая затвор, выстрелил в сам пулемет. Было видно, как он дернулся, повернулся на станке и от него что-то отлетело.

Рядом вновь часто захлопал «винторез», затем Михаил доложил:

– Дозор умер.

По моим расчетам, где-то недалеко от выстроившейся в редкую линию бронетехники должен был находиться еще один дозор, возможно – с РПГ. Метров на восемьсот от меня, не предел для этой винтовки и этого калибра, она даже штатно до тысячи двухсот, а в хороших, читай – моих, руках и на тысячу четыреста годится, но и не близко. Сделал поправку. Из-за пыли, поднятой на валу «вогами» и пулями, вести огонь по засаде стало затруднительно, и я зашарил прицелом по пространству метрах в двухстах перед броней. Наверняка какой-нибудь бугор, иначе трава не даст дозору вести наблюдение. Так и есть, на вершине крошечного и почти плоского бугорка, не выше полутора метров, зашевелилась маскеть.

РПГ – штука хорошая и в бою полезная, но есть одна проблема: чтобы выстрелить, нужно сначала из окопа высунуться, да так, чтобы до поверхности земли от нижнего среза ствола не меньше тридцати сантиметров было. Это до середины груди получается. И хочешь не хочешь, но несколько секунд на прицеливание потратить надо. В это время гранатометчик представляет собой классическую грудную мишень со стрельбища.

Я прицелился в шевеление на бугре, выстрелил. Неделет метров пятьдесят – уже не до дального сейчас было, чтобы точно расстояние замерять. Но гранатометчик выстрела не заметил – он смотрел в другую сторону, а грохот боя заглушал любые другие звуки для него. Что ему до одного далекого винтовочного выстрела?

Большим пальцем я вновь перезарядил винтовку, сделал поправку. Мое попадание и выстрел гранатометчика случились одновременно. «Узкозадая» пуля весом больше шестнадцати граммов угодила в затылок, швырнув его обладателя вперед, граната ушла вертикально, а выхлоп ударил прямо в окоп. Не позавидуешь второму номеру – никаких шансов выжить. И в ту же секунду окоп дозора накрыло серией из АТС с омоновского «тигра», удачно занявшего позицию за небольшим изломом местности.

Смена магазина. Затем я опять перекинул прицел на бугор, где пыталась отбиваться попавшаяся в ловушку засада. Неожиданно поднявшийся ветер понес пелену пыли к дороге, давая возможность прицелиться. Обнаруживать цели было несложно: засада запаниковала, в ячейках суетились. Из некоторых пытались вести ответный огонь по броне, несколько гранатометных выстрелов ушли в белый свет, как в копеечку. С такого расстояния да еще на адресе из РПГ много не нацелишься. Броня ближе чем метров на пятьсот-шестьсот даже не приближалась к позициям.

Из некоторых ячеек начали отползать в тыл, было видно, как шевелится трава. В двух местах вели огонь пулеметы, хотя смысла бить в броню с такого расстояния не было – только

искру выбивать. Мне удалось поймать в прицел еще одного пулеметчика, но выстрелить не успел – в окоп влетела очередь из КПВТ, смешав того с землей.

Тогда я начал выцеливать островки шевелящейся травы, и не без пользы – в прицеле появилось лицо в камуфляжной раскраске. Человек в панаме и бронежилете быстро полз от бугра, держа хеклеровскую автоматическую винтовку на сгибах локтей. Для моего калибра и патрона легкий броник не был помехой. Даже тяжелый, в принципе. Прикинув расстояние, я подвел к нему прицел красным перекрестьем, взял чуть ниже, сантиметров на пятьдесят, выбрав слабинку, потянул крючок. Приклад резко ударил в плечо, камуфлированное лицо уткнулось в траву. И сразу же зашарил взглядом по полю в поисках новых целей.

На этой стадии бой превратился в истребление. Засада запаниковала окончательно, один из противников, видимо в страхе потеряв ориентировку, побежал через поле в сторону дороги и нарвался на свою же растяжку. Судя по вспыхнувшему в воздухе дымному облачку, на растяжке стояла ОЗМ или другая подобная «лягуха». Бежавший рухнул в траву как подкошенный.

На валу уже почти никто не сопротивлялся. Уцелевшие пытались ползти в тыл, но их выцеливали и убивали. Экономно, но настойчиво работала по ложине вся броня колонны, и нападавшие были обречены.

Я видел, как один из стоящих БТР вдруг сорвался с места и покатил, немилосердно пыля, в сторону ложбины, куда ползли спасавшиеся. Я перевел взгляд туда и увидел, что по дальнему ее краю, в противоположную от засады сторону, рванул американский армейский джип старого образца. Проехать ему удалось не больше ста метров – с бэтээра ударили пулемет и АГС. Джип дернулся, остановился, загорелся, рванул бензобак. Значит, свой транспорт они оставили и замаскировали в ложбинке.

Тем временем из техники выбралась пехота – и двинулась вместе с броней на прочесывание местности. Противодействия им уже не оказывали. В двух местах пехотинцы открывали огонь по чему-то, видимому только им, но ответного огня не наблюдалось. «Контроль», судя по всему. Когда цепь прочесывания достигла позиции бывшего левофлангового дозора засады, Немцов по радио дал отбой.

Я сменил магазин на полный, а затем мы взялись устанавливать связь с колонной, чтобы не высовываться – а ну как не узнают издалека?

Территория Европейского Союза, отроги Меридианного хребта. 22-й год, 29-е число 5-го месяца, понедельник, 13:10

Успех был полный. Взятая в два огня засада истреблена до последнего человека. Пленных не было, никто не сдавался. С нашей стороны погиб один омоновец, стрелявший из АГС, – пуля попала в поворотный круг турели и от ricoшетила прямо под срез «сферы».

На поле боя мы насчитали сорок восемь трупов, захватили прорву оружия, боеприпасов, два больших внедорожных грузовика «ивеко» и два американских армейских джипа М151А2 старого образца, но новых на вид (видать, с длительного хранения), обычно называемых «матт». Нашли среди тел и труп давешнего чеченца, при котором были радиочастотный сканер и две карты.

Одна карта была с маршрутом, нарисованным братьями Ван Ритмеер, вторая же карта была заполнена по-русски, но кодировка квадратов с немецкой не совпадала. Немцов бесцеремонно требовал карту у лейтенанта московских омоновцев, сравнил. Все стало на свои места. Силаев продал карту с маршрутом чеченцам, сам приказал лейтенанту докладывать ежедневно о местоположении конвоя. Сигнал добежал до Силаева, а заодно и до засады. Немцов поступил просто – при подходе к Углу Меридианного хребта просто свинтил антенны с омоновских «тигров». И пригрозил пристрелить каждого, кто попытается нарушить режим радиомолчания. До омоновцев дошло, что это неспроста, и в последние сутки конвой окончательно пропал из эфира. Засада занервничала – видимо, просидели на позициях долго, опасаясь, что конвой пойдет ночами. Все устали, фланговые дозоры, сидящие вдалеке от глаз начальства, расслабились и обнаружили себя.

Осмотрели поле перед позициями – действительно растяжек было очень много. Снимать не стали, протралили все «кошками», вызвав множество срабатываний, а потом, на всякий случай, обозначили место флажками. Овраг тоже был минирован – управляемым минным полем, с устройством радиоподрыва, две антенны аккуратно выведены из земли в кустах. Во избежание сюрпризов всю эту конструкцию тоже подорвали.

Фугас оказался серьезный. Цилиндрический бочонок «семтекса», чешского аналога нашего пластита и американской С4, с трех сторон обложенный пластиковыми коробками с поражающими элементами – нарубленной стальной арматурой. Эдакая самодельная МОНка, только очень большая и с радиовзрывателем. Фугас сняли, на неизвлекаемость его никто не ставил. Видимо, хотели в случае неудачи забрать с собой. Понятное дело: таким добром здесь не разбрасываются.

Пока меня возили за моей спрятанной в саванне «тойотой», бойцы разложили на взятом из «матта» брезенте трофеи. Вооружена засада была разномастно. Были и М16 разных модификаций, и немецкие G3, две новенькие G36²⁸ бундесверовской версии, не экспортной, с дополнительными электронными прицелами, две FN-FAL в английской полуавтоматической версии. Было целых четыре пулемета – один М60²⁹ и три НК21³⁰, на сошках и станке. Два из них были повреждены.

²⁸ G3, G36 – штурмовые винтовки различных поколений производства немецкой компании «Heckler&Koch».

²⁹ М60 – американский единый («ротный») пулемет калибра 7,62x51. Мощное, но слишком тяжелое и неудачно сконструированное оружие.

³⁰ НК21 – единый («ротный») пулемет производства немецкой компании «Heckler&Koch». Сконструирован на основе винтовки G3, стоит на вооружении в ряде стран (но не в Германии).

Снайперов или, по крайней мере, бойцов со снайперскими винтовками – было двое. От одного осталась американская армейская М21 в отличном состоянии, скорее даже новая, а от второго – китайская версия СВД. Вот этого даром не надо.

Сами нападавшие были разношерстно обмундированы, но лица были достаточно однотипны – явные латиноамериканцы, с примесью индейской крови. Много таких лиц во всяких Перу и Гондурасах.

И что получается? Похоже, что нападавшие – наемная банда. Им из Латинского Союза, в котором на самом деле никакого союза нет, а сплошные разногласия, сюда совсем недалеко. Настоящие-то страны этого Союза дальше расположены, а между ними и этими землями – бандитские предгорья.

Нанял их или сам чеченец, или кто-то ему помог. Маршрут отхода – по границе территорий Евросоюза и Территории Техас, до самых Американских Штатов. Почему туда? И какими силами? То, что банда должна была перегонять захваченный транспорт, было правдоподобно: не так уж много машин нашлось в ложбине – похоже, что народу у них было с запасом.

Скрытый маршрут проложен до Штатов, а дальше? Спокойно, общими дорогами? В составе этой банды? Вы делаете мне смеяться, как говорили в Одессе. Пусть я тут новичок – и то соображаю, что даже при нынешней анархии никто бы не потерпел на своих дорогах такой толпы ухорезов. А дальше, дальше-то что? Их или встречают там, и они, сдав груз, отходят обратно по тому же маршруту, или банда исчезает, учитывая особую важность груза.

И это вероятней всего, а то болтать начнут, как заведено у всех тамошних испаноязычных граждан: перед девками на фиестах станут козырять знанием, куда русский конвой делся, воображение селянок поражать. И разойдутся лишние сведения по всей земле. А так... начнут конвой искать – найдут следы боя в Углу, где вечно что-то случается, – сразу понятно: налетела банда из-за хребта, что в этих местах как традиция стало, схватила, что смогла, и за хребет убежала. А потом другая банда пошла в рейд на южные территории, но попала в засаду – и погибла вся, прошу выписать премии. И никак это между собой не связано.

А больше, сколько ни думай, ничего не придумаешь. Посоветовался я с Немцовым и Владимирским, поделился выводами, а у них выводы такие же. Потому как, с их слов, груз этот американцам позарез нужен, но самим на захват идти – проблем не оберешься, боком такой рейд выйдет. Нельзя им на прямую конфронтацию. А если так, как сейчас, то ничего не докажешь. Вот сейчас же у нас никаких доказательств нет. Даже не можем доказать, что на карте маршрут отхода захваченного конвоя, а не, скажем, маршрут следующего рейда банды или план охоты на рогача.

Единственное, что уже доказано, – что Силаев сука и что не жить ему больше. Причем такую идею первыми сами московские омовцы подали – ведь их же собственный начальник в засаду завел. Странно было бы ожидать другой реакции.

Пока разбирались с транспортом и трофеями, ко мне в очередной раз Немцов подошел и спросил, указав на уложенные в ряд трупы бандитов:

– Твоих сколько среди них?

– Моих – шестеро, – начал перечислять я. – Один пулеметчик, двое гранатометчиков из левофлангового дозора, и трое в поле, когда уползать начали.

– Ты у нас не штатный, а привлеченным сотрудникам мы платим за каждого убитого бандита. И трофеи с них твои.

– Я не против, в общем-то, но я же не за деньги, – даже немного возмутился я.

Не то чтобы я против, но... не за это бился, если уж честно. Хотя... отказываться не буду, как на духу отвечу. Тем более что заслуженно, да и платит Орден, а с него грех денег не взять.

– Уговорил, черт красноречивый, – махнул я рукой решительно. – Согласен, платите. Я, можно сказать, для вас винтовку с приبلудами купил – так хоть окупится.

Я тряхнул «армалайтом», показывая, что именно у меня должно окупиться.

– Кстати, ты мне вот что скажи... – задал я вопрос, давно крутившийся в голове: – А что, тут за каждую голову платят? А доказательная база и все такое?

– Ну если ты один, то могут и не заплатить, – заявил Немцов. – Мало ли кого ты завалил, оружие в руки сунул и снял? А если при свидетелях, то тогда заплатят. К тому же это только разбоя на дорогах и на море касается.

– Понятно. С этого не проживешь, – засмеялся я. – Слушай, а в ППД или в Демидовске нашим оружием и прибрдами к нему закупиться можно?

– Ну так, довольно ограниченно, – ответил Немцов. – Ничего такого, чего ты в другом бы месте не купил. «Калаша» купишь, даже РПК, а что серьезней – уже нет. А что надо?

– Да пока сам точно не знаю, – задумался я. – А «винторез» прикупить реально?

– Шутишь? – засмеялся Немцов. – Ты в магазине пэбээс не купишь, не то что «винторез». Нет, это имущество военное. Вступай в ряды, так сказать, и тогда, может быть... А ты что, решил себе в кузове пирамиду ружейную поставить, заполнить – и так кататься?

– Запас карман не тянет, – пожал я плечами. – Тогда «Эм-двадцать один» мне отдай.

– Чего? – не понял Немцов.

– Снайперка самозарядная, в трофеях, – напомнил я и даже показал пальцем на брезент с разложенным оружием. – Как раз то, чего мне не хватает для полного счастья.

– Да? – задумался Немцов. – Ну... тут твоих трофеев вроде как тоже хватает, а я пока не приходовал. Бери.

– Вот и отлично! – обрадовался я. – Прямо сейчас и возьму.

Самозарядная снайперка мне тоже очень даже может пригодиться. На дистанциях до шестисот она лучше всего. Была бы СВД – вообще было бы замечательно, но брать «китайца» все ж не рискну. Много слышал о них отзывают, и все больше не очень – особенно о кучности и реальных калибрах стволов.

– Да куда тебе столько? – опять спросил Немцов.

– Я же один перемещаюсь куда, – трудно сказать, что понадобится, – ответил я, присев на колено возле брезента с трофеями. – Единственно возможное мое преимущество перед вероятным противником – достаточное количество хорошего и подходящего к обстоятельствам оружия и много боеприпасов. А с местом у меня все нормально, машина большая.

– А, понятно, – кивнул капитан. – Был у нас такой псих вроде тебя, потом в егеря перешел. Тоже все, что зарабатывать, в оружейном тратил. Домой к нему зайдешь – волосы дыбом. Будто в одиночку Дикие острова собрался захватывать. И тоже снайпер, заметь. Общее это у вас, наверное, профессиональное заболевание.

– А ты как думал? – почти натурально возмутился я. – Это вы можете в белый свет, как в копеечку, палить, а у нас каждый винтик на результат влияет. Вот и начинаешь улучшать, менять, что-то новое искать. И так со всем оружием, не только с винтовками. Да, пожалуй, профессиональная болезнь.

– Ладно, лечить не станем, – подвел итог спору Немцов. – Пойду по трофейному транспорту водил рассажу. Мимо городка одного пойдем, Аламо, там продадим излишки. Возле дороги стоят, так что у них там и стоянки с охраной, и мотели, и заправки, и мастерские. И любой груз, зашедший в город, берут под ответственность. Хоть охрану не выставляй – никогда из транспорта ничего не пропадало.

– А посторонние?

– Да все под охраной стоит, – отрезал Немцов. – А если кто попытается и попадетсся – они его судом Линча. Петлю на шею – и на первом суку, чикаться не будут. Решительные хлопцы. Их дорога кормит, поэтому репутацию блюдут. И еще они скот разводят – такие стейки, как у них, ты вряд ли где еще попробуешь.

– Хороший городок, видать, – протянул я, задумавшись о стейках. – А чего Аламо называли?

– Да была история через год после основания. Здоровая банда из-за хребта пришла, так местные чуть не три дня отбивались – и все же отбились. Ладно, по коням.

– А пиво к стейкам там есть?

Суверенная Территория Техас, город Аламо. 22-й год, 31-е число 5-го месяца, среда, 14:00

Место в растянувшемся из-за пополнения походном порядке мне досталось в середине, сразу перед омовским «тигром». Грузовики и «хаммер» передо мной немилосердно пылили, поэтому пришлось закрыть окна и включить кондиционер, чего я пока избегал, предпочитая открытые окна.

Дорога тянулась монотонно и скучно, но вскоре появились признаки того, что мы въехали если не на обжитые, то хоть на посещаемые людьми земли. Сначала над нами пролетел легкий одномоторный самолет – кажется, «Пайпер Ацтек». Потом несколько раз попались машины на дороге, а затем и трактора в полях. А затем город встретил нас передовым дозором, выглядевшим как здоровенный немолодой пикап «Додж Рэм», выкрашенный в неизменный здесь камуфляж, с несколькими антеннами и немецким пулеметом MG3 на турели в кузове, стоящий на возвышенности, откуда открывался прекрасный вид на все окрестности. В кузове рядом с пулеметом стоял человек с биноклем. Еще трое с автоматическим оружием стояли рядом с машиной.

Они только помахали руками колонне, когда мы проехали мимо. Видимо, опознали нас издали, по радио, заодно сообщили в город о приближении. А формальную часть решили опустить. Ну и спасибо.

Настроение было хорошее, Немцов объявил сутки отдыха личному составу, дав бойцам возможность поесть местного мяса и попить местного бурбона, предупредив, правда, чтобы в дрова не вздумали напиваться. Сам он собирался в это время расторгнуться трофеями. Трофеев было много – редко так случалось. Тащить с собой весь этот лишний транспорт смысла не было, колонна излишне растягивалась, личный состав отвлекался от основных обязанностей. Да и сваленное в кучу в одном из «Ивеко» оружие тоже никому не было нужно на русской территории, как не соответствующее стандартам.

Городок напомнил мне декорации к вестернам – таким, какие снимал небезызвестный Сержио Леоне и в которых сделал звездой Клинта Иствуда. Такие же каркасные дома, обшитые досками внахлест, такие же вывески, такие же пыльные улицы, на которых, по всем канонам жанра, должны были сходиться отрицательный герой в черном и положительный в грязном, держа отставленные ладони возле револьверов в кобурах. Ну и музыка Морриконе, само собой, куда же без нее?

Картину немного нарушала самая настоящая промзона, где было несколько огороженных и отделенных друг от друга стоянок, вдоль ряда которых тянулась широкая пыльная улица. В конце улицы приткнулся защитного цвета «матт» с брезентовым верхом, в котором сидели два вооруженных мужика, бдящих за сохранностью груза и транспорта. Рядом расположились большая заправка, боксы ремонтных мастерских и стоянка с надписью «Car and Truck Sale. New and Preused»³¹, забитая машинами. Да, городок Аламо явно существовал при Дороге.

Из какого-то переулочка между заборами на квадроцикле вырулил мужик в стетсоне и клетчатой рубашке, сделал знак следовать за ним – и провел колонну в отдельный загон. Грузовики и броня, ревя моторами и подгоняемые матюгами начальства, распределились по размеченным местам. Затем стало удивительно тихо – только было слышно, как пощелкивают, остывая, корпуса двигателей и отчаянно сверчат какие-то насекомые в траве, выросшей вдоль бетонных стен.

³¹ «Продажа машин и грузовиков. Новые и подержанные» (англ.).

Я тоже остановился впритык к забору, заглушил хорошо потрудившийся дизель, прихватил АКМ из кабины и вышел, с облегчением и наслаждением потянувшись до хруста в суставах. Ко мне подошел Владимирский.

– Автомат можешь в машине оставить: здесь никогда ничего не воруют, – сказал он. – И все равно мы еще свой пост выставляем на территории. Даже разгрузку можешь бросить, только пистолет оставь. Он тут не нужен ни разу, но без него ходить неприлично – лучше уж с голой задницей. Здесь все мужчины и половина женщин с пистолетами. У них тут романтика Дикого Запада.

Я сделал, как он и сказал. Бросил все лишнее в кабину, разгрузку, а к поясу прикрепил открытую кобуру с «парабеллумом». Если это для красоты, то он в самый раз подойдет. Артиллерийская модель все же – с удлиненным стволом, экзотика по нынешним временам.

Я огляделся, и действительно солдаты снимали броники и разгрузки, оружие, оставляя это все в машинах, – и тянулись к выходу со стоянки. Немцов, который шел с Владимирским, махнул мне рукой. Я прихватил сумку с чистой одеждой и туалетными принадлежностями и подошел к ним.

– Пошли с нами, покажем тебе, где тут что, – позвал меня Немцов. – Да и торговаться потом сможешь.

Мы вышли за ворота и пошли мимо бетонных заборов в сторону стоянки автоторговца.

– Торговца Джо зовут, мужик порядочный и конкретный, – просвещали меня по дороге. – Попросим его пока трофейные машины посмотреть, а завтра с утра он свою цену назовет.

– А с оружием как?

– Здесь два магазина оружейных, оба в центре, «Guns'n'-Knives»³² и «Sam's Gun Store»³³. Лучше к Сэму пойдем, я с ним знаком хорошо. С другим магазином я пока дела не имел. А ты можешь оба навестить, денежки орденские спустить, только потом смотри, чтобы в «тойоте» твоей мосты не погнулись.

– Издевайся, издевайся... Придет голодный год – попросишь хлебушка, – ответил я на злобный и несправедливый выпад.

На стоянке торговца стоял примерно с десяток разномастных автомобилей. Были и грузовики, и пикапы, и внедорожники. Мое внимание привлек маленький «сузуки самурай», на массивных зубастых колесах, переделанный в пикапчик с коротким кузовом. Очень необычно. Я показал на него Немцову.

– А чего ты хочешь? – даже слегка удивился тот. – Очень популярная машинка в Новой Земле, особенно с дизелем. Ее же первоначально для японских сил самообороны спроектировали, как посыльный автомобиль. Просто и надежно – а здесь она одна из самых дешевых. Если кто налегке путешествует или в одиночку, то лучше и не надо. И у нас, и в Демидовске чуть не треть таких в личном пользовании. Сам видишь – за скоростью здесь никто не гоняется, автобанов нет, а вот простота и проходимость – главные качества.

– Это испанская вроде, – сказал я, увидев шильдик «Сантана» сзади.

– Верно, испанская, – подтвердил Немцов. – Я знаю, что испанцы прямой канал поставки «самураев» наладили. Они в Испании «за ленточкой» до сих пор выпускаются, вот они их и волокут. Мы раз десять целые колонны их сопровождали, причем в разные территории.

– А кроме «самураев» народ у вас чем пользуется? – продолжил я выспрашивать.

– «УАЗы», «Нивы». С обслуживанием попроще, да и недорогие они. Кое-кто бразильские «тойоты бандейранте» покупает, все их очень хвалят. Я сам купил. Вроде даже наши с

³² «Стволы и Ножи» (англ.).

³³ «Оружейный магазин Сэма» (англ.).

бразильцами хотят их скопировать – не зря же моторный завод строят. Кстати, они у нас в войсках вместо «УАЗов», ломаются редко и мало, в отличие от наших.

– А алюминий на моторы есть?

– Алюминий пока через «ворота» идет, насколько я из газеты знаю, но недавно нашли глиноземы вдоль Амазонки, на бразильской территории. Думают что-то совместно. А по машинам... лучше всех пока испанцы зацепились – наладили поставку запчастей, обслуживание. Понимаешь, повезло им: «самурай» – единственный простенький внедорожник, который еще в Старой Европе выпускается. И еще они старую версию «витары» выпускают, ее тоже здесь хорошо покупают.

– А, как я погляжу, современные сюда вообще никто не везет?

– С обслуживанием проблемы – вот и норовят что попроще, – пожал он плечами. – Индийцы со своими «махиндрами» в гору идут, такие «тойоты», как у тебя, на вес золота, в общем, все, что в Старом Свете в странах третьего мира делается, здесь самый цимес. Китайцы тоже много чего тащат своего. Даже наш «УАЗ» очень в цене, особенно «буханки» у фермеров.

Справа от ворот на стоянку стоял небольшой домик-временка, крашенный в белый цвет. Немцов открыл дверь, и мы зашли внутрь. За обшарпанным деревянным столом сидел крепкий, стриженный под ноль мужик в зеленой армейской майке и камуфляжных брюках. Загорелое чуть скуластое лицо с резкими чертами, очень светлые голубые глаза, на фоне загара казавшиеся почти белыми. Мускулистые руки с крупными кистями. Перед ним на столе лежала бейсболка с надписью «U. S. Marine Corps. Semper Parati». Слева от него, у стены, была маленькая оружейная пирамида, в которой стояла М16А3 с подствольником, на пирамиде же висела подвесная с подсумками.

Но самым интересным было не это. На поясе у мужика висела кобура из роскошной тисненой кожи, из которой торчала старомодно изогнутая рукоятка «кольта-миротворца», отделанная слоновой костью. Новая переделка, разумеется, – их до сих пор выпускают, но с полным соблюдением исторического облика. Судя по высокой спице курка – даже одинарного действия, а владелец – любитель пострелять «мельницей».

«Мельницей» – это как в вестернах, когда левой ладонью курок взводится, правой на спуск нажимается, а все вместе как из пулемета выходит. Бах-бах-бах – и злодеи, раскинув ноги, в пыли перед салуном валяются, и шляпы раскатились. Потом тишина – и снова музыка. Это обычно в начале кино случается, когда надо показать, какой крутой новый парень приехал в город. Он приехал, а на него наехали – и, как всегда, неудачно.

– Привет, Джо! – поприветствовал мужика Немцов.

– Привет, капитан. Как поживаешь? – откликнулся владелец крутого «кольта».

– Неплохо. Как ты? Есть кое-что для тебя.

К моему удивлению, Немцов говорил по-английски очень чисто, что для наших военных нехарактерно. Наш народ знанием языков редко блещет, чего уж скрывать.

– Я в порядке, спасибо, – завершил поток дежурных любезностей Джо и перешел к делу: – Что у тебя есть?

– Парочка «маттов» и два «ивеко».

– Все здесь? – спросил мужик, указав в сторону стоянки.

– Именно, – подтвердил Немцов.

– Повоевали? – уточнил Джо.

– Не без того. В Углу, как обычно. Ну так что, посмотришь машины?

– Без проблем, – кивнул мужик. – Сейчас и займусь. Скажи своим ребятам, чтобы пропустили.

– Я их предупредил, – ответил Немцов. – Когда приходите?

– С утра, наверное, – ответил тот. – Осмотрю, оценю.

– О'кей, увидимся, – попрощался Немцов.

Мы пожали Джо руку и вышли из его пристройки.

– Джо мужик порядочный, – сказал капитан, когда мы уже шагали дальше. – Служил в морской пехоте, дослужился до ганнери-сержанта, потом как-то сюда занесло. Давно с ним дело имеем. Мастерская тоже ему принадлежит, починить могут вообще что угодно. Не смогут починить – смогут переделать. Сейчас в отель заселимся – потом навестим Сэма, который оружейник.

Отель тоже был в лучших традициях. Стиль «вестерн» соблюден до мелочей, разве что вместо киношного клерка в очках и жилете за стойкой стояла румяная толстуха лет тридцати, в майке баскетбольной команды «Los Angeles Lakers» такого размера, что даже на ее безразмерных телесах висела свободно.

– Привет, – обратился я к этой представительной даме. – Нам надо три одиночных номера на две ночи.

– Никаких проблем, – ответила она. – Десятка за ночь, завтрак включен плюс налог, значит... вы уже должны мне семьдесят два эю.

– О'кей, – согласились мы со столь решительно выдвинутыми условиями.

Заплатили за две ночи вперед, и толстуха выдала нам ключи на бронзовых брелоках с витиевато выдавленными цифрами.

– А бойцы где живут? – спросил я у Немцова, когда мы уже поднимались по лестнице.

– Тут еще мотель есть, там двухместные комнаты вообще по пятерке, – ответил он. – Быхов там командует, распределяет по сменам нарядов прямо по комнатам.

Номер был небольшим, с видом из окна на главную улицу города. Одноместная кровать, тумбочка с Библией на ней, нечто вроде секретера, выполнявшего функции подставки под телевизор и рабочего стола, стул с подлокотниками, встроенный шкаф, вместо ванны – душ. Зато совсем недорого.

Помылся, переоделся, вдел в чистые джинсы ремень с кобурой, надел майку, на ноги, уставшие от тяжелой закрытой обуви, натянул кеды. Даже попрыгал на месте – такой контраст после берцев и всей снаряги. Словно и не обувался вовсе.

Спустился в холл отеля. Ни Немцова, ни Владимирского пока еще не было, а толстуха уже стояла за маленькой барной стойкой.

– Чего-нибудь попить? – сразу спросила она.

Еще спрашивает. С такой жары да и не пить? Издевается, наверное.

– Да, если можно, – согласился я. – Чего-нибудь мокрого и холодного.

– Значит, пиво, – решительно кивнула дама.

– Кто сказал «пиво»? – притворно удивился я.

– Я сказала, – решительно ответила она. – И не говори мне, что ты хотел заказать лимонад: все равно не поверю.

– Хорошо, не буду, – легко согласился я.

Дама решительно наполнила высокий бокал светлым пивом, поставила его передо мной:

– Пятьдесят центов.

Я присел на высокий вращающийся табурет и выложил на стойку пластиковый кружок с впрессованной голограммой.

– Русская Армия? – как-то придиричиво осмотрела она меня и добавила: – Ты не похож.

– Они – да, я – нет, – ответил я, ткнув пальцем в потолок. – А я типа подрядчик.

– Слышала, что вы пнули несколько задниц на Дороге? – спросила она, наливая себе маленький бокал того же пива.

– Да, было такое, – подтвердил я. – Эти ребята оказались туповаты, действовали глупо, ну и, соответственно, мы выиграли.

– Отлично, – удовлетворенно кивнула толстуха. – Никто не любит этот Угол. Дерьмовое местечко, вечно одни проблемы. Твое здоровье.

С этими словами она чокнулась со мной.

Подожли Немцов с Владимирским. Я быстро допил бокал, поставил его на стойку, поблагодарил хозяйку – и мы вышли на улицу, как в духовку. Владимирский пошел куда-то по своим делам, а мы потопали вдвоем.

– Слушай, – спросил я Немцова. – Если у нас груз срочный, что мы собираемся здесь лишний день делать?

– А мы всегда здесь лишний день проводим, – ответил капитан. – Отдых личному составу, профилактика техники и вооружения. Незачем внимание привлекать ранним отъездом. Значит, так, по плану у нас оружейник, орденский банк и почта. Затем свободны кто куда. Хотя ты и сейчас свободен, если от денег отказываешься.

– От денег? От денег я не отказываюсь. Я как тот самый председатель общества поху... пофигистов, который речь держал про неувязочки. Помнишь такого?

– Ага, помню, – кивнул серьезно Немцов. – Тогда пошли.

– А кроме орденского здесь банки есть? – спросил я.

– Конечно. В Аламо два – Объединенный Американский и Северный Торговый плюс маленькая конторка от Русского Промышленного, из Демидовска. Но они так работают, узко-специально. Просто взаиморасчеты контролируют.

– Торгуете с местными?

– Обязательно торгуем, – подтвердил Немцов. – В Аламо оптовые склады. Мы же сайдинг начали производить пластиковый, кровельные материалы, в общем, всякую химию, что от нефти с газом. Полиэтилен. Через нас перевалка древесины из Бразилии идет, а тут ты видел – половина строительства на деревянном каркасе. Много чего. Кстати, даже патронов много наших продают отсюда оптом.

– Ну да... – кивнул я. – Если кто с востока, то ему сюда за товаром ближе, наверное?

– Это если в Аламо. А так у Техаса еще и торговый флот есть, судов уже пять, наверное, – так что они перевозками очень плотно занимаются.

Получается, что тут и вправду образуется уже вполне нормальная жизнь. Может, и правы те, кто думает, что верхушка Ордена себе место готовит, куда смыться после того, как тот мир загадится?

– Кстати... – снова заговорил я. – А чем остальные банки от орденского отличаются?

– Орденский Банк деньги печатает, ну и самая большая сеть у них, – объяснил Немцов. – И у остальных откусывает по десять процентов с каждой золотой монеты.

– И что, те так безропотно дарят эти проценты?

– Уже нет: ведут между собой расчеты по весу золота.

– Так в финале, если перевод «за ленточку» делать, все равно эти десять процентов отгрызут, так? – удивился я.

– Так не каждый же эки идет «за ленточку», – возразил он. – Большая часть здесь и оборачивается, так что с них никакой усушки. Раньше Орден пытался вообще свой банк сделать вроде всеобщей резервной системы – мол, передайте им все золото на хранение, а они за это бумажных денег напечатают, чтобы всем вроде как проще было, но им на это предложили поискать дебилов в зеркале.

– Разумно, – усмехнулся я. – Слушай, какая у вас тут война выгодная – второй раз уже за головы деньги получаю.

Немцов засмеялся:

– Это на дорогах и в море. Все хотят безопасных путей, торговля должна развиваться. Поэтому каждый, как может, поощряет истребление банд. Наши наград не предлагают, но посылают мотоманевренные группы туда, где особо шалить начинают, причем за свой счет. А Аламо при дороге стоит, с дороги кормится, – им эта безопасность как воздух нужна. Вот

и привечают тут нас. А сейчас у нас результат – сорок восемь рыл, считай – в народные герои попадаем. Не каждый день так бывает.

– А с авиасообщением тут как?

– Почти никак, – покачал он головой. – В основном – легкая авиация. Почтовые летают постоянно, дозорные. Летают средние транспортники винтовые, у нас «аннушки» за хит сезона, причем уже давно. Но в основном со срочными грузами, военные и всякие экстренные надобности. Реактивных вообще нет.

– Почему? – удивился я.

– Обслуживание другое нужно, ВПП получше, топливо, – пожал он плечами, словно удивляясь моей непонятливости. – И с аварийной посадкой проблемы. Тот же «Геркулес» американский или Ан-12 можно и на грунт при необходимости посадить, и спланировать они могут. А «аннушка» так вообще на любое болото сядет. Да и не так их много, чтобы постоянно их гонять: ресурс берегают. Большинство из них даже Ордену с капиталки достаются.

– А вертолеты?

– Здесь популярны эти, американские... как их... – Он поискал слово. – ... «Робинсон», которые можно обычным бензином заправлять. Хороший товар, Штаты на них хорошо зарабатывают, мы у них тоже купили несколько. У нас есть еще с пару десятков «Ми-восьмых Эм-Тэ», столько же «двадцать четвертых». Но это все на войну работает. Сейчас за «воротами» стали Ми-2 скупать, их в стране еще куча: на капиталку – и сюда. К счастью, капиталка не такая уж дорогая, как мне друган из эскадрильи объяснял, новая авионика все равно для этих условий не годится – в основном железо обновляют. Ну и сюда закидывают. Уже десятка два «Ми-вторых» у нас есть.

Мы остановились на тротуаре, пропуская школьный автобус, затем пошли дальше.

– Еще месяца три назад мы конвой вели с самолетами легкими, «катанами», в разобранном виде, – продолжил Немцов. – Хорошие машинки, взлетают с пятачка, почти на месте висеть могут. Мы их для пограничной разведки используем или как курьерские. В принципе, если деньги есть, ты даже себе такой можешь купить. Стоит он в Порто-Франко, не соврать... порядка ста тысяч.

– Это двести двадцать тысяч долларов примерно, так?

– Ну вроде...

– В три раза почти, – удивился я. – Я в Москве полгода походил в мячковский аэроклуб, уроки брал. Там «катаны» эти самые под восемьдесят тысяч предлагались.

– А в «ворота» протащить? Дорого очень обходится, говорят, – напомнил он.

– Может быть, – пожал я плечами.

– А зачем уроки брал?

– А я в детстве летчиком мечтал, как положено, – засмеялся я. – Покрышкиным зачитывался, Кожедубом, Водопьяновым. Семей не оброс, по ночным клубам не ходок, вот и пропадаю все свободное время то на стрельбище, то на квадроциклах катался в Крылатском, то в аэроклубе. Мотоциклом обзавелся, «эндуркой», но продал его незадолго до переезда сюда – хотел другой взять, «турист», для дальних поездок. Дайвингом много лет прозанимался, где только не нырял. В принципе, почти все, что зарабатывал, вот на такие дела шло.

– Дайвингом, говоришь? – оживился Немцов. – Тут дайвинг опасный, сожрать могут, но все равно полезно. Мы вроде морской базы организовали – маленькой, правда, есть несколько катеров патрульных и пара сторожевиков небольших. И там команда ребят с Тихоокеанского флота службу диверсионную организывает сейчас. У нас Дикие острова – головная боль, там спецназ во как нужен будет! Ага, пришли!

Мы стояли перед дверью в отделение орденового Банка, по совместительству – местного представительства Ордена. Толкнув дверь, вошли внутрь, в кондиционированную прохладу. Обычный банковский офис – одно окошко, одна девушка за ним. Маленький зал с одной стой-

кой и стопкой бланков на столешнице, справа – дверь с табличкой, гласящей, что за нею скрывается представитель военных сил Ордена, справа – такая же дверь, с табличкой, обозначающей место менеджера. Мы пошли в ту дверь, которая сулила нам свидание с представителем военных сил.

В кабинете за столом сидел худощавый загорелый человек лет тридцати, с прической «ежик», в уже привычной униформе песочного цвета, с одной звездочкой в воротнике и на нарукавной нашивке. На груди у него была табличка, гласящая, что перед нами «1st Lieutenant P. Mercier».

Мы поздоровались, представились. Немцов достал из кармана диск в полиэтиленовом конвертике, протянул орденскому вояке. Тот запустил ролик на своем ноутбуке, задал несколько вопросов об обстоятельствах и месте боя, где захваченное оружие, откуда, по нашему мнению, пришла банда, и что-то еще. Затем достал из стола желтый бланк с орденской символикой, вставил в игольчатый принтер, распечатал, дал расписаться нам и расписался сам. Вытащил из компьютера диск, вложил в кармашек прозрачной пластиковой папки, оторвал от желтого бланка розовую и зеленую самокопирующиеся страницы, желтую вложил в конверт, на остальные хлопнул свою личную печать вроде таможенной – и отдал нам, сказав, что нам теперь надо к менеджеру с этими двумя бумажками.

Мы попрощались, вышли из кабинета, пересекли операционный зал и зашли в кабинет менеджера. Менеджером оказался невысокий лысеющий толстячок, с табличкой без звания, только с именем «O. Berkovitz», который без лишних разговоров забрал у нас обе бумажки, расписался на них, приложил уже свою маленькую печать, розовую бумажку через маленькое окошко в другой двери передал операционистке, а зелененькую сказал отдать ей же собственноручно. Мы попрощались уже с менеджером, подошли к окошку с операционисткой «L. Kowalski», отдали ей зеленую бумажку, а Немцов приложил к бумажке еще и какую-то карточку, похожую на идентификационную, но без фотографии, а с каким-то логотипом.

– Это что? – спросил я.

– Деньги в Русский Промышленный перечисляются, это – счет, – объяснил Немцов, после чего сказал: – Давай свою карту сразу, тебе твои шесть тысяч перечислят. И потом с трофеев пару тысяч ты получишь наверняка – туда же переведем.

Возражать я не стал, а сразу же отдал ему карту своего Ай-Ди. Операционистка возилась минуты три, затем поблагодарила нас за что-то и отдала нам карточку, зеленую бумажку с красным штампом «Paid» и своей подписью и распечатанную платежку. А затем протянула мне распечатку чека о зачислении шести тысяч экю на мой счет. Неплохо!

Мы тоже ее поблагодарили, но вовсе не за что-то, а исключительно за проворно выданные деньги, после чего вышли из банка. Все прошло достаточно быстро и в основной своей части без лишних слов.

– Теперь куда? К шерифу? – спросил я своего спутника.

– Давай сначала к Сэму, – ответил Немцов. – Пусть едет забирать железяки, тоже, дай бог, к завтрашнему утру он все оценит.

До магазина «Sam's Gun Store» оказалось рукой подать. В торговом зале смотрел маленький телевизор парнишка лет пятнадцати, как сказал Немцов – «Сын Сэма»³⁴. Мы поприветствовали парня со столь жутким прозвищем, спросили, где отец. Сын позвал отца из склада в подвале. Сэм оказался крепким сорокалетним мужиком, с короткой бородой и собранными в хвост длинными волосами. Он радостно поздоровался с Немцовым, познакомился со мной, причем Немцов отреккомендовал меня «нашим коллегой», как хочешь, так и понимай, достал

³⁴ Сын Сэма – знаменитый маньяк-убийца из г. Нью-Йорка, подкарауливавший в аллеях Центрального парка целующиеся в машинах парочки и стрелявший в девушек из револьвера. С его слов, приказывал ему это делать сам Сатана через соседского ротвейлера.

из холодильника три бутылки пива, свернул с них громкими «чпоками» пробки, две отдал нам, а третью оставил себе.

Судя по всему, в городе уже разошелся слух о перестрелке на дороге, потому что Сэм сразу поинтересовался потерями, расспросил о подробностях, затем выразил уверенность, что мы пришли неспроста. Немцов подтвердил, что так оно и есть, после чего они договорились о том, что Сэм на своем грузовике подъедет к стоянке конвоя, заберет приготовленное для него оружие, сегодня с ним разберется, а завтра выдаст свой окончательный вердикт.

Попрощавшись, мы покинули оружейника и опять оказались на улице. Я спросил Немцова, не было бы проще продавать это оружие на своей территории – пригодилось бы в случае чего не армии, так гражданским, тем более что в Демидовске производятся все основные виды боеприпасов.

– У нас гражданских лиц в чистом виде нет, – ответил он. – Почти все военнообязанные на случай войны. Поэтому весь нестандарт продаем на других территориях, а на эти деньги закупаем российское оружие, чтобы в случае чего все были вооружены по единому образцу. В общем, даже то, что в магазинах продается, все равно под стандарт подогнано. С пистолетами самодеятельность есть, конечно, с гладкостволом – само собой, но автоматическое оружие все покупают русское.

– А если иностранное кому-то нравится? – немного удивился я.

– Ну и пусть покупает, если на другой территории, запретить никто не может. Но дойдет до большой драки – сам себя будет боеприпасами снабжать. Мы натовские патроны даже на складе не держим. А вообще на нашей территории хорошо продаются АКМ, которые со складов НЗ поступают. Основным калибром мы «семь шестьдесят два» взяли – все же джунгли под боком. Желаящие, правда, пользуются «пять сорок пять», патроны такие тоже на складе есть, но он все же меньше распространен.

– Кстати, а денег-то у них обоих хватит, у этих Сэма с Джо, сразу рассчитаться за все? – поинтересовался я. – Это все ведь как с неба свалилось.

– А их городское отделение Северного торгового банка в таких случаях кредитует моментально, – ответил Немцов. – Тоже, понимаешь, статья дохода городу. Поэтому все трофеи к ним волокут – пусть чуть дешевле, чем в других местах, зато мгновенно и почти любая сумма.

– Теперь куда?

– А теперь к шерифу, – показал он рукой в дальний конец улицы. – Посмотрим – может, чего и сами узнаем, кто там на нас засады устраивает и при чем тут чеченцы?

До офиса шерифа было минут пять ходу. В конце главной улицы мы увидели одноэтажное здание с надписью «Sheriff office», перед которым в ряд стояли три «хамви» со звездами на дверях и надписью «Alamo County. Sheriff».

Внутри офис выглядел классически: скамейки у стены, стойка с несколькими радиостанциями и телефонами, за которой сидел рослый парень в рубашке хаки с короткими рукавами и звездой «Deputy» на груди. За ним было несколько рабочих столов, и в дальнем конце зала – дверь в кабинет самого шерифа.

Помощник, поприветствовав нас, сказал, что шерифа сейчас нет, но если мы по поводу перестрелки на дороге, то, возможно, он может нам помочь. Представившись нам как Зак Куол, он позвал коллегу, невысокого крепыша с усами щеткой и высокими зальсынами на лбу, который сменил его на дежурстве, а сам провел нас к одному из рабочих столов. Немцов достал из сумки свой ноутбук, включил его и несколько минут показывал помощнику шерифа съемку с места побоища. Тот смотрел внимательно, время от времени просил остановить кадр, просматривал какие-то фотографии на своем мониторе, снова смотрел немцовское видео.

Заседали таким манером они минут сорок, не меньше. Отматывали назад, сравнивали кого-то из убитых с фотографиями помощника снова и снова. В конце концов одна личность

была частично опознана. Частично – не в смысле, что личность в кадре была частями, а в смысле того, что кто это и как его зовут, было неизвестно. Один из убитых присутствовал на групповом снимке, который попал в офис шерифа из личных вещей бандита, захваченного при попытке нападения на конвой-приманку. На снимке были изображены несколько человек в полувоенной форме, стоявшие на фоне горящего грузовика, улыбаясь в объектив и положив руки на плечи друг другу. Со слов пленного, все присутствовавшие на фотографии люди принадлежали к числу так называемого «Фронта Справедливости имени Эмилиано Сапаты», или сапатистов, официально – к революционному движению, набравшему некоторую силу на сопредельных с территорией Техаса землях Латинского Союза. Они причисляли себя к левым, но фактически представляли собой несколько объединившихся банд под командованием некоего *El Comandante Jefe*³⁵ товарища Луиса, фамилия неизвестна.

Особыми успехами в деле революции подчиненные товарища Луиса пока не блеснули, но несколько громких «экспроприаций» провели. О раздаче добытого на «эксах» добра беднякам пока тоже никто не слышал. На территории Техаса они действовали не слишком часто, поэтому такую масштабную их вылазку в управлении шерифа сочли началом новой серии проблем на Дороге. О персонаже с фотографии было известно лишь его прозвище «*El Bugo*»³⁶, имя неизвестно, и что в Новый Свет он перебрался из Сан-Сальвадора, где в свое время принадлежал, с его слов, к леворадикальному движению «Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти». Награды за голову товарища *El Bugo* от округа Аламо не полагалось, поэтому мы просто попросили помощника шерифа Куола скопировать нам файлы с фото и данными на всех, кто попал в кадр. Больше ничего полезного нам узнать не удалось.

Покинув офис шерифа, мы решили, что сделали достаточно на настоящий момент, и, будучи последовательными диалектиками, «оставили небо птицам», а свои взоры устремили к обеду, о необходимости которого так настойчиво напоминали наши желудки. Когда задача на поиск и прием пищи была сформулирована, Немцов нездорово оживился и пообещал отвести меня в «одно место», где подают те самые «лучшие в мире стейки» и где чрезвычайно удачный бурбон. К поклонникам виски я себя никогда не причислял, скорее занимал ряды ненавистников этого напитка, но вот к мысли о большом куске жаренного на гриле мяса отнесся с воодушевлением.

Как выяснилось, это самое знаменитое мясо подавали в заведении с многообещающим названием «*Saloon*». Салун обладал всеми признаками такового, как то: коновязью, распахивающимися в обе стороны деревянными дверками с полукруглым вырезом сверху, в которые, по канонам жанра, должны были вылетать время от времени плохо себя ведущие посетители, и исполняемой на фортепьяно эдакой «таперной» музычкой, которая, впрочем, звучала из стерео.

Там было пока немногочленно. Время ланча уже прошло, а время обеда и вечерней выпивки у местного населения еще не наступило. Мы выбрали себе столик у окна, дождалась официантки – молодой спортивной девицы в шортах, топике в обтяжку и противоестественно незагорелой для здешнего солнца кожей. Она порекомендовала нам мексиканский фасолевый суп, а на второе мы заказали по «*T-Bone*» – стейку с жареной картошкой и початком обжаренной в масле кукурузы. Немцов затребовал себе «для аппетита» бурбон, а я решил ограничиться привычным пивом. Принесли выпивку. Как называлось пиво, я не определил, а бурбон был местного изготовления и, по словам Немцова, назывался «*Lone star*»³⁷, как дань тexasскому

³⁵ Старшего командующего (*исп.*).

³⁶ Осел (*исп.*).

³⁷ «Одинокая звезда». Техасцы сами называют свой штат «штатом одинокой звезды», а флаг Техаса повторяет американ-

патриотизму. Мы «инициировали аппетит» и решили в ожидании еды обсудить, что же у нас выяснилось по атаке на конвой. Я поинтересовался – нет ли смысла прокатиться по проложенному охотниками-бурами маршруту и посмотреть, куда он ведет.

– Смысла нет, – отмел идею Немцов. – Наверняка у них в точке randevу целая система взаимного опознавания. Если проехать на конвойной машине – то станет ясно, что засада провалилась, и тогда те, кто ждет, должны будут предпринять еще что-то. А пока они еще не в курсе, скорей всего. Не уверен, но возможно. Даже если бы поехал ты на своей машине, то наверняка вхолостую. А вот информация об этих сапатистах – уже кое-какие ниточки дает. Доберемся до разведуправления – попробуем там это дело обмозговать: может, и у них есть что-то по этой теме.

– А ты сам это место знаешь, где отход заканчивается? – спросил я.

– Знаю, ничего интересного, – пожал он плечами. – Просто несколько холмов в саванне, неподалеку – два небольших городка. Скорей всего, те, кто должен встретить, в одном из них и ошиваются. Примут грузовики, положат всех «революционеров», и еще премию с Ордена слупят – за пресечение попытки глубокого рейда большой банды. Шито-крыто.

– Понятно. Знаете вы больше, только мне не говорите, – заключил я.

– Пока не имею права, – поднял он руки в защитном жесте. – Доедем до ППД – там поговорим. Думаю, Коля Барабанов тебе допуск оформит, если ты к нам решил.

– Ладно, подождем.

Белокожая спортсменка принесла две чашки густого супа из черной фасоли – острого, с плавающими кусочками копченой грудинки. Я попробовал – великолепно! Все как надо: густой, наваристый и неумеренно острый. Эх, водочки бы под него... Ладно, сойдет и пиво. А может, все-таки?

– Володь, а водка у них тут есть?

– Есть, конечно, – кивнул он без особого воодушевления. – Тут же много наших катается. Только она у них теплая, стоит себе в баре на полочке. Чтобы в морозилку закинуть – не хватает им необходимых знаний и навыков. Матчасть не изучали.

– Теплую не надо, – заявил я категорически. – Мы же не в анекдоте про «в отпуск зимой».

– Ты вискаря закажи, по примеру старшего по званию, – посоветовал он.

– Не могу вискарь пить, – твердо отказался я. – Душа не принимает. Мне его даже проглотить проблема.

Некоторое время ели молча. Затем у меня совершенно неожиданно мелькнула одна мысль, и я спросил у Немцова.

– Слушай, нам Саркис в Порто-Франко сказал, что нохча уехал на такой же, как у меня, «тойоте», так?

– Так, – оторвался от тарелки Немцов.

– «Семисьяток» среди захваченных и уничтоженных не было, так?

– Так, – кивнул он. – К чему это ты?

– А пока сам не знаю, – ответил я. – Может, не один он был или подсадил кого-то по пути. Обогнал конвой, собрал банду, сам остался с ними, а машина исчезла.

– Мог оставить в том месте, откуда банда вышла.

– Мог, – согласился я. – А мог и не оставить. И тот, кто был в машине, уже доложил, что засада не удалась.

– Хм, возможно... – Немцов даже вилку с ножом отложил. – Значит – не расслабляемся. Но в Аламо по-любому не нападут – в случае заварухи весь город в драку влезет, порвут на клочки. Я же тебе рассказывал.

– Если будет попытка захвата, – согласился я. – А если они решили, что кольт захват не удался, так и хрен с вашим грузом, рвануть его ко всем чертям – и порядок?..

Немцов задумался.

– Возможно. Дам команду усилить караул. Хорошо бы подступы к стоянке патрулировать, но могут быть проблемы. Там уже не наша власть, проверить или досмотреть мы никого не сможем. Но к нашим караулам еще местная охрана в довесок. А они фишку секут и охраняют хорошо. Начать суету – точно лишнее внимание привлечь.

– Раньше сорваться? – спросил я.

– Если раньше сорваться – денег за трофеи не получим, – объяснил он. – Тогда у местных вообще глаза на лоб полезут: не поймут. А они все же американцы, хоть и Суверенная Территория Техас. Информация о нашем убийстве сразу по всем каналам проскочит. А как ни крути, но вся эта комбинация явно из Штатов происходит, тут и к гадалке ходить не надо. Думаю, надо усилить бдительность – и действовать согласно утвержденному плану.

Суверенная Территория Техас, город Аламо. 22-й год, 31-е число 5-го месяца, среда, 20:40

Обедали мы с Немцовым долго и с удовольствием. Потом Немцов отбыл проверять несение службы и повышать бдительность, а я решил поглазеть на город, благо никакими обязанностями не обременен. К радости своей, в числе достопримечательностей я обнаружил контору с изображением почтового рожка и буквами NWM на вывеске. Оттуда я снова отбил телеграмму с обратным адресом «До востребования»: «Edu dalshe, no skuchaju bolshe. Но4u tebjа videt i prсто ho4u tebjа. Andrey».

Вышел из почты, но неожиданно встал как вкопанный. Где должен был ждать напарник, буде таковой имел место быть, своего коллегу-приятеля, нохчу героического, который засадой командовал? В чистом поле, один-одинешенек? Опасно одному в местном поле, съесты могут. Я помню, как мы с Владимирским ночевали. Или придет другая банда, хребет-то – рукой подать, и отберет машину вместе с головой. Здесь даже малыми силами ездить не любят, тем более – в одиночку.

Значит – три варианта: или напарник поехал по своим делам, наплевав на результат операции, во что я не верю, или самостоятельно пошел по маршруту отхода, что сомнительно очень, или ждал результатов в ближайшем населенном пункте, каковым является что? Правильно, булка с маком ваша – город Аламо в одноименном округе. И в этот вариант я очень даже верю.

Кто мог быть напарником? Кто-то из Латинского Союза? Отпадает. Банда была наемная, Да и судьба их ждала незавидная. Ну мы так думаем, по крайней мере. Тогда кто? Либо кто-то из халифатов-имаматов с того берега Залива, если смотреть по чеченской линии, или представитель заказчика, вероятней всего – американец. «Халифатовец» тут будет замечен как прыщ на лбу, а вот американец...

Что мы имеем знать о нем? Марку и цвет машины мы имеем знать. И еще помнилось мне, что каких-то особо выдающихся антенн на том самом «лендкрузере» не было – так, обычная связь. Антенну, конечно, и развернуть можно, но какой смысл, если ты в городе сидишь? Дал телеграммку или обратился к кому-то, у кого можно воспользоваться дальней связью. А смысл? Телеграммку проще – мол, «грузите апельсины бочками». Или еще что-то. А еще можно жить в одной из четырех местных гостиниц, поставив ту самую «семисыптку» на стоянку перед ней. Он же не с грузом – зачем за место платить в промзоне?

Натяжек в моих идеях многовато, конечно, но все же... не исключено. Достал я из чехла «кенвуд» – и вызвал Владимирского. Не знаю почему, но кажется, что такая работа как раз по его части. Он оказался недалеко, подошел ко мне через несколько минут. Рассказал я ему свою идею, он тоже прикинул – и решил, что результат возможен. Надо пройтись по городу, поискать машину у отелей. Конвой уже несколько часов как в городе.

Если нет такой машины, то что тогда? Остается вероятность того, что, узнав про бой на Дороге и про то, что конвой вошел в город, наш виртуальный враг уехал из города. Возможно, если он занервничал. А чего ему нервничать, если мы о нем ни сном ни духом? Значит, поедет он, если поедет, с ближайшим сводным конвоем, какие здесь ходят через день. И последний, как уверяет Михаил, был вчера, значит, следующий будет как раз завтра.

И если мы сегодня прогуляемся у гостиниц, а завтра посмотрим на отправление сводного конвоя, то есть вероятность, что нам доведется увидеть того, кто как раз и стоял за засадой. Не центральную фигуру, конечно, но следующее звено в цепочке. А вообще лучше всем бойцам поручить, где бы они ни были, поглядывать по сторонам на случай возникновения пропавшего автомобиля.

И еще я вернулся к мысли о почте. Мог он отослать телеграмму, очень даже мог. Непохоже, что тут на почте оживленно, город живет сам по себе – некому им особо телеграфировать. А если есть телеграмма с текстом, оповещающая, что какое-то начинание постигла неудача, скажем кукуруза не уродилась или понос прохватил не вовремя, и направлена она куда-нибудь за границу Техаса, – то вероятность почти сто процентов, что отправлял ее наш клиент, рубль за сто.

Прикинули мы с Владимирским, как заглянуть в компьютер упитанной дамы в очках, сидящей за стойкой на почте. Видать, осенило Михаила, потому что он вдруг засуетился, вытащил из кармана носовой платок и побежал за угол, в сторону ближайшего забора. Некоторое время он просто стоял там, разглядывая полосу травы у него, время от времени нагибаясь и раздвигая стебли руками, потом вдруг выкинул вперед руку с носовым платком и что-то схватил. И, неся это самое схваченное завернутым в платок, вернулся ко мне.

– Ты что поймал? – спросил я его.

– Мохнатую сколопендру. Ух, мерзость! – сморщился он. – Дамы их смерть как любят. Хотя эта – рыжая, она почти безвредная, от ворсинок только ожог легкий может случиться или аллергия. Вот черная – это другое дело, та еще тварь.

– Хорошая идея, – признал я сразу.

Мы зашли на почту вдвоем. Тучная особа в очках читала газету и строго поглядела на нас, когда мы ее отвлекли. Я попросил ее, если возможно, открыть текст моей телеграммы, мол, не уверен я, что в адресе я не ошибся. Дама в очках подобрела, даже спросила – кому телеграмма-то? Важная, наверное? Я ответил, что любимой женщине, чтобы не врать без нужды. Тут она совсем растаяла – и пригласила меня к себе за стойку, чтобы прочитать текст с экрана.

Я зашел на запретную территорию, интимно склонился возле нее, опершись локтями на стол, а Михаил тем временем тварь мерзостную втихаря через стойку прямо на стол с монитором уронил. Сколопендра упала почти бесшумно – видать, волоски смягчили удар, свернулась, развернулась, подпрыгнула, как сжатая пружина, и предстала во всей красе. Сантиметров пятнадцать в длину, рыжая, волосатая, многоногая тварь с жуткими жвалами и задранным на манер скорпиона хвостом.

– Ой, кто это? – спросил я, указав на насекомое пальцем.

Надо же внимание обратить... Но какая гадость все же! Когда я ЭТО увидел, у самого желание было завизжать еще громче, чем дама-почтмейстерша сейчас. А она заорала, как... вы слышали, как корабли в тумане ревут? Куда там, кораблям этим... С грохотом опрокинулся стул, грохнула откидная доска стойки, и крик: «Уберите это, уберите!» – донесся уже с улицы. Пока я ловил сколопендру, пытаюсь сбить ее на пол и накрыть пластиковым поддоном из-под цветочного горшка, Михаил не только сумел просмотреть все телеграммы, но и скопировать весь файл с ними за последние десять дней, достав из кармана флешку-брелок.

В конце концов враг был изловлен и предан казни через растаптывание ботинком и выметание веником на улицу. Затем почтмейстершу пригласили назад и предложили ей опознать тело обидчика. Она с уверенностью врага опознала, после чего вспылала к нам такой благодарностью, что даже расцеловала Михаила. Может, у него вид был более героическим, чем у меня, а может, потому, что помоложе он да и посимпатичней.

– Теперь давай у гостиниц пройдемся, машины посмотрим, – сказал Михаил уже на улице.

– Здоровая идея.

В Аламо было четыре гостиницы. Две на главной улице – и две ближе к окраине, возле промзоны. Михаил взял на себя те, которые на окраине, как лучше знавший город, а заодно он собирался найти Быхова, чтобы поставить задачу на поиск автомобиля личному составу. Я же пошел по главной улице в обратном направлении.

Ни у той гостиницы, где остановились мы, ни у второй, дальше по улице, которая называлась «Alamo Inn», никаких немолодых «семиспятков» не было. Через полчаса на связь вышел Владимирский и тоже сообщил о неудаче. Оставалась надежда на гуляющих по городу бойцов и завтрашний сводный конвой, отбывающий из города в одиннадцать утра.

Что такое «сводный конвой»? Очень просто: не все же идут с организованными конvoями, перевозящими большие партии груза, – такими, с каким шел я. Жизнь шла своим чередом в этих землях, и необходимость в перемещениях из города в город возникала у многих людей. Мелкие торговцы ездили за товаром, уместающимся в один грузовичок, почта отправляла посылки, которые не влезали в легкие почтовые самолеты, люди ехали в другие города по личным, одним им ведомым делам. И для таких неорганизованных граждан через регулярные промежутки времени из одного населенного пункта в другой, по постоянным маршрутам, отправлялись просто отряды охраны, к которым мог за некоторую плату присоединиться любой, обладавший своим транспортом, или даже занять место в «автобусе».

Почему в кавычках? Потому что классические междугородные автобусы Старого Света они напоминали мало. По местной саванне не могли проехать сверкающие европейские «неопланы» и не бегали американские серебристые «грейхаунды». Автобусы здесь больше напоминали гибриды трехосного грузовика-вездехода и кузова от американского «school bus». Такие автобусы производились прямо здесь, «из-за ленточки» привозились только шасси грузовиков и дизели. Комфортом они не блистали, красотой – тем более, но зато маловероятно было, что они застрянут на новоземельных «автобанах». На крышах размещалось внушительное багажное отделение, в салоне стоял бак с питьевой водой, а усиленные стальными листами стенки во многих случаях способны были защитить пассажиров от пуль.

Собрав такую толпу неорганизованных путешественников, охрана распределяла места в порядке, давалась команда трогаться, и разношерстная колонна пылила из Аламо в Вако, например, а из Вако еще куда-нибудь. Вот на такой конвой мы и хотели завтра посмотреть. Глядишь, и мелькнет в походном порядке искомая «тойота».

Поблуждав безо всякого толку по городу, мы собрались в холле гостиницы, где к нам присоединился Немцов. Немцов сказал, что усиление караулов уже состоялось, Быхов в курсе, а задача на поиск машины бойцам поставлена. Он достал из сумки свой ноутбук, взял у Владимирского флешку, и мы взялись листать список телеграмм за последнюю неделю.

За сегодняшней день было отправлено всего пять телеграмм. Одна из них была моей, вызвавшей приступ неумного любопытства у Володи с Михаилом. Их остро заинтересовало, когда и с кем я успел так интимно познакомиться в Новой Земле, учитывая мой крайне недолгий срок пребывания. Ответил я им в духе того, что не все таланты человека происходят из изучения уставов и боевых наставлений, и человек во всех отношениях достойный – тут я многозначительно помолчал, давая им возможность точно понять, кто же здесь достойный, а кто – так себе, погулять вышел – всегда сможет встретить достойную женщину, даже в столь короткий срок и даже на неизученной территории.

Остальные телеграммы, все как одна, касались торговых дел и, похоже, были связаны с завтрашним сводным конвоем. Но всего одна из них имела отрицательный смысл: «Доставка отменена. У поставщика серьезные проблемы. Лукас».

Решили попробовать просмотреть более ранние телеграммы – благо нам удалось заполучить их тексты за последние десять суток. Три дня назад этот самый Лукас отсылал еще одну телеграмму: «Ожидаю доставку завтра. Лукас».

Мы уже выяснили, что два дня назад ни один конвой в Аламо не приходил и даже не ожидался. Стали смотреть дальше – и нашли еще одну телеграмму, четыре дня назад: «Сделал заказ. Ожидаю поставки в течение трех или четырех дней. Лукас». Похоже. Очень похоже на то, что мы ищем. Даты совпадали с графиком движения нашего конвоя очень даже замеча-

тельно, зато никаких корреляций с другими местными конвоями не было. А вот адресат был неожиданный – торговая компания с маловнятным названием в Нью-Рино.

– Что это за Нью-Рино? – заинтересовался я. – Я только на карте видел. И, насколько я помню, маршрут отхода был на юг, а Нью-Рино – почти строго на запад.

– Так и есть. Свободная территория Невада и Аризона, – подтвердил Владимирский. – Но в Нью-Рино может быть что угодно – самый преступный город в этом мире. Попытались построить новый Лас-Вегас в Новой Земле. Почти получилось, но место стало насквозь бандитским. Разборки между бандами – стиль жизни, игра, бордели, наркота в любых количествах. Банды заправляют в основном местные, но дела свои с ними кто только не ведет. Там по поводу нашего конвоя кто угодно с кем угодно мог договориться. Даже, по слухам, чичи там какой-то свой то ли клуб, то ли что еще открыли.

– А чем здесь чечены живут? – спросил я.

Владимирский просто усмехнулся, а ответил Немцов:

– Известно чем. Войной, бандитствуют по всей территории южной Залива, вроде как «на газават» собирают, работоторговля, опиум выращивают. Наемничают в местных халифатах, пытаются на Амазонке грабить, но мы это пресекаем.

– А на Севере они как?

– Слабовато, – покачал он головой отрицательно. – Тут же не культурный Старый Свет, реакции у всех упрощенные, без политкорректности, ну и с их замашками наглыми особо нигде не приживешься. Пытались зацепиться даже в Новой Одессе, но что-то начудили, а там своих таких охламонов хватает. В общем, Коршунов им дал двадцать четыре часа покинуть территорию – или всех перевешать пообещал. Они ему поверили и правильно сделали. Перевешал бы. А вот южной Залива – они сила.

– А в Нью-Рино? – уточнил я.

– Трудно сказать. Думаю, что выполняют они там какую-то специальную функцию, может, героин поставляют какой-то из местных группировок, а может – девушек экзотических с юга в бордели везут. Особо развернуться им в городе не дадут. На местных они не похожи, с языком у большинства проблемы, видны, как вошь на тарелке. Терпят их там просто, дают возможность маленькую нишу в рынке занимать, какую-то специальную.

– В таком случае очень возможно, что наш нохча оттуда прибыл, – сделал я вывод.

– Похоже. Возможно, что и Лукас этот оттуда же, – согласился Немцов.

– В принципе, ничего особо хитрого в этом нет, – продолжил Владимирский. – Если даже американцы операцию задумали, то лучше организовывать ее через тамошних бандитов. Начни мы копать – и что имеем? Наемная банда латиноамериканцев. Нанял их чеченец, с которыми мы враги смертные и вечные. Правдоподобно. Случись нам нохчу захватить – а ниточка к бандитам уходит. С Нью-Рино спросу особого нет: что возьмешь с убогих. И даже если этот Лукас тот, кто нам нужен, он все равно к заказчику не приведет, а к какому-то местному «бригадиру».

– А маршрут конвойный ведь почти рядом с ними проходит. Не шалят? – спросил я.

Ответил опять Немцов:

– Раньше пытались отдельные банды, но на них кто только не ополчился. Это же не залетные из-за хребта, эти под боком. Ну и объяснили, что гадить, где живешь, нельзя. Дошло. Если кто пытается самостоятельностью заниматься – местные авторитеты в момент успокаивают, обычно навсегда. Теперь конвои даже туда заруливают, если надо. Одна банда местная нечто вроде охраняемой складской зоны организовала, там тихо. Вторая аэродром и склады вокруг под контролем держит, безопасность обеспечивает. Но все равно вокруг места веселые, конопля растет полями бескрайними, а продуктом из нее в самом городе прямо в магазинах торгуют.

Почесав в затылке и покрутив ситуацию так и эдак, я спросил:

– Если захваченный транспорт ждали в точке randеву у американской границы, а телеграммы шли в Нью-Рино, то как оттуда дадут знать, что ждать нет смысла?

– Это не проблема, – ответил Михаил. – Там играют, и ставки принимаются по всей Новой Земле. Бега, скачки, бои без правил, бокс, борьба, всякие гонки экстремальные с летальными исходами и прочее. Даже спортивные дуэли завелись. А результаты объявляются по радио. Вот и стоит там пара-тройка мощнейших радиостанций, куда угодно дотягиваются. Передали на постоянном канале условленный сигнал, рекламу там или что еще, – вот и пошла информация. И никакой прямой связи между участниками. У них всего один прокол пока был – маршрут отхода, который излишне прилежные охотники на карте расписали, а у нохчи ума не хватило запрятать получше. Если бы не это – не искали бы мы сейчас телеграммы, а сидели в глубоком неведении. Вообще ни одной зацепки бы не было.

– А что за спортивные дуэли? – зацепился я за промелькнувшую фразу.

– Проще некуда. Типа бетонного лабиринта: запускают двух идиотов с однотипным оружием по их выбору и лимитом патронов, и кто оттуда выйдет. И ведь полно добровольцев поучаствовать. Даже по их телеканалу транслируют – правда, другие территории эту дрянь не принимают. Зато везде продают диски с записью боев. Ладно, отвлеклись. Что делаем дальше?

– Вероятность, что Лукас пойдет с завтрашним сводным, невысока, – подвел я итог. – Но последить все равно стоит.

– Стоит, – согласился Немцов, а Владимирский молча кивнул. – А вот конвой на запад пойдет послезавтра с утра. И мы выходим послезавтра с утра, только я планировал выйти раньше. Но можно и попозже, хотя мы идем немного быстрее, и не люблю я другие конвои в дороге обгонять.

– И не надо, – сказал я. – Поступим по-другому. Я дождусь конвоя. Если будет нужная машина – присоединюсь к ним. Дойду с ними до Нью-Рино, а там – по обстоятельствам. Либо дождусь попутного конвоя в вашу сторону, либо вырulinу на Дорогу и попытаюсь присоединиться к следующему нашему конвою.

– Один? Не стоит, – решительно заявил капитан. – Езжайте вдвоем с Михаилом. Он по таким делам парень опытный, а если присоединиться в дороге к русскому конвою, то без него могут возникнуть проблемы.

– Убьют, что ли?

– Нет, конечно. Но разбираться будут долго и вообще... с ним проще, короче. А если этот Лукас его в лицо знает, то и тебя наверняка – мы же не прятались, шляемся тут под ручку. Хуже, если он вас узнает, а виду не подаст, – а вот в Нью-Рино вас примут. Горячитесь вы с этой поездкой, как мне кажется.

Теперь уже Михаил сказал:

– Тогда в любом случае надо его с собой забирать. Он у нас единственный след: если упустим, то можно вообще плюнуть на это дело. Ну прозвоним фирмочку, на которую телеграммы шли, и наверняка пустышка окажется.

Немцов задумался. Надолго. Не меньше пары минут прошло в полном молчании. Наконец он сказал:

– Хорошо. Вот мое решение – и это приказ. Андрей, тебя тоже касается. Хоть ты и не на службе, но в составе конвоя, а команду конвоем я. Решение следующее: если засекаем этого Лукаса, то присоединяетесь к сводному конвою на запад. Действуя по обстоятельствам, производите захват Лукаса вместе с транспортом, после чего, двигаясь по маршруту нашего конвоя, догоняете нас. Со своей стороны, мы попытаемся далеко не отрываться. Не рискуете, на рожон не лезете, не выпендриваетесь. Все, вопросы есть?

– Вопросов нет, – ответил Михаил.

– Как клиента паковать будем? – спросил я. – Оптимально – чем-нибудь вроде клофелина. Потом спящим на сиденье, один к нему за руль, типа кореш устал, спешим, спасибо за

гостеприимство и так далее. Если по башке бить и веревками вязать – могут понять неправильно, не оценить – это моветон все же, особенно если прилюдно.

– Именно так и сделаем, – сказал Михаил. – Есть у меня средство на такие случаи, местного животного происхождения. Яд амазонского тарантула – мощнейший транквилизатор. Можно вколоть, а можно в еду. Загнуться не сможет, только разве что после укола проспит раза в три дольше, и в себя приходиться будет еще сутки. И главное достоинство – быстро растворяется в крови, без следов. Надо только момент поймать. Тут всего одна ночевка, в середине следующего дня конвой уже у пункта назначения. В общем, времени немного, надо ловить момент.

– И как это все выглядит? – спросил я с недоверием. – Клиент хрипит и пускает пену, будто в падучей?

– Нет, если кольнуть иглой, то клиент отключается за несколько секунд, а с момента укола уже вякнуть не может. При этом дышит, на вид – просто спит. Мы такими штуками всегда пользуемся для тихого захвата.

– Спать-то долго будет?

– После укола, если в шею... около суток, пожалуй. Долго.

– Нормально, – кивнул я. – Хорошо бы на привале его усыпить, а утром как будто с уставшим другом уехать. Охрана-то как к такому отнесется?

– Сложно сказать, – задумчиво ответил он. – Тут уже по обстоятельствам будем действовать. Охрана там конфедератская, у нас с ними мир. Да и вообще конвойную охрану грех трогать – не бандиты же мы. Да и трогать их офигеешь, разве если жизнь не дорога. Посмотрим.

Суверенная Территория Техас, город Аламо. 22-й год, 32-е число 5-го месяца, четверг, 10:20

На следующий день мы все же решили перемещаться отдельно друг от друга, чтобы, если случайно столкнемся с этим самым «телеграфистом» Лукасом, он с меньшей бы вероятностью сумел отнести меня и Михаила к числу русских военных. Если он, конечно, не сделал этого раньше. Но все же даже крошечная предосторожность лучше, чем ее полное отсутствие.

Немцов с утра убыл завершать свои торговые дела с оружейником и торговцем автомобилями, Михаил отправился наблюдать за отправлением конвоя на юг, а я решил еще погулять по улицам городка. Маленький ведь городок – вдруг да и найду искомую машину. Вероятность есть, и немалая.

Сначала дошел до почты – проверить, нет ли телеграммы лично мне. Вчерашняя толстуха в очках встретила приветливо и взялась подробно рассказывать, какого она страху натерпелась с этой сколопендрой и как она всех насекомых ненавидит. К ее счастью, этот мир был незнаком ни с крысами, ни с мышами, потому что она их тоже боялась. Роль крыс здесь выполняли маленькие бурые ящерицы, верткие и быстрые, но не такие противные. Я попытался дослушать ее рассказ до конца, но в какой-то момент понял, что конец вовсе не подразумевается, поэтому деликатно ее прервал и поинтересовался телеграммами на мое имя. Телеграмма была. «Eslī X04ESH – priezjai. Priedesh – polu4ish chto xo4esh. Svetlana». И эта телеграмма была тщательно сложена в квадратик и улеглась в пластиковый конвертик рядом с первой. Вот так вот, как хотите, так и понимайте. Раньше со мной такого не было, чтобы на романтику тянуло. Поблагодарил ненавистницу насекомых – и дальше пошел.

Народу на главной улице города было мало, все еще делом заняты. Увидел вывеску «Guns'n'Knives», сверкающую свежей желтой и черной краской и висящую на фасаде небольшого двухэтажного дома, вспомнил, что магазин новый и Немцову незнаком. Дай найду, думаю, профессиональное заболевание так профессиональное заболевание. Толкнул дверь с колокольчиком – и зашел.

Видно было по всему, что магазин не такой уж и новый. Прилавков уже с потертостями и побитостями от угловатых железяк, которые на нем крутят и смотрят. И девушка за прилавком, на первый взгляд – лет двадцати двух, а если присмотреться, возможно даже и тридцати, но... смуглая, с латиноамериканской кровью явно, одетая в шорты длиной... до тазобедренных суставов примерно. Топик с названием магазина, красный такой, с декольте, и надпись деформировалась, огибая округлости. Декольте тоже хорошее, глубокое, с панорамным видом внутрь. Ниже толика живот идеальной формы – плоский и мускулистый, смуглый и бархатный с виду.

Волосы слегка вьющиеся, черные, собраны в тугий хвост. Свет из окна на них бликует – такие они блестящие. Помада как будто бы излишне красная, зато на каких губах! Им только такая и нужна. Глаза огромные, просто запредельных размеров, ресницы за брови цепляются концами, а сам взгляд... Как там магазин называется? «Пушки и Ножи»? Добавь к названию «Взгляды» – и тоже можно деньги брать, помногу. Шея сильная, высокая, голова сидит так, будто хвост из волос ее назад перегнул. На шее цепочка золотая с католическим крестиком, в ушах – серьги кольцами. Впрочем, я бы удивился, если бы другие были: не носят они других.

Стоит не за прилавком, а рядом, опираясь на него – чтобы, значит, ковбойских сапожек из кожи какого-то пресмыкающегося не скрывать, ну и того, что между сапожками и нижним – он же почти верхний – краем шортов. Там тоже все так здорово, красиво, стройно, смугло. Восхитительные ноги, к тому же хорошо у нее получается стоять, выразительно. Даже забыл, зачем пришел и куда. Остолбенел в дверях и смотрю на все это великолепиие.

– Que pasa, hombre? – спрашивает.

Я в ответ только проблеял: «Hola...»

– Hola, – говорит, – que tal?

– Bien, – отвечаю. – Gracias...

Спасибо, мол, что заметить изволили. А то ежели девушка так стоит, то ей замечать кого-то недосуг обычно. Тем более что напротив нее зеркало на стенке висит, во весь рост. Кому уж кому, а ей так можно и весь день простоять – есть на что смотреть. А она на меня смотрит. И даже не презрительно, а с сочувствием – как бы, мол, понимаю я тебя, hombre, очень даже понимаю, только вот помочь ничем не могу. Ты, мол, наберись духу да скажи наконец зачем пришел.

Набравшись все же духу, на своем не самом блестящем, но беглом испанском я сказал, что мимо проходил, а потом вот зашел посмотреть las agmas. А почему дар речи потерял поначалу – рассказывать не стал, она и так поймет. Она на английский перешла, заговорила свободно, разве что акцент легкий остался. Я тоже на английский перескочил, и она сразу у меня поинтересовалась – не англичанин ли я? Наблюдательная. Я, пока по жизни болтался, четыре года в Лондоне прожил, там и подцепил акцент, даже «кокнить» немного начал. Поэтому в других странах принимали за тамошнего обитателя зачастую. В Лондоне, правда, не принимали. Сказал, что русский. Она удивилась, а потом сказала, что сама – кубинка. La cubanita. Из Флориды, естественно, из Майами.

Сюрприз потом случился – когда я спросил, кто владелец магазина. Оказалось, что она сама и владеет. Вот так – хоть стой, хоть падай. Вот со всеми своими ногами, бюстом, волосами и глазами – торгует себе пушками и ножиками. А ножей у нее в магазине и вправду много было: целая стена увешана. А еще возле зеркала, того самого, в которое она на себя любовалась, доска с мишенью висела, а в мишени – штук шесть ножей, и не только метательных. И пилочка для ногтей, что характерно. Попробуй легкую пилочку так запустить, чтобы она в доску воткнулась!

А уже потом, что для меня нехарактерно, я у нее на поясе еще кобуру заметил. Сначала – не заметил. Сначала все остальное заметил, а только теперь – кобуру. А в кобуре – «Glock 17». Подумал, что, случись ей стрелять – у противника шансов нет, если он мужик, конечно, и традиционной ориентации. Она успеет и «глок» достать, и взвести, и в лоб тебе упереть, пока ты все с раззявленным ртом стоять будешь. И, перед тем как пристрелить, жертву еще и окликать придется, чтобы из транса вывести.

Представились. Оказалось, что зовут ее полностью Мария Пилар Родригез. Ничего, звонко так. В таких случаях собеседника можно называть любым из двух имен – например, Мария или Пилар, скорее даже второе имя более употребимо, потому что первое крестильное, и каждая вторая из них Мария. А второе имя именно родителями дается. Но мне, по дружбе, предложила называть ее обоими сразу – Мария Пилар. Мол, так она предпочитает. Родригез опустить можно было, не говорить вслух каждый раз.

Потом Мария Пилар Родригез, которую я уже по-свойски называл Мария Пилар, даже кофе мне предложила. Отказываться я не стал, естественно: иначе бы пришлось идти винтовки-пистолеты смотреть, а я еще тут... не рассмотрелся. К тому же кофеварка у нее за спиной была, на маленьком столике в углу, поэтому была перспектива сравнить вид спереди на Марию Пилар, если кратенько, с видом сзади. Повернулась она ко мне спиной... и всем остальным – и пошла к столику... если к этому процессу вообще применимо слово «пошла». Сзади Мария Пилар тоже очень красивой оказалась. Шорты у нее еще так удачно все обтягивали... Талия... Ложбинка спины из-под топика... Спина такой вот формы... Ну вы «Венеру перед зеркалом» кисти Веласкеса видели? Если нет, то и объяснять неохота. Сходите в музей Прадо в Мадриде, там и посмотрите. Или на репродукции. Смотрите там на спину и ниже. И там картина, и тут – «Венера с кофеваркой».

Кофе она по-честному сварила – крепкий, густой, без сахара и прочих сливок. Даже не предлагала сахар: просто сказала, что с сахаром не пьет. С сахаром и я не пью, к счастью, но если бы пил? Тогда перестал бы сразу, наверное...

Попили мы кофе, и все же пришла пора оружие смотреть. В конце концов, пока меня Марией Пилар Родригез по сознанию не шарахнуло, я сюда за этим шел. Выбор у нее в магазине был обычный – мало чем отличался от уже знакомого нам Сэма. Было и новое оружие, «из-за ленточки», было и попользованное – тоже, возможно, кем-то сданные трофеи. Были и всякие полезные мелочи. А в основном было даже не оружие, а всякая экипировка, в том числе и полезная. Оружейная часть перед магазином Сэма заметно блекла.

Вообще собрался я прикупить патронов для трофейной М21, а то у убитого к ней оказались только пулеметные, что вообще ни в какие ворота. А хотелось бы соответственного по уровню, тем более что винтовка была новая, в песчаном камуфляже. Патроны нашлись, но цена была такая, что я икнул, а потом заподозрил Марию Пилар Родригез в жадности. А для «армалайта» так вообще... Полуоболочечные «Ремингтон» с пулей в 250 гран стоили аж сто пятьдесят экю за коробку, за десять штук. А оболочечные «Хорнади», какими я стрелял, чуть дешевле были – по девяносто.

Не удержавшись, я все же поинтересовался методикой образования цен и узнал, что поступает в магазин из Демидовска, поступает преимущественно от Ордена. И тот насчет цены не стесняется, задирая безбожно на все, что ни делается в этих краях. А ведь действительно, у Саркиса я тоже за несколько коробок патронов к винтовке целую кучу денег выложил – просто на фоне остальных покупок не обратил такого внимания.

Тут Мария Пилар призадумалась вдруг и спросила – а не мог бы я ей помочь с поставками патронов из Демидовска? Сэм, говорит, торгует ими все оптом, покупают помногу, а у нее такого канала закупки нет. И продает она только те, которые через «ворота» сюда попадают, а их покупают от случая к случаю – если, скажем, в Демидовске нужный калибр не выпускается, вроде сорок пятого, или всевозможных специальных калибров – семь миллиметров, например. К моему «армалайту» тоже ничего не выпускается, кстати, и патроны матчевого класса там не делаются, только речь не об этом.

Так вот, ее продажи – это все кошкины слезки, а Сэм торгует цинками и ящиками с цинками. А все потому, что у Сэма есть приятели из Русской Армии, а у нее нет, и если бы кто помог, то она бы уж так была благодарна, как только представить можно. Я представил – и сразу отогнал видение. Не время сейчас, не время. И не это она имела в виду наверняка, а что-то другое.

Потом я задумался – решил все же у ребят уточнить. Вдруг поможем красавице? Сказал ей, что сам и сразу этот вопрос решить не могу, но в любом случае сегодня узнаю и к ней забегу поделиться информацией. Мария Пилар сразу в «gracias» рассыпалась, от радости преждевременной даже на испанский перешла, – пришлось успокоить, сказать, что пока вопрос не решен и радоваться рано: сглазить можно.

Потоптался я еще немного в магазине, но потом все же покинул его с пятью коробочками патронов. На большее жаба расход не подписала. Тут как раз Михаил на связь вышел и сказал, что возвращается со своего НП с видом на отбывающий конвой. Разыскиваемой машины в порядке не оказалось. Впрочем, мы на это особо и не надеялись.

Встретились в баре в отеле, взяли по пиву – с жары-то сорокаградусной очень хорошо пошло, прямо как нектар олимпийский по пищеводу покатился. Обещание свое, Марии Пилар данное, я не забыл – и спросил, можно ли наладить прямую связь нового оружейного магазина с Демидовским патронным заводом? Владимирский сказал, что проблем нет, он сам легко все организует – Сэм если только обидится, – но он не маленький, должен понимать, что монополии у него на это дело нет и быть не может. Потом спросил: мне это зачем? Я что-то расска-

зал про возможные скидки и еще какую-то глупость, в результате явно заработав в его глазах репутацию маньяка. Мог бы и правду сказать, но почему-то не захотелось.

Суверенная Территория Техас, город Аламо. 22-й год, 32-е число 5-го месяца, четверг, 19:46

Пошлялись мы сегодня еще по городу, заглянули в каждый закоулок, несколько раз связывались, чтобы поделиться неутешительными новостями. Не было нигде такой же, как у меня, «тойоты». Была вероятность того, что стоит она где-то в промзоне на закрытой стоянке, они не просматриваются, или в чьем-то дворе, если Лукас этот самый не в отеле остановился, а, скажем, у приятеля. Или приятельницы. Тьфу, да что сегодня со мной? Все мысли в одну сторону заворачивают. О деле надо думать, о деле! Или о душе, на худой конец.

Так, думая о душе, дошел я до «Guns'n'Knives». Зашел в магазин – и никаких мыслей: ни о душе, ни о деле. Как ветром такие мысли сдуло. Мария Пилар что-то с нижней полки шкафа доставала, нагнувшись сильно. Я откашлялся, вновь поздоровался. Мне ответили новым «Hola!», не изменив позы – только рукой так, не глядя, помахав. Да я ничего, я подожду. Посмотрю.

В конце концов моя невольная соблазнительница выпрямилась, захлопнула шкаф и повернулась лицом ко мне. Я радостно сообщил, что проблемы в том, чтобы получать демидовские патроны, нет, все сделаем в лучшем виде. Она же ответила, что очень на это надеялась, а потому приготовила мне подарок в благодарность. И протянула мне небольшие кожаные ножны с маленьким, но увесистым ножом внутри. Нож был интересный – обоюдоострое, довольно толстое лезвие, с одним долем с каждой стороны, длиной сантиметров двенадцать и шириной не меньше трех. Лезвие прямое, сужающееся к острию на расстоянии сантиметра три – три с половиной до него. Рукоятка без гарды, с небольшим упором, которая представляет собой одно целое с лезвием, с нарезанными на станке мелкими рубчиками. Все это матово фосфатировано, причем еще в защитный зеленый цвет. В общем, нож небольшой, но тяжелый, каким при правильном ударе можно доску пробить. И видно, что качество стали и изготовления – отличное.

Я начал было отказываться, говоря, что пока только одни обещания с моей стороны, но она настояла на том, чтобы я подарок взял. Долго настаивала. Я поблагодарил, но сказал, что дарить ножи – дурная примета, поэтому честно заплатил за него один экю. Ножны к нему были тоже хорошие – из толстой кожи, плоские, хорошо держащие клинок и удобно надевающиеся на ремень. В карман нож засовывать было неудобно, поэтому я сразу повесил их на подходящее место.

Тем временем Мария Пилар оглядела магазин хозяйским взглядом, после чего объявила мне, что он закрывается. Но при этом она надеется, что я, как настоящий *caballero*, приглашу ее отужинать.

Врать не буду: сослаться на неотложные дела в другом месте я не стал. Даже думать не стал и делать вид, что собираюсь подумать. Согласился сразу и легко – еще до того, как она фразу закончила. Или даже начала. К тому же днем поесть я так и забыл. Единственное, о чем я ее попросил, – самой выбрать место по причине моего незнания достоинств местного общепита. Дама сказала, что она так и собиралась сделать, потому что есть здесь одно местечко, которое наверняка придется по душе настоящему мужчине. От таких слов у меня даже плечи расправились сами собой, чтобы образу «настоящего мужчины» соответствовать.

Красавица заперла двери, и мы на пару пошли по центральной улице, на которой уже появились праздные местные жители, закончившие свои дневные дела. Мария Пилар здоровалась со всеми, показывая тем самым, что она в городе не новичок, но, судя по всему, на уровень внимания к ее прелестям это никак не влияло – вслед смотрели все. Не приелись. Жара уже немного спадала к вечеру, потянуло ветерком, гулялось легко и приятно, спутница оказалась еще и собеседницей, так что до нужного места прогулялся я с удовольствием. Пройдя еще

несколько улиц и переулков, мы вышли на самую окраину городка и подошли к распахнутым воротам, над которыми стилизованными под стиль вестерн буквами на деревянной доске было выжжено: «Alamo shooting range and club»³⁸.

За воротами был большой зеленый двор, заставленный там и сям разбросанными деревянными столиками под зонтиками, за ним была еще и терраса, со столиками же. С террасы широкие двустворчатые двери вели в ресторанный зал, где божественно пахло жареным мясом и где на деревянных стенах попеременно висели всевозможные револьверы, пистолеты, винтовки, продырявленные мишени, головы каких-то местных тварей, а также плакаты «Wanted» с фотографиями злодеев и проставленными под ними суммами вознаграждения в экую, причем некоторые фотографии были перечеркнуты жирным красным крестом.

В зале стояли тяжелые столы, сколоченные из не очень ровных, но хорошо отполированных досок, грубые, но удобные стулья. Барная стойка занимала одну стену целиком. В дальнем конце зала были еще одни двери, которые вели, судя по всему, на стрельбище. Оттуда доносились хлопки выстрелов.

В клубе уже были люди, которые здоровались с моей спутницей, причем я заметил, что здоровались с уважением. Так приветствуют скорей коллег, чем красивых женщин. Мы заняли столик в зале, у стены, под огромной головой гиены. На мой взгляд, на улицу рановато выходить было – жара хоть и спала, но не совсем, а в зале сквознячок гулял приятный.

Бармен выразительно посмотрел на Марию Пилар из-за стойки, и она показала ему в ответ два пальца. Тот кивнул, загремел льдом в ведре, затем звякнул стаканами – и подошел к нам с двумя меню и двумя бокалами виски со льдом. Наверняка с тем самым знаменитым местным «Lone Star». Да, надо было заранее сказать, что виски я не люблю, но теперь поздно. Теперь я бы и керосину выпил – только бы не разочаровать Марию Пилар. А то решит, что привела в место для настоящих мужчин – а я сразу давай от виски отказываться, и получусь уже ненастоящим и места этого недостойным.

Поболтал напиток с кубиками льда, сделал крошечный глоток. Ну ладно, пить можно. Спутница моя тоже отпила, и даже без видимого омерзения.

Люди между тем понемногу собирались. У всех висели на поясах пистолеты. Некоторые приносили и винтовки в чехлах. Были не только мужчины – немало было и женщин. Даже наша толстуха, содержательница гостиницы, – и та появилась, неся брезентовый, обшитый кожей чехол с винтовкой. Занимали столики, рассаживались, заказывали еду и напитки. Судя по всему – популярное тут местечко.

Болтали мы с Марией Пилар пока ни о чем, рассказывала она мне, что за злодеи на фотографиях перечеркнуты и кто отличился их так вот... перечеркнуть. Чьи головы висят на стенах и кто столь удачно на обладателей этих голов поохотился. Гиена, что над нами, оказывается, была рекордной – две тысячи четыреста сорок фунтов. Почти тонна двести. Неслабо. Я пригляделся к голове повнимательней – действительно впечатляет. Башка в длину не меньше полутора метров, из них метр с лишним приходится на пасть. Вроде и не пресмыкающееся, и Мария Пилар подтвердила, что перед нами млекопитающее, но зубы как у крокодила – все одинаковой формы, разве что длиной отличаются.

Еще привлекла мое внимание голова здоровенной ящерицы, напоминающей немного нашу земную игуану. Только вместо кожистых гребней на голове были костяные шипы, выступающие своими остриями из натянутой на них кожи. Шипы шли небольшим гребнем по черепу от носа до самого затылка, постепенно увеличиваясь в размерах, а там, где должна быть шея, превращались в настоящее колючее «жабо». Пасть у ящерицы тоже интересной была – челюстные суставы располагались почти на шее, соответственно пасть была длиннее головы. Голова

³⁸ Стрельбище и стрелковый клуб Аламо.

округло-конической формы, сужавшаяся к носу, широкая. Приоткрытая пасть была плотно набита длинными игольчатыми зубами: их там сотни были, судя по всему – не в один ряд.

Мария Пилар гордо сказала, что эта ящерица – ее трофей, гордо ударив себя в грудь, отчего содержимое декольте колыхнулось так, что у меня сердце чуть не остановилось. Действительно, под головой ящерицы висела маленькая бронзовая табличка, на которой было выбито: «Maria Pilar Rodriguez. 10.11.0021».

Не зря, не зря здесь к красавице этой знойной с таким уважением все. Мне еще попутно вспомнилась пилочка для ногтей в мишени для ножей. Наверное, слишком назойливыми по отношению к ней местные кавалеры тоже не бывают. Я подробнее про ящерицу расспросил. Оказалось, что называют ее «каменным вараном», обитает она в горах, в пещерах и низинах, где есть вода и сырость, охотясь на всякую горную живность и греясь по ночам на нагретых за день камнях. В длину она бывает до четырех метров, массивная, с коротким хвостом, сплюснутым с боков, с помощью которого тварь еще и плавать хорошо. В сезон дождей эти ящерицы зачастую выбираются на равнину и отходят от гор достаточно далеко.

Там ее Мария Пилар и выследила. Убила одним выстрелом из винтовки, попав прямо в мозг. Проблема оказалась в том, чтобы трофей в город притащить – не влезла громоздкая тварь в небольшой пикап Марии Пилар. Поэтому она ей отрубила голову, хвост и лапы с когтями. Голова украсила стену стрелкового клуба, из когтей красавице сделали украшение, которое висело у нее в спальне, потому что таскать это на шее оказалось тяжеловато, а кожа с хвоста, где у нее рисунок самый правильный, превратилась в ковбойские сапожки моей спутницы. Она даже ногу из-под стола вытащила, и у меня перед носом вверх вытянула, предлагая полюбоваться сапогом. Сапог мне тоже понравился, но нога была куда красивее. Очень, очень красивая нога.

Принесли еду – ничуть не хуже, чем в том «Салуне», где мы с Немцовым вчера обедали. Народ продолжал подтягиваться в клуб, стрельба за задними дверями стала чаще. Слышно, что не только пистолеты в деле: винтовки тоже забухали.

Пришел Джо – автоторговец, с неизменным «кольцом-миротворцем» на ремне, вместе с невысокой крепкой девушкой с очень короткими волосами. Правильные, хоть и несколько грубоватые черты лица, немножко широковатые щиколотки и запястья, но общее впечатление чрезвычайно приятное. Поздоровался Джо с Марией Пилар, затем со мной, назвав «снайпером», хоть и с некоторой иронией, пожимая руку. Мария Пилар даже посмотрела на меня заинтересованно. Девушку Джо отрекомендовал как свою дочь Джей-Джей. Звали ее изначально Джоан, как я выяснил позже, но в силу мальчишеского характера и поведения с детства стали называть Джо. И стала девочка Джоан зваться Джо Джуниор. Джо Младший. Джей-Джей. У Джей-Джей на ремне висел «кольт-питон» с рукояткой типа «мустанг», делающей этот здоровый револьвер более прикладистым в ее небольших ладонях.

В общем, попал я в царство оружия и стрелков. Хорошее место, интересное, прямо для меня. За соседним столом судачили о достоинствах и недостатках винтовочных калибров, причем одним из сидящих был тучный, но здоровенный мужик в белом стетсоне, со звездой шерифа на груди. Ага, вот ты какой, северный... местный шериф, которого мы так и не встретили.

Неожиданно Джо с дочерью вновь подошли к нам. Джо махнул рукой в сторону дверей, ведущих на стрельбище, и сказал:

– Постреляем.

Марию Пилар долго упрашивать не пришлось. Она тут же вскочила, махнула мне рукой – мол, «следовать за мной», и пошла, покачивая загорелыми бедрами. Ну что мне оставалось? Пошел я следом.

Стрельбище было серьезным. Триста ярдов были оборудованы всеми возможными видами мишеней – и движущимися, и «практическими», и для «ковбойской стрельбы», куда,

по всему видать, Джо и захаживал. Затем шел небольшой вал, а слева от вала ровная поверхность тянулась на километр, пожалуй, чуть поднимаясь с дистанцией. Ну да, а что тут место экономить, тем более что это как раз граница города? Это уже для винтовок с большими прицелами.

Местность за валом тоже не простаивала: там, на разных расстояниях от огневого рубежа, стояли рядками простые пневматические мишени с разноцветными металлическими кругами на коротких шестах. Это уже для винтовок, попал – мишень завалилась, контакты замкнулись, включился электронасос – и она обратно поднялась.

Понятно, господам техасцам при местном культе оружия тут самое место. Я заметил, что, несмотря на то что все пили спиртное, никто не извлекал револьверов из кобуры в зале и никто не расчехлял там винтовок. Видать, культура обращения с оружием у жителей Аламо была уже в крови. Полезное качество, достойное уважения.

Когда мы вышли к длинной стойке огневого рубежа, Джо попросил посмотреть мой «парабеллум». Я достал пистолет из кобуры, выщелкнул магазин и протянул его Джо рукояткой вперед, держа магазин в руке так, чтобы при желании он мог его взять. Мол, я тебе доверяю, конечно, но правила обращения с оружием остаются правилами.

– Артиллерийская модель? – спросил он.

– Ага, трофей Второй мировой, – уточнил я.

– Чей трофей?

– Деда. Он всю войну в разведроту прослужил.

– Крутой парень, – с уважением сказал Джо. – Морская пехота?

– Нет. Дивизионная разведка, пехота.

Джо кивнул, как будто соглашаясь, что и вне морской пехоты тоже могут быть нормальные люди, потом спросил:

– Как он стреляет? Хорошо?

– Вполне, – кивнул я. – Точная штука.

– О'кей, покажи мне.

Вот гад, думаю, подловил. Хорошо, что я как раз перед переселением попрактиковался именно с «парабеллумом» от души – извел не одну сотню патронов.

Взял я поясную мишень в виде целящегося в меня силуэта, защелкнул в зажим, отправил на пятнадцать метров, нет, вру – ярдов. Здесь все в ярдах, футах, фунтах и дюймах. Пока она ехала, втокнул в рукоятку «парабеллума» магазин, взвел оружие. По скорозарядности это не рекордсмен – снизу затвор не дернешь.

Едва мишень остановилась, еще продолжая полоскаться в воздухе, вскинул я левую руку, упер в ее ладонь правую с пистолетом – и сделал силуэту «глазки» двумя одиночными, затем всадил по пуле в каждое «плечо», а под занавес два «бам-бама» в голову сделал. Хороших – в лоб и вместо носа, почти в одну точку каждый. Длинноствольный «парабеллум» вообще штука точная, а мой был в идеальном состоянии – достаточно «пострелян», чтобы механизм притерся, но до износа еще далеко было, как на четвереньках до Пекина.

А «бам-бам»... ну как объяснить проще... в общем, если кого обучают стрельбе из пистолета, быстрой стрельбе, не спортивной, на поражение, то учат сначала дважды в грудь стрелять, а потом, прицелившись лучше, – в голову. Пули в грудь могут и не убить, но с ног собьют или остановят противника в любом случае, даже если он в «бронике». А уже пуля в голову его уложит. А вот ступень умения повыше – это и есть этот самый «бам-бам». Две пули в одну точку, желательно в голову, если дистанция позволяет. Гарантированное поражение в ста процентах случаев. Главная деталь в этом – правильный хват и умение отпустить спусковой крючок, убрав с него палец, а главная трудность – выдержка, умение выждать, когда подскочившее оружие само вернется в положение для второго выстрела. А так ничего сложного. Я, пока научился, выделенный казенный «грач» чуть не износил напрочь на стрельбище. А потом с

самим «парабеллумом» хорошо потренировался – уже на природе, от чужих глаз подальше. Получается у меня теперь «бам-бам», грех скрывать.

– Неплохо, неплохо... – протянул Джо и подогнал мишень к огневому рубежу.

Дочка его с Марией Пилар даже похлопали, сдержанно весьма, посмотрев на дырки от пуль в силуэте. Неожиданно Джо оторвал от мишени нижний край, скомкал его в бумажный комочек размером в мячик для пинг-понга, положил его на ладонь правой руки. Усмехнулся, затем бросил бумажный шарик вперед и вверх. Остального я и заметить практически не успел – когда он успел выдернуть из кобуры «кольт», когда он успел левой ладонью взвести курок. Успел я лишь услышать, как грохнул выстрел, и увидел, как бумажка резко сменила направление, выбросив облачко белой мелкой рванины из себя, а потом, почти у земли, со вторым выстрелом снова подскочила – и покатила, подпрыгивая, вдаль от нас.

Вот это да. Вот и смотри кино «про ковбоев». Даже не думал, что так на самом деле бывает. И это из револьвера одноразового действия – не самовзводного, когда другой рукой еще перед каждым выстрелом курок надо взвести и прицел не сбить.

Джо даже не хлопали – видать, не в первый раз видели. Я тоже не хлопал: просто рот раскрыл. Я-то не видел. Я ведь в первый раз. Потом сказал по-русски:

– Во как...

Мария Пилар как будто поняла мои слова, глянула на меня так искоса глазищами своими огромными, как бы говоря: «А ты как думал?» А никак не думал – стоял себе в прострации.

Стрелков прибавлялось. Стреляли и на скорость, и на точность, и на деньги. Стреляли Мария Пилар с Джей-Джей, а дочкин папа только кивал одобрительно. Хорошо они стреляли, быстро и метко. Джей-Джей бухала из «питона», Мария Пилар, надев тоненькие кожаные перчатки для стрельбы, чуть не очередями палила из своего «глока». Я еще подумал, что хорошо в Аламо патронами торговать – расходный материал, как ни крути. И расход у материала – что надо.

Увидел я даже на позиции для стрельбы из положения «лежа» нашу гостиничную хозяйку, которая расплылась на весь мат, напоминая выброшенного на берег кита, и довольно ловко управлялась с семисотой моделью «ремингтона», стреляя куда-то на пятисотярдовый рубеж. Наверное, не так сложно оказалось этому городку отбиваться от большой банды – тогда, когда он присвоил себе имя Аламо.

Джо куда-то ушел, затем вернулся с «Winchester 70», с классическим ореховым ложем и черным толстым стволом, с установленным десятикратным «Бушнеллом», и пригласил меня на винтовочный рубеж. Ладно, думаю, попробуй меня там унизить.

Джо, однако, стрелять сам не собирался. Протянул мне винтовку, дал коробку патронов «.308 Federal Gold Medal Match». Спросил – не против ли я попробовать?

Решил я в грязь лицом не биться: все же умею я с винтовками обращаться, хоть такой, как эта, до сих пор пользоваться не приходилось. Единственное, что я сказал, – ввиду новизны оружия и незнания этого прицела и его боя, беру первые пять выстрелов на пристрелку и привыкание. Джо ответил, что по-другому было бы странно даже.

Выбрал я мат, улегся, открыл затвор, затолкал по очереди пять патронов в магазин. Пристроился поудобней. Сошек на винтовке не было – впрочем, я их и не люблю: очень снижают мобильность оружия в бою, – поэтому, когда есть возможность, стараюсь не пользоваться. Лежала пара мешков с песком, побитых и промятых. Я взбил их кое-как, умял, пристроил на них «винчестер». Посмотрел на вымпелы, показывающие силу и направление ветра. Ветер постоянного направления и силы, но слабым его не назовешь.

Заглянул в прицел. Оптика хорошая, просветленная. Оглядел барабанчики регулировок. Прикинул в уме баллистику, вес пули, боковой увод. Вес пули на коробке был обозначен: 175 гран. Не учил я таблицы стрельбы на этот тип пули и рассчитывал всегда все в метрах, с ярдами только на днях столкнулся. Я даже не знаю, сколько пороха забито в гильзу, не собственно-

ручно ли набитая она, какие дульная энергия и скорость? Но в принципе похожими патронами стрелять приходилось, поэтому было от чего оттолкнуться.

Взял условно скорость ветра пятнадцать километров в час, выставил поправку. Шкала на прицеле тоже в ярдах размечена. Условно перевел ярды в метры – разница не так уж велика: чуть меньше десяти процентов. Таблицу бокового увода взял для нашего русского «7,62» с закраиной. Они по мощности сопоставимы, матчевые патроны «.308» всегда высокого давления. Да и по баллистике, наверное, примерно одно и то же должно быть. Наверное.

Прикинул цифры, вновь посмотрел на ветер. Нет, пятнадцать многовато все же – десять, скорее всего. Приложился, навел ствол на восьмисотярдовую отметку. По идее, для этого прицела и этой винтовки должно быть близко к заявленной предельной дальности. Расслабился, потом поочередно напряг предплечья, пытаюсь образовать из них максимально жесткий упор, плечи, спину. Самое главное – внутренние мышцы бедра: они дают настоящую жесткость станку, сооруженному из своего тела.

Подвел перекрестье к самому левому из стоящих в ряд металлических кружков, выбрал слабинку спуска... «Бах!»... А свободного хода у курка-то и не было почти, и спуск легчайший: на такой дунь – сам нажмет.

Попадание зафиксировал левее мишени, и с траекторией ошибся. Заметно выше ушла, пыльное облачко чуть не в километре из склона выбилось. А левее, по прикидкам, прошла она эдак на метр. Ветром уводит ее больше, эту пулю – ненамного, но больше. Она легкая, поэтому настильность сохраняет дольше, и ноль дальний у нее... метров пятьсот с небольшим... шестьсот ярдов, значит. Но затем она падать должна круче, потому что русская пуля тяжелее и при одинаковой скорости сохраняет энергию дольше.

Попробую вилкой, снижу траекторию. Сделал поправочку прямо по сетке, снова прицелился. Со спуском уже поосторожней был. «Бах!» Мишень упала, но попал я прямо в шест – трубу металлическую – даже увидел, как из нее искры выбило. Понятно теперь, превышает на метр примерно на такой дистанции. Еще поправился, снова прицелился. «Бах!» Это в мишень, точно. В верхнюю часть – почти в краешек, но в круг.

Поправку вводить даже смысла нет – достаточно учитывать в точке прицеливания. У меня зрительная память хорошая, даже не надо точки тысячных отсчитывать каждый раз, и так запомню. Взял на прицел соседний круг, выстрелил, быстро, большим пальцем передернул затвор, сдвинул прицел на следующий круг, выстрелил. Тот тоже упал и медленно поднялся назад. Все, теперь можно стрелять.

Открыл затвор, выбросив стреляную гильзу, взял из коробки еще пять патронов на ощупь, поочередно втолкнул их в магазин с сочными щелчками. Опять проверил ветер – не изменился ли, – приложился, зафиксировал тело, прицелился в самый правый кружок, выстрелил. Быстро перезарядил, навелся на следующий, вновь выстрелил – и так, пока все пять патронов не выпустил, не выбросил последнюю гильзу, закрыл затвор. Все пять кружков, которые я брал на прицел, поочередно медленно поднимались из лежачего положения.

Всего там было десять мишеней. Я снова зарядил винтовку, прицелился, начал отстреливать сначала левую крайнюю, правую, среднюю, вторую слева, вторую справа. Вновь перезарядил пятью патронами, прицелился, выбил среднюю на восьмистах, затем поправился по сетке, среднюю на семистах, шестистах, пятистах – и опять среднюю на восьмистах. Это уже похитрее было. При правильном прицеле перенос огня по фронту большого труда не представляет, а вот перенос в глубину – совсем другое дело, тут поправку надо делать заново с каждым выстрелом. Но я уже разобрался, как эта пуля летит. Все, патроны кончились. Выбросил последнюю гильзу, поднялся и отдал винтовку Джо с открытым затвором.

– Да, мужик, в этом деле ты хорош, – сказал Джо.

Я огляделся – за нами собралась небольшая толпа. Кто-то захопал, остальные подхватили.

– Ты получил приз! – прибавил Джо.

– Что за приз? – удивился я.

– Обед для тебя с друзьями, – проникновенным голосом заявил он. – За счет заведения. Тут окружающие захопали еще активней и засвистели.

– Я ведь твой друг, верно? – спросил меня Джо. – Именно я тебя привел к этой победе, верно? Считаю меня тренером.

Намек был понят, я пригласил его с Джей-Джей за наш стол. Стрелять больше не собирались вроде бы, поэтому я опять взялся за виски. И, как ни странно, – притерпелся, даже чем-то понравилось. Тем более что пили за столом все, хоть и умеренно.

Появился Сэм с Сыном Сэма, подошли, поздоровались. Сэм сказал, что Немцову надо работать на рыбном рынке, торговался за каждый ствол. Еще сказал, что все оружие неплохое, старья настоящего не было, все решилось к обоюдному удовольствию. Мария Пилар сама похвасталась ему, что тоже наладит закупку патронов из Демидовска. Сэм вовсе не расстроился – сказал, что давно пора. Я поинтересовался, не повредит ли это его делам, но Сэм ответил, что раскупают их хорошо, берут почти все проходящие конвои и помногу, для перепродажи на своих территориях. Его запасы распродают быстро, а банк под такие операции кредитует со скрипом, у них только под скупку трофеев легко получить, мгновенная скупка трофеев людей в город лучше всего приманивает, поэтому места торговать всем хватит. Он даже сам будет отсылать покупателей к нашей красавице, и он надеется на подобную любезность с ее стороны.

Тут Джо сказал, что один из трофейных джипов, за которые он сегодня расплатился, уже купили у него. Обменяли на не слишком старую «Тойоту-75» с хорошей доплатой, что, в общем, крайне необычно – менять «семьдесят пятую» на маленький «матт» человек в своем уме не станет, потому что «тойота» – машина эта вечная в хороших руках, мол, другие модели ей в подметки не годятся. Ни по проходимости, ни по надежности.

Тут я насторожился и стал осторожненько так расспрашивать, что за человек такой, что махнул не глядя такую замечательную машину на обычный армейский джип, да еще старую модель. Джо сказал, что «тойоту» сдал какой-то совсем незаметный мужик, которого раньше в городе никто в глаза не видел. Сказал, что здесь проездом, должен был встретить кого-то с пришедшим вчера и ушедшим сегодня конвоем с юга, но тот не приехал – прислал телеграмму, что заболел.

Я вспомнил, что на вчерашний вечер таких телеграмм точно не было, если только она не сегодняшняя. Спросил тогда у Джо – не поинтересовался ли он, как мужика звали. Джо ответил, что тот платил через Банк орденский, потом принес оттуда чек о переводе. Имя было Лукас.

Попался, думаю. Здесь ты, сволочь. Спросил тогда у Джо – продал ли тот «тойоту» со связью? Джо посмотрел на меня внимательно и ответил, что радиостанция у него в машине была, но ему ее в джип переставили. Но не слишком продвинутая – вполне стандартная, какими тут все пользуются. Еще я заметил, как Мария Пилар на меня глянула.

Сэм к тому времени с сыном на стрельбище пошли, сидели мы вчетвером. Джо помолчал, заказал еще четыре виски пробежавшему мимо официанту, затем спросил меня, в упор глядя, чем же этот Лукас меня заинтересовал так?

Говорить правду? Подумал, подумал – да и решил сказать. В конце концов, из нас и так конспираторы в этой истории никудышные были: тот же Джо прекрасно знает и про бой на Дороге, и про то, что пришел я с конвоем, и про то, что отношения у меня с русскими военными тоже хоть куда. Включать дурака – уважение потерять.

И я рассказал, что есть у нас очень даже твердая уверенность, что этот самый Лукас и есть организатор засады. Что если бы мы случайно в Порто-Франко не разговорились с парой охотников – я упрощенную версию изложил, – то засада могла бы и удалиться, и потери бы у нас были

не один человек, которого даже за сорок таких уродов менять жалко, а скорей всего – мы все. Ну и если бы у них фланговые дозоры не курили на боевом посту. Рассказал про управляемое минное поле в овраге, фугас на дороге направленный. Сказал, что теперь нам стало известно, что организатор – человек на «Лендкрузере-75» – мол, это он у охотников маршрут отхода выспрашивал, что должен этот человек ждать результата нападения в Аламо, а если что-то не так пойдет – рвануть отсюда в сторону Нью-Рино. Но мы его здесь не нашли, а теперь вот как он проявился. Упоминание Нью-Рино хорошо подействовало – все поморщились, как будто я при несовершеннолетних девочках из пансиона за столом про подхваченный в молодости триппер поделился воспоминаниями. Джо был человеком спокойным и бывалым, дочка в него пошла уравновешенностью характера, а вот Мария Пилар... La subanita наша сбилась на испанский и затараторила чаще, чем «шилка» из всех четырех стволов. На английском так не получается, я точно знаю – для этого надо, чтобы родной язык был итальянским или испанским. Самое ласковое, что она сказала, было слово «el cabron»³⁹, а еще много всего сказала и назвала повсякому. С ее слов выходило, что таких «los hijos de puta»⁴⁰, которые на Дороге засады организуют и честным людям жить мешают, надо резать на куски, причем медленно, куски жарить и свиньям скармливать.

Джо переждал тираду Марии Пилар, затем спросил меня – что мы хотим делать дальше? Я ответил, что есть у нас теория, что эти ребята не одну засаду устроили. Поэтому хотим мы вдвоем присоединиться к завтрашнему конвою на Нью-Рино, куда наверняка этот Лукас отправится, и по дороге захватить его и с собой увезти, чтобы выяснить – кто таким бизнесом занялся и кому за это пулю в череп выписать. В общем, не вся правда, чего греха таить, но близко к ней.

Тогда Джо спросил, почему мы не хотим сделать это в Аламо. Позвать шерифа с помощниками и добровольцев из местных, арестовать этого Лукаса, вытрясти из него информацию, после чего – повесить на площади под аплодисменты местных жителей и горячительные марши местного школьного оркестра. Пришлось сказать, что Лукаса повесить нам мало, а жители Аламо за пределами округа особо не выезжают. А у вояк наших есть острое желание загнать в могилу не только Лукаса, который, по нашему мнению, не главная фигура, но и тех, на кого он работает. Потому что это теперь стало личным.

С этими доводами Джо согласился. Я было с облегчением перевел дух, но тут меня шокировали дамы. Мария Пилар заявила, что едет с нами. Я аж виски поперхнулся. Деликатно намекнул, что это вроде как военная операция, которая проводится специально выделенными для этого людьми, по приказу старшего воинского начальника, и в его приказе ни слова не было про добровольцев из местных жителей. К тому же нам неизвестно, как поведет себя Лукас, и если что-то случится с Марией Пилар, мы до конца жизни себе не простим, потому что такой красоты я давно не видел.

На это Мария Пилар небрежно сказала: «Ха!», сопроводив соответствующим жестом, и заявила, что я ее плохо знаю, и если этот Лукас только подумает сделать что-то не так, то она, Мария Пилар, может его пристрелить, нарезать на куски или отдубасить до полусмерти по своему выбору раньше, чем он хотя бы пальцем пошевелить успеет. Но удивило меня не это, а другое – то, что Джо подтвердил ее слова. И Джей-Джей подтвердила и сказала, что сама бы с нами поехала, но обещала отцу перегнать две машины в Вако, а там уже их ждут, поэтому она не сможет. И на это Джо ничего не сказал – только на дочку свою с гордостью посмотрел: вот как воспитал, мол.

Видя, что я продолжаю искать повод к отказу, Мария Пилар сказала, что сомневаться уже поздно. В любом случае она завтра присоединится к этому конвою, и всем будет лучше, если

³⁹ Козел (*исп.*). Данное оскорбление в испанском языке несет ту же смысловую нагрузку, что и в русском.

⁴⁰ Распространенное ругательство, с испанского переводится как «шлюхины дети».

мы возьмем ее в команду, чем она начнет действовать по собственной инициативе и заберет этого Лукаса в Аламо в качестве дара местным жителям. А если мы потом с пленным перескочим в русский конвой, то она доедет с нами до Базы, где и закупится благополучно патронами, а с обратным русским конвоем вернется в Аламо. И кроме того, если мы собираемся потом оторваться от охраны конвоя с пленным, то без нее у нас ничего не выйдет. Конфедератская охрана бдительна, и у них такие фокусы не проходят. А с ней все будет намного проще – она их всех знает от первого до последнего, и для нее они что угодно сделают, и мозги она им запудрит лучше, чем мы все, вместе взятые, заодно со всей Базой. А вот в это я поверил, тем более что мы и правда толком не знали, как будем уходить из конвоя.

И Джо снова влез: сказал, чтобы я не сомневался и брал сеньориту с собой – мол, ни за что не пожалею. Я посмотрел на сеньориту и подумал, что пожалеть-то наверняка не пожалею, только вот по соседству с ней мысли будут... расплываться и путаться. Очень уж отвлекает Мария Пилар Родригез от любых мыслей, кроме как о ней самой. Это я и сказал вслух. Все захохотали, а Мария Пилар восприняла это как должное – привыкла, наверное.

Суверенная Территория Техас, город Аламо. 22-й год, 33-е число 5-го месяца, пятница, 10:30

Западный конвой отбывал из города в одиннадцать утра, но большинство отправляющихся собрались на площадке в промзоне уже к десяти. Народу было около двадцати человек, на десятке машин. Место в конвое стоило сто эю с человека и триста с машины, и получалось, что одна проводка приносила команде охраны из двенадцати человек около шести тысяч за один рейс, занимавший двое суток. В общем, жить так было можно, хоть иногда и недолго. Все же работа опасная, что ни говори. Охрана ехала на трех открытых, но местами защищенных навесными бронешитками «хамви», вооруженных крупнокалиберными пулеметами и автоматическим гранатометом Mk.19, и на двух квадроциклах, которые выполняли функции передового дозора. На багажниках обоих квадроциклов стояли мощные радиостанции, укрытые со всех сторон листами стали, чтобы дозорный успел подать сигнал, даже если его начнут убивать.

«Хамви» были выкрашены в местный песочно-зелено-бурый камуфляж, на бортах были нарисованы конфедератские флаги, а снизу написано название команды, ведущей конвой – «Savannah Lizards». Еще рядом с флагом была изображена причудливо изогнувшаяся ящерица. Бойцы из охраны были одеты однообразно, в местной же расцветки камуфляж, но другого типа, не как у наших, на головах – небольшие кевларовые шлемы по типу тех, что носит американская «Дельта». Вооружены они были тоже однообразно, в основном – нашими АК-101, под натовский патрон калибра 5,56, все с подствольниками. Бронежилеты, разгрузки, наколенники и налокотники. В общем – все по первому классу.

Один из них, видимо командир группы, собирал деньги с путешествующих и выдавал им пластиковые номерки, обозначающие место в колонне. Путешественники были в основном торговцами, машины – двух- и трехосными внедорожными грузовиками преимущественно. Затесались в ряду грузовиков инородным пятном лишь наш пикап и джип Лукаса.

Наш клиент уже был там. Среднего роста плотный мужик, но без всякого намека на пузо – просто крепкий, поразительно незаметной внешности, лет сорока с небольшим. В камуфляжном кепи, темных очках, охотничьей разгрузке поверх клетчатой рубашки, брюках хаки с множеством карманов, крепких ботинках из светлого нубука. Типичный такой персонаж для этих краев: внимания не обратишь. Опознали мы его по «матту», естественно. До этого на джипе была маловнятная эмблема с изображением скрещенных мачете на фоне факела цветов мексиканского флага – теперь она была закрашена, но пятно свежей краски выделялось. Да и вмятина у него была на заднем борту характерная – как будто грузовик бампером придавил, самым углом. Запомнили мы эту машину, пока сюда в колонне гнали.

Вооружен мужик был не без изысков. Основным оружием у него была укороченная версия G3 с выдвигаемым прикладом, без всяких придамбасов, а вот поверх разгрузки висела наплечная кобура со здоровенным «десерт иглом» калибра «.44 магнум». Выпендрился, любитель карманной артиллерии. Баловство в чистом виде – «пистолет по Фрейду».

Красавица наша подъехала последней. Надо заметить, что из-за нее мне пришлось выдержать часовой спор с Михаилом, который был, естественно, категорически против ее присоединения к нам. Убедить его удалось двумя аргументами – без нее мы бы не получили информацию от местных жителей, и она поможет нам уехать от колонны, потому как своего надежного способа оторваться мы до сих пор не придумали. В конце концов Михаил скрепя сердце согласился.

Прекрасная Мария Пилар подкатила на архаичном с виду, но убийственно надежном и проходимом бразильском пикапе «Тойоте Бандейранте». Машина была расписана вручную неким узором, напоминавшим травяной камуфляж, а на капоте в белом круге была изображена голова убиенной ею гигантской ящерицы. Рисунок был выполнен аэрографом – с боль-

шим умением, с соблюдением всех деталей. Когда наша спутница покинула свое транспортное средство, на лице Владимирского явно читалась мысль: «И чего я, идиот, столько спорил? Разве может помешать такая величественная и прекрасная Мария Пилар какой-то ничтожной, глупой и никому не нужной операции по захвату?»

«Тойота Бандейранте»

Мария Пилар была, как всегда, в ударе и просто великолепна, на этот раз в наряде амазонки, хоть и современной. Камуфляжные брюки вовсе не выглядели мешковато, а вкупе с наколенниками лишь подчеркивали форму попы и стройность ног. Высокие ботинки своей массивной подошвой и узким берцем лишь подтверждали, какие тонкие у нее щиколотки. Тактический нейлоновый ремень с кобурой и ножом и множеством подсумков плотно сидел на округлых бедрах. Тянущиеся от него вверх лямки огибали высокую грудь, обтянутую трикотажной майкой, не давая никому возможности не обратить на нее внимания. Венчала все это великолепие ловко завязанная под «конским хвостом» бандана. Поверх банданы были надеты противопылевые очки, в настоящее время пребывавшие на лбу, а на великолепной смуглой шее болталась еще одна бандана, которая, по всей видимости, должна была хранить прекрасный лик Марии Пилар от дорожной пыли.

Сказать, что наша *La cubanita* привлекла внимание – это как если сказать, что личный выход Господа Нашего Иисуса Христа в церковь во время пасхальной службы... ну, например... «вызвал некоторое оживление». «Ящерицы саванны» явно были хорошо знакомы с нашей спутницей, потому что приветствовали ее дружным ревом и свистом, в воздух даже взлетело несколько шлемов. Местные торговцы, большинство из которых тоже были знакомы с прекрасной сеньоритой, тоже высунулись из окон кабин и махали руками. Даже «клиент» раскрыл рот и как будто окоченел.

– Миша... Миша...

Молчание.

– Миша... – подергал я Владимирского за плечо.

– А? Что?

– Я вас познакомлю, расслабься, – сказал я. – И рот закрой.

Пока Мария Пилар договаривалась с командиром конвоя о месте, и, судя по всему, денег с нее никто не взял, Михаил так и пребывал в ступоре. Когда переговоры были закончены, она неторопливо направилась к нам, плавно покачивая бедрами. В своем военно-эротическом наряде выглядела она как богиня войны, держащая в руках бельгийскую FN-FMC с небольшим оптическим прицелом.

Богиня войны подошла к нам, мило расцеловалась со мной и представилась Михаилу таким голосом, что тот утратил чувство реальности окончательно. Он даже попытался предложить ей место в нашем фургоне, хотя она ехала на своей машине. Ошибку ему простили – оставили без последствий. Когда первый шок от появления кубинки прошел и она отошла в сторону с кем-то поздороваться, Михаил немного обрел чувство речи, а заодно и ясность сознания, и тихо сказал мне:

– Ты смотри, теперь клиент нас в упор не видит: только на нее вылупился, слюни пускает. Знаешь, мне уже кажется, что женщина, на которую смотрят все, – лучший в мире отвлекающий фактор. Мы можем его прямо сейчас оглушить, упаковать в сумку и унести, и ни охрана не заметит, ни попутчики, ни он сам.

– Похоже на то, – согласился я. Это было трудно не заметить. – Теперь, если надо будет, чтобы он к нам спиной повернулся, попросим красавицу нашу перед ним пройти. И все, он – наш.

– Точно. И в том, что от конвоя мы уедем, теперь ни секунды не сомневаюсь, – подвел итог своим мыслям Владимирский.

Пока командир конвоя с еще одним бойцом и помощником шерифа улаживали какие-то формальности, Мария Пилар опять почтила нас своим посещением. Она сказала, что наш клиент числится коммивояжером в списке конвоя и записан как Лукас. Еще она сказала, что

вопрос с отделением от конвоя она, в общем, решила. Она рассказала командиру историю о том, что собралась с двумя русскими съездить на Базу, чтобы закупить патронов, и собиралась ехать с русским конвоем, который ушел два часа назад. Но она проспала, а мы как джентльмены не бросили девушку одну и решили проехать максимально далеко со сводным конвоем, а там, в конце, прибавить ходу и догнать русский конвой. Нас, мол, трое, на двух машинах, все опытные, вооружены хорошо, так что труда особого не составит.

Я подумал, что все гениальное – просто. Кто не поверит в то, что два мужика готовы были ждать Марию Пилар хоть до следующего года? Могла девушка столь легкомысленного вида опоздать? Нужен хозяйке магазина выгодный товар для продажи? С кем лучше ехать на русскую территорию, как не с русскими? И все, всех дел-то!

А если мы все сделаем тихо и правильно и поедем дальше не на двух машинах, а на трех, а наш новый друг будет, например, сильно выпивши и спать на заднем сиденье своего джипа? Не думаю, что возникнут проблемы. Девушку здесь все знают – и конвой, и попутчики, а нас с Михаилом и этого Лукаса впервые видят. Мог ведь коммивояжер изменить свой маршрут? Да запросто, иначе какой из него коммивояжер?

Двое охранников под командой высокого рыжего сержанта прошли вдоль колонны, раздавая приемники в пластмассовых корпусах. Их надлежало иметь в кабинах, чтобы принимать команды ведущего конвой, «караван-баши», так сказать. Кроме того, всем назвали частоту, на которой будет работать радиостанция командира.

Машины распределились в ордер, провели проверку связи. Двое бойцов с обеих сторон пробежали вдоль колонны, оглядывая ее, затем забрались в замыкающий «хамви». Последовала команда «Вперед!» – и конвой двинулся.

Суверенная Территория Техас, Дорога, Западное направление. 22-й год, 33- е число 5-го месяца, пятница, 16:00

Конвой шел спокойно, довольно быстро, держа скорость около шестидесяти километров в час, местность немного изменилась. Это была все та же саванна, но уже не такая сухая, как до этого. Появилось множество холмов, впадин, стали чаще попадаться кучки деревьев и даже небольшие рощицы. Но так же вокруг паслись стада, все так же часто замечали охотящихся хищников, все так же над тушами падали видели сидящих падальщиков-«птеродактилей» или дерущихся вокруг «свинок». Появились новые животные – зверюги вроде кошачьих, невысокие, но крупные при этом, с мощными грудными клетками и широкими мягкими лапами. Отличали их от земных львов лишь слишком вытянутые морды и короткие, будто обрубленные, хвосты, хотя их повадки сразу вызвали в памяти фильмы про Африку.

Появились крупные летучие насекомые, напоминающие слепней. Такой куснет – в два раза раздуешься. Я спросил Михаила, что это, – он подтвердил, что именно местные слепни, и кусаются так, что больней некуда. Где большие стада травоядных, там и они. Они шумные и довольно неуклюжие, видно их издали и отмахнуться несложно.

Один раз увидели здоровую, метра четыре, змею, уползающую с дороги в траву.

– Ядовитая? – очень живо заинтересовался я, представив встречу с подобной в местной степи.

– Ядовитая, – кивнул Михаил. – Ее тут по аналогии мамбой называли – говорят, что похожа. Я мамбу настоящую не видел, не скажу. Может, и похожа, а может, и нет.

– Я смотрю, с названиями животных тут особо не изощрились, – высказал я давно вертевшуюся в голове мысль.

– А зачем изощряться? – удивился мой спутник. – Ну, ученые называли бы как-нибудь по-латыни, так что не произнесешь. А нам лишь бы выговорить. Какая разница, что на тебя кинется, гиена или «крокодилочелюстной пятнистый равнозуб»? Слово «гиена» хоть крикнуть быстрее. Так и перешли все названия. Рогач только разве аналогов у нас не имел, но как ты его еще назовешь, если у него рога разве что из задницы не торчат?

Мы опять замолчали, я глазел по сторонам. Все же новый мир – он очень новый. Совсем. Половина принесенных с собой «из-за ленточки» знаний превратилась в пустой звук, в ненужный багаж. А знаний местной жизни, знаний о том, кто и как живет на этой земле, – пока никаких. Я даже спросить не всегда успевал о том, что же я такое вижу в окно своей машины.

– Андрей, а чем ты вообще после армии занимался? Опыт у тебя очень уж разносторонний, – задал в свой черед вопрос Владимирский.

– Да все очень просто, – прикинул я, что стоит рассказать. – Комиссовался по ранению. «На войну» вышли, один боец наступил на маленькую противопехотную нажимного действия. Рвануло. Ему ступню раздробило, а мне два осколка в левое колено. И осколки-то так себе, мелочь, но попали неудачно. Сделали три операции, и еще года три с этим маялся. Потом прошло, сейчас разве что на холоде болеть начинает.

– Тут холодов не бывает, – успокоил меня Михаил.

– Это и хорошо, очень радует, – ответил я искренне, потому что зимой в Москве с моим коленом хоть на улицу не выходи. – В общем, покрутился кое-как на гражданке, закончил образование. Но тут нашли меня люди из соответствующих служб, которые с нашим отрядом в Афгане работали, и предложили мне работу в Никарагуа. По старой дружбе вроде как предложили. Поехал туда инструктором в Армию Фронта Национального Освобождения имени товарища Аугусто Сандино.

– И как? – заинтересовался Владимирский.

– Ну, поначалу все нормально было, по-испански говорить научился более или менее, учил тамошних снайперов, даже вроде как школой командовал в Чинандеге. Платили довольно прилично, даже гражданство оформили по согласованию с моими кураторами – левое, конечно. Иначе проблемы международного порядка могли возникнуть: американцы после потери Никарагуа никак успокоиться не могли, давили со всех сторон, поэтому нас всех гражданами сделали.

– Как там?

– Жарко, народ ленивый и веселый, а вообще мне нравилось, – честно сказал я. – Солдаты из них получались противоречивые. С одной стороны, воевать могут и хотят, люди смелые и вообще довольно лихие. С другой стороны – дисциплину навести почти невозможно. Часовые спят, курят, бойцы в самоволки бегают, пьют в казарме. В общем, живут, как им душа подскажет. И если воевать они всегда пожалуйста, то уже работать... с этим проблемы.

– И что дальше? – вернул меня в русло повествования Михаил.

– Потом там политическая борьба началась, свободные выборы объявили. А заодно и у нас в стране бардак пошел полнейший. Наши там свои операции сворачивать начали, а таких, как я, с тамошним паспортом помимо советского, просто забыли. Нас всего-то пяток таких был. И кураторы наши московские из структуры поувольнялись, так что оказались мы сиротами.

– Ага, морда у тебя самая сиротская, – легко, но неискренне согласился Владимирский.

– Видишь, как бывает, – усмехнулся я. – Ну я и подумал, что возвращаться обратно пока неохота, в Москве придется заново в жизнь встраиваться, а в Никарагуа делать уже нечего – нас из той армии потихоньку так поубирали. Но работал там один инженер испанец, по контракту с какой-то компанией, даже не знаю толком, что он там налаживал. Мы с ним сдружились, а к тому времени, как работа заканчивалась у него, и меня из армии выставили. Он уже в возрасте был, фактически – на пенсии. Работал на разные компании по временным контрактам. И решил он после окончания работы переехать в Доминиканскую Республику, что на острове Гаити. Ну и меня пригласил. А мне терять особо нечего – собрался да и поехал. С никарагуанским паспортом несложно оказалось.

– И чего дальше?

– Хосе, так инженера звали, купил там участок земли, начал строительство отеля на берегу. Тогда Доминикана только входила в моду у туристов, все дешево было – земля в смысле. Я ему помогал с организацией работ, потом организовал пару неплохих лодок, открыли школу дайвинга при отеле. Сам научился, потом инструктором стал, уже учить начал. В конце концов выделил он мне долю в предприятии, по которой отошла мне дайв-школа с лодками и всем прочим. Хорошее время было. Все время в море, люди разные, ныряешь постоянно. Страна красивая, девушки веселые. Зарабатывал очень неплохо, а по доминиканским меркам – так вообще чуть не миллионер. Купил себе там джип без крыши, поставил диски блестящие и сигнал с «Кукарачей» – все местные красавицы мои были.

– И как там с красавицами? – перескочил Владимирский на главный мужской вопрос.

– Нормально, – ответил я с воодушевлением. – Может, и не самые стильные, зато очень знойные.

– И почему не остался?

– Хосе умер. Он вообще в возрасте был, и сердце пошаливало. Умер так: после большой пьянки переспал с девушкой, вернулся к себе и во сне скончался. Появились наследники, начали судиться-рядиться, дело ломать, доходы упали, стали проблемы возникать. А тут один из постоянных клиентов, англичанин, предложил перебраться в Англию. Искал партнера по организации дайв-туров. У него свое трэвел-агентство было, занималось как раз такими делами: дайвинг, альпинизм, охота, рыбалка. Ничего так, процветал он. В общем, согласился

я, продал дайв-школу наследникам, а Найджел – так англичанина звали – еще и адвоката толкового мне подогнал. Адвокат – даром что молодой: зверь был лютый и хищный. Как тряханул наследников, так они мне не то что за школу заплатили, но еще и сверху столько же по каким-то только адвокату видимым моим взаимозачетам с Хосе. Ну, наследничков не жалко, в общем – они палец о палец в этом отеле не ударили, а как хорошее дело на куски рвать – тут они впереди всех оказались.

– И что в Англии было? – вернул меня Владимирский в русло повествования.

– Перебрался я в Лондон. Найджел партнером хорошим оказался. Открыл я филиал агентства в Мале, столице республики Мальдивских островов. Там самая лучшая нырялка, без вопросов. Нашел парня одного, австралийца, который там уже лет десять нырял, поручил ему подобрать местных инструкторов со знанием английского, самого управляющим поставил. Взяли сначала в лизинг две лодки на десять пассажиров каждая, две местных «дони» для компрессоров и баллонов, чтобы следом тащились, потом еще один такой комплект. Найджел начал клиентуру в свой филиал заворачивать, я – организовывать все остальное. Клиент пошел, заработок появился. Четверть Найджелу отходила с прибыли, остальное, после уплаты налогов, конечно, оставалось мне. И работа живая: осточертеет погода лондонская – летишь на Мальдивы, надоест нырять – катишь в Лондон, там тоже было чем заниматься. В конце концов, у нас пять больших лодок было и семь инструкторов работали.

– И чего уехал? – удивился Михаил.

– А дурак потому что, – ответил я максимально честно. – Заскучал, с женщинами проблемы начались – англичанки... ну, не в моем вкусе, так скажем, хоть сами напрашиваются, а на Мальдивах красоток хватало, но – страна мусульманская, поэтому никакой возможности воспользоваться. Да и ностальгия уже одолевает начала. В результате продал компанию другому партнеру Найджела, собрал все деньги и дернул в Москву.

– И как?

– Главный минус – узнал, что колено на холоде болит постоянно, – усмехнулся я. – Я в Лондон зимой старался не летать, на Мальдивах торчал, там как раз вода самая прозрачная в это время. А в Москве навалилось – даже утеплял его под штаниной.

– А по работе?

– По работе... – задумался я. – Затащил один приятель в строительный бизнес. Сначала дела нормально шли. Обжился, начал заниматься всем подряд, от стрельбы снова до аэроклуба, с нашими девками в отношения давай вступать – очень у нас женщины в России красивые, крест на пузе. Нигде столько красивых на тысячу населения ты больше не встретишь. А потом... ну не привык я к московским правилам работы, попался в элегантную подставу, обобрали, ободрали, поимели. Собрал, что осталось, – и сюда подался.

– Понятно, – кивнул он. – А почему у тебя английский лучше, чем испанский?

– Трудно сказать, легче дался, – пожал я плечами. – Потом, английский я специально учил, а испанский так... по ходу дела наблатыкался.

– Ишь ты, какую ты загогулину в жизни выписал. А как перемещался-то так легко по странам? Насколько я знаю – нашего брата в «чистые места» не очень пускать любят.

– А никарагуанский паспорт случайный мой помогал. Раз оттуда, то сирота и надо тебя спасать от происков тамошнего тоталитарного режима. А свое гражданство на месте было, никуда не делось. Даже в Москву специально летал – паспорта менять своевременно.

Дальше вновь ехали молча. Дорога петляла меж холмов, и мне иногда удавалось разглядеть с высот, как далеко впереди ехали два квадра передового дозора, заезжая на холмы и возвышенности благодаря проходимости своих маленьких машин, останавливаясь там, страхуя друг друга. Хорошо работает охрана, профессионально. Один раз головной вездеход вдруг ускорился, выскочил на ближайшую высоту. Раздалась команда: «Колонна, стой!» «Собачья будка» с пулеметом некоторое время крутилась по сторонам, затем ударил крупнокалиберный,

обстреляв подозрительное место. Покатил второй «хамви», с автоматическим гранатометом, и уложил туда серию гранат. Ответного огня не последовало. Марш продолжился.

Суверенная Территория Техас, Дорога, Западное направление. 22-й год, 33- е число 5-го месяца, пятница, 25:00

В дороге почти не останавливались – лишь два раза объявляли короткий привал для дозаправки и простительных потребностей. Наша Мария Пилар заправилась с нашей помощью, в смысле – она наблюдала, мы – лили солярку из канистры в воронку. Затем она направилась к машине «клиента», завела с Лукасом разговор. Тот заулыбался, начал оживленно с чем-то соглашаться. Затем последовала команда «По машинам!», и конвой опять пошел вперед.

На следующей дозаправке ей наливал горючку в бак уже сам Лукас и выглядел при этом таким довольным, как будто ему весь наш конвой с секретным грузом в ленточку завернули и в подарок преподнесли. Мы с Михаилом переглянулись. Благодаря нашей кубинской подруге из Аламо наша задача на глазах становилась проще и проще. Михаил сказал мне:

– У меня еще одно средство есть. Такой же яд, но ослабленного действия, химики в Демидовске намудрили. С него человек будто пьяным в дым становится. Действует медленнее немного, но зато клиент не в полной отключке. Даже разговаривает, если растолкать. Разговаривает как вусмерть пьяный, разумеется, но на мертвого не похож. И что самое главное – становится податлив и дружелюбен. По времени тоже около суток действует. Если подружка твоя сумеет его окрутить окончательно, можно такой ему запустить. Например, в стакан с вискарем. И тогда просто повезем его пьяного и теплого – никаких подозрений вообще.

– Хорошая идея, – согласился я. – А впрыскивать его тоже можно?

– Не вопрос, но укол он почувствует, может шухер поднять, – ответил Владимирский.

– Ладно, придумаем что-нибудь. Ты такой шприц тоже наготове имей.

– Договорились.

Мария Пилар в своем «бандейранте», опустив очки и обмотав лицо платком, ехала прямо перед нами. Лукас шел в колонне перед ней. Больше остановок не было до самой темноты. Я глазел по сторонам, постоянно тормозил Владимирского вопросами, каких у меня был воз и маленькая тележка. К вечеру уже откровенно захотелось остановки. Устала спина, ныли ноги на педалях, в голове гудело от постоянного шума моторов. Машины покрылись густой рыжей пылью, осевшей на них толстым слоем. Наконец раздалась команда: «Колонна, стой!» – и мы оба вздохнули с облегчением.

Видимо, привалы постоянно устраивались в этом месте, потому что на вытоптанной долинке справа от дороги были видны следы колес, из камней были выложены места для костров. Долинка была зажата между тремя холмиками и дорогой, вокруг места стоянки были навалены кругом колючие кусты, которые, судя по всему, стаскивались сюда в течение долгого времени. Хорошее место, удобно следить за подступами.

Один из «хамвиков» остался на дороге, второй проехал стоянку и встал, нацелившись пулеметом в поле перед собой. Сектор обстрела с этой позиции открывался отличный. Бойцы из охраны распределили машины по местам стоянки так, чтобы они образовали круг фарами внутрь. Нашлись и дрова, из которых сразу же развели три костра. Трое солдат с ночными биноклями пошли в первую смену караула в окопы на холмах. Внутри круга машин охраны не осталось, остальные бойцы из отдыхающей смены мгновенно разбили несколько одноместных низеньких палаток, развернули спальники и не теряя времени завалились спать.

Большая часть путешественников тоже решила отдохнуть и размещалась в кузовах или кабинах автомобилей, двое тоже развернули маленькие палатки. Осталась лишь компания из трех человек за дальним от нас костром. Мы с Михаилом задержались у машины, а Мария Пилар оказалась у костра вместе с Лукасом.

– Бери оба варианта с собой – и чтобы наповал глушить, и послабже который, – сказал я, имея в виду паучью отраву.

– Так и сделал, – буркнул Михаил.

– Как договорились, – дал я последние инструкции. – Как выругаюсь матом – так и коли.

– Принял.

Кубинка замахала нам руками, приглашая к костру. Лицо у Лукаса вытянулось, но Мария Пилар что-то прошептала ему на ухо, отчего он немедленно успокоился и даже сам начал нас приглашать. Вот так и вьют веревки из нашего брата, подумалось мне. Я прихватил предусмотрительно прикупленную в Аламо бутылку виски – и пошел к костру. Прикупил я даже три бутылки вообще-то – они нам для маскарада нужны, – но взял покуда одну.

Мы подошли к костру, сели. Познакомились. Мы с Михаилом представились торговцами оружием, а Лукас сказал, что он коммивояжер и торгует дисками с фильмами местного изготовления, которые в основном производятся в Нью-Рино. Мария Пилар представляться не стала – видимо, Лукасу свою версию путешествия она рассказала, а мы по легенде и так все знали.

Дальше пошла болтовня ни о чем, Лукас нас почти не замечал, пытаюсь развлекать даму анекдотами и рассказами о своих путешествиях, а я открыл бутылку, пустил ее по кругу. Лукас стал отказываться, мотивируя завтрашней дорогой, но мы истинно по-русски насели на него, как у нас любят делать, чтобы заставить непьющего человека напиток до зеленых соплей. Ссылались на традицию, спрашивали, уважает ли он нас, в общем, домогались как могли. Чтобы избежать конфликта, Лукас приложился несколько раз к бутылке.

Мария Пилар очень естественно пьяно хохотала, мы с Михаилом много говорили, в общем, создавали впечатление подгулявшей компании. Я сходил к машине еще за двумя бутылками, принес, открыл одну из них. Лукас пришел в ужас, но мы сказали, что это для нас, он – как хочет. Мы опять выпили, частично выплескивая виски назад в траву, даже Лукас еще приложился к бутылке, вполне полноценно. Я передал бутылку Марии Пилар, как бы случайно выронил ее, спиртное плеснулось в костер, тот резко вспыхнул, я выматерился, Михаил резко ткнул крошечным шприцем повернувшегося к вспышке Лукаса. Тот подскочил, хлопнул себя рукой по заднице, затем начал осматривать траву вокруг себя. Мы забеспокоились, спросили, что случилось, он ответил, что его кто-то укусил. Мария Пилар громко и не очень трезво захохотала, мы тоже, Лукас недоуменно уставился на нас, я сказал, что мы его не кусали, тем более за задницу, а Михаил похлопал его по плечу, сунул в руку открытую бутылку. Все так же недоумевая, Лукас машинально отхлебнул из горлышка, глаза у него начали мутнеть, язык заплетаться, и через пять минут он спал сном праведника.

Из кузова одной из машин кто-то высунулся, попросил нас вести себя потише. Мы извинились. Потом еще посидели минут пятнадцать, говоря вполголоса. Я спросил Михаила:

– Связывать его надо?

– Не надо, – усмехнулся он. – Такая доза, да еще и на спиртное – как минимум сутки его теперь не поднять. Где положишь – там и найдешь. Надо сразу в его машину оттащить, чтобы никаких подозрений. А спать он будет как надо, даже храпеть, если вообще храпит.

Мы открыли еще одну бутылку, тихо вылили из нее содержимое – и оставили ее у костра. Две пустые, одна полупустая – вполне похоже на последствия пьянки, особенно если трое пьяны слегка, а один – мертвецки.

Подхватив Лукаса под руки, оттащили к его машине. Действительно, отличное средство этот яд паучий – Лукас даже пытался идти и что-то мычал. А когда его укладывали в машину и накрывали его же собственным спальником и накомарником – попытался меня обнять. Как есть пьяный, а никакой не отравленный. Пистолет у него мы на всякий случай отобрали, винтовку тоже. Быстро проверив его одежду, нашли еще небольшой нож и тоже забрали. Все.

От объятий я уклонился, и мы пошли к пикапу. Мария Пилар тоже пошла к своей машине, и я увидел, как она раскладывает спальник и натягивает противомоскитную сетку. Ну и мы легли спать, откинув сиденья, – в «семиспятке» для этого места вагон.

Суверенная Территория Невада и Аризона, Дорога, Западное направление. 22-й год, 34-е число 5-го месяца, суббота, 07:31

Подъем на привале объявили в семь утра. Первое, что мы сделали, – подошли к «матту» Лукаса. Михаил начал его нещадно тормошить, стараясь это делать так, чтобы всем было видно, а я активно ему помогал. Лукас мычал что-то сквозь сон, пытался отбиваться, в общем, выглядел как мертвецки пьяный и не осознающий себя человек. К нам подошла Мария Пилар, свежая и умытая, и она тоже пыталась Лукаса разбудить, работая на публику и демонстрируя, насколько все бесполезно. Мы даже втихаря побрызгали вискарем на его спальник и немного ливанули ему в рот, а саму бутылку бросили на пол между сиденьями, как будто тот еще и ночью к ней прикладывался. В общем, разыграли сцену на все сто.

Подошел командир конвоя, которого Мария Пилар называла Джеймсом, поморщился от запаха перегара, расплывавшегося от Лукаса, а мы наперегонки начали рассказывать ему, что собирались ехать догонять русский конвой, этот коммивояжер тоже собрался присоединиться к нам, намереваясь ехать в Новую Одессу, но напился как скотина и за руль уже сесть не может. Командир сказал, что ему известно, что мы догоняем свой конвой, а насчет «клиента» принял решение быстро – спросил, может ли кто-то из нас сесть за руль в его машине? Вызвался Михаил.

Командир ничтоже сумняшеся вычеркнул нас из списка конвоя, забрал приемники и таблички с порядковым местом в порядке. Мы с ним попрощались, быстро погрузились во все три машины, привязав Лукаса к заднему сиденью его джипа прямо в спальнике – скорей не для того, чтобы он не сбежал, а чтобы не вывалился по дороге. Помахали всем руками да и выехали на дорогу. Набрали скорость, и конвой, еще не тронувшийся с места, вскоре исчез за увалом.

Суверенная Территория Невада и Аризона, Дорога, Западное направление. 22-й год, 34-е число 5-го месяца, суббота, 12:45

Солнце еще только начинало приближаться к зениту, когда мы увидели впереди стоящий вдоль дороги наш, родной, конвой. Я быстро дал сигнал радиоопознания, получил ответный. Через пять минут мы уже ударили по тормозам среди своих. К удивлению Немцова и окружающих, сначала мы с Михаилом бросились благодарить нашу несравненную сеньориту Родригез – амазонку, богиню войны и охоты, Мату Хари и вообще красавицу. Амазонка вышла из своей машины как солнце над океаном, улыбнулась всем глядящим на нее так, что раздался лишь общий выдох. Немцов, насупившийся было при виде посторонних, – даже вперед бросившись и даме ручку подавши.

Покончив с ритуалом явления Марии Пилар простым смертным, мы сдали пленного, так и не проснувшегося, на руки Быхову.

Лукаса тем временем отволокли в головной БТР, где приковали наручниками к сиденью, уложив самого на пол. Владимирский тем временем снова переоделся в форму, повесил на плечо свой автомат с подствольником – и слился с окружающими. Один я остался здесь белой вороной со своим гражданским видом.

Немцов посадил одного из сменных водителей за руль «матта» Лукаса – и дал команду: «По машинам!» «Бандейранте» Марии Пилар втиснулся передо мной, и колонна опять пошла – дальше, дальше, в сторону русской территории.

Дорога, Западное направление. – Территория России, протекторат Москвы. Территория России, протекторат Русской Армии, Пункт постоянной дислокации РА. 22-й год, 31-е число 5-го месяца, вторник, 27:20

Путь до территории Русской Армии занял три дня. Конвой увеличил скорость, ночевки сократились. Территорию Конфедерации Южных штатов мы проскочили за полтора дня, не заезжая ни в один город и только раз заправившись топливом и заполнив резервные емкости в маленьком форте-заправке в верховьях какой-то реки, названия которой я даже не спросил. Не Большая и не Рио-Гранде, другая какая-то. Пейзаж начал меняться – видимо, ближе к Заливу воздух становился более влажным. Рощи становились все больше, местами превращаясь в целые леса, дорога петляла меж холмов, все чаще и чаще переезжали мосты через реки.

Утром последнего дня колонна проскочила блок московских «внутренних войск», где от нас отделились три «КамАЗа», которые с омовскими «тиграми» пошли на Новую Одессу, уже по дружественной территории.

Для нашего конвоя эта территория тоже не была враждебной, независимо от взаимоотношений властей. Дорожные указатели были на русском языке, иногда дублируясь на английском. Дорога из мест пустынных и диких вышла в места более населенные, по крайней мере вдалеке мелькали какие-то строения. На дороге стали попадаться встречные машины, в основном, как и говорил Владимирский, «УАЗы» и «Нивы» всех видов, один раз навстречу проскочил черный «гелендваген» с мигалкой, и за ним «тигр» с пулеметом, надписью «ВВ» на бортах, битком набитый солдатами в камуфляже. Не зря говорили, наверное, что сюда немало откочевало особенно проворовавшихся любителей машин с мигалками из Старого Света, которые теперь катаются с ними по саванне, пугая местную живность.

На блокпостах о колонне знали, пропускали без особых формальностей, только проверяли путевой лист. Граница московских владений территории Русской Армии выглядела как два расположенных напротив блока, на одном из которых крутились омовцы в камуфляже «из-за ленточки», а на другом – солдаты в камуфляже местных расцветок. Впрочем, на обоих постах к конвою отнеслись одинаково дружелюбно. Видимо, два блока друг напротив друга были данью скорее политике, чем демонстрировали реальную взаимную враждебность.

Во время последнего перегона Мария Пилар все же выбилась из сил, и Немцов посадил за руль ее машины одного из бойцов, а сама сеньорита дремала в «тойоте» справа от меня, невзирая на тряску. Начинала опускаться темнота, мне уже толком не удавалось разглядеть пейзажи моей будущей родины, лишь кое-где, вдали от дороги, мелькали какие-то фонари и прожектора. Конвой шел, включив весь свет, дорога превратилась в посыпанный щебенкой и чем-то политый для закрепления грейдер. Зубастые внедорожные покрышки гулко гремели по нему, заставляя спящую Марию Пилар ворочаться и иногда вздрагивать.

Обычно к этому времени конвой останавливался на привал, но до пункта назначения оставалось не больше часа, и Немцов гнал и гнал колонну вперед. Даже меня охватило какое-то оцепенение, хотя, казалось бы, за проделанный путь должен был привыкнуть. Наконец впереди показали многочисленные огни прожекторов, мы проскочили, не останавливаясь, один блок, затем подъехали ко второму, втянулись в ярко освещенные ворота со шлагбаумом. Я увидел из окна машины капитально обустроенный ВОП⁴¹, возле ворот находился бетонный капонир, в котором укрылась БМП-1, направив пушку в ту сторону, откуда мы приехали.

⁴¹ ВОП – взводный опорный пункт.

Конвой начал разделяться на две колонны: броня заворачивала налево, а грузовики, сбросив скорость, медленно двинулись прямо. Я растерялся, но из остановившейся БРДМ выскочил Немцов, подбежал к моей машине и сказал:

– Вы давайте прямо за грузовиками, до следующих ворот. Проезжаете в них, затем первый поворот налево. Упретесь в ворота, заезжаете, паркуетесь. Это гарнизонная гостиница – вас там ждут, я связался. Машину девушки отгоним с собой в парк, чтобы не возиться, а завтра за вами прямо на ней заедет Быхов. Заедет в десять. Вопросы есть?

– Вопросов нет. До завтра, спасибо, Володя! – поблагодарил я.

– Давай, удачи! – крикнул он, отбегая. – Отдохните хорошенько.

Я пристроился за грузовиками, догнав медленнодвигающуюся колонну. Примерно метров через пятьсот были следующие ворота со шлагбаумом, возле них стоял солдат с АК-103 с подствольником, висящим наискось на груди, стволом вниз. Он, видимо, ожидал нас, потому что без вопросов поднял шлагбаум и махнул рукой на отсвечивавший в лучах фонарей указатель «Гарнизонная гостиница», показывающий влево. Я свернул под указатель и действительно метров через двести въехал в открытые ворота в заборе, огораживающем довольно просторную парковку перед скромным белым двухэтажным зданием со светящейся вывеской «Гостиница» над подъездом.

Припарковав «семиспятку» поближе к подъезду, заглушил хорошо потрудившийся дизель. Видимо, наступившая тишина разбудила Марию Пилар, которая вскинулась, огляделась вокруг непонимающими глазами. Я сказал ей, что все, приехали, что мы уже на базе и идем спать в гостиницу. Она спросила, где ее машина, и я сказал ей то, что мне самому объяснил Немцов. Она сонно кивнула, с трудом выбралась из машины.

Я подхватил с заднего сиденья свою сумку и ее рюкзак, закинул все это себе на плечо и, подумав, другой рукой взял Марию Пилар под руку, чтобы она не промахнулась мимо дверей на входе. На мой взгляд, она была вполне способна на это.

В просто отделанном и частично освещенном холле я нашел стойку, за которой стояла молодая женщина в светлой серовато-зеленой повседневной форме с погонами сержанта. Мы подошли, и я не успел раскрыть рот, как женщина спросила: «От Немцова?» Я лишь кивнул, и она протянула мне два ключа с пластиковыми бирками, на которых были выдавлены красные номера «222» и «223».

– Заселяйтесь, отдыхайте, – сказала она, что-то записывая. – Вас будить завтра?

– Меня в половине девятого, а девушку... у вас внутренние телефоны есть?

– Разумеется, – кивнула она. – Из номера в номер звонить через «ноль». Ноль – и номер комнаты.

– Девушку тогда я сам разбужу, если получится, – ответил я.

Женщина-сержант мимолетно улыбнулась, затем попросила наши идентификационные карты. Я протянул ей свою, а у Марии Пилар пришлось просить дважды – она смотрела на меня ничего не понимающими и невероятно сонными глазами. Наконец она поняла, что я у нее прошу, расстегнула маленький карманчик на бедре, вытащила свою карту.

Женщина в форме просто считала сканером штрихкоды и вернула документы.

– Спокойной ночи, отдыхайте. Завтра вас разбудим. Завтрак у нас накрывают с восьми утра до десяти.

Я снова подхватил багаж и спящую красавицу – и потащил это все по лестнице на второй этаж. Свет в коридоре горел в дежурном варианте, не ярче ночников, поэтому к номерам на дверях пришлось присматриваться. Как и ожидалось, нам выделили два соседних номера. Я бросил свою сумку на пол возле дверей двести двадцать второго, довел Марию Пилар до следующего, открыл ей дверь ключом, нащупал внутри выключатель, завел ее внутрь и положил ее рюкзак на кресло. Затем пошел обратно к выходу. Неожиданно она меня остановила,

обняла за шею и поцеловала в губы. Ее губы были теплыми и удивительно нежными. И поцелуй был не жаркий, любовный, а тоже... просто теплый, нежный. Затем она улыбнулась, сказала «Gracias»⁴² и легонько, почти незаметно, подтолкнула меня к выходу. Я шепнул ей: «Приятных снов», – и пошел в свой номер. Спать.

⁴² Спасибо (*исп.*).

Территория России, протекторат Русской Армии, Пункт постоянной дислокации. 38-е число 5-го месяца, среда, 10:00

Проснулся я за пять минут до телефонного звонка дежурной, чувствуя себя удивительно выспавшимся и отдохнувшим. Валялся в постели до звонка, ответил на него, затем пошел в душ, долго лил на себя попеременно горячую и холодную воду, побрился, освежил личность туалетной водой из своих запасов, сделал вид, что причесываюсь – с моей стрижкой особенно причесывать нечего, – и пошел к телефону будить Марию Пилар. Оказалось, что солнце в ее лице уже взошло, в трубке было слышно, что в ее номере играет музыка. Я огляделся – действительно, в углу, под телевизором, стоял маленький музыкальный центр и стопкой лежало несколько компакт-дисков. Номер был простым, но довольно просторным, очень чистым. Снова позвонил ей, спросил – собирается ли она завтракать? Она ответила, что собирается немедленно.

Я вышел из номера и столкнулся с ней в коридоре. Сегодня она решила не поражать окружающих воинственностью вида или откровенной демонстрацией своих многочисленных достоинств. На ней были легкие брюки из ткани вроде некрашеного льна, белоснежная майка с короткими рукавами, оттеняющая ее бронзовую смуглость, и на ногах – легкие сандалии на тоненькой подошве, сплетенные из полосок рыжей кожи. Ступни у нее были маленькие и очень изящные, на правой ноге на двух пальцах были золотые колечки. Когда она шла, можно было заметить, что на левой тонкой щиколотке надета широкая плоская золотая цепь, больше напоминающая браслет. Косметики на ней почти не было, но она в ней и не нуждалась – слишком ярким ее лицо было от природы, а густые блестящие волосы она туго зачесала назад и скрутила в аккуратный узел на затылке, закрепив его какой-то удивительно загогулистой застежкой из кости.

Мы спустились в гостиничное кафе, где уже половина столов была занята. Было несколько офицеров в разных званиях, в светлой серо-зеленой форме, как у девушки-сержанта за стойкой портье, были и гражданские, одетые по-разному. Гражданские были, судя по всему, какими-то инженерами или техниками, потому что, завтракая, перебирали чертежи непонятно чего и очень оживленно спорили.

Завтрак был накрыт «шведским столом». Несколько видов пирожков и пирогов, салаты, свежесдобленный хлеб и нарезанное мясо и сыр разных видов, молоко, йогурт, соки и квас. Все с национальным уклоном. Свежие булочки и варенье тоже прилагались.

Мария Пилар об объеме талии не слишком беспокоилась, если судить по тому, как лихо она пробежалась по подносам, навалив в широкую плоскую тарелку целую кучу пирожков со всем, что там было, и налив себе сразу два стакана цельного молока. Ну что же, если она так ест всегда, а талия у нее по-прежнему такая, какую я вижу сейчас, то прибавка в весе ей точно не грозит.

Пройдясь по залу, кубинка собрала привычную дозу мужского внимания, – даже девушка в форме рядовой, выполнявшая функции официантки, разливавшей кофе и чай, и та замерла с кофейником в руке. Затем взгляды мужчин скрестились на мне, и в их печальных глазах явственно читалась глубокая зависть. Не буду же я каждому объяснять, что меня вчера просто поцеловали и за дверь выставили.

Мария Пилар доела пирожки, выпила все молоко, отдала должное сдобным булочкам с маслом и вареньем. Особенно ей понравилось какое-то ярко-красное варенье из совершенно неизвестных мне ягод, она даже пальцы облизала с явным удовольствием. Выпила две чашки кофе со сливками, после чего с радостным блеском в глазах уставилась на меня. Как будто

папа должен дочку похвалить, что она такая умница и так позавтракала хорошо, и теперь ее можно в детский сад вести.

Я сказал, что сейчас придет ее машина, а мне надо будет отбыть с прапорщиком Быховым в штаб армии. Мария Пилар кивнула и хоть и не на совсем чистом, но все же очень русском языке сказала:

– Конечно. И я с тобой, мне тоже туда надо.

Обидно все же. Я эти брюки еще не надевал с тех пор, как в этот мир попал, а теперь только полчаса проносил – и целую чашку кофе на них вывернул. Рядовая и официантка в одном лице подбежала ко мне с салфетками, собираясь помочь, но в последний момент остановилась. Все же неловко девушке собственноручно там вытирать, тем более если мужчина с дамой. Подумав, она протянула салфетку мне. Я промокнул все больше и больше разбегающееся по светлым брюкам пятно. Мария Пилар ехидно посмотрела на меня и спросила по-русски же:

– Помочь?

– Спасибо, я справлюсь, – подчеркнуто вежливо ответил я и тоже на родном языке.

– Выпил кофе?

– Хм... наверное, и так можно сказать, – ответил я на без сомнения издевательский вопрос.

– Тогда пойдем в комнату, ты переоденешься. Мне надо взять сумку.

Так, с огромным бурым пятном на брюках, я прошествовал через все кафе. Пришлось доставать из сумки другие брюки, но времени гладить их уже не оставалось – с минуты на минуту должен был заехать Быхов. Пришлось сделать вид, что они мне кажутся немятыми и вообще у них фасон такой. Рубашку не залил, к счастью, ее можно было не менять.

В дверь постучали, я открыл. Это была Мария Пилар, держащая в руках что-то вроде непромокаемой нейлоновой папки.

– Que pasa, hombre? – осведомилась она.

– Это была шутка? Я имею в виду незнание русского языка.

– Смешно получилось? Тогда думай, что шутка, – крайне непринужденно ответила она.

Злиться на нее все равно невозможно было, поэтому я махнул рукой, подумал, нужно ли брать с собой оружие, но, представив, как будет выглядеть мой наряд в комплекте с «парабеллумом» или «береттой», решил не выглядеть еще глупее, чем мне уже сегодня удалось.

Едва мы вышли на крыльцо, как на стоянку заехали две машины – «бандейранте» Марии Пилар и его двоюродный брат, уже не пикап, а джип без верха, в камуфляжных пятнах и с номером на борту. За рулем машины Марии Пилар сидел Быхов, военную же машину вел боец в рубашке с короткими рукавами, черном берете и с повязкой «посыльный». Мы с Быховым поздоровались, он даже отпустил Марии Пилар комплимент со всей учтивостью, достойной прапорщика, – дескать, приятно, когда служба с утра начинается с представления прекрасной даме, но он вынужден забрать моего спутника, однако позже...

Речь осталась незаконченной, потому что я сказал, что сеньорита следует с нами. Быхов удивился, но виду не подал, а просто протянул ей ключи от ее машины и сделал приглашающий жест в «тойоту». Мария Пилар улыбнулась ему, а затем вышедшему из машины солдату-посыльному. Улыбнулась так, что боец не только распахнул перед ней дверь на заднее сиденье, что было естественным, но и от обалдения отдал честь, что уже было грубым нарушением Устава, согласно которому даже такая красивая девушка не может являться старшим по званию.

Я тоже уселся рядом с кубинкой назад, Быхов забрался на переднее сиденье, и «бандейранте», зафырчав дизелем, рванул с места. До штаба оказалось около пяти минут езды. Дорога вела через расположение какой-то части, застроенное двухэтажными казармами вокруг большого асфальтированного плаца. В казармах здесь проживало не более трети личного состава –

те, кто находился на боевом дежурстве. Остальные жили в городе, приезжая на службу с раннего утра. Издержки не только профессиональной, но скорее даже пожизненной службы. Мы проехали КПП, покатали вдоль глухого забора парка боевой техники. Заглянуть внутрь было невозможно, но в одном месте я увидел задранные вверх стволы трех «Гвоздик»⁴³, из чего сделал вывод, что Русская Армия делает ставку не только на легкопехотные части. Через мелькнувшие решетчатые ворота со звездами мне удалось разглядеть стоящие в ряд танки Т-55⁴⁴, серьезно модернизированные – динамическая защита, явно новые приборы управления огнем, пушка взята в кожух. Перехватив мой взгляд, Быхов сказал, что «пятьдесят пятые Эм Вэ» для местных условий самые подходящие и стоят намного дешевле современных, что немаловажно. Со слов Быхова выходило, что наиболее используемые в Русской Армии танки – в настоящий период вообще ПТ-76⁴⁵, которые хорошо себя зарекомендовали во влажных и заболоченных низинах дельты Амазонки. А накупили их чуть не за бесценок, и денег хватило на установку новых ночных прицелов и современных радиостанций. Ну и дизеля поставили мощные, а то раньше они на марше даже от Т-55 отставали.

И так, с его слов, поступает здесь не только Русская Армия, но и все остальные. Англичане даже старые броневики «феррет» и «сарацин» с каких-то складов покупают, еще в Старом Свете меняют в них старые бензиновые моторы на новые дизели, ставят новую трансмиссию, ночные прицелы и радио – и очень за недорого получают отличную машину для местных условий, вооруженную мощной пулеметной «спаркой», мобильную и проходимую. Так же поступают и все остальные. А платить столько, сколько стоит современная военная техника из Старого Света, здесь позволить себе мало кто может, даже Орден так не размахивается. Все же не те здесь пока доходы, далеко не те.

Вообще я заметил, что если солдаты вооружены и экипированы по самым последним стандартам и автомобили новые как на подбор, то уже бронетехника вся устаревшая – на новую денег нет и пока не предвидится.

Забор парка закончился, впереди показался еще один КПП части. Я бросил взгляд в боковой проезд – и увидел вдалеке бетонное поле со стоящими вертолетами Ми-8 и Ми-24.

– Наш «золотой фонд», – пояснил прапорщик. – Одна треть летает, две трети – только профилактика! Держим на случай, если наступит «последний и решительный».

Показав на забор следующей части, Быхов сказал:

– Гренадерский полк, мотопехота фактически. Все тяжелое вооружение у нас в составе гренадерских частей, танки те же, «саушки», боевые машины пехоты. А проехали сейчас – наш, легкопехотный. Мы больше конвоями занимаемся сейчас, у нас сплошь только колесная техника, чтобы далеко кататься и дороги не убивать окончательно. Тут рода войск совсем другие, не как раньше были. Тут еще егерский отдельный стоит, егеря – самая элита у нас. Создали на страх врагам.

– А артиллерия как?

⁴³ 122-мм САУ «Гвоздика» была разработана в конце 60-х годов. Модернизированное орудие гаубицы Д-30 было размещено в башне, установленной на удлиненном шасси транспортера МТ-ЛБ. Гаубица 2С1 была предназначена для уничтожения огневых средств противника, пунктов управления, полевых укреплений, а также для борьбы с бронированными целями стрельбой прямой наводкой. На вооружение Советской Армии «Гвоздика» поступила в 1972 году. Всего было изготовлено более 1000 САУ этого типа.

⁴⁴ Т-55 – самый массовый советский танк послевоенного периода. Относился к классу средних танков. Принят на вооружение в 1958 году. Изготавливался серийно до 1979 года. Масса (первой модификации) – 36 тонн, вооружение – 100-мм пушка и курсовой пулемет, экипаж 4 человека. Танки Т-55 составляли основу танкового парка Советской Армии в 60–70-х годах. За это время изготовлено более 20 000 танков всех модификаций. Кроме того, с 1964 года еще и в Польше и Чехословакии произведено 9000 этих танков.

⁴⁵ ПТ-76 – плавающий танк, принят на вооружение в 1951 году, выпускался серийно до 1967 года. Выпущено около 12 тыс. машин. Боевая масса 14 тонн, вооружение – 76-мм нарезная пушка и 7,62-мм пулемет. Даже в настоящее время на вооружении ВС РФ числится около 100 танков, и множество машин разных модификаций используется во всем мире.

– Артиллерия всегда приданная, но может выделяться в отдельные сводные отряды. Тяжелая самоходная артиллерия, реактивная и буксируемые гаубицы – в гренадерских частях, а в легкопехотных минометы в основном самоходные, даже местных конструкций есть.

– Это какие? – удивился я.

– «Васильки» на базе бронированного «Урала», местная конструкция, – пояснил он.

– Интересно...

На моей памяти «васильки» на «маталыги» сверху ставили, было такое. Но гусеницы, я это прекрасно понимаю, здесь не всегда хороши, колесная техника рулит при таких расстояниях. Или гусениц вместе с дорогами не напасешься. А «покемон» для перевозки личного состава вполне как платформа для миномета стодится. И расчет пристроится, и боекомплект загрузить есть куда.

– К егерскому подъезжаем. Но в ППД только первый батальон стоит, разведбат, подчинен непосредственно управлению разведки, – сказал Быхов, показывая на металлические ворота, показавшиеся в конце длинной улицы. – Это уже элита из элит. К ним постоянно приписана эскадрилья «Ми-восьмых» и звено «крокодилов», а вот уже никакой тяжелой техники нет. Они у нас «легче» всякой легкой пехоты даже. Нет даже бронетранспортеров, а есть только «водники» с «тиграми», с комплексами легкого вооружения на них. За тяжелое вооружение – ПТУРЫ. А первая рота – так вообще на бразильских «тойотах», таких, как у Марии Пилар, только переделанных в рейдовые машины. На каждой спарка из АГС и «корда». Они надежней «уазиков», а первая рота в дальние рейды ходит.

– А остальные батальоны где?

– Второй батальон сейчас в дельте Амазонки, а третий напротив Ичкерийского Имамата расположился.

«Бандейранте» подлетел к КПП, упершись в шлагбаум. Быхов предъявил документы, и нас пропустили. Машина проехала по дорожке и остановилась у двухэтажного здания с табличкой «Разведывательное управление Русской Армии». Здание соединялось переходом со вторым, такого же размера, расположенным под прямым углом, без надписей. За ним большая площадка была уставлена машинами с кунгами и высоко торчащими на растяжках мачтами антенн. Понятно – радиоразведка, РЭБ⁴⁶.

Посыльный подвез нас прямо ко входу. Мы вышли из машины, Мария Пилар одарила бойца самой ослепительной из улыбок, я попрощался с ним, и Быхов повел нас внутрь.

Дежурный с повязкой проверил на входе документы у Быхова, попросил у нас с кубинкой идентификационные карты. Считал код, затем позвонил по телефону, доложив, что есть человек, не заявленный в списке, имея в виду нашу подругу. «Не заявленная в списке» Мария Пилар спокойно и нежно рассматривала дежурного старшего сержанта, заставляя того краснеть и стесняться. Старший сержант передал трубку Быхову, тот несколько раз сказал «да», покопился на девушку, затем произнес: «По его инициативе» и добавил после паузы: «Так точно!» Передал трубку старшему сержанту, тот выслушал какую-то команду и пропустил нас дальше. Мы подошли к широкой лестнице, ведущей на второй этаж, и тут нам навстречу выбежал Владимирский. Мы поздоровались, Быхов же, наоборот, – попрощался, и уже Михаил повел нас по коридору до кабинета с табличкой «Начальник службы разведки РА п/п-к Барабанов Н. С.».

Дверь была простая на вид, но звуконепроницаемая. Владимирский постучал и, не дожидаясь приглашения, вошел, пригласив нас за собой.

Барабанов с афганских пор изменился, конечно, но не слишком радикально. Возникли морщины возле глаз и в уголках рта, на правой скуле появился шрам от касательного ранения. А так – все тот же загар, как в Кандагаре, светлые, почти белые волосы, стриженные под

⁴⁶ РЭБ – радиоэлектронная борьба.

«ежик», серые глаза. Единственное, что изменилось радикально, – форма. Впрочем, не только у него. Знаки различия остались прежними, но сама форма была тропической, максимально открытой и легкой, и самое главное – цвет. Исчез наш привычный хаки, сменившись чем-то серовато-зеленым, довольно светлым, брюки чуть темнее, рубашка светлее. И вместо галстука в открытом вороте белая трикотажная футболка видна. Заметил-то я это раньше, но именно в сочетании с хорошо знакомым лицом Николая это бросилось в глаза.

Барабанов поднялся нам навстречу, раскинул руки, хлопнул одной меня по ладони, а другой обнял за плечо.

– Здорово, прапор! Сто лет не виделись! Проходи, не стесняйся. Я когда узнал, что ты здесь, обалдел просто. Представь спутнице, а то уже по всему ППД слухи ходят, что приехал новый снайпер с такой красавицей, кто видел – до сих пор в ступоре, хоть водкой их отпаивай.

Я повернулся к Марии Пилар, чтобы представить ей Николая, но та неожиданно четко отрапортовала:

– Товарищ подполковник! Сотрудник разведки Революционной армии Республика Куба лейтенант Мария Пилар Родригез. Направлена к вам вышестоящим командованием для установления рабочих контактов.

Занавес.

Не то чтобы я совсем не догадывался ни о чем, этого нельзя сказать. Мелькало кое-что, заставлявшее предположить, что Мария Пилар вовсе не просто легкомысленная красотка из маленького тexasского городка. Чего стоит одно угаенное знание русского языка. Но все равно такое представление меня несколько огорошило. Хотя бы тем, что у таких женщин воинских званий не бывает. Бывают эпитеты вроде «прекрасная» или, скажем, как ни старомодно звучит, – «несравненная», но – нет, не звание.

– Подполковник Барабанов, Николай Сергеевич. Начальник службы разведки Разведывательного управления Русской Армии. Рад видеть. Присаживайтесь, товарищи. Чай будете?

Территория России, протекторат Русской Армии, Пункт постоянной дислокации. 38-е число 5-го месяца, среда, 13:00

Мария Пилар привезла с собой какие-то документы, отдала Николаю, но после чаепития Владимирский проводил ее в контрразведку, где хотели с ней и Михаилом поговорить о наших приключениях. Вернуться к Барабанову она должна была после беседы с неким Палычем, который контрразведку возглавлял. Мы остались с ним в кабинете вдвоем, заварили еще чаю, рассказали, кто и как жил последние годы. Барабанов после Афганистана продолжал служить, но перешел в отряд спецназа ГРУ. Там рос понемногу, прошел обе чеченские войны, получил награды хорошие, и немало. Но звания не шли – имел привычку говорить что думает и не всегда в нужном месте и в удобный момент. В результате откликнулся на предложение послужить в русских частях далеко за границей – и оказался здесь, о чем ни капли не жалеет. Здешнюю армию хвалил, говорил, что такой боевой выучки ни в одной армии еще не было. Огромный опыт, люди почти все с боевым прошлым из той еще жизни, все дело знают. Штабы маленькие, многие отделы штабные здесь просто упразднены. Разведуправление тоже небольшое, работает довольно эффективно, но все же агентурная сеть маловата, надо расширять. Полевая разведка есть, а вот агентурной почти что вовсе нет.

Затем закурил сигару, чего за ним раньше не водилось – все сигаретки смолит, – и спросил меня:

– Как дальше думаешь быть?

– Честно – пока не знаю, – пожал я плечами. – Остаюсь здесь в любом случае, но что делать буду – ума пока не приложу. Служить идти уже поздно, да и не слишком хочется, другое занятие себе найти – там видно будет, я пока не видел здесь ничего.

– Давай я попытаюсь ум приложить, – выпустил Барабанов клуб синеватого дыма. – Начнем с твоих недостатков. Первый недостаток – возраст. Ты на два года младше меня был, значит, тебе сейчас сколько – сорок?

– Сорок, – подтвердил я.

Что еще скажешь – не мальчик уже.

– Второй недостаток – полное отсутствие командного опыта, поэтому на строевую должность и соответствующее звание претендовать не можешь, а начальником склада вещевого довольствия ты и сам не пойдешь, – продолжал он клеймить мои недостатки. – Так?

– Ну примерно, – согласился я.

– Хорошо. Переходим к достоинствам. – Барабанов загнул палец. – Ты и в Афгане стрелком был отличным, а сейчас, по отзывам ребят, еще лучше стал. Я тебя знаю, ребята с тобой в деле были, так что доказывать свою благонадежность тебе не нужно. Это уже второй плюс. Третий плюс – ты и на службе одиночкой был, команда для работы тебе была нужна постольку-поскольку. Самостоятельность мышления это значит. Дальше: со слов Владимирского знаю, да и еще в той жизни от ребят слышал, что ты «приподнялся», а заодно по белу свету помотался. Так?

– Так.

Тоже было бы глупо отрицать. Помотался – не то слово.

– Еще лучше, – с удовлетворением кивнул Николай. – Два языка свободно у тебя. Руководил фирмами и людьми на гражданке, опыт управления есть. В случае чего сможешь дело открыть и через день не прогореть – не то что мы, вояки. Мышление у тебя всегда было комбинационное, помноженное на редкую... хитромудрость. С людьми ты ладил легко, с женщинами

в особенности. Про женщин – со слов еще прошлых наших бывших ребят, Вяльцев конкретно о тебе рассказывал. Видитесь с ним?

– Виделись время от времени, – кивнул я.

– Это хорошо, в перспективе думаю его сюда заманить, – что-то пометил в блокноте Барабанов. – Еще о тебе – владеешь многими навыками, для обычного военного непривычными. Легкие самолеты, мотоциклы, подводное плавание. Так ведь?

– Так.

– Обтерся в обществе, везде за своего можешь сойти, чего о нас не скажешь – у нас погоны даже в бане заметны. Мне продолжать или ты за меня закончишь?

– Я закончу, – кивнул я, поняв, к чему ведут все эти последние славословия – к поправке положения с агентурной разведкой. – К себе приглашаешь. Ни личного состава, ни строевой службы, у вас пока особо не засвечен, могу работать под «крышей». Полевой агент, короче, так это называется?

В общем, блеснул я дедуктивными способностями.

– Это у них так называется, а у нас – оперативный сотрудник, – поправил меня Барабанов. – Но в основном ты прав. Звание дадим. От этого ты не отмажешься. Без звания не могу тебе допуск дать к информации. А вообще тут многие звания меняли – кто вверх, кто вниз, на звезды «из-за ворот» особо не смотрят. Звание, довольствие, социальный пакет, так сказать. Жилье и прочее. Тут у нас с этим все как в лучших домах. И в КЭЧ никому кланяться не надо. Начальник управления приказ подпишет о выделении – и хоть сейчас заселяйся. С красавицей своей.

Я вздохнул.

– Коля, мне очень, очень жаль, но она – точно не моя красавица. Она просто красавица, но я там только мимо прохожу. Как говорится: будете мимо проходить – проходите.

– Ладно, шучу.

– Чем заниматься? – спросил я с подозрением. – Что-то я не уверен, что готов в армию идти. Все же возраст, и все такое...

– Чем заниматься – определим сегодня или завтра, работы хватает. Как заниматься – решай сам. Мы тебя ни в чем стеснять не будем. Я ведь тебя знаю: тобой командовать – только дело портить. Думаю, что как разберется Палыч с твоей красоткой – так и дело появится. Со званием... ну, капитана дадут, я думаю. С меньшим званием самостоятельность у нас иметь сложно, а без звания и зачисления в штат ни о каком допуске не может быть и речи. Зарплата будет девятьсот двадцать экю в месяц. Это на самом деле много здесь, у военных трат меньше, чем у гражданских, а оклад как у инженера с металлургического. Так что решай, согласен?

– А чего решать? – снова пожал я плечами. – Я все равно к вам ехал, но в строю с меня уже толку немного будет, физическая форма не та. Даже если и та, то возраст непризывной, и с ногой проблема с тех пор так и осталась. А здесь польза вероятна для дела. Пожалуй, что согласен. Но с сохранением оперативной свободы. Хотите агента в разных землях – я ваш. А служить строевую не хочу, ни малейшего желания не испытываю. У вас и без меня люди есть, помоложе. «Свободный художник», «вольный стрелок», «независимый подрядчик» – как угодно, но не в строй. В строю сами стойте, «начальник слева, начальник справа».

– Вот и ладно, договорились, – сказал Барабанов, продолжая что-то записывать. – Мне это тоже подходит. Ты посиди чуток, подожди, я к командиру схожу доложу.

Николай вышел из кабинета, а я пил чай и думал. Как ни крути, но лучшего предложения мне сделать и не могли. Может, и искал я здесь свободы, но какая она? Носиться по местным территориям безо всякой цели? Тут пожить, там пожить? А тут, похоже, снова «Отечество в опасности» – хоть и новое, незнакомое, но свое, родное, русское. Так, может, действительно даешь мою энергию на пользу общему делу? Инициативу обещают не стеснять, «свободным художником» хотят видеть. Если так, то я не против. Я всю жизнь только так и работал. Тем

более что была у меня уже одна навязчивая мысль, которую как раз здесь и обсуждать надо было.

Николай отсутствовал больше получаса. Я уже выпил весь чай и смотрел в окно, как вдалеке, за забором, тренировались в учебном городке бойцы из разведбата. Серьезно тренировались, без дураков, выкладываясь. А если они еще и воюют постоянно – то хорошие войска здесь завелись, можно служить. С жильем, с зарплатой, с уважением людей.

Николай вошел с целой кучкой бумаг в руке.

– Извини, задержался, зато все сразу сделали. Садись, подписывать будешь. Вот эти три бумажки – подписки о неразглашении, на допуск и прочее. – Он подтолкнул по столу три листа с отпечатанными на них текстами: – Подписывай.

Не споря, я поставил подписи в графах со своей фамилией.

– Так, хорошо, – кивнул Николай. – Вот это приказ о зачислении на вещевое, это – на продовольственное довольствие, подмахни копии, что довели до тебя, это от меня тебе подарок лично – пойдешь на склад РАВ⁴⁷, выберешь все, чего душа пожелает. Там за тобой и закрепят.

– Вот за это спасибо. Век не забуду, Коль. Отец родной просто, – развел я руки в стороны, как будто собираясь его обнять, но обнимать не стал и на самом деле не собирался.

– Теперь вот это... – Барабанов передал мне лист бумаги: – Приказ о временном выделении жилья в военном городке для офицерского состава. Вот тут распишись, что получил копию. Вот адрес: Офицерский городок, четвертая линия, дом двенадцать. Только почту туда не направляй от кого угодно, не демаскируй позицию. Ты все же тайными операциями заниматься будешь.

– Догадываюсь, – усмехнулся я.

– Это из личного резерва командира, поэтому ключи сразу – держи.

Он толкнул мне по столу запечатанную прозрачную пластиковую коробочку с лежащей внутри связкой из четырех одинаковых ключей.

– Не хоромы, но и неплохо, – пояснил он. – Мебель стоит, если не нравится – сам покупай, а эту – на склад. Типа таунхауса, две спальни, гостиная небольшая с кухней, газончик маленький перед крыльцом, задний дворик в три сотки, парковка на две машины перед домом. Платишь только коммунальные, финчасть прямо из зарплаты вычитать будет – только служи. Уволишься из рядов – освободишь площадь.

– Послужим, – кивнул я.

– Теперь главное – приказ о присвоении воинского звания «капитан» и приказ о зачислении на должность старшего оперативного сотрудника. У нас в таких случаях говорят: «Служу Отечеству». Я встал, вытянулся:

– Служу Отечеству!

Барабанов тоже встал, пожал мне руку.

– Поздравляю. Удостоверение личности получишь в строевой части, я провожу, затем с ним в финчасть – встанешь на денежное довольствие. Счет откроют в Русском Промышленном банке. Зарплата у нас раз в две недели начисляется, еще дней десять до нее. Как у тебя на это время с деньгами?

– Порядок, я все же не совсем нищим вырвался.

– Прекрасно. Тогда так – красавица твоя еще часок занята с Палычем будет, поэтому – пошли, сделаем все по документам, чтобы я тебя к делам на законном основании допустил.

– Есть.

⁴⁷ Служба РАВ – ракетно-артиллерийского вооружения. Стрелковое оружие, равно как и любое другое, относится к службе РАВ.

Территория России, протекторат Русской Армии, Пункт постоянной дислокации. 38-е число 5-го месяца, среда, 15:00

Когда мы вышли из здания Разведуправления, Барабанов подвел меня к ряду из пяти «Нив», выкрашенных в камуфляж. Перехватив мой удивленный взгляд, сказал:

– А чему удивляешься? Проходимая, маленькая, дешевая, жрет терпимо, чего еще нужно? Вот они у нас на посылках и бегают – им же грузы не возить. Все дешевле, чем «УАЗ» или «тойота» в эксплуатации. Ладно, поехали, попробуем успеть все сделать.

Успели многое. Документы оформили без волокиты, мгновенно, после чего я стал обладателем еще одной идентификационной карты, но уже – удостоверения личности военнослужащего РА. Успел сдать документы в службу тыла. Заехали на вещевой склад вместе с Николаем, где я получил, тщательно примерив, два комплекта повседневной формы и капитанские погоны, маленькие и мягкие, крепящиеся на «липучке», легкие высокие ботинки из тонкой коричневой кожи, берет повседневный темно-зеленого цвета с эмблемой егерей (кинжал, обвитый лианой). На рубашке на рукаве был шеврон с летучей мышью и надписью «Спецназ. Spetsnaz». Понятно – это чтобы боялись: у СпН ГРУ⁴⁸ эмблему увели, только надпись поменили.

В полевой комплект входило два комплекта двустороннего камуфляжа – «саванна» и «джунгли», отличные ботинки с толстой подошвой, защитными вставками и камуфлированными берцами. Еще выдали мне разгрузку с отдельным набором навесных подсумков, легкий бронезилет, а заодно легкий шлем из арамидного волокна, по форме напоминающий хоккейный, но без отверстий, и камуфлированный чехол на него. Точно такой же, как у конфедератских конвойщиков, как оказалось – местного производства, из Демидовска. И лохматый камуфляж. А еще нейлоновый ремень с уставной открытой кобурой и прорву всякой мелочовки вроде тельняшек с темно-зелеными полосками, белых маек под повседневную рубашку, уставных носков и так далее. После чего мне были выданы РД и большая сумка, игравшая роль «тревожного чемодана».

С визитом на склад артвооружения мы уже не успевали, и я перенес это на вечер. Николай тут же приказал мне переодеться в форму, чтобы, как он выразился, «соответствовать моменту», и потребовал как можно скорее проставиться на звание, должность и новоселье.

Надел я повседневку, обулся, – только кобура пустая.

– Пистолет дам, получишь на складе – вернешь, – сказал он. – В форме и без оружия на службе здесь не ходят. И за пределы жилого городка без формы выходить не принято: предполагается, что ты всегда на службе. Если развлекаться идешь – тогда оружие не бери, но форма всегда обязательна.

Тогда вроде бы все по форме, можно идти. Мы ушли со склада, погрузились в посыльную «Ниву», вернулись в штаб. В кабинете Николай открыл сейф, вытащил оттуда «грач» с запасным магазином, протянул мне.

– С отдачей, – напомнил он, передавая оружие. – Мой собственный. А то знаю тебя – только дай чего стреляющего в руки. Я еще помню, как ты меня тогда до белого каления довел, объясняя влияние высоты над уровнем моря на траекторию винтовочной пули.

– Высота – на плотность воздуха, а тот уже и на отклонение ветром, и падение траектории...

⁴⁸ СпН ГРУ – Спецназ Главного разведывательного управления.

– Заткнись, а? – жалобно попросил он. – Держи вот еще мобильный, с зарядником. Подвесь в чехле к ремню и никуда без него не ходи. – Барабанов из того же сейфа достал небольшой мобильный телефон в резиновом защитного цвета корпусе, уставной футляр и зарядник. Перехватив мой взгляд, сказал: – «Нокиа» для экстремалов это, просто корпуса меняют. Там меняют, еще за «воротами». Ни раздавить, ни утопить. Работает в пределах пэпэдэ, Демидовске, поселке Береговой и дороге между ними. Все! Пошли обедать, Миша девушку твою тоже в столовую приведет, и с Пальчем познакомишься. И начнем уже о делах.

– О делах так о делах, – кивнул я. – Пора бы.

– Секретный портфель я тебе с ключами от сейфа и печатью после обеда выдам, в кабинет вместе с Михаилом сядете, – продолжал он меня инструктировать. – Вы с ним уже сработались – вот и организуем новую группу. Ты по интригам, а Миша – в помощь и по силовым решениям проблем. Он у нас из егерей – только ума многовато оказалось, больше чем нужно, чтобы просто по болотам бегать и глотки ножиком кромсать, – вот сюда и забрали. Да, транспорт у вас на отдел будет, дадим «Ниву». Если что посерьезней нужно будет – Миша из разведбата достанет.

– Я заметил у него и ум, и что он из егерей – на моих глазах за секунду здорового мужика вырубил так, что тот и «мама» сказать не успел, – прокомментировал я заявление Барабанова.

– Он может, – согласился Барабанов. – Он же и корректировщиком у тебя побывал?

– Побывал, – кивнул я. – Но там корректировать оказалось нечего, отработал из «винтореза» по дозору.

– Ладно, пошли обедать, – хлопнул он меня по плечу.

Обедали мы в офицерской столовой разведбата и разведуправления. Кухня была как и в столовой для рядового и сержантского состава, только там было самообслуживание с раздачей, а здесь работали официантки.

– Молодые какие-то, – сказал я Николаю, посмотрев на них.

– Школьницы подрабатывают, дети военнослужащих, – ответил тот. – Скорее всего, уже здесь родившиеся. У нас даже солдаты уже из таких появились, местных.

К столу подошли Владимирский с Марией Пилар и с ними какой-то седой подполковник в очках в металлической оправе.

– Андрей, знакомься.

Я представился:

– Ярцев.

– Гонтарь, – протянул руку подошедший. – Все зовут Пальчем.

– Здравия желаю, товарищ капитан, – с притворным восхищением глядя на мою форму, буквально выдохнула Мария Пилар.

– Не паясничайте, сеньорита.

Подошла официантка, мы заказали еду. Затем Николай взял слово:

– Уважаемая товарищ лейтенант Мария Пилар Родригез. – Он произнес это все чуть не по слогам. – Хотелось бы теперь выслушать вас всем вместе и внимательно. Не все вам подполковника Гонтаря своим присутствием радовать.

Мария Пилар мило улыбнулась присутствующим, после чего заговорила:

– Я представляю кубинскую разведку в Новой Земле. Когда началось переселение, на родине об этом узнали – захватили нескольких вербовщиков в Майами. Было принято решение отправить людей в этот мир, чтобы Республика Куба тоже могла занять свое место в формирующемся обществе. К сожалению, нас не слишком много, и создать свою территорию у нас не получилось. Места на окраинах заселенных земель не позволяют надеяться на процветание в ближайшие годы. В результате мы разделились. Нас около семи тысяч человек, именно

кубинцев, организованно направленных сюда. Здесь нас стало больше, многие даже обросли семьями. Живут компактными сообществами, но на разных территориях.

– Сколько сейчас? – уточнил Барабанов.

– Уже чуть больше семнадцати тысяч. Зато много нормальных семей, много детей – уже начали развиваться здесь как народ.

– Я, если честно, слышал пока только о кубинских бандах здесь и кубинской мафии, – сказал Палыч. – Правда, насколько я знаю, среди вас и венесуэльцы, и боливийцы, и еще кто-то.

– Если у вас только такая информация – значит, мы хорошо работаем, – все так же улыбаясь, ответила Мария Пилар. – Мы действительно на первый взгляд представляем собой разрозненные группы преступников, или неких партизанивших революционеров, или таких торговцев-одиночек, как я. На самом деле нам удалось создать хорошую разведывательную сеть. Ту самую, которую считают мафией. И у нас действительно не только кубинцы, но и из других стран люди. Эта мафия может в течение суток оставить свои места пребывания и быстро собраться в любом месте для выполнения любой задачи. И эта мафия прекрасно добывает информацию. Мы наверняка сможем вам помочь в проблеме с господином Лукасом: позиции наших товарищей в Нью-Рино очень сильны. И в Порто-Франко тоже.

Гонтарь кивнул.

– Это хорошо, от помощи мы не откажемся.

– Как я сказала, еще одна разновидность организации кубинских переселенцев – военизированные банды с революционным уклоном в Латинском Союзе, – продолжила лейтенант Родригез. – Их деятельность выглядит как борьба за власть, но на самом деле они не дают взять верх особо криминальным силам. Кроме того, товарищи постоянно оттачивают военное мастерство. Из семнадцати тысяч наших здесь не меньше четырех тысяч отличных бойцов. Эти «банды» могут передислоцироваться в любое требуемое место и организовать грамотную военную операцию серьезного масштаба.

Теперь спросил Николай, причем спросил о самом важном:

– Чего вы хотите?

– Мы хотим Дикие острова, – более чем конкретно ответила Мария Пилар.

– В смысле? – осторожно уточнил Барабанов.

– Эти острова для вас источник проблем, они отвлекают, заставляют распылять силы, – объяснила свою позицию Мария Пилар. – У нас целая бригада бойцов, которые умеют воевать в подобных условиях, которые воюют уже несколько лет в такой же горно-лесной местности против точно такого же противника, и с большим успехом. Если вы окажете нам поддержку, мы способны освободить острова от тех банд, которые там есть сейчас.

– И?

– Острова станут Свободной территорией Кубы на правах автономии в составе Российской территории, – закончила она свою мысль. – Мы с вашей технической поддержкой сможем удерживать их сколь угодно долго. Вам не потребуется отвлекать войска от других задач и позднее держать на островах свои опорные пункты.

– Что это дает вам?

– Свою территорию в составе дружественной страны, – начала перечислять она. – Место компактного проживания. В окружающих водах лучшая рыбная ловля, мы сможем торговать со всей Новой Землей. Если нам удастся обзавестись патрульным флотом, как мы рассчитываем, мы покончим с проблемой пиратства в этом районе. И мы рассчитываем принять участие в добыче нефти. Захват островов расширит территорию добычи до конца отмелей, которые там тянутся очень далеко. С другой стороны, мы полностью перекроем подход к нефтепромыслам с моря, обезопасив их от внешнего вторжения. Добытую нефть мы будем перерабатывать на ваших заводах и продавать через ваши терминалы, обеспечивая и вас дополнительной прибылью. А еще мы снова посадим сахар и у прекрасных пляжей построим новую маленькую

Гавану. Вы будете приезжать к нам. История дружбы наших народов долгая, и кубинцы никогда не предавали вас, чего не скажешь о действиях недавних правительств России. И последнее: кубинские острова окажутся на фланге возможного конфликта с халифатами, закроют весь этот район залива для плаванья недружественных кораблей.

– Не хочу даже спорить, все очень разумно, – кивнул Барабанов. – Что вам для этого надо?

– Нам нужна поддержка, – ответила Мария Пилар. – Техникой, специальным вооружением, тылом, стартовым плацдармом. Десантными средствами. Оружие у нас есть. И если вам условия подходят – я должна буду организовать встречу моих командиров с вами. Это – моя задача.

– А почему именно вы и таким образом, из Аламо?

Действительно, это выглядело странно. Этот вопрос тоже крутился у меня на языке, да все возможности его задать не предоставлялось.

– Задача на поездку сюда была поставлена недавно, – объяснила она. – Мы не хотели приходить с пустыми руками. Ждала попутного русского конвоя, должна была ехать за товаром. Но ваш конвой попутчиков не брал, я ждала следующего. А когда узнала о нападении на конвой и что это нападение было организовано из Нью-Рино, – решила поехать с вашими офицерами. Мы наверняка окажемся полезны.

Вступил в разговор Гонтарь:

– Надеюсь, вы понимаете, лейтенант, что решить такой вопрос, как присоединение вашего народа к нашей территории, – вне наших полномочий. Мы можем лишь установить контакт и доложить вышестоящему начальству.

– Я понимаю, – кивнула Мария Пилар. – Я уполномочена лишь организовать первую встречу.

– Ну это уж в наших силах, – кивнул Гонтарь. – Хорошо, после обеда я проведу вас к командиру, начальнику Разведуправления. Вы поговорите с ним, я поддержу вашу позицию.

Николай Барабанов добавил:

– Капитан Ярцев сможет присоединиться к вам позже. Пока он будет нужен мне.

Обед закончился в обычной болтовне. Мария Пилар на вид вовсе не тяготилась возложенной на нее ответственной миссией, была мила со всеми, улыбочива и так обаятельна, что уже минут через десять пожилой Палыч был почти готов идти отбивать для нее Дикие острова собственноручно.

Когда наша гостыя и Гонтарь ушли, а Владимирский отбыл решать текущие задачи, мы тоже вышли из столовой и решили пройтись по расположению. Николай заговорил со мной:

– С кубинцами сюрприз получился, конечно. Но очень полезный сюрприз: они ведь даже сами не знают, что они предложили. Допуск ты получил – теперь слушай. Все упирается в груз, который вы везли.

– Это интригует, – усмехнулся я. – Я чуть не сдох от желания узнать, что такое мы тащим.

– Кое-что красавица твоя изложила верно. Цепочка Диких островов окаймляет фактические границы нефтяного поля. Сразу за ними дно резко уходит в глубину, добыча там невозможна при нынешних условиях жизни в этом мире. Поле уходит в дельту Амазонки – и по ее долине как раз до западной границы нашей территории. Восточный край уходит в халифат. Больше нефти в Новой Земле пока не нашли. Месторождение большое, при нынешнем населении Новой Земли чуть больше десяти миллионов человек его хватит надолго, очень надолго, на сотни лет.

– В общем, все как «за ленточкой», нефть у нас и у арабов? – уточнил я.

– Да, так получилось, – кивнул Николай. – Такое положение вещей не радует никого, особенно американцев. Занимая Большой полуостров под свою территорию, они думали, что

выбрали идеальное место, безопасное, позволяющее контролировать всю акваторию Залива. Но с нефтью ошиблись, попали в некоторую зависимость к производителям. Курить будешь?

– Не курю, – отказался я. – Бросил уже лет десять назад.

– Ну и молодец. А я все покуриваю.

Мы остановились у солдатской курилки возле одной из казарм.

– Международных законов здесь пока нет и в скором времени не предвидится, – продолжил просвещать меня Барабанов. – Никаких четырехмильных зон, международных вод и прочего. Кто и что может контролировать – тем и владеет. Островов несколько, все довольно крупные и стоят тесно, дугой. Тот, кто возьмет их под контроль, – либо запрет все нефтяное поле внутри своей территории, как мы, например, если сделаем это, либо наоборот – получит доступ к нефти самостоятельно. Это если острова захватят американцы.

– Кто там сейчас, на островах? – спросил я.

– Бандиты, пираты, производители наркотиков, – ответил Николай. – Неплохо закрепились, а у нас еще руки до них не доходили. Морских транспортных средств у нас не хватало. Высадить людей с вертолетов несложно, а вот потом...

– А теперь?

– Десантных кораблей нет по-прежнему, но есть гражданские суда, которые могут выполнять такую роль, – ответил он. – Обзавестись военными кораблями даже класса сторожевика нам не под силу. Два есть патрульных, по двадцать метров, но это только за пиратами бегать, не больше. Полностью решить все задачи они не смогут. Орден не пропускает в Новую Землю ничего, что могло бы послужить основой строительства. А тем временем американцы заложили и заканчивают постройку двух самых настоящих эсминцев с артиллерийским вооружением. Ракетное тоже на них есть, но представлено только зенитными системами.

– А они как их получили?

– Им можно, – усмехнулся Барабанов. – Заказывают в Старом Свете отдельные модули и узлы, а здесь просто собирают. Орден им что угодно протащит и пропустит через «ворота» – свои же, родные.

– Да уж наверняка, – согласился я.

– И теперь смотри, какая получается картина: с помощью двух серьезных кораблей и своих сторожевиков, которых у них немало, и нескольких мобилизованных транспортов они вполне могут захватить Дикие острова. Банды помехой им стать не смогут. И прямо на островах поставят нефтяные вышки, и лить нефть будут прямо в танкеры. Нефть получится дешевле, чем у нас, – мы в ауте. Все, попытки процветать закончены.

– А как насчет самим ударить по островам?

– Мы можем захватить острова даже сейчас, но опять все упирается в эсминцы, – поморщился Барабанов. – Против них мы там всерьез не выстоим. Даже если закинем на острова несколько батарей Д-30 – все равно дальность морской артиллерии выше, атаки вертолетов с НУРСами и противотанковыми ракетами серьезного ущерба кораблям не принесут, а вот те могут ответить «стингерами» и артиллерийской ПВО. Потеряем вертолеты, а их у нас немного. И опять мы в проигрыше. Нужен козырь. И теперь козырь у нас есть.

– Какой? – уже приблизительно догадался я.

– Вот вы его и доставили. Двадцать пять ракет Х-35У.

– Я в ракетном вооружении не силен, напомни...

– Противокорабельные ракеты воздушного базирования, дозвуковые, крылатые, – начал перечислять ТТХ⁴⁹ Николай. – Вертолетный вариант, с укороченной разгонной частью. Закупили через Кипр «за ленточкой» и с помощью местных греков протащили. Помогли нам. Ракета тактическая, скорость триста метров в секунду, дальность до ста тридцати километ-

⁴⁹ ТТХ – тактико-технические характеристики.

ров. Что еще? Летит на высоте от пяти до десяти метров. Радиолокационная ГСН у пятнадцати и у десяти – тепловизионная. Вес боевой части сто сорок пять кило, стартовый вес чуть меньше пятисот. ПУ сто восемьдесят примерно весит. Каждому из эсминцев два попадания выше крыши – потопнет. Ты карту островов смотрел?

– Смотрел, – кивнул я. – Расположены по дуге, восточная часть гористая, западная – предгорья и равнина. В основном джунгли, есть несколько удобных бухт в западной части. Расстояния между островами не превышают десяти километров. Все, пожалуй.

– Правильно, – подтвердил он мой доклад. – Теперь делаем так: захватываем острова, завозим туда пару-тройку батарей Д-30, перекрываем фарватеры перекрестно. В любой точке фарватера противник будет под перекрестным навесным огнем не меньше двадцати минут. Корректировка огня проще некуда: восточные склоны гор – сплошной лес, можно сотню корректировщиков разместить. Средства РЭБ бесполезны – обеспечим проводной связью. Корабельная артиллерия бьет по настильной траектории, поэтому гаубицы на обратных склонах неуязвимы, пока корабли не пройдут между островами, не окажутся на боковом траверзе. И последний козырь – вертолеты с ракетами. Размещаем на замаскированных площадках, вразброс. Дальности в сто тридцать километров с переизбытком. В случае атаки со стороны морских сил противника вертолеты взлетают, кратковременно показываются над гребнями гор, выпускают ракеты – и сразу уходят на другие площадки, где перезаряжают ПУ. Даже не попадая в зону действия средств ПВО противника. Загоризонтных РЛС пока не придумали. Все, неуязвимая позиция теперь. А если минировать фарватеры, управляемым полем, – уже никто не сунется никогда. Пошли в управление.

Мы поднялись со скамейки и пошли к зданию управления.

– А зачем вам кубинцы? – спросил я. – Я против них ничего не имею, вовсе даже наоборот, я только «за», но хотелось бы знать позицию.

Барабанов усмехнулся.

– Позиция будет у командующего группировкой и главы Демидовска, – наставительно сказал он. – А у нас только мнение. А мое мнение из нескольких частей состоит. Первая часть, и главная, – здесь очень мало людей, в Новой Земле. Лишний человек ценен в любой территории. А тут сразу семнадцать тысяч, трудоспособного возраста и ниже, что еще ценней. Только этому уже есть смысл радоваться. Вторая часть: они действительно отличные вояки, много раз доказывали. Наверное, единственные на всю Латинскую Америку. Знаю людей, кто с кубинцами в Анголе служил – отзывы самые похвальные. Поэтому мы можем, не отвлекая сил от других задач, их руками погнать все банды с островов в шею. Кубинцы не оплошают, сам за них готов поручиться.

– Еще что?

– Еще третья часть – нам или держать гарнизон на островах, ослабляя основную группировку, у которой других задач хватает, или послать туда только артиллеристов и вертолетную службу, на случай переброски вертолетов с материка. А кубинцев довооружить – и вот тебе самый лучший гарнизон, да еще и острова обживут.

– А с нефтью как быть? – осторожно спросил я. – В перспективе на островах она будет дешевле для транспортировки.

– Если сырую нефть продавать, – но мы этого не делаем. А перерабатывать будем на нашем НПЗ, он у нас на берегу, в устье Амазонки, в Береговом. И верфь у нас там небольшая есть, баржи на ней строим угольные: угля своего у нас нет, из Бразилии тащим. И небольшой терминал нефтеналивной есть. Есть еще один, побольше, в Новой Одессе, но мы туда только часть нефти пускаем, до прояснения ситуации.

– А если в будущем кубинцы политику изменят? Построят свой НПЗ и начнут гнать напрямую? – подкинул я ему еще вариант для рассмотрения.

– Забыл, что с нашей стороны острова пологие? – усмехнулся он.

– Тоже верно, – согласился я с ним. – Их агентурную сеть можно тоже в плюс занести, как полагаешь?

– Пока говорить с уверенностью рано, посмотрим, насколько они дадут нам ею пользоваться, – ответил он задумчиво. – Но то, что в качестве влиятельной местной ОПГ они известны – это факт: сила у них есть. А если вся эта сила подчинена задачам госбезопасности и полностью ею управляется, то это оказывается серьезным козырем. И в Нью-Рино они куда как сильны. Казино у них там, бега, клубы какие-то, тотализатор. Думаю, они еще на свое национальное возрождение так деньги зарабатывают. Но надо для начала встречу организовать, со всеми мерами безопасности. В общем, тебе сегодня время до конца дня на устройство жизни, а завтра начинай работать. И проставиться не забудь!

– Кстати, а где здесь лучше? – задал я главный вопрос. – Я же не в курсе местной питейной географии.

– Традиционно это всегда делается в «Портупее».

– Это что?

– А офицерский клуб мы так называли, – объяснил Барабанов. – «Как надену портупею, все тупею и тупею». В центре находится.

– Задание понял.

– Тогда пошли товарища лейтенанта, сеньориту-бониту от Палыча спасем – и езжайте до завтра. На службу – к девяти. Удостоверение личности у нас и пропуском в расположение является. Посыльный вас в гостиницу закинет. Да, кстати, гостиницу оплачивать не надо, бесплатная.

– А чего это так? – поразился я.

– А кто еще, кроме нужных людей, в ней живет? – пояснил Николай. – Остальные в городе останавливаются, там есть еще пара неплохих отельчиков. В военном городке осваивайся, жить там неплохо. Спорткомплекс хороший, магазинчики неплохие. Мне нравится, а я уже четыре года здесь.

– Склад артвооружения когда открыт, так, чтобы не искать никого? – спросил я.

– Всегда, естественно, – ответил Барабанов. – Там дежурный. Хоть ночью приходи, – все же почти на войне живем, хоть и тихо здесь. А приказ на тебя уже в сети висит. У нас тут технический прогресс, понимаешь.

Территория России, протекторат Русской Армии, Пункт постоянной дислокации. 38-е число 5-го месяца, среда, 18:00

Ну, если на войне, как на войне, то визит на склад РАВ я решил не откладывать в долгий ящик. Красавицу нашу от командира, по словам Палыча, обещали отпустить через час, поэтому, выяснив дорогу у дежурного, я взял нашу отдельскую «Ниву» – обновить заодно – и скатался.

Начальник склада артвооружений, старший прапорщик лет сорока, считал сканером мое удостоверение личности, сверился с компьютером, где уже было распоряжение, и повел меня внутрь.

Склад впечатлял. Такому складу любая бригада спецназа обзавидовалась бы. Было все, чего душа пожелает. Я чувствовал себя ребенком, попавшим на кондитерскую фабрику. Начальник склада, старший прапорщик, спросил меня:

– Откуда начнем?

– Мне нужны «вал», восемь магазинов по двадцать к нему, ночник, – перечислил я заранее продуманный список потребностей.

Если уж пошел разговор об операциях тайных, то от бесшумного оружия беды не будет точно. Старший прапорщик покликнул мышкой, сидя за столом, кивнул и спросил:

– Еще что? Выкладываете сразу.

– «Гюрза»⁵⁰ есть?

– Конечно, – кивнул он опять. – Как раз для егерей и держим. Остальные все с «Грачами».

– Тогда «Гюрзу» и пять магазинов. Цинк девять на двадцать один.

– Куда столько сразу-то? – поразился старший прапорщик. – Там пятьсот штук.

– Длительные командировки возможны – где я еще СП-10 там возьму? И практиковаться тоже надо: у вас под «Гюрзу» практических нет небось?

– Как это нет? – усмехнулся старший прапорщик. – Еще как есть – кто же даст практиковаться дорогими?

– Тогда двести СП-10 в пачках и цинк практических.

– Во, другое дело! – удовлетворенно кивнул он. – Похоже на правду. Еще что?

– Еще цинк СП-5.

– Сделаем, – продолжал кликать мышкой старший прапорщик. – Еще что-то?

– ПСС? – вспомнил я вовремя о маленьком и неудобном, но совершенно бесшумном пистолете.

– Есть, – подтвердил он.

– И пачку патронов к нему. Пары магазинов хватит, воевать им не будешь. Кобуру к нему на плечо.

– Есть со сменой вариантов ношения, пояс-плечо, – сказал старший прапорщик. – Удобная, хвалят ребята. Еще что-то?

– Все, – сказал я, но тут же спохватился: – Нет, не все. Что есть для самообороны? Я имею в виду, как альтернативное для снайпера. Компактное и достаточно мощное.

– 9А-91⁵¹ берите. Или «Вихрь», – ответил он. – Но «Вихри» у нас без глушителя, сразу предупреждаю. Я только слышал, что вроде к ним глушители делать начали, но к нам такое не попадало.

⁵⁰ Пистолет Сердюкова СР-1 «Гюрза».

⁵¹ Малогабаритный автомат 9А-91 – сконструированный в Тульском конструкторском бюро приборостроения в 1990 году

Я задумался. И то и другое – короткие автоматы под дозвуковой патрон 9х39, каким из «вала» палят. «Вихрь», по отзывам, чуть качественней, а «девятка» зато комплектуется еще и глушителем. Это может пригодиться. И к нему бы бронебойные...

– Тогда давайте «девятку», она совсем компактная и легкая, – добавил я. – И цинк СП-6.

– Смеешься? – спросил старший прапорщик с очередным кликом мышки, после чего спросил: – Дорогие они. ПАБ-9 у нас за валовый, местной работы. В цинке ровно тысяча. Кстати, СП-5 по пятьсот упакован.

– Без разницы, – пожал я плечами. – Все давайте.

– А просто автомат? – вроде бы удивился он.

– Есть у меня, – отмахнулся я.

– Не волнует, – заявил он. – АК-103⁵² с подствольником и боекомплект извольте получить, это каждому положено. Можете дома в оружейном шкафу держать – или как хотите, товарищ капитан. Даже у командующего есть. Вы недавно у нас?

– Да, недавно, – подтвердил я, понимая, что опять накосячил.

– Из вашего управления многие дополнительным оружием пользуются, кому что удобно, – пояснил он. – Приходят сюда и получают. Но, согласно приказу, один сто третий, один подствольный гранатомет ГП-25 и минимум один боекомплект должен быть у каждого.

Что я, спорить буду, что ли? А вот не буду. Очень даже все пригодится. Я вообще к этому автомату с наибольшим уважением.

– Хорошо, – кивнул я. – Тогда можно все выдавать.

– Тогда подождите.

Старший прапорщик взял за ручку стоявшую рядом низкую тележку и пошел между стеллажами. Ждать пришлось минут пятнадцать. Вернулся он с тележкой, нагруженной заказанным мной железом.

– Вот так, как заказывали, – гордо объявил он. – Распишитесь в получении. Сейчас, только номера зарегистрирую на вас, и можете забирать. К «Гюрзе» кобуру поясную тоже подберу, если будете с ним на службу ходить.

– Спасибо, не подумал сам. А с этой кобурой что делать? – показал я на уже имеющуюся, полученную на вещевом складе.

– Можете мне сдать, вещевой склад все равно их у меня получает.

– А это что? – показал я пальцем на чемоданчик из серого шершавого пластика, лежащий рядом с АК.

– Ка-Дэ-О, комплект дополнительного оборудования, – сказал старший прапор. – Не встречали еще наверняка. Это уже местное.

Он открыл чемоданчик, и я обнаружил внутри, в поролоновых гнездах, местный аналог американского SOPMOD – комплекта дополнительных прибуд для М4, но уже под «калашников»: коллиматорный прицел «Нить-А» с резиновой насадкой, ночник 1ПН93–2, компакт-

в качестве прямого конкурента автомату СР-3 «Вихрь». В 1994 году начато производство. Автомат 9А-91 использует схему с газовым двигателем автоматики. Масса: 1,8 кг (без патронов), 0,7 кг (снаряженный магазин на 20 патронов); длина: 594/373 мм с разложенным/сложенным прикладом; ширина: 44 мм; высота: 190 мм; патрон: 9х39 мм (СП-5, СП-6 и ПАБ-9), разработаны варианты под патроны калибра 7,62х39 мм, 5,56х45 мм и 5,45х39 мм; калибр: 9 мм; механизм: отвод пороховых газов, поворотный затвор; темп стрельбы, выстрелов/мин: 700; дульная скорость, м/с: 270; прицельная дальность: 200 м; максимальная дальность: 200 м (эффективная); вид боепитания: коробчатый магазин на 20 патронов; прицел: открытый.

⁵² Автомат Калашникова АК-103. Калибр 7.62х39 мм; длина: общая: 943 мм; со сложенным прикладом 700 мм; длина ствола: 415 мм; вес: 3,4 кг; емкость магазина: 30 патронов. Автомат Калашникова АК-103 является экспортной модификацией штатного автомата Российской армии АК-74М. Главным (и фактически единственным) отличием АК-103 от АК-74М является калибр – этот автомат «сотой» серии использует патроны калибра 7.62мм (7.62х39 М43) и соответствующие магазины (совместимые с магазинами более старых автоматов АК / АКМ), в остальном автоматы идентичны. В 2006 году значительное количество автоматов АК-103 (100 000 штук) было закуплено в Ижевске для Вооруженных сил Венесуэлы.

ный и прочный, как кувалда, четырехкратный оптический 1П29, длинную трубу прибора бесшумной стрельбы незнакомой мне конструкции и лежащую в отдельном гнезде прицельную планку под дозвуковые патроны, подствольник ГП-25 «Костер» и модифицированное пластиковое цевье с дополнительными креплениями под все подряд.

– Отлично! – решительно заявил я. – Давно пора. А что это за ПББС?

– Это уже здесь делают, – сказал старший прапорщик. – Не «садится», глушит хорошо, и вспышки вообще не видно. Он покрупней стандартного, заметили?

– Отлично, – повторил я. – Что покрупней стандартного, я заметил. Кстати, раз уж я при подствольнике, то надо бы и цинк «вогов».

– Не вопрос.

Минут десять у него ушло на регистрацию оружия, затем он довез все на тележке до машины. Помог перегрузить, и я вернулся к разведуправлению как раз вовремя – чтобы встретить Марию Пилар.

– Мария Бонита, до завтра нас здесь видеть не хотят, – объявил я ей.

– Я знаю, – улыбнулась она. – Куда мы едем?

– Сначала мне нужно в гостиницу, – сказал я. – Получил оружие – надо отвезти к своей машине. Нас посыльный отвезет.

Стоявший у машины утренний посыльный всем своим видом выражал готовность везти Марию Пилар куда угодно, а если бы не мое присутствие, то и прямо в ЗАГС. Он вновь отдал ей честь – по Уставу все же, так как Мария Пилар оказалась старше по званию, опять заслужил ослепительную улыбку. Мы погрузились в «тойоту», и он повез нас к гостинице.

С посыльным мы быстро перегрузили мое новообретенное имущество в «семиспятку», на заднее сиденье, а Мария Пилар сказала, что дождется меня в кафе, поулыбалась, пожала руку солдату, окончательно переведя его в свое вечное оперативное подчинение, и вошла в гостиницу. Я тоже распрощался с солдатом и пошел следом за ней.

Мария Пилар уже сидела за столиком у окна и разговаривала с улыбающейся рядовой-официанткой. Я подошел, поздоровался с девушкой и подсел за столик. Перед нами уже стояли две чашки кофе. Я попробовал и в очередной раз удивился – кофе был потрясающим.

– Который раз удивляюсь, откуда здесь такой кофе? – наконец спросил я.

– Кофе выращивают в Новой Земле, на юге и в Бразилии, – ответила Мария Пилар. – Может быть, из-за климата, а может быть, из-за земли, но здесь он лучше, чем в Старом Свете. Вы мне на зубы не наговаривайте, капитан...

– Не наговаривайте...

– Как?

– Зубы не заговаривайте.

– Да, так лучше, – кивнула она. – Вы мне не заговаривайте зубы, а скажите, что вы намерены делать дальше?

– Мне выделили маленький коттедж, – сказал я. – Надо переезжать. Вы можете остаться в этой гостинице или перебраться в город, например.

– У вас сколько спален в доме, друг мой? – посмотрела она на меня, чуть наклоня голову.

– Я не видел еще, но говорят, что две.

– Одна будет моей, пока я здесь, – объявила она. – Станете возражать?

Чем мне нравилась Мария Пилар – это умением решать все проблемы самым простым способом. Как она решила, так все и будет, а мнение окружающих даже в порядке совещательного голоса – не уточняется. Решила вот, что едет ко мне, и все. Буду я возражать? Нет, естественно, хотя о разделении спален заранее предупредила. А я и на таких условиях согласен. И она знает, что я согласен. А откуда знает, что я согласен? А по статистике. Потому что все вокруг нее всегда и на все согласны. Вероятность поражения цели – единица. Просто ведь, правда?

Даже не дожидаясь ответа, Мария Пилар мысль развила:
– Сейчас отвезем вещи, устроимся, а потом отведите меня поужинать. Согласны?
Да согласен я, согласен. Куда я денусь с подводной лодки?

Территория России, протекторат Русской Армии, Пункт постоянной дислокации. 38-е число 5-го месяца, среда, 20:30

Сдав номера и загрузившись в две машины, мы покинули пределы расположения дивизии и выехали в город.

Город был новым, как и все в этом мире. Как и в других местах, здесь преобладала двухэтажная застройка максимально дешевыми способами, по-американски, щитовая на деревянном каркасе. Был маленький центр, в котором мелькнули вывески каких-то ресторанов, баров, кафе, магазинов. Затем потянулся жилой район. Дорога делила городок пополам, слева от нее стояли двухэтажные дома довольно интересной формы. Видимо, здесь проживали солдаты и сержанты. Справа же от дороги отходили широкие зеленые улицы, на которых почти вплотную один к одному стояли одинаковые небольшие коттеджи. Мелькнул указатель «Офицерский городок». Я доехал до указателя «4-я линия», свернул направо, пикап Марии Пилар повернул следом.

Улица выглядела обжитой. Перед некоторыми домами на газонах валялись детские игрушки, велосипеды, перед домами были припаркованы машины. Здесь преобладали «Нивы», было много «сузуки» испанской сборки под маркой «сантана» – и «самурай», и «джимни», и «витары». Я вспомнил, как Немцов говорил о том, что испанцы наладили их продажу и обслуживание. Попадались и мотоциклы-кроссовики, и квадроциклы.

Справа тянулась невысокая живая изгородь, за которой я видел футбольное поле, теннисные корты, баскетбольные площадки. Спорткомплекс не пустовал: площадки заняты были почти все. На улице играли дети, увидел я двух молодых мам с колясками. Похоже, что жизнь здесь уже наладилась и текла привычным всем чередом.

Я увидел номер «12» на стене одного из коттеджей и подъехал к нему. Мария Пилар припарковалась следом за мной. Мы вышли из машин, оглядели домик.

– Симпатичный, – сказала Мария Пилар.

Действительно неплохой. Совсем небольшой, построен каркасно-щитовым способом, обшит досками внахлест вместо сайдинга, покрашен в белый цвет. Белая же деревянная дверь, большие окна. Второй этаж увенчан двускатной крышей с крошечным балкончиком на фасаде. Гаража нет, но сбоку есть навес, под который вполне можно затолкать две машины, если одну за другой.

К нам подошла женщина лет тридцати с двумя белобрысыми мальчишками лет восьми, поздоровалась. Мы дружно ответили на приветствие.

– Вы наши новые соседи? – спросила она.

Ответить я не успел. Ответила Мария Пилар, причем утвердительно, без подробностей.

– Очень приятно, – улыбнулась женщина. – А вы очень красивая!

– Спасибо, – ответила Мария Пилар и посмотрела на мальчишек: – Славные мальчики.

– Разбойники.

Один из славных разбойников дернул другого за рукав и сипло прошептал так, что слышно было за квартал:

– Смотри! Егерь из разведбата! Знаешь, как круто?

– Мы через дом от вас живем, в четырнадцатом, – сказала женщина. – Заходите в гости, муж тоже рад будет. Он в командировке сейчас – они конвой повели, вернутся через неделю примерно. Заходите без церемоний.

– Спасибо, обязательно придем в гости. И вы к нам заходите!

Умница Мария Пилар. Сомнения нам неведомы. Мы уже и семья, и в гости к нам придут. И будем мы жить здесь долго и счастливо, ходя в гости и приглашая соседей на шашлыки. В разных спальнях. И разрабатывать совместные операции на кухне. Интересно, а кофе в постель в соседнюю спальню подавать потребуют или все же не надо?

Внутри домик тоже выглядел симпатично. Небольшая прихожая со шкафами и маленьким гостевым туалетом. Светлая гостиная, объединенная с кухней, с обеденным столом, диваном и двумя креслами перед телевизором. Даже телевизор был – не плазма, разумеется, а какой-то российский, лицензионной сборки, но не слишком маленький. И простенький камин, сложенный из красного кирпича. Телефон наличествовал. Вся мебель была недорогой, скорее даже дешевой, из светлого дерева и грубой ткани, в скандинавском стиле, но было заметно, что даже над этим стандартным интерьером кто-то подумал.

Неширокая лестница по левой стене вела на второй этаж, где на небольшую площадку выходили двери двух спален. Спальни были почти одинаковые, разве что в одной из них была ванная полноценная, а во второй – только с душевой кабиной. Мария Пилар заняла первую, отодвинув меня в сторону и бросив на широкую кровать свой рюкзак. Ладно, я даже у себя дома непривередлив, и занял вторую спальню.

В потолке был люк с вытяжной веревочкой. Я потянул, люк открылся, и выпала раздвижная лестница. И чердак имеется, достаточно просторный.

Еще на площадке был металлический шкаф с торчащими из замка ключами и написанным на нем белой краской инвентарным номером. Шкаф был условно прочным, хотя на самом деле открыть его было не сложнее почтового ящика. Понятно – от детей оружие прятать, не от грабителей. Хотя, как я понял, грабителями и прочими злодеями тут и не пахло: не те места. Внутри аккуратно устроены пирамиды, внизу ящик для боекомплекта, полочка с пистолетными подставками наверху. А что поделаешь – жилье военного из частей постоянной готовности.

Спустился вниз, вышел на заднее крыльцо. Хорошая открытая веранда, дающая много тени, очень простая садовая мебель на ней, все просто сколочено из досок. Несколько заросший газон, ограниченный невысоким белым штакетником. Три сотки, кажется. И мангал – поржавевший немного, но большой, на ножках из толстого стального уголка. И даже кочерга с совком на крючке висят, и дрова сложены под навесом.

Не роскошь совсем, больше на дачу похоже, но все же очень неплохо. Эх, такие бы условия да каждому офицеру Российской Армии там, за «воротами». Они бы даже за такое жилье служили, а если и зарплату человеческую добавить... Дел-то всего – один промышленный городок не бог весть каких размеров сумел почти дивизию оснастить, расселить, вооружить и зарплату платить. Ну и вояки, случись что, в долгу не останутся. Чужую армию здесь кормить не будут, точно.

Сбоку к дому была пристроена небольшая подсобка – видимо, для садового инвентаря. Я постепенно перетаскал туда из машины все, что наверняка в скором будущем не понадобится – вроде баллонов для подводного плавания и тюка с оборудованием. Пусть здесь хранится до прояснения его дальнейшей судьбы.

Пока перетаскивал вещи, Мария Пилар куда-то пропала. Исчезла и ее машина. Примерно через полчаса Mi Vonita вернулась, притащив с собой два больших бумажных пакета с ручками. Прошла с ними на кухню – и как фокусник, достающий много цветных платочков из кармана восхищенного зрителя, начала извлекать оттуда чашки, тарелки, столовые приборы и целую прорву других мелочей, не замечая моего ошалевшего взгляда. Разве что один раз, обернувшись ко мне, сказала:

– Здесь неплохой супермаркет.

Я прошу понять меня правильно. Нравится ли мне лейтенант государственной безопасности Мария Пилар Родригез? Нравится, так нравится, что дыхание перехватывает. Я посто-

янно ловил себя на том, что не любоваться ею не могу. Ее лицо, тело, руки, глаза, эмоции – все распространяет вокруг себя такую ауру женственности и сексуальности, что учащается пульс и путаются мысли, постепенно сливаясь в одну-единственную, о которой умолчу. Был бы я счастлив жить с ней в законном браке и умереть в один день? Честно? Затрудняюсь с ответом. По крайней мере, за всю недолгую историю нашего знакомства мое мнение по какому-либо вопросу еще ни разу в расчет не принималось. Равно как и ничье иное. Сама Мария Пилар Родригез жила исключительно собственным разумением, а окружающие были вынуждены руководствоваться им же.

Сейчас ее сознание сформировало какую-то удивительно специфическую картину наших взаимоотношений, в которую меня посвящать она не сочла необходимым, или просто недосуг ей было. Удивительно милый и непосредственный переезд ко мне, с выбором отдельной спальни. Обещание ходить в гости к соседям и приглашение их в гости к нам. А теперь приступ домовитости, закупка милых кухонных безделушек и наведение домашнего уюта. Хорошо, я не против уюта, только... дальше-то что? Как мне себя вести? Как будто ничего не происходит? Ведь за все время она не дала ни малейшего повода думать, что ей хотелось бы еще сблизиться, пусть даже не в одну спальню, так хоть... черт его знает... Запутала она меня окончательно. Будь что будет.

Вспомнил, что по пути проезжали почтовое отделение все с теми же магическими буквами NWM. Хлопнул себя по лбу, выбежал на улицу, сел в пикап и поехал туда.

К счастью, на этой почте не было необходимости пользоваться транслитом. Потратил я пять эю и отправил телеграмму со следующим текстом: «Доехал туда, где нужен. Надеюсь, нужен и там, куда сейчас пишу. Скучаю, приеду как можно скорее. Андрей». Адрес написал «До востребования». Приказ вышестоящего воинского начальника.

Похлопал по лежащему в кармане пакету с двумя уже полученными телеграммами, успокоился и вышел из почтового отделения. Не поддамся я на обескураживающие действия Марии Пилар. Буду стойким, и мыслить буду тоже сильно и позитивно. На соблазны не поведусь, и все такое. Вспомнил, как у нас командир одной танковой роты в Таманской дивизии любил говорить: «Танкиста в лоб не возьмешь!»

Погрузился в «семиспятку» – и обратно домой поехал смотреть, как на кухне Мария Пилар домовитостью отличается.

На кухне стало действительно поуютней, а еще там появились запас кофе, кофемолка и турка для варки сего напитка по турецкому методу. Подумав, что, может быть, и я сделаю хоть что-то полезное по хозяйству, пошел и помыл перед домом обе машины при помощи шланга и найденной в сарайчике щетки. Даже в салонах убрался. Вот как, тоже не лыком шиты.

Сварил кофе и вышел на задний двор – на веранде посидеть, ощутить, что где-то все же осел, даже домом обзавелся. Едва расслабился, залюбовался видом на близлежащий лес, куда уже садилось солнце, заслушался пением птиц, довольно пронзительным, впрочем, – как дверь из дома на веранду распахнулась и оттуда вылетела Мария Пилар, села напротив, схватила мой кофе, быстро выпила, похвалила, как он сварен, и поинтересовалась – как же насчет обещанного ужина?

Ну вот, а я и забыл. Сказал, что готов ехать, и пошел собираться.

Территория России, протекторат Русской Армии, Пункт постоянной дислокации. 38-е число 5-го месяца, среда, 24:10

На сборы все же ушло какое-то время – надо было переодеться, форма была вытащена из сумки, и пришлось ее гладить. Подумал еще, что надо заехать в «Военторг» и подкупить рубашек и белых трикотажных маек, которые надеваются под них и должны сиять первозданной белизной в вырезе воротника. Потом подумал да и прикрепил над карманом наградные планки. Пусть и из Старого Света награды, а все равно мои, и не в штабе заслуженные. «За отвагу» и «Красная Звезда» всегда уважались – их одним присутствием в зоне конфликта не заработаешь.

Начистил ботинки до зеркального блеска, затолкал берет под левый погон. В это меня Николай посвятил – сказал, что так делают, чтобы не вынуждать отдыхающих рядовых честь тебе отдавать. У них береты в такой же позиции будут. На голове их носят только на службе. Завелись здесь уже свои, местные воинские ритуалы. Наверное, и Уставы переписали – почитать вообще-то следует.

Посмотрелся в зеркало в дверце шкафа. Вроде нормально, авось и местных Уставов не нарушаю. Вышел из своей спальни, той самой, что с душевой кабинкой, без ванны которая, спустился вниз. Мария Пилар, видимо, собиралась еще, и я пошел на веранду.

Собиралась Мария Vonita долго, тщательно. Когда ее величество соизволили спуститься вниз, я чуть не рухнул. Всякой я ее видел, но такой... что может сделать маленькое белое платье в обтяжку в сочетании с убийственной фигурой и смуглой нежной кожей, неброским мейкапом и гладкой прической? Правильно, почти убить. Наповал. Подумал, что пойду я сейчас в ресторан с Марией Пилар, а там все и помрут от зависти. Пусть, думаю, и дальше Мария Пилар Родригез живет в моем доме, даже и в другой спальне.

Отъехали от дома, и я позвонил из-за руля Немцову. Поздоровался. Он поинтересовался, как я устроился. Рассказал вкратце, что служу у Барабанова в хозяйстве. Немцов ответил, что так и думал, что этим кончится. Поздравил с капитаном, обрадовался, что буду проставляться. На мой вопрос, куда лучше сходить, он нам посоветовал ехать все в ту же «Португепу». С его слов выходило, что там и вкусно, и прилично, и музыка живая, и с сослуживцами мне надо знакомиться, а уж Марию Пилар там показать сам бог велел. Пусть знают, говорит, что такие красавицы не только на картинках бывают. И найти клуб просто. Я поблагодарил его и отключился.

Рассказал Марии Пилар о предложении Немцова, она легко согласилась. Веди, говорит, посмотрим.

Центр городка выглядел оживленно. Гуляли солдаты и офицеры в форме, компаниями и поодиночке, с женщинами и без. Было много гражданских, возле клуба под названием «Дикий остров» стояли группы подростков – не знаю уж, тут родившихся или тоже переселенцев. Изнутри клуба доносилась бухающая музыка, неподалеку стояла «тойота бандейранте» с мигалкой на дуге и надписью на борту «Комендатура». Возле машины топтались трое рослых солдат с красными повязками и в красных беретах, во главе со старшим сержантом лет тридцати с лишним. Чуть поодаль был еще один клуб, мигающая надпись сообщала, что именуется он «70/80», а по музыке становилось понятно почему. Слышалось классическое диско семидесятых. Туда тоже заходили люди, но уже постарше, в возрастном интервале от лейтенанта до капитана, хотя им-то откуда древнее диско знать?

Интересно с ним получается – в те времена считал, что даже слушать его ниже моего достоинства, и увлекался исключительно хард-роком. А теперь вот нравится – весело, забавно.

Белые костюмы с клешами и воротниками-«лопухами», длинные волосы, бакенбарды, туфли на «платформе».

Увеселительные заведения в городе были сосредоточены в одном месте, в пределах двух расположенных рядом больших площадей со сквериками и широкого бульвара между ними. Мы решили сначала просто пройтись, подышать воздухом, посмотреть на людей. Получилось, правда, что людям дали посмотреть на Марию Пилар, и люди такой возможностью воспользовались. Впрочем, Мария Пилар была к людям милостива и смотреть на себя не препятствовала – лишь мило улыбалась каждому, с кем встречалась взглядом.

Офицерский клуб «Портупея» находился на бульваре между площадями, и его вывеска изображала вовсе не наплечный ремень, давший клубу название, а погон, в котором вспыхивали сначала две маленьких звездочки на одном просвете, затем три, четыре, появлялся еще просвет и звезда побольше, и так вывеска последовательно повышала обладателя погона с лейтенанта до полковника, а потом погон почему-то взрывался, отказывая обладателю в генеральском звании, и все начиналось снова.

На входе в клуб стояла небольшая компания офицеров с женами, о чем-то спорящих и показывающих руками в разные стороны. При виде нас... как сказал, а? Нас! При виде Марии Пилар, в общем, компания замолчала и только раздвинулась в стороны, освобождая проход. Мы зашли в двери, огляделись. Клуб действительно был интересный. Зала как такового не было. Широкий двор с небольшой сценой и площадкой для танцев был окружен по периметру сплошной крытой верандой, задняя стена которой образовывала наружную стену клуба, а изнутри крышу веранды лишь подпирали деревянные столбы. На веранде стояли круглые столики и довольно изящные стулья, столики были накрыты скатертями, на каждом горела маленькая лампа с абажуром.

К нам подошел метрдотель, поприветствовал и провел нас к столику у самого края веранды, с видом на сцену. На сцене сейчас никто не играл, зато местная аудиосистема выдавала переписанное со старой пластинки, судя по звуку, танго «В парке Чаир». Чудесно. Я вообще люблю старую советскую эстраду тридцатых-сороковых годов, люблю эту трогательную, немножко наивную музыку, под которую действительно хочется танцевать с девушкой на танцплощадке у теплого моря, под звездами, а потом целоваться на темной аллее, и даже, может быть, признаться в любви. «Разве забуду твою я улыбку? Разве забуду я песни твои?» И все это голосом Погодина, да под оркестр Цфасмана. Порадовал меня клуб музыкой, порадовал. Были и Погодин, и Козин, и Лемешев, и Изабелла Юрьева рыдала «Если можешь – прости!», и Юровская про то, «что наделали песни твои». И Вертинский грассировал о плачущей Иветте и про сумасшедшего шарманщика, и кто-то, так и не узнал кто, пел про посиделки с Машей у самовара, с той самой Машей, чей «взор так много обещает», почти столько же, сколько и взор Марии Пилар.

Под «Утомленное солнце» мы пошли танцевать, и я держал смуглую красавицу за нежную ладонь и гибкую, тонкую талию, и хотя я умею танцевать и вальс, и танго, и фокстрот, но Марию Пилар вести в танце было невозможно. Она просто плыла по этой музыке, порхала как мотылек, улыбалась белозубой улыбкой, прикрыв длинными ресницами огромные глаза.

Мы танцевали потом под вальс «Шампанское» и прямо на площадке столкнулись с Владимирским. Он танцевал с удивительно милой девушкой с длинными рыжими волосами. Владимирский представил ее как свою невесту. Невесту звали Катей, у нее был очень приятный голос и большие чуть удлиненные, зеленые, как у кошки, глаза. Они пересели за наш столик, девушки быстро разговорились друг с другом, и вскоре беседа разделилась на четверых, было весело.

Снова ходили танцевать, потанцевал и я с Катей, и Михаил с Марией Пилар, пили вино, причем – виноградное, из испанских областей Новой Земли, очень неплохое молодое вино.

Кухня в клубе действительно была отличной, и не просто здоровой и свежей, а еще и не без изысков.

Потом играл квартет музыкантов, играл старые джазовые композиции или эстрадные, вроде «Рио-Риты», клуб наполнялся все больше и больше, все больше и больше пар танцевало, слышался смех. Хорошая все же штука – сутки в тридцать часов продолжительностью. Пусть и рабочий день подольше, но и ночь тоже, особенно если она такая, как сегодня.

Территория России, протекторат Русской Армии, Пункт постоянной дислокации. 39-е число 5-го месяца, четверг, 08:55

С утра я устроил себе пробежку на полчаса, чтобы выветрить из головы остатки вчерашней ночи. Приехав из клуба, мы выпили еще бутылку молодого вина на веранде, болтали о какой-то ерунде, помню только, что Мария Пилар рассказывала о какой-то соседке из прошлой жизни с удивительно пронзительным голосом, от которого лаяли собаки по всей улице. Vonita даже танцевала под аккомпанемент собственного пения, время от времени прерывавшегося ее же смехом. Утомонились мы за полночь, я был вознагражден за прекрасный вечер еще одним поцелуем, и мы разбрелись по спальням. Мне было слышно, как напевает под душем Мария Пилар за стенкой, и это упорно вызывало в голове всевозможные видения, очень навязчивый это образ – смуглая красавица под душем, но потом мне все же удалось уснуть.

А теперь я забежал в дом после пробежки. Мария Vonita уже похозяйствовала, приготовила завтрак из яичницы с беконом, тостов, сока и кофе. Я с удовольствием уплел все это, выйдя из душа, поблагодарил ее, такую заботливую, и побежал наверх переодеваться.

Мария Пилар ехала в Разведуправление со мной – вчера ей выдали временный пропуск. Как ни странно, но сборы на службу у нее заняли намного меньше времени, чем сборы в любое другое место. Выглядела она почти так же, как и вчера днем, разве что немного изменилась цветовая гамма в одежде, брюки оказались светло-голубыми, а блузка – блекло-оранжевой, но все выглядело так же потрясающе, как и всегда. Она взяла свой портфель из непобедимой синтетической ткани «кодра», а у меня был портфель уставной, из кевларового волокна защитного цвета, с хитрым замком, который можно было опечатать.

Мы поехали на «семиспятке», которую оставили на большой стоянке, прошли КПП, дав на проверку документы, и пешком пошли к расположению разведбата, где, как я говорил, находилось здание Разведуправления.

По дороге встретились с Владимирским, которого Мария Пилар чмокнула в щеку, и в здание мы уже зашли втроем. Владимирский показал мне наш кабинет, где уже стояли второй стол и компьютер на нем. Едва я успел положить портфель на стол, как к нам зашел Барабанов и пригласил всех, включая нашу кубинку, к себе. Естественно, разговор начался с разливания чая по чашкам.

– Так, товарищи оперативные сотрудники и представители дружественных вооруженных сил, – объявил Николай. – Командование дало добро на проведение встречи и подготовку поручило нам. В случае успеха встречи мы займемся подготовкой совместной оперативной работы с кубинскими коллегами. Вопросы? Вопросов нет. Уважаемая Мария Пилар, прошу вас начать. Как будем встречаться с вашим командованием и где?

Мария Пилар достала из портфельчика флешку, протянула ее Барабанову.

– Здесь карта с тремя альтернативными местами встречи по вашему выбору, – деловито взялась она докладывать. – С нашей стороны должны присутствовать пять человек. Полковник революционных Вооруженных сил Хосе Писейрос, командующий Вооруженными силами. Майор Рауль Санчес, направленный в Новую Землю Управлением военной контрразведки Вооруженных сил, майор Диего Гузман от Главного управления разведки Министерства внутренних дел, Хуан Антонио Эрнандес, занимающийся у нас финансовыми вопросами, и капитан Эухенио Круз, от венесуэльцев, он же отвечает за безопасность встречи. Наиболее подходящим мы считаем пункт номер один в западных предгорьях Скалистых гор, на границе бразильской территории и боливийской. Боливийская территория, как вы сами знаете, так только называется, а реально является зоной борьбы нескольких группировок центральноамерикан-

ского происхождения. Этот пункт находится в зоне влияния Свободной революционной армии, которая на самом деле является первым батальоном Вооруженных сил Новой Кубы. В пункте есть удобная площадка для вертолета, и подступы к месту встречи можно надежно блокировать. Остальные места хуже, на наш взгляд.

– Хорошо, – кивнул Барабанов. – Владимирский, займитесь проработкой маршрута и мерами безопасности с лейтенантом Родригез. Доложите по возвращении. Ярцев, вы со мной.

– Есть.

– Есть.

Я поднялся и вышел следом за Барабановым из его кабинета. Николай посмотрел на часы, сказал:

– Пять минут у нас есть, покурим.

– Да не курю я!

– Неважно, – отмахнулся он. – Поговорим.

Мы вышли на балкончик, выполнявший здесь функции курилки.

– С кубинцами мы, скорее всего, договоримся, – сказал он, раскурив крошечную сигару. – Будут совместные операции, надо будет объединять, строить совместную агентурную сеть. Думал об этом?

– Думал, – кивнул я.

– Идеи?

– Проще некуда, – пожал я плечами. – Оружейные магазины, я – глава сети и организатор новых точек, Михаил занимается поставками. Обмен информацией посредством телеграфа, с использованием кодовых фраз торговой и оружейной тематики. В сомнительных местах вроде Нью-Рино подводим торговлю под «крышу» кубинской преступности, все будет выглядеть логично. Связь двух сетей получается прямой. Я могу со всем основанием носиться по всему северу Новой Земли, подыскивая места для торговых точек, наводя контакты и так далее, не вызывая никаких подозрений.

– Разумно. Что нужно, прикидывал? – спросил Барабанов.

– В общих чертах. Но идеи есть.

– Хорошо. Сейчас пойдем к командиру, там будет еще один человек, из Демидовска. Он скорее банкир и главный финансист нашей промышленности. Но мужик толковый и с высшим допуском, нам здорово помогал не раз и помогает. Там тоже есть разговор.

– По поводу?

– Пока сам толком не знаю, – ответил Барабанов. – Увидим.

Вышли в коридор и дошли до двери с табличкой «Приемная». Диван, два кресла, стол, за которым сидит женщина лет тридцати с погонами сержанта, короткими светлыми волосами. Она кивнула на дверь слева от себя:

– Вас ждут.

– Спасибо, – ответили мы хором.

Мы вошли в обитую дверь с табличкой «Начальник Разведывательного управления РА п-к Лошкарев С. Г.».

– Товарищ полковник, подполковник Барабанов и капитан Ярцев по вашему приказанию прибыли, – очень по-уставному доложил Барабанов.

– Вольно, садись... – усмехнулся Лошкарев.

– Здравствуйте, Сергей Геннадьевич.

– Здравия желаю, товарищ полковник!

– Здравствуйте, Ярцев, – ответил командир и указал на кресло: – Присаживайтесь.

Лошкарев был невысок, сухощав, носил очки в тонкой позолоченной оправе. Справа, за приставным совещательным столом, сидел штатский. Лет пятьдесят, лысый, в летнем мятом полотняном костюме без галстука. Перед ним на столе лежала папка из рыжей кожи.

Барабанов поздоровался с ним за руку, представил меня.

– А я – Белецкий, Игорь Владимирович, – представился мужик в мятом костюме. – Заместитель главы Русского Промышленного банка и, поскольку банк и Минфин у нас в одном лице, то считайте, что замминистра финансов.

– Очень приятно, – пожал я ему руку.

– Николай Сергеевич Барабанов о вас очень хорошо отзывался, как о человеке с гибким мышлением, – сказал Белецкий. – Я хотел бы выслушать для начала именно ваше мнение о происходящем здесь. Точнее – что вы думаете об Ордене, с поправкой на мой профиль работы. Можете что-нибудь сказать?

Сказать у меня было что и именно по профилю работы Белецкого. Отчасти ради этой речи я и рвался в ППД. Теперь дорвался, и пусть меня слушают.

– Кое-что могу, пожалуй. Начну с самого конца, потом попробую обосновать свой вывод. Итак, вывод: Орден держит нас за дураков, и на самом деле связь со Старым Светом у него двусторонняя. Я имею в виду не передачу сигнала, а передачу физических тел. «Ворота» работают в обе стороны.

Вовсе не похоже, что я сказал что-то новое, но Белецкий предложил мне продолжить, спросив:

– Почему?

– Очень просто – их финансовая политика. Орденский Банк обменивает валюту Старого Света на местную, фактически – золотую, по курсу ниже старосветского. Подают они это чуть не как благотворительность – кому нужна бумага? – но логика в их действиях прослеживается, если допустить, что «ворота» и туда и обратно пускают. Они за меньшее количество золота выкупают деньги, имеющие обращение в Старом Свете. Кроме того, они покупают алмазы у британцев, добывающих их в Дагоме. По цене примерно в половину от земной. Зачем? Ожидают развития ювелирного дела здесь, которое даже не в зачаточном еще состоянии? И они эмитируют валюту, снимая десять процентов с каждой крупинки золота, которая проходит через их банк.

Я достал лист бумаги из портфеля, начал рисовать схему.

– Если существует ход в обратную сторону, то скупленные здесь доллары поступают на ту сторону и обращаются в товар. Этот товар поступает сюда по цене раза в два, а то и в три выше, чем он того стоит. Оправдываются высокими расходами, но я им не верю и чуть позже объясню почему.

– Дальше, пожалуйста, – кивнул Белецкий.

– Смотрите. Вот обычная стодолларовая бумажка, обеспеченная в Старом Свете лишь своей сомнительной репутацией, привычкой и влиянием правительства страны, ее печатающей. – Я нарисовал прямоугольник на листе и нарисовал на нем знак доллара. – На той стороне она может принести почти пять граммов золота. Поначалу, разумеется. Начни за нее скупать золото массово, и за нее не то что пяти граммов – за нее тогда даже слова «золото» не купишь. Вот эта бумажка проскочила через «ворота» и превратилась в три грамма золота, при этом никак не поколебав своей стоимости там, откуда она пришла. Финансовый рынок там, а золото куплено здесь. Золото попало вместе с самой бумажкой в банк Ордена. Орден выпустил новую бумажку, пластиковую, отщипнув себе за полиграфические услуги еще ноль три грамма. Таким образом, в банке оказались: сто долларов, два и семь грамма, находящихся под обязательствами, и ноль три грамма резерва, свободного от любых обязательств.

– Пока все корректно, – сказал банкир.

– Хорошо, – кивнул я. – Пока нам внушают, что затраты формируются из некоего неравноправного клиринга, взаимозачета с Большой землей и венчурных инвестиций старосветских паевых фондов в Новую Землю. А также подразумевается, что поступающие оттуда товары оплачиваются из неких фондов, частично формируемых за счет скупки и дальнейшей продажи

имущества и активов переселенцев. Что люди, посвященные в тайну, жертвуют в фонд деньги там, чтобы в будущем получить их уже здесь, тем самым кредитуя систему поставок, а заодно и повышая стоимость услуги по поставке имущества в Новую Землю. Попробуем посмотреть на эту схему по-другому.

– Да, есть и такая версия, – чуть иронично улыбнулся Белецкий.

Я продолжил чертить схему, рисуя пунктирами границы и решительно пересекая их стрелками денежных оборотов:

– Вот наша стодолларовая бумажка попадает обратно в Старый Свет, оставив за собой здесь след в виде обеспеченной валюты и капельки золота «за просто так», в виде оплаты, полученной за невнятную услугу банка. Она пересекает границу, попадает, скажем, в Россию. Там на нее покупается со склада длительного хранения автомат Калашникова, например. Старый, который уже пора менять новой закладкой. Платят за него не дороже той же сотни наверняка, если не на вес покупают вообще. Автомат проталкивают в «ворота» – и немедленно продают за пять сотен экю, и его покупают, потому что здесь это предмет первой необходимости. То есть уже за пятьдесят граммов золота, причем пять граммов добавляется еще в виде вознаграждения за услугу, если золото поступило по весу. За эти пятьдесят граммов золота можно скупить таких бумажек уже сколько? Десять бумажек там – или больше пятнадцати здесь! Сто долларов превратились в тысячу или в тысячу пятьсот, плюс есть вероятность, что в банк попадет еще пять граммов, в случае оплаты просто золотом, что составляет по земному курсу сто долларов, и целых сто пятьдесят – здесь.

– Все верно, развивайте дальше, – сказал Белецкий.

– Пожалуйста, Игорь Владимирович, – развил я. – Норму прибыли на такую операцию вам рассчитать?

– Не надо, я сам справлюсь. Продолжайте по существу.

– Мы получаем операцию не только прибыльную, или даже сверхприбыльную, а «беспощадно» прибыльную, о которой в том или этом мире и мечтать не приходится. При этом такие беспощадные спекуляции еще могут выступать здесь как благодеяние и инструмент политического влияния. Плохо себя ведешь – и я не дам тебе возможности купить дешевую железяку втриворога, а точнее – переплатив со всеми пересчетами золота в бумагу и обратно – более чем в десять раз, на круг. Это даже не колониальная финансовая политика, а даже не знаю как это назвать.

– Согласен, – кивнул банкир.

– Ярцев, с этим понятно, – вступил в разговор полковник Лошкарев, – теперь ваше мнение о затратах на доставку.

– Затраты на доставку большими быть не могут, – сказал я. – Я сейчас не помню стоимости киловатт-часа электроэнергии, но те «ворота», через которые я прибыл, находятся на заштатном складе вместе с автосервисом, переваривающим «паленые» машины, охрана там как на автостоянке, а установить там какой-нибудь ядерный реактор и ускоритель частиц никто не дал бы, несмотря ни на какое влияние тамошних представителей Ордена. Соответственно и электроснабжение этого места идет от обычной городской сети, и уж сверхмощностей в этом районе им бы никто не выделил. Проще было бы организовать в таком случае «ворота» на территории профильного института или в другом подходящем месте. На электростанции, например.

– Продолжайте, – теперь уже взялся подбадривать меня Лошкарев.

– Значит, затраты идут на единоразовую закупку оборудования, зарплаты охране и сотрудникам, и еще на аренду или покупку этого объекта в собственность. Только перепродажа остатков лишь моего имущества могла окупить аренду на год вперед. Даже если допустить, что на оборудование были затрачены многие миллионы, они уже должны были окупиться. Допущение, разумеется, но впечатление у меня сложилось именно такое.

– Не только у вас, – сказал Лошкарев. – Мы навели справки, пока была такая возможность. Вся эта идея с «воротами» возникла после того, как группа американских ученых получила грант на исследования по какому-то проекту в рамках теории Теслы. Знакомы с такой?

– Слышал, что это нечто вроде лженауки, – усмехнулся я.

– Возможно, – кивнул он. – Нам лишь удалось узнать, что грант был довольно скромных размеров и был затрачен в основном на создание некой установки. По официальным отчетам, эксперимент закончился полной неудачей, тема была закрыта, имущество лаборатории распродано. Наши друзья покопались немножко глубже, и выяснилось, что все оставшиеся без работы ученые в течение нескольких месяцев были приглашены в некий частный исследовательский центр, финансируемый инвестиционным фондом с адресом в городе Остин, штат Техас. Этот же фонд и скупил все права на результаты исследований, хотя результатов на первый взгляд не было и этот самый фонд приобрел распродаваемое оборудование. Затем следы ученых в том мире теряются, зато начинают появляться «ворота» в разных странах, а Новая Земля заселяется.

Лошкарев раскурил сигару, помахал рукой перед собой, разогнав густой клуб дыма. Я постарался не морщиться – начальство все же. Здесь вообще большинство курильщиков предпочитало сигары сигаретам, как мне объяснили, потому что последние очень проигрывали в качестве первым. Но это курильщикам, а вот нюхальщикам чужого дыма...

– Поэтому мы считаем возможным сделать вывод, что размер гранта, выданного нескольким молодым физикам, и есть в большей своей части стоимость установки, – продолжил начальник Разведуправления. – Возможно, варьируется ее мощность, и тогда она становится дороже. Есть подозрения, что стоимость доставки геометрически растет с массой или габаритами груза. Дальнейшее расследование мы провести не смогли – нас отрезали от связи.

– Орден?

– Разумеется, – кивнул он. – Ордену не понравилось, что мы работали шифрами, и теперь мы можем лишь подавать заявки на покупку в представительство Ордена, а там рассматривают их и удовлетворяют по собственной прихоти. Для нас связи больше нет. Для других территорий, насколько нам известно, – тоже. Орден твердо намерен осуществлять цензуру информации и контроль за поставками. Закупка ракет была, видимо, нашим последним успехом. Надеемся, что серьезным. Да и то, если честно, покупателем ракет выступил наш вероятный противник, а не мы. Иначе ракеты в жизни не пролезли бы в «ворота». Спасибо грекам здесь и Кипру на той стороне: помогли организовать операцию. Теперь мы можем свободно получать лишь легкое оружие, частично – промышленное оборудование. И больше ничего. Я думаю, что Орден бы с радостью перекрыл нам кислород окончательно, но мы успели стать сильными, и они опасаются, что это спровоцирует наше прямое наступление на позиции Ордена в этом мире и такой выгодный бизнес развалится. Этого они тоже не хотят и стараются балансировать, держа нас на голодном пайке, но не рискуя слишком озлобить.

– Есть еще одна сфера заработка для Ордена, – заговорил Николай Барабанов. – Здесь нет никаких международных законов. Поэтому у нас есть подозрение, обоснованное подозрение, замечу, что этот мир является полигоном для различного рода запретных экспериментов.

– Даже сам мир этот похож на большой социальный эксперимент, – подхватил Белецкий. – Вы посмотрите, как расселились люди. Это же произошло не случайно: первые поселенцы распределялись по заранее составленной разрядке. Американцы оказались в самом стратегически выгодном положении – никаких врагов поблизости, зато контролировать могут почти все коммуникации. Мы – как всегда, граница европейского образа жизни, да еще новая Чечня под боком. Плюс половина всех банд этого мира, горы, сельва, болота, и везде – настоящие анклавы наркоторговцев, пиратов новоявленных, просто бандитов. А Чечня – это вообще отдельная песня. Николай, объясни подробнее.

Барабанов открыл папку, достал несколько сшитых листов бумаги, положил передо мной на стол.

– После прочитаешь, а пока в двух словах расскажу. Дашаев, Исмаилов, Цакаев. Фамилии говорят что-нибудь?

Я задумался. Звучит знакомо. Ну конечно!

– Захвачены федеральными войсками, все приговорены к пожизненному заключению, скончались в местах лишения свободы, – почти отрапортовал я. – Ничего не попутал?

– Все – здесь, – сказал Барабанов. – В местном Ичкерийском Имамате. Ты понял? И понял, какая лапа у Ордена в России за «воротами»? Это же не побег организовать: это официально подтвердить смерть в тюрьме особого режима и на весь мир объявить. Без участия первых лиц такого не сделаешь. Охрана в таких местах проверенная, побегов отродясь не было, сотрудничать с жульем без команды с самого Олимпа не будут. И пожалуйста – в горах за Амазонкой все снова «амирами» числятся. И новые молодые дарования подросли, местные – тоже головная боль.

Теперь и Барабанов закурил, продолжил:

– Численность населения возьмем. Нас, русских, – не этнических, а тех, кто из России, считая вместе с украинцами, белорусами и всеми, кто примкнул к нам здесь, – едва четыреста тысяч сейчас набирается. И на нашей территории, и на московской совокупно. Триста тысяч у нас, ну и в Москве около ста тысяч. А в Чечне здешней уже почти сто тысяч, причем большинство мужчин составляют лица призывного возраста, всякие «непримиримые», пропавшие без вести вследствие «злодеяний федералов», и прочие. Все дерьмо бандитское за «воротами» собрали, причем не только из Чечни, а со всего Северного Кавказа.

– То есть нам абсолютно осознанно создан смертный враг у самых границ, – подвел я итог.

– Точно, – подтвердил Барабанов. – Чтобы не расслаблялись и на другое не отвлекались. А если отвлечься от главного, то добавлю, что здесь вообще множество криминальных личностей из Старого Света скопилось. Всевозможные беспредельщики, наркоторговцы, те, кто не укладывается ни в какие тамошние правила. По оперативным данным, даже маньяки некие оттуда сюда переместились. Про массовый отлов и отправку сюда проституток ты уже знаешь. Чистят мир там – и не дают расслабляться здесь.

Барабанов протянул мне оптический диск в конвертике:

– Это тоже после посмотришь. Сводка по новым и странным видам живых существ. Здесь периодически появляются новые сущности, ранее неизвестные и никем не виданные. Причем как просто животные, так и нечто человекообразное. Какой вывод?

– Возможно, проводятся нелегальные генетические эксперименты.

А что тут еще предположишь? Вывод просто напрашивается.

– Это они там, в Старом Свете, нелегальные, – поправил меня Николай. – А здесь – все легально. Здесь на юге и работорговля процветает, и тут, на Севере, элементы оной имеются. Законов пока нет и не предвидится. А в целом – вывод правильный делаешь: не возможно даже, а очень вероятно. Скорее всего, берут заказы на платной основе. И эксперименты по клонированию человека здесь проводить – проблем нет, например. На диске есть кое-что по этой теме, изучишь. Судя по всему, здесь даже научные центры организованы, есть такая теория у нас.

– Это подтверждает двустороннюю проходимость «ворот», – сказал я. – Не думаю, что заказчики удовлетворятся исключительно письменными отчетами. Нужно или пересылать результаты в Старый Свет, или принимать комиссии здесь. Под простые слова кто заплатит?

– Возможно, – кивнул он. – На самом деле в двусторонней проходимости у нас никто давно не сомневается. Есть еще масса признаков. А вообще много всего странного здесь происходит. Тихо так, скрытно, но сведения к нам поступают. И ниточки всей мерзости тянутся

или к самому Ордену, или к чему-то, с ним связанному. Невзирая на общий его светлый и благородный внешний вид.

Лошкарев нажал кнопку селектора, сказал в него:

– Ира, подполковника Гонтаря пригласи ко мне, пожалуйста.

Из динамика донеслось: «Есть!»

– Сейчас Гонтарь доложит результаты по нападению на конвой. Тоже укладывается в схему.

– Товарищ капитан, должен заметить, что способность видеть всю картину у вас имеется, – заговорил Белецкий. – Мыслите в правильном направлении. Благодаря везению, тому, что обнаружилась нефть и некоторые еще стратегически важные природные ресурсы, нам удалось добиться гораздо большего прогресса, чем от нас ожидали. А то, что мы сначала затянули пояса и кинули все на развитие промышленности, дало нам большой задел, и сейчас мы изрядная сила по меркам этого мира.

Он сделал небольшую паузу, затем продолжил:

– Но теперь нас начинают душить, и если ситуацию переломить не удастся – задушат, рано или поздно, сведут до уровня Дагомеи. Протекционизмом, перекрытием каналов поставки оборудования и вооружения. Уже сейчас мы почти не можем развивать производство – не поступают некоторые части заказанного оборудования. А те, которые поступают, превращаются в потраченные деньги – ложатся на склад и ждут, когда Орден соизволит прислать остальное, а Орден делать это не торопится. Фактически вынуждают нас тратить деньги впустую. Хорошо, что они не сразу спохватились – успели мы кое-что впрок получить. Если сейчас моторный завод запустим, то возьмем почти весь рынок внедорожников и легких грузовиков под себя, тем более что профиль и прокат мы тоже делаем, и резина у нас своя.

– А алюминий? – уточнил я.

– Есть алюминий. Будет, но только тут уже проблемы начинаются. Надо электростанцию ставить, а начались проблемы с оборудованием. Так и уголь неподалеку, и глиноземы там отличные, но уже проект встает.

– А у американцев как с производством здесь?

– Орден и местная Америка неразделимы, по большому счету, – ответил Белецкий. – Не поймешь, где что из них заканчивается и что начинается. Орден предпочитает вести дела здесь так же, как Америка «за ленточкой» – минимум производства на своей территории, лишь стратегически важная продукция. В основном они обслуживают финансовые потоки и снимают сливки с любой финансовой операции. Максимально сопротивляются созданию других денежных единиц, кроме эю. Мы вынуждены со многими партнерами, в частности – с Бразилией, вести зачеты по весу золота, но в результате, рано или поздно, это золото должно превратиться в те самые эю и потратиться на закупку чего-либо за «воротами». И тогда десять процентов от него приходится дарить Ордену. И Банк орденский для Новой Земли, как Сбербанк для советского народа, строителя коммунизма. Половина или больше личных счетов обслуживается в нем. У вас есть счет в Банке Ордена? Я имею в виду, счет со средствами на нем, не просто номер.

– Есть, – подтвердил я. – Как прошел «ворота», так и открыли мне его. Довольно солидная сумма на нем.

– Верно, – кивнул Белецкий. – Потому что именно такой счет позволяет вам перемещаться везде в этом мире и иметь возможность платить и принимать оплату. А другие банки ограничены в своих действиях или вынуждены иметь корреспондентские счета в Банке Ордена. А создать свою расчетную сеть, независимую от них, не получается. Орден и его Банк препятствуют со всех сторон. Производство же у американцев здесь больше сборочное, из готовых узлов, что идут с той стороны.

Дверь в кабинет открылась, вошел Гонтарь:

– Разрешите, товарищ полковник?

– Проходи, Палыч, присоединяйся, – пригласил контрразведчика Лошкарев. – Хотели бы результаты по нападению на конвой с ракетами узнать. Просвети товарищей, пожалуйста.

– Докладываю, – заговорил Гонтарь. – Схема организации нападения следующая: на представителя московского правительства в Порто-Франко вышел некто Ахмад, фамилия неизвестна. Ахмад вместе со старшим братом возглавляет охрану клуба в Нью-Рино, который на самом деле бордель с экзотическими девушками. Со слов захваченного пленного, клуб является прикрытием для некоего бизнеса, который ведет группа жителей Ичкерийского Имамата с группировкой некоего «Большого Мальчика» Томми, или по-другому Томми Два-Б, которая, в свою очередь, контролирует практически всю проституцию в Нью-Рино, а также имеет широкую сеть продажи наркотиков через свои бордели и клубы.

– Томми – сицилиец и с Сицилии прибыл, – сказал Лошкарев. – А пленный кто?

– Лукас наполовину еврей, наполовину американец сицилийского происхождения, был насильственно переселен в Новую Землю около десяти лет назад из Филадельфии после истории с мафиозной войной между старым и новым поколением итальянской мафии, – ответил Гонтарь. – Арестован, но вместо тюрьмы оказался здесь. Зовут его Лукас или на самом деле Лука Пераччи, еще при необходимости он представляется как Люк Перес. В Филадельфии был обычным «мускулом», но здесь выделился и вырос в положении. Он работает на «Большого Мальчика», в основном занимается организацией ликвидации.

– То есть по профилю выступал? – усмехнулся Барабанов.

– Верно, – кивнул Гонтарь. – На нашу изумительную кубинскую шпионку клюнул, планируя продать ее в их сеть борделей в Нью-Рино. Она, оказывается, подошла к нему посоветоваться, как ей лучше всего получить в Нью-Рино работу модели. Он решил, что если с конвоем все провалилось, то хотя бы на ней заработает. Изумительно сыграла идиотку.

– Да, удивительную девушку вы нашли, Ярцев, – сказал Лошкарев.

– Куда уж удивительней, – вздохнул я, подразумевая совсем другое. – Да и кто кого нашел, вот вопрос?

– С этим вы сами разберетесь, потом, – прервал меня Гонтарь. – Я продолжаю. Подполковник Силаев на самом деле ведет какие-то делишки с бандитами «Большого Мальчика», чеченца Ахмада раньше он знать не знал и дел с ним не имел. По приказу своего босса Лукас лишь организовал встречу Силаева с Ахмадом, сказав Силаеву – мол, есть хороший человек, ищет контакты, заплатит хорошо, а договаривайтесь сами, я даже знать не хочу о чем. Подстраховались на случай утечки информации. Банду тоже порекомендовали люди «Большого Мальчика», но договаривался с ними и нанимал Ахмад, Пераччи даже на глаза не попался им.

– То есть на первый взгляд все получилось, будто чеченцы наняли бандитов, чтобы отбить русский конвой? – спросил Белецкий.

– Так точно, – согласился контрразведчик. – «Большой Мальчик» на всей картине получался сбоку припека, если вообще обозначал присутствие. А уж на нем даже намек на след обрывается. После захвата груза Ахмад должен был сопроводить его до городка Лонгвуд, что на границе Территории Техас и Штатов, и передать неким людям, которые должны были ждать его там. Было оговорено место встречи и пароли для опознания. Лукас же по сигналу от Ахмада, что все прошло успешно, должен был ехать в Нью-Рино – и больше никогда не интересоваться ни судьбой конвоя, ни Ахмада, ни банды. Имеются лишь рабочие частоты, на которых он должен был выйти на связь возле Лонгвуда, и пароли с отзывами. Это все.

– Не утаил ничего? – спросил Лошкарев.

– Непохоже, – покачал головой Гонтарь. – Мы его и так допрашивали, и под медикаментами. Соловьем заливался, но с момента встречи с окончательным заказчиком никакой информации не имеет. Частоты и пароль. Еще адрес для телеграмм в Нью-Рино, который мы и так знаем, – там просто букмекерская контора.

На секунду все замолчали, после чего уже Барабанов сказал:

– Но все равно похоже, что вся схема привязана к Штатам.

– Похоже, но доказательств по-прежнему мало, – ответил Гонтарь.

– Понятно, – подвел итог Лошкарев. – Тогда переходим к задачам для нового отдела.

Первая и самая срочная задача – установление контакта с кубинцами, обмен информацией, организация совместной деятельности.

– Занимаемся, товарищ полковник. Владимирский прорабатывает с кубинкой процедуру, – доложил Барабанов.

– Хорошо, – кивнул полковник. – Второе. Ярцев.

– Я!

– На вас организация новой агентурной и оперативной сети совместно с кубинцами – после достижения соглашений.

– Есть.

– Предложения есть?

– Предварительные проработки он мне доложил, доработаем, – ответил за меня Барабанов.

– Понял, – пометил себе в календаре Лошкарев. – За неделю разработать схему, затем доложить.

– Есть, – ответил Барабанов.

Лошкарев посмотрел на меня, стукнул карандашом по столу:

– Вам, Ярцев, краткий список задач. Задача первая, попутная – выяснить связи бандитов из Нью-Рино, узнать, на кого работают, кто заказал конвой. Предполагать мало – надо знать. И надо наказывать, кто бы они ни были.

– Принял.

– Второе и главное – начать работу по подходу к «воротам». В инициативе не ограничиваем, но ограничиваем во времени. Доступ к «воротам» нужен уже сегодня, но если не получается – как можно быстрее.

– Есть.

– Дальнейшая работа – в оперативном подчинении у Барабанова. Барабанов!

– Я!

– Докладывать по мере поступления существенной информации и каждую неделю, независимо от наличия информации.

– Есть.

– На этом все. Все свободны, занимайтесь по плану. Игорь Владимирович, – обратился он к Белецкому, – давайте теперь с бумагами поработаем.

Территория России, протекторат Русской Армии, Пункт постоянной дислокации. 39-е число 5-го месяца, четверг, 17:00

После совещания у Лошкарева я вернулся в наш с Владимирским кабинет и засел за материалы, которые мне отдал Барабанов. Прочитал сводки по местной Чечне – действительно все по-старому, только «амиры» теперь чувствуют себя привольно: никаких федералов на их территории. Из тех проблем, что они создают для нашей территории, можно перечислить основные: попытки обстрелов грузовых судов и барж на Амазонке со своего берега из крупнокалиберных пулеметов, автоматических пушек и безоткаток. К счастью, ширина Амазонки в нижнем течении достигает местами километра и больше, фарватер широкий, поэтому суда проходят ближе к бразильскому и русскому берегу. Перед проходом судов вражеский берег облетают вертолеты. Но все равно периодически бывают жертвы. Делается это в целях «джихада» и заодно как попытка вымогательства, хоть и неуспешная.

В этих местах на постоянной основе находится сводный отряд из второй бригады и третий батальон отдельного егерского полка. Еще там активно работает звено Ми-24 и летают закупленные у бразильцев винтовые штурмовики «Тукано».

Войска разведывают огневые позиции противника, наносят упреждающие удары, противодействуют обстрелам, совершают рейды на территории противника. Борьба идет хоть и без излишних потерь, но и без радикальных успехов – противник придерживается тактики скрытных действий малыми группами, при противодействии сразу отходит вглубь своей территории, где его преследование крайне затруднено: местность сложная, организация засад на маршрутах отхода упрощена до предела.

Второй проблемой, более серьезной, можно считать рейды противника вглубь нашей территории с целью совершения диверсий, грабежа и захвата пленных. Егеря ведут охоту на переправляющиеся группы противника, довольно успешно их уничтожают. Однако набеги не прекращаются, потому что на сопредельной территории рейд вглубь русской территории считается чуть ли не обязательным делом для становления настоящего моджахеда. Был в рейде – моджахед, не был в рейде – не моджахед, был в рейде, но обратно не пришел – тогда шахид соответственно.

На территории Ичкерийского Имамата постоянно ведется междоусобная борьба. Обусловлена она тейповыми различиями, борьбой «амиров» за власть, кормушки и сферы влияния. Имеется и президент в селе Джохар-Юрт, но подчиняется ему только свой собственный «джамаат», остальные «амиры» согласны подчиняться президенту только в том случае, если президентами будут они сами. Каждый такой клан имеет собственный бизнес для кормления, поэтому объединиться окончательно у них не получается.

При этом на всех мусульманских территориях южнее залива позиции имамата очень сильны. Благодаря агрессивности, репутации несгибаемых «борцов за веру» и отчаянной склонности к бандитизму, чеченские группировки контролируют там большую часть криминального бизнеса и почти всю работорговлю. Чеченские банды организуют набеги на Дагомею с территории Халифата Нигерии и Судана за рабами, и на них грешат, что в ходе своих рейдов они частенько прихватывают в рабство своих единоверцев, которые кожей потемнее. На границе Ичкерийского Имамата и Великого Исламского Халифата в населенном пункте Абу аль-Валид-Юрт, названном так в честь «Великого шахиды ичкерийского джихада», находится огромный рынок рабов и перевалочная база работорговли. Рабовладение во всех землях южной Залива легально, за исключением британских владений.

На территории имамата все «амиры» выращивают опийный мак и перерабатывают его в героин, который переправляется в сопредельные страны и на Север. Есть одна странность – героина производится достаточно, чтобы каждого жителя Новой Земли, включая грудных младенцев, сделать законченным наркоманом как минимум трижды и трижды загнать в могилу, чего на самом деле не наблюдается. Вопрос: куда уходят излишки и кто их покупает? Не про запас же это все производится?

Дальше была краткая сводка за последние три месяца, с перечислением боестолкновений, потерь, потерь противника, захваченных пленных, полученных сведений и так далее, все как обычно.

Далее я воткнул в дисковод компакт-диск, переданный мне вместе с обзором. На диске более подробно повторялась информация из распечатанной сводки, а дальше в несколько десятков файлов был забит целый массив разнообразной информации, касающейся всех проблемных областей жизни в Новой Земле.

Был раздел с разрозненными пока сведениями о возможных генетических экспериментах, с фотографиями и описаниями новых видов как животных, так и человекообразных тварей. На Севере это было не столь распространено, а вот в Дагомее уже складывался новый народный фольклор о всяких чудовищах и тварях ночи. Главным источником серьезной информации служили британцы, имевшие свои анклавные территории на той территории. Пару раз таких человекообразных тварей удалось пристрелить патрулям индийской колониальной легкой пехоты, были фотографии и описания. Поскольку, кроме Ордена, никто не имел серьезных научных возможностей в Новой Земле, образцы были переданы в представительство Ордена и в заключении орденовской экспертизы были названы «оригинальными представителями местной фауны, которая пока столь мало изучена». Акт вызывал много сомнений, но оспорить его обоснованно невозможно не было ни у кого.

Упоминался наиболее закрытый и секретный объект Ордена, находящийся на острове в центре Залива. Именно там находилось руководство и все научные мощности. Об острове не было известно практически ничего – все, что его касалось, Орден окружал абсолютной секретностью. Еще один такой же малопонятный остров находился на выходе из Залива в океан.

Отдельно шел список случаев использования незнакомого и экспериментального оружия, явно произведенного в Старом Свете. Один случай был снят на видео пленку, кадры прилагались. Патруль Ордена расстрелял группу пленных бандитов. Не то чтобы бандитов кто-то жалел, но выглядело все странно. Патрульные заменили магазины в своих винтовках и перестреляли группу из двенадцати человек, производя выстрелы в различные части тела. Нанесенные повреждения были сняты на видео же: были видны руки в перчатках, которые переворачивали тела, подставляя объективу входные и выходные отверстия для пуль. Последних троих пленных взорвали гранатой, привязав их к дереву и взорвав гранату дистанционно.

На пути к Базе этот патруль напоролся на засаду. Как выяснилось, им удалось захватить лишь передовой отряд, они обнаружили себя и дали возможность основным силам устроить ловушку. Пленка была захвачена бандитами, которые на этой же кассете записали сцены собственной радости у горящих патрульных машин, а потом, в свою очередь, торжествуя победу, потеряли бдительность и напоролась в другом районе на целую роту легкой пехоты РА, на чем существование банды прекратилось, а материал оказался в Разведуправлении.

Происходящее на пленке очень напоминало испытание новых боеприпасов. Сказать с уверенностью, что здесь тоже испытывались боеприпасы из Старого Света, было нельзя, но на размышления пленка наводила.

Еще была целая масса файлов с непроверенными данными, касающимися острова Нью-Хэвен, считающегося местным раем для богатых и находящегося недалеко от орденовского острова. Нью-Хэвен был самым безопасным местом на этой планете – настолько хорошо он охранялся. Это было объяснимо: рай для миллионеров и есть рай для миллионеров, но стали

известны сведения о том, что охрану обоих островов осуществляет одно и то же ведомство Ордена. А вот это уже становилось интересным. Обитатели Нью-Хэвена не были так недоступны, как обитатели Острова Ордена. Многие были известны по именам, по крайней мере. Таким образом, через Нью-Хэвен можно было теоретически проложить тропиночку к главной орденской тайне. Кроме того, неужели здесь уже столько миллионеров? Не верится как-то: пока Новая Земля особым богатством не блещет, а все Америки, равно как и европейские владения, существуют больше за счет поддержки «из-за ленточки».

Была масса сводок о ценах на различные товары из Старого Света в различных территориях Света Нового. Я пока это пропустил, решив попозже покопаться подробно. Для внимательного глаза такие сведения тоже могут быть очень интересны.

Еще на диске была великолепная трехмерная карта Новой Земли с возможностью наложения всевозможной статистики, с прекрасной системой фильтров. Например, ты мог одновременно вызвать и посмотреть на карте все отмеченные случаи нападения ранее неизвестных монстров, а к этому в придачу вызвать карту известных плантаций коки и опийного мака. Если у тебя есть, конечно, теория, что монстрами становятся местные жители, злоупотребляющие поеданием молодых побегов цветов мака и листьев коки. Или из чего там этот мак растет, никогда не задумывался.

Кстати, о коке. Кокаин тоже добывался в этом мире в немалых количествах. В основном производители коки базировались в горной части бразильской территории, ранее никем не контролировавшейся, и на обратных склонах гор Сьерра-Гранде, со стороны Латинского Союза. Лучше, чем в высокогорье, кока нигде не росла, а в этих горах склоны поднимались зачастую до четырех тысяч.

К беде наркоторговцев, сидеть тихо и окучивать кустики коки они не умели, попутно баловались бандитизмом, после чего к горам со стороны русской территории были переброшены части легкой пехоты и егерей. Против бандитов был проведен ряд исключительно беспощадных операций, и те были вынуждены бросать насиженные места и откочевывать в непроходимые джунгли, спускаясь с предгорий и теряя плантации. Их территории были заняты какими-то революционными отрядами, которые тоже сцепились с ними и, неожиданно для всех, чуть не уничтожили наркобаронов на корню. Революционеры разоряли базы, перерезали пути сообщения, отстреливали главарей как из засад на тайных тропах, так и в их собственных постелях. Революция объявила войну наркотикам и их производителям. Впрочем, сейчас секрет отчаянных революционеров раскрылся, потому что их достойнейшая и прекраснейшая представительница сидела напротив и вместе с Владимирским работала над картой.

А вот производство кокаина поодаль от проводившихся операций никуда не делось. И производилось его очень много, во многие разы больше того количества, которое могли бы запахнуть себе в носы жители этого мира.

Была еще одна категория наркоторговцев, производившая новые разновидности галлюциногенного наркотика «сладкий сон». Наркотическое вещество добывалось из косточек ягод с простым названием «сонные», что были еще одной разновидностью тех самых ягод, из которых делалось «вишневое вино», которое я пил со Светланой. Как бывает с тем же маком, из стенок коробочек которого добывают опий, а содержимое идет в обычные булочки, так и здесь – две части одного растения давали совершенно разный продукт. Из мякоти плода делался невинный слабоалкогольный напиток, хоть и проигрывающий по качеству именно той самой «бразильской вишне», а вот из косточки выделялся наркотик не слабее ЛСД и со страшным эффектом привыкания.

Росли «сонные» кусты исключительно в болотистых низинах, поэтому главным местом их выращивания стала дельта Амазонки. И там, в сырой сельве, находилась работа для егерей и легкой пехоты, но, по крайней мере, эти бандиты были умнее и не пытались атаковать проходящие по рукавам дельты бразильские и русские суда. Зато было известно, что эти банды

покупали у чеченцев рабов для работы на плантациях и расплачивались за них наркотиками. Значит, у чеченцев постоянная система сбыта наркотиков имеется. А у бандитов спрос на рабов был высок, потому что в ядовитом климате дельты Амазонки ни один раб дольше года не протягивал. И прибыль оставалась, и оружие они покупали, и вообще не бедствовали. Значит, наркотиков продавалось очень много, и куда же они все уходили?

Я открывал папку за папкой на диске, в конце концов почувствовав, что начинаю тонуть в этом объеме информации. К счастью, в этот момент Владимирский сообщил, что общая проработка операции у них готова, готов докладывать и отвечать на вопросы.

Идея операции была продумана толково, сохранность тайны встречи гарантировалась процентов на девяносто, если прикидочно. Все выглядели уставшими и решили сходить пообедать. Мысль об обеде напомнила мне об «обмывании» звания и должности. Нашел в справочнике телефон «Португеи», дозвонился, заказал столик на одиннадцать вечера, после чего начал обзванивать всех, кого собирался пригласить. А потом пошли наконец обедать.

Территория России, протекторат Русской Армии, Пункт постоянной дислокации. 40-е число 5-го месяца, пятница, 23:00

За обедом старались о деле не говорить. Вниманием завладела Мария Пилар – видимо, совершенно рефлексивно. Болтали обо всем на свете и ни о чем в частности. Владимирский наконец сознался в корнях своей врожденной интеллигентности. Как оказалось, он из семьи гуманитариев, папа был литературным критиком, мама преподавала романо-германскую филологию в МГУ. Сын же пошел в технический вуз, окончил, попал в армию «пиджаком», в бригаду специальной разведки специалистом по связи. Навалилась первая чеченская, «пиджак» стал ходить «на войну» с группами, блеснул способностями и умом. Вскоре о «пиджачном» происхождении его забыли, репутация хорошего бойца и человека, с которым связь есть всегда, при любом рельефе местности и любой погоде поставила его в один ряд с лучшими молодыми офицерами. Затем была вторая чеченская, Владимирский отбыл на ней всю активную фазу боевых действий, вернулся из командировки в часть, ну а дальше мы уже знаем. Здесь сразу попал в егеря, оттуда, благодаря редким навыкам, в разведывательный батальон, где и был замечен Барабановым и насильственно водворен в Разведуправление. Но на должность оперативного сотрудника – поэтому не забывал, как за автомат братья.

Катя, его девушка, была родом из Владивостока, окончила университет, занималась биологией. Сюда попала в основном из-за своего неумного любопытства, но не жалеет. Работает в школе, преподает историю, которой всегда увлекалась, заодно занялась изучением местных животных, пишет первую в Новой Земле книгу на эту тему.

Как я заметил, пока я еще не видел в этом мире ни единого человека, который бы жалел о том, что бросил старый, обжитой мир и перебрался в новый. Может, все мы были неудачниками в той жизни, а теперь у нас появился второй шанс? А может быть, все же человеку свойственно искать новой жизни, новых возможностей, открывать для себя новые горизонты и новые миры? Кто знает! Пока я с ответом затрудняюсь, если говорить по правде. Но моя прошлая жизнь быстро становилась для меня каким-то причудливым, но скучным сном – этот мир дарил меня более яркими красками, чувствами, эмоциями. Именно в этом мире я увидел и встретил двух, да, именно двух женщин, – и пусть я запутался уже в своих чувствах окончательно, но раньше, в прошлой жизни, я не испытывал таких сильных чувств ни к одной. Может быть, здесь моя душа, закрывшаяся до того в защитной скорлупе в нашем старом мире, просто расколола эту оболочку и открылась для сильных чувств? Может быть, этот мир, который дает хорошим людям возможность изгонять от себя плохих, карать негодяев, не боясь никого, защищать слабых, защищать себя так, как хочется защитить, и не надеяться на уполномоченные на то государством структуры, которые больше озабочены тем, чтобы не дать тебе возможности государству как-нибудь навредить?

В Старом Свете один человек мог убивать другого на глазах у остальных, унижать слабого, отбирать по праву сильного. И остальные, скованные законами, правилами, неестественной моралью, предпочитали не ввязываться, уходить, отворачиваться. Здесь же люди были помещены в первобытный мир, и все это плохое, пришедшее из прошлого, отваливалось как шелуха. Здесь люди объединялись в общества свободных и равных. Здесь те, кто пытался управлять другими, основываясь на не понятных никому привилегиях, просто выглядели смешно, как правительство из местной Москвы, раскатывающее с синими «мигалками» по саванне, пугая тупо глядящие на них стада рогачей.

Но и плохие люди получали здесь новые права и новые возможности. То зло, которое скрывалось в старом мире, здесь расцветало и переставало прятаться. Каждый подонок рас-

крывался во всем блеске своей подлости – и творил то зло, которое желал вершить всегда. И даже в этом была своя светлая сторона. У подонков не было той защиты, которая была в прошлой жизни. Переходя грань между добром и злом в этом мире, негодяй открывался для всех взоров, давая возможность тем людям, которым не безразлично то, что происходит вокруг, принять на себя ответственность за его дальнейшую судьбу и сделать эту судьбу по возможности недолгой и болезненной.

Этот мир был честен в своей основе, честен и в добре, и в зле. Даже та странная и подлая сила, которая старалась управлять созданным ею же миром, не могла выполнить всего задуманного. Люди были лучше и выше этого, выше интриг и подлостей. Люди оставались людьми, причем такими, какими их задумала природа, создавая человечество, а не такими, какими их пыталась сделать искаженная мораль последних веков. И касалось это не только людей в землях, противных этой силе, но и людей, на которых эта подлая сила пыталась опираться. Люди были лучше, чем о них пытались думать...

Надо же, философствовать начал, о мироустройстве задумался, а сам не могу в своем отношении к двум женщинам разобраться. Поэтому мысли о высоком пока в сторону – и займемся делом. Надо готовить переговоры с кубинцами.

Мария Пилар и Михаил предварительный план проработали хорошо. После обеда к нам присоединился Барабанов, и пришел майор из вертолетной эскадрильи. Посчитали, обсудили, разработали уже детальный план. Все же не штурм Берлина готовим, а секретную встречу с союзниками, не более.

Закончили мы работу около девяти – как раз оставалось время съездить домой и приготовиться к «проставлению». Осталось даже время посидеть вдвоем на веранде, которая превращалась в наш домашний клуб, попить кофе. Мария Пилар была непривычно молчалива, только слегка улыбалась каким-то своим мыслям, было тихо и спокойно.

В клуб мы приехали минут за десять до назначенного времени, чтобы иметь возможность сыграть роль гостеприимных хозяев торжества. Приехал Николай Барабанов с женой Инной, с которой он в свое время познакомился в госпитале, когда она ему выковыривала пулю из ягодицы и которая работала теперь хирургом в гарнизонном госпитале. Пришел Гонтарь, один. Как оказалось, Палыч был закоренелым холостяком. Пришел Немцов с женой Машей, с которой познакомился здесь, встретив ее в конвое, перевозившем новых переселенцев на русскую территорию. На конвой напали, был бой, Немцов командовал и побеждал, чем поразил сердце молодой учительницы русского языка и литературы из Костромы до самого его дна. Теперь у них уже двое детей, один из которых учит литературу под присмотром своей мамы, а второй мечтает служить в легкой пехоте, как папа.

Был Владимирский с рыжей веселой Катей, пришел Быхов с девушкой в равном с ним звании с бригадного узла связи – маленького росточка, с черными короткими волосами. Звали ее Ниной, и на фоне могучего кавалера выглядела она просто ребенком. Впрочем, я заметил, что так частенько бывает, что маленькие женщины предпочитают крупных мужчин, а уж крупнее Быхова быть сложно.

Мария Пилар была, естественно, неотразима, владела умами и вниманием, смеялась, танцевала, даже отобрала гитару у музыканта из джазового квартета, играла на ней сама, заставила еще и их играть «Besame mucho» и спела, и голос у нее оказался удивительный – не слишком сильный, но бархатный, вибрирующий и восхитительно нежный. Она вновь была в белом маленьком платье, блестящие черные волосы распущены и заброшены за спину, и на сцене она напоминала какую-то удивительную статуэтку, даже появилось ощущение нереальности. Казалось, что так не бывает, это все вино делает с тобой, теплая ночь, музыка, настроение праздника, но никто не может быть так прекрасен, как эта женщина, поющая о любви на языке, который мало кто понимал в зале, но все молчали и все слушали ее.

Когда песня закончилась, в зале сначала захлопали, закричали, квартет сыграл ей, улыбающейся и идущей к столикам, вслед несколько аккордов, из-за столов вставали, свистели. Метрдотель и официанты аплодировали, вышли даже с кухни. Она подошла ко мне, нагнулась, поцеловала, зал засвистел, снова захлопали, она всем помахала рукой и села за стол. Мария Пилар Родригез по-прежнему потрясала мироздание и разбивала сердца.

Нашлась в клубе и водка, которой наполнили алюминиевую кружку и в которую бросили сразу восемь звездочек, поскольку звание образовалось само по себе, без предварительного вступления. Пришлось пить до дна, впрочем, водки выпили и все остальные, и даже Мария Пилар по-гусарски лихо опрокинула стопку.

Потом снова пили вино, которое смешалось во мне с водкой, и я опьянел, но не слишком сильно, много говорил, рассказывал анекдоты, впрочем, этим же занимались и все остальные за столом, поэтому я ничем из окружения не выделялся.

Разошлись далеко за полночь, долго разговаривали возле выхода, прощались, кто-то обещал кому-то прямо завтра приехать на шашлык, кто-то предлагал ехать на охоту, в общем, был обычный пьяный сумбур уже закончившегося официально, но по-прежнему пытающегося никак не закончиться праздника.

Домой поехали на клубной машине – была у них такая услуга. Мария Пилар продолжала негромко петь песню за песней, пританцовывать на сиденье, волосы у нее растрепались от ветра и пребывали в восхитительном беспорядке.

Все было чудесно, романтично, мы ворвались домой как ураган, затем ураган разделился на два отдельных вихря, каждый из которых затих в отдельной спальне. Я угомонился быстрее, а из ее комнаты долго доносились шаги, хлопки двери в ванную, пение в душе и пение в комнате. Потом я уснул.

Территория России, протекторат Русской Армии, Пункт постоянной дислокации. 5-е число 6-го месяца, среда, 08:00

С утра Мария Пилар в первый раз на моей памяти выглядела серьезной и сосредоточенной. Наряд на ней был таким же, как и по дороге из Аламо, но сверху она набросила камуфляжную куртку. На плече висел стволом вниз карабин FNC с оптикой в чехле.

Я тоже оделся в полевую форму, в шлем и «броник», вооружился АК-103 с подствольником и коллиматорным прицелом, прихватив с собой оптический в футляре. Никто мне снайперствовать не даст, так что я лучше как все.

Скрепил попарно шесть пластиковых магазинов, полученных на складе РАВ, благо каплер у меня был еще целый пакет, а еще два скреплять не стал – они пойдут «первым-последним». Четыре гранаты, учитывая встречу в горах, – РГН и РГО. «Гюрзу» в нейлоновой кобуре на бедро, в ее карман – два запасных магазина. НР-2 – в специальный карман на брюках. РД с запасным боекомплектом и двумя «эфками», краской для морды, а также ночником в чехле. Мало ли? Все, готов.

Отъезжали из расположения разведбата, и, когда прибыли туда, я с интересом уставился на машины, на которых должны были ехать. Первая рота разведбата была «дальнерейдовой» и каталась на бразильских «тойотах бандейранте», но переделанных до неузнаваемости. От старого кузова разве что кабина осталась двухместная, с отдельным и откидным вперед стеклом. Справа от водителя торчала турель под пулемет ПКМ, который смотрел вперед. Могучие дуги безопасности укрепляли всю эту конструкцию, и прямо на стыке двух из них была турель с крупнокалиберным «кордом», соединенным с АГС-17. Борта состояли из панелей, которые можно было снимать и подсовывать под колеса машины, если она застрянет. Решетчатый кенгурятник, две запаски по бокам, шесть мест для экипажа. Крутой автомобиль получился – это от англичан такой в моду пошел: они первые стали переделывать «лендроверы» в «пустыннопатрульные» экипажи.

По плану мы должны были дойти до Демидовска, где в предгорьях в новых пунктах постоянной дислокации были расквартированы полк легкой пехоты из второй бригады, сводный артдивизион и вертолетная эскадрилья. Из эскадрильи мы на двух Ми-8 должны были перелететь хребет и найти обозначенную на плане посадочную площадку в джунглях. Именно там кубинцы оборудовали место для встречи.

Перед машинами построились десять человек из разведбата – сопровождение. Возглавлял их лейтенант с позывным «Сова». Их задачей было высадиться первыми и занять круговую оборону у вертолетов. Разведать место предварительно не было возможности – кубинцы назначили встречу на своей территории. По идее, это должно было гарантировать безопасность и секретность, если бы не одно «но» – они действительно те, за кого себя выдают? Приходилось рисковать.

Разобрались с позывными, проверили связь. Затем Барабанов скомандовал: «По машинам!» – и мы поехали. Промелькнули заборы и КПП дивизии, затем мы, не заезжая в городок, свернули налево, вскоре асфальт закончился, и мы выехали на довольно ровный и совсем не пыльный грейдер. Справа мелькнуло бетонное поле аэродрома за забором, на котором стояло в ряд несколько Ан-2 и пара Ан-12, а также шесть бразильских «тукано». Проехали блок, на котором имелся БТР, затем потянулись поля. Они не выглядели совсем безжизненными. Время от времени по бокам мелькали фермы с огромными деревянными амбарами, местами выгоны были огорожены заборами из длинных жердей. Пару раз показывались работающие трактора.

Затем я увидел слева насыпь из гравия, на которой укладывали рельсы несколько десятков человек в оранжевых комбинезонах, очень разные на вид и даже отличавшиеся цветом кожи. С трех сторон от места работ стояли «тойоты» с укрепленными в турелях пулеметами,

но не такие, как у нас, а короткие, в которых сидели солдаты в камуфляже и красных беретах. Красные береты носили здесь комендантские подразделения.

– Кто это? – спросил я.

– Пленные, – ответил Барабанов. – Одноколейку строят от ППД до Демидовска. Упрощаем и удешевляем сообщение.

– Откуда пленные?

– А разные, отовсюду, – ответил он. – Есть бандиты из дельты реки, есть нохчи, есть из Бразилии, кокаинщики. Разные.

– Долго держите? – спросил я.

– Кого как, – пожал он плечами. – Нохчей меняем иногда на своих. Остальные сидят себе да и сидят, чего с ними еще сделаешь. Разве только пристрелить.

– Не отпускаете?

– А зачем? – удивился Барабанов. – Они же конченные уроды все: его отпустишь – он за свой плен потом народу перережет кучу. Пускай лучше шпалы укладывают, там увидим. Им тут и будет... «где мчит курьерский “Воркута – Ленинград”»... Хотя польза от них. Кроме пленных, еще и эски есть, у них синие комбинезоны, – вот тех отпускают после срока отсидки. Но эсков мало, несколько десятков всего. Всякие пособники и прочие.

– Не бегут? – поинтересовался я.

– Пытаются, но ловят коменданчи, почти всегда. Если местные не пристрелят. Если пристрелят – тогда не ловят, – усмехнулся он.

– А всего пленных много?

– Не знаю точно, – покачал он головой. – С полтысячи, наверное. Лукас ваш, который Пераччи, тоже уже на стройках народного хозяйства где-то с тачкой бегаёт. У нас еще ничего, а вот у конфедератов... Если поймают кого в деле, жить будет, но хуже, чем дядя Том в своей хижине. Традиции рабовладения остались. Работают у них в пойме Рио-Гранде, плотины строят. Тяжко там – змеи, насекомые. И гоняют их, и дубасят неслабо. Впрочем, тех, кто туда попадает, точно никому не жалко. Вот ни капельки. Конфедераты конвоями занимаются и чисткой Дорог, поэтому в плен к ним преимущественно те попадают, которые на Дороге разбойничают. А за них и так за каждую голову награда назначена – просто конфедераты считают, что на работе они лучше себя окупают, когда едят поменьше, а работают побольше. Это им вместо смертной казни присуждается.

Пленные остались позади, справа на выгоне я увидел довольно большое стадо коров.

– А этих как сюда?

– А вот так, еще в начале заселения покупали телят, пенделями гнали в «ворота», потом после «ворот» успокаивали, растили. Первыми в Техасе начали – вспомнили, как весь мир тушенкой снабжали. Консервные заводы они, кстати, тоже поставили. Наши сухпаи с их тушенкой повально. Хорошая, жрать можно, если не месяц подряд каждый день. Помнишь, как Савченко... ну, был у нас такой боец, из Полтавы... отказался в банке дырки прокалывать, когда на костре грел? Вот упрямый хохол был – говорит, сало растопится и вытечет.

– Помню, только с кашей банка была, – усмехнулся я.

– С тушенкой.

– Точно с кашей, я как раз к костру подошел, когда банка рванула, – решительно заявил я о хорошо мне памятном случае. – Потом все от себя отскребал.

Дорога заняла около трех часов. Довольно монотонный пейзаж действовал усыпляюще, только болтовней и спасались. Затем показался Демидовск. Первое, что бросилось в глаза, – вполне полноценный промышленный пейзаж, для этого мира совсем непривычный.

– Смотри, это – металлургический, – показал Барабанов. – Тут и варят сталь, и катают, и почти весь цикл, вплоть до резки листа. Месторождение гематита тут огромное, неподалеку от него еще и полиметаллическое. Там кобальт, никель, хром и еще всего до черта. Так что, по

отзывам, сталь тут не хуже, чем в Старом Свете. Сюда столько инженеров толковых сманили и с Урала, и из Сибири – обалдеешь.

За забором металлургического тут же потянулся следующий забор, тоже огораживающий заводскую территорию.

– А это – патронный и инструментальный. ПББСы наши тоже здесь делаются, кстати. Дальше будут завод цветных металлов, механический и новый моторостроительный. Наверх поднимаемся – смотри через реку, там лесопилки и лесные склады. Дальше будет ТЭЦ.

– Неплохо вы тут развернулись, целый «Уралмаш», – откровенно поразился я.

– Ага, он самый, – согласился Николай. – По промышленной мощи здесь мы впереди планеты всей. Остальные все же больше на поддержку «из-за ленточки» рассчитывают – те, кто побогаче, в смысле.

– А НПЗ где? – спросил я.

– НПЗ в Береговом, поближе к нефти и терминалу. Там еще химический есть, взрывчатку делают, небольшой заводик химволокна и всякой другой химии. Там же газ, так что резино-технический и шинный тоже там. Все шины в этом мире идут от нас, а расход у них неслабый. И верфь есть в Береговом. Есть еще на Амазонке угольный терминал, куда бразильский уголь принимают и кокс.

– Кокс бразильцы сами делают?

– Ага. У них уголь под это самый то что надо, говорят, – ответил Барабанов. – От Берегового до Демидовска однопутную уже проложили, кокс везут на металлургический, и ТЭЦ у нас угольная – все лучше, чем нефть жечь. Теперь строят от ППД до Демидовска и от ППД до Берегового. Тогда вообще легко все будет, а то сейчас по таким дорогам железо корабельное таскают на трейлерах... Дорого и тяжело.

– А сам город как? – неопределенно спросил я.

– Демидовск? – переспросил Барабанов. – Нормальный. Стоит в стороне от заводов, люди по узкоколейке на работу катаются, кто без машин. Между ними холмы, поэтому даже пейзаж индустриальный не напрягает. Тут уже предгорья пошли, а дальше – горы. С тех пор как банды отсюда погнали, народ в горы отдыхать стал ездить – рыбку там половить, поохотиться. Речек там без меры, вода чистейшая – мечта просто! Безумно красиво, я такую красоту разве что в Сибири в Саянах видел, но только там лето два месяца, а тут – круглый год. Правда, поосторожней надо, чтобы не съел кто тебя.

– Заезжать не будем?

– Нет, нам дальше, – показал рукой Барабанов. – Только промзону краешком заденем.

– А войска где дислоцированы?

– А с обратной стороны от Демидовска, в промзону только патрули ездят и охрана объектов. Тоже из комендантского полка.

– А где полк дислоцирован-то? – спросил я. – Я так и не понял.

– Официально у нас, в ППД, а фактически – вразброс. И в основном здесь – тут два батальона из полка на охране промзоны.

Действительно, нам уже не раз навстречу попадались моторизованные патрули, только солдаты были не в беретах, а в шлемах и бронезилетах.

– Сейчас вон за тот холм заедем – и на месте, считай. Там базируется эскадрилья.

Территория России, протекторат Русской Армии, окрестности г. Демидовска. 5-е число 6-го месяца, среда, 11:20

Когда мы заехали на вертолетную площадку, два Ми-8 уже разогревали двигатели. Вертолеты были не новые, но в отличном состоянии, с капиталки – это было видно сразу. Чуть поодаль вращал винтами Ми-24, с двуствольной пушкой в кокпите и шестью блоками НУРС. Он должен был осуществлять контроль за прилегающей к зоне высадки территорией.

Мы разделились на две группы. «Сова» повел восемь человек к первому «головастiku», а мы, то есть Барабанов, Владимирский, Мария Пилар, двое егерей и я, – побежали ко второму.

Сидящий в дверном проеме возле закрепленного «корда» пулеметчик подал даме руку, предоставив нам возможность забираться внутрь самим. Вывесить трап никто не удосужился – видать, подумали, что егерский спецназ трап только унизит. Ну посмотрим, как я это еще помню. Подбежал к проему, положил «калаш» правой рукой внутрь, левой уперся в пол у самого порога проема, затем правой, подтянулся, закинул левую ногу, на четвереньки, подобрал оружие. Хорошо хоть не опозорился.

Едва мы расселись, как вертолеты разом оторвались от земли и с набором высоты пошли в сторону гор. Проем оставался открытым, в нем, привязавшись, сидел пулеметчик в странном шлеме на голове, напоминающем американский танкистский, с наушниками и микрофоном. Местное изготовление или просто не российская модель? Не знаю, впервые такой вижу.

Я тоже постарался усесться поближе к дверному проему, чтобы иметь возможность посмотреть вокруг – покуда мне не доводилось увидеть Новую Землю с такой высоты и с таким обзором.

Пулеметчик повернулся ко мне и крикнул:

– Недавно здесь?

– Да! – закричал я в ответ. – Еще месяц не прошел!

– Заметно! Красиво здесь, смотри получше!

Действительно, пейзаж был невероятный. Горы заросли изумрудным лесом, который расходился в стороны лишь у каменистых русел горных рек. Реки кипели водопадами, образовывали маленькие, тихие озера – и снова бежали вниз, извиваясь меж торчащих из-под леса скал. Я видел внизу каких-то крупных животных на водоеме, даже пару раз хватал бинокль, чтобы рассмотреть их получше. Над лесом летали крупные яркие птицы, шарахавшиеся в стороны от пролетающих вертолетов. Горы поднимались все выше и выше, и лес уже не дотягивался до их вершин: корни деревьев не могли зацепиться за скалы, лишь зеленые пятна какой-то мелкой растительности забивали щели в скалах. Вертолеты прошли между двумя вершинами первого хребта, изменили курс с глубоким креном, обогнули еще один пик, и еще.

Полет между горами занял минут сорок, я глазел не отрываясь. Время от времени пулеметчик показывал пальцем то на птиц, то на животных, то еще на что-то интересное.

Затем горы вновь начали снижаться, стекая в долину между двумя хребтами. Леса здесь почти не было – лишь кустарник да изумрудная трава, и еще там было небольшое, абсолютно прозрачное озеро. За озером, ближе к следующему, более низкому хребту, опять начинались заросли, которые превращались в подобие вскипевшего зеленого варева. Казалось, что трава долины вдруг забурилась, воплотилась в кудрявые деревья и выплеснулась между скалами на дальний склон, стекая ниже, к самым джунглям.

Я услышал в головном телефоне:

– Внимание, вышли в зону высадки. Приготовиться к высадке.

«Крокодил» начал облет долины, направив немного вниз свой хищный нос с двумя выпучившимися полушариями кокпита. Первая «восьмерка» пошла на снижение, медленно прошла метрах в двух над травой, из нее один за другим, через равные промежутки времени, выпрыгнули егеря, разбежались, заняли круговую оборону. Вертолет резко поднялся, завалился набок и отошел вверх и в сторону, освобождая место для нашей высадки.

В гарнитуре послышался голос «Совы»:

– В зоне высадки чисто. На опушке наблюдаю трех человек без оружия, укрытых под деревьями.

– Высаживаемся! – скомандовал Барабанов.

Летчик бросил наш вертолет вниз так быстро, что появилось ощущение невесомости, затем замедлил спуск, плавно опустил шасси на траву.

– Покинуть вертолет!

Мы поочередно выпрыгнули на траву и, пригибаясь, пошли навстречу трем мужчинам в военной форме, вышедшим с опушки.

Один из них, с веселым худым лицом, густыми темными бровями и залысинами над высоким лбом, бросил ладонь к козырьку форменного кепи и отрекомендовался на отличном русском языке:

– Капитан Круз, уполномочен вас встретить. Товарищи ждут в палатке. Пойдемте со мной.

Мы переглянулись и пошли следом за капитаном Крузом.

Скалистые горы, зона дислокации Первого батальона Кубинской армии. 5-е число 6-го месяца, среда, 16:40

Оба вертолета, заглушив двигатели, стояли на траве. Вокруг них расположилось оцепление из четырех парных постов егерей. «Крокодил» улетел, ожидая на аэродроме вызова на обеспечение обратного маршрута. Мы же сидели в большой палатке с кубинцами. С их стороны в долине никаких сил не было – только пять человек, принимавших участие в переговорах. Мария Пилар была рада встретить друзей, они долго обнимались, расспрашивали друг друга о делах. Теперь Мария Бонита сидела за столом молча, лишь иногда вступая в разговор, чтобы ответить на заданный вопрос.

Кубинцы действительно предложили много. Их агентурная сеть охватывала не только Нью-Рино, но и многие города Штатов, Техаса, Конфедерации, Европейского Союза, и даже в Нью-Дели у них была база, представленная в виде ночного клуба на берегу. Если русские в Новой Земле бросили все силы на строительство промышленности и армии, а разведкой занимались преимущественно тактической и лишь на тех территориях, которые попадали в зону оперативного внимания, то у кубинцев таких возможностей не было. Их было немного, они не имели своей постоянной территории и испытывали серьезные затруднения в средствах. Их резидентуры везде были коммерческими предприятиями, помимо добычи информации добывая еще и деньги. С их слов, у Первого батальона даже было секретное соглашение с правительством Бразилии. Впрочем, бразильцам Первый батальон был известен как Свободная революционная армия. Бразильцы подкидывали им оружие и боеприпасы, отчего вооружены все были бразильскими «имбелами» – копиями FN-FAL, а также приплачивали за то, что эти повстанцы гарантировали отсутствие в их зоне ответственности любых других повстанцев, а особенно – бандитов.

Другие батальоны, всего их было шесть, занимались аналогичным бизнесом во всех горно-лесных районах, где удавалось договориться с теми, кто готов платить за спокойствие на сопредельных территориях. Немножко смахивало на рэкет, но не слишком, потому что в случае отказа платить кубинцы безобразий не устраивали, а просто перебирались в другие районы.

Кроме того, учитывая, что в основном точки их дислокации приходились на места, где торжествовала анархия, кубинцы следили за тем, чтобы окрестным бандам не слишком удавалось объединяться под единым руководством каких-нибудь особо харизматичных лидеров, и лидеры эти обычно устранялись. Как представители страны законопослушной, кубинцы считали своим долгом не давать бандитской вольнице слишком расти.

Вообще следует сделать небольшое отступление и рассказать немного о кубинцах вообще и кубинской армии в частности. Среди всех стран Латинской Америки и Карибского бассейна Куба – единственная, в которой удалось не только совершить революцию – таких примеров вся Латинская Америка способна предоставить сотни, – но и сохранить результаты этой самой революции. Затем правительство Кубы, состоящее из профессиональных революционеров, решило помогать любому и каждому освободительному движению в этом полушарии. Опытная кубинская армия, появившаяся на свет после нескольких лет тяжелой партизанской войны, возглавляемая бывалыми и талантливыми командирами, быстро превратилась в силу, с которой стали считаться все. Когда кубинцы появились в Анголе, рейдам опытейших наемников и южноафриканских военных был положен предел. А южноафриканская белая армия была по своим боевым качествам просто великолепна. Да и банды профессионалов под командованием знаменитого Боба Денара и Конго Мюллера тоже не лаптем щи хлебали.

Но армии мало, и кубинцы сформировали очень серьезные, эффективные и хорошо оснащенные спецслужбы. Которые к тому же умели хорошо организовывать государственные перевороты. Интересно, что первый переворот они организовали в Африке, в 1963 году, в Зан-

зибаре. Не обошлось без их участия и в никарагуанской революции, и диктатор Анастасио Сомоса лишился жизни в результате засады, организованной кубинской разведкой. В США кубинцы создали великолепную разведывательную сеть, добирающуюся до самых священных американских секретов. Поговаривают, что и в убийстве Кеннеди без них не обошлось – очень уж сам Кеннеди рвался прикончить Фиделя Кастро. Рвался и зарвался. Но это уже слухи, и публично их огласил преемник Кеннеди на посту президента Линдон Джонсон, не приводя никаких доказательств. Да и где ему их взять?

С высоты своих достижений кубинцы поглядывали на все остальные страны Латинской Америки немного свысока. Впрочем, под этим были основания. Остальные небольшие страны оставались банановыми республиками и плясали под дудку американских компаний. Народ же в них жил и умирал в нищете, возглавляли их постоянно сменяющиеся генералы в темных очках и сверкающих от золотого шитья и ярких, как конфетные обертки, орденов мундирах. Кубинцы, может, и не блистали богатством, скорее наоборот, но то, чем они располагали, обращалось в отличную, прекрасно обученную армию, школы и университеты, в обучение специалистов за границей и, в конце концов, – в одну из самых лучших в мире систем здравоохранения. Лучше, чем в Америке, кстати. И это в одной из бедных стран Карибского бассейна. Таким в тех местах да и вообще в мире не мог похвастаться никто. А вы знаете, что эпидемия СПИДа так и не достигла Кубы до сих пор? И это несмотря на всем известную вольность нравов.

Кубинцы смотрели на соседей свысока, но и соседи смотрели на них немножко того... снизу вверх. Весьма небольшого островного государства побаивались гораздо более крупные соседи по региону. И такая боязнь в них еще осталась и с ними же перешла в Новую Землю.

Встретили нас в хорошо замаскированной палатке, в которой стоял длинный стол, составленный из трех складных столов, и вдоль него – штук двенадцать стульев. В углу стояла японская радиостанция, возле которой сидела девушка в камуфляже и головных телефонах. Подполковник Писейрос заканчивал московскую военную академию, откуда вынес истину, что без чая или кофе у нас переговоров не бывает. Предложили нам кофе – с чаем в Новой Земле были проблемы. Чай был только «из-за ленточки» или плохой. Где Барабанов своим разживался – непонятно. Почему-то не рос нормальный чай на Новой Земле, чего не скажешь о кофе. С кофе все наоборот было. Великий ямайский «Blue Mountain» для этого мира оказался бы вполне рядовым сортом.

Кубинцы не стали тратить время на прощупывание партнеров, а сразу раскрыли все свои карты. Дали полную разблюдовку по личному составу и вооружению, резидентурам и агентурным базам. И сразу перешли к конкретному вопросу – могут ли они получить Дикие острова, если они сами их отобьют у бандитов и сами обживут, согласно ли руководство территории РА на участие кубинцев в добыче нефти и согласны ли принять новообразующееся островное сообщество в качестве автономной области в рамках территории РА.

Барабанов заявил, что общее «добро» на эту договоренность есть, все упирается в детали, а деталей здесь много. Поэтому единственное, на что он действительно уполномочен, – это пригласить новых, хоть и старых при этом, союзников на переговоры в ППД. Что он может сразу сказать с абсолютной уверенностью и на что он должным образом уполномочен – это на организацию общей работы разведывательных управлений.

Он представил меня кубинцам и объявил им, что именно я буду отвечать за организацию совместной работы.

В общем, встреча прошла полезно. Договорились о том, что разведывательные майоры, Рамирес и Санчес, а также главный кубинский финансист Эрнандес улетят с нами на несколько дней, после чего их доставят на это же место по их первому требованию. Решение о налаживании новой совместной разведывательной сети было принято сразу, и непосредственное выполнение с кубинской стороны поручили... угадаете кому? Лейтенанту Марии Пилар Родригез. Как вы думаете, я расстроился? А вот ни капельки, хоть и живем в разных спальнях.

Территория России, протекторат Русской Армии, Пункт постоянной дислокации. 6-е число 6-го месяца, четверг, 09:00

Вчера после возвращения со встречи, уже ночью, мне удалось забежать на почту, благо работала она круглосуточно. Ответная телеграмма дождалась меня. Она была переведена с транслита на нормальный русский. «Найдя свое место, не потеряй меня. Я жду. Светлана».

И эта телеграмма была сложена в квадратик и попала в конвертик, который я всегда носил с собой. Но на этот раз появились какие-то новые чувства... угрызения совести, что ли? И даже обратную сразу не послал. Нехорошо как-то: получил телеграмму от девушки, которая любит, порадовался – и пошел к другой девушке, которая в машине ждет. Хотя я сам не знаю, что у нас с другой девушкой. Нет у меня словесного определения такой форме взаимоотношений.

Другая девушка внимательно посмотрела на меня, когда я вернулся... и ничего не сказала. Хотя взгляд странным был. А может быть, мне показалось. Не знаю. Мне теперь часто что-то кажется.

Оба устали – и сразу же по приезде домой завалились спать.

Утром я совершил уже часовую пробежку. Бегал не я один, бегали многие в офицерском городке – все это напоминало массовую утреннюю прогулку. Не только офицеры, но и их жены и даже дети. Пробежка далась мне не слишком легко: отвык. А форму надо нагонять. Со слов Барабанова, здесь ввели ежеквартальную аттестацию по физподготовке и стрельбе. И если ты ее не сдаешь, можешь потерять и в должности, и в звании. Это не «физо» для командного состава Российской Армии, где даже представить себе невозможно бегаящими или преодолевающими полосу препятствий пузатых штабных и тыловых полковников. А еще Барабанов мне очень рекомендовал – читай между строк: приказал – заняться рукопашным боем. Если уж нацепил спецназовские шевроны – изволь соответствовать.

Рукопашный бой никогда моим коньком не был. Не то чтобы я совсем не владел им – место службы обязывало, и все такое, да и до армии я выступал за сборную спортобщества по боксу, но всегда предпочитал рукопашке более совершенное владение оружием. Логика простая – за все время, что я прослужил, мне так ни разу и не довелось услышать о том, чтобы кто-то вступил с душманом в рукопашный бой, прыгал как Ван Дамм, лягался ногами и потому победил.

Ни при скрытном снятии часовых, ни в бою рукопашный бой не значил абсолютно ничего. Совсем. Даже ножи не использовались. Самого продвинутого рукопашника в нашей группе на три месяца отправила на госпитальную койку с тяжелым ранением тринадцатилетняя девочка, знавшая, где отец прячет автомат. Часовые снимались бесшумным оружием, а я на прикладе своей СВД мог бы поставить больше зарубок, чем любой рукопашный умелец в группе на своих набитых кулаках. Даже в ближнем бою, вплотную, умение пользоваться запасным оружием, таким как пистолет, умение быстро выхватывать его и стрелять значило больше, чем пятьдесят лет таскания воды на бамбуковом коромысле в монастыре Шаолинь. Хороший пистолетчик владеет своим оружием с меньшей скоростью, чем иной своим кулаком. Только эффект разный получается.

Но здесь мы уже вступаем в область иррационального. Спецназ есть спецназ, и независимо от специализации ты должен быть рукопашником. Иначе позоришь род войск и все такое. Пришлось и на это согласиться и обязаться каждый день после службы на два часа ходить к некоему капитану Васильеву, большому специалисту по спецназовской системе Кадочникова. С системой этой я немного знаком, и это радовало, потому что, в отличие от других едино-

борств, эти тренировки не были ни скучными, ни утомительно-рутинными. К счастью, меня в этом поддержала Mi Vonita, которая решила, что ей это тоже нелишним будет.

В 9:00 мы с ней уже вошли в наш кабинет в Разведуправлении и засели за составление плана по организации если не агентурной сети, то хотя бы каркаса для нее. За основу взяли то, что уже есть: Мария Пилар владеет оружейным магазином и нуждается в поставках патронов из Демидовска для продажи. Чтобы организовать поставки, она уехала на русскую территорию с двумя заезжими русскими, один из которых был военным, а другой – так, временный подрядчик, вроде наемника или добровольца.

Если она вернется обратно с машиной, груженной патронами, в компании того самого наемника-добровольца и декларирует расширение бизнеса, никто в этом не усомнится. В том же Аламо знали, что в Новой Земле я совсем недавно и своего места в обществе пока не обрел. Почему бы человеку, любящему оружие и пострелять из него, не объединиться с новой подружкой и, пользуясь связями с русскими военными, не попытаться организовать целую сеть магазинов? Логично? С точки зрения элементарной коммерции – вполне логично.

Организация магазинов в местах с сомнительной репутацией, вроде того же Нью-Рино, требует определенных мер по защите бизнеса. «Крыша» там нужна бандитская, короче. А если в Нью-Рино столь сильна кубинская ОПГ, а моя партнерша – кубинка, то не будет ли логичным подвести новый бизнес под кубинскую «крышу»? Опять нормально выглядит. И прикрыть мои постоянные в первое время разъезды – что сможет лучше, чем деятельность по открытию нескольких магазинов в разных городах? А магазинам нужны продавцы, доверенные, поэтому никто не мешает привозить с собой людей, которые станут в них работать и априори будут хорошими стрелками, если вдруг чего случись.

Перешли к деталям. С патронами проблемы не было. Позвонили в Демидовск, связались с отделом оптовой торговли, по факсу договор подписали. Причем смотреть на вещи можно было шире и навестить еще и механический, вполне успешно производящий гранаты – как Ф-1, так и РГД. Почему, кстати, кроме них до этого до сих пор в этом мире никто не додумался? От полтинника до ста экю за гранату старосветской работы! Да чего такого сложного в ней? Тротил в Береговом уже пятнадцать лет как производят, технология древняя ведь, иначе не скажешь. Как и бездымных порохов производство. А отлить чугунный корпус и сделать простенький запал – тоже ума великого не надо. Капсюль во всей этой схеме – самое сложное, если, конечно, его производство интернату для слабоумных поручить. Если же кому посообразительней – тогда и с капсюлями не проблема. А оптом демидовские «эфки» по десятке продаются, прямо с завода.

Посоветовались с Владимирским, и он сказал, что не все трофейное оружие распродается по пути конвоями. Много трофеев берут и в горах, и в дельте реки, а их по пути продавать негде. Так они на складах и накапливаются. Худо-бедно, но для трех или четырех магазинов в бойком месте на пару лет торговли хватит. Вот и есть с чем начинать.

Стали отрабатывать базовую систему сигналов. Те же телеграммы как нельзя лучше для этого подходят. Поставщики все на русской территории, подозрений никаких. Адресатом будет отдел сбыта патронной фабрики, – еще в почтовом отделении телеграммы с кодовой фразой будут куда следует адресовываться. А если оттуда проследят, то «куда следует» – это трофейный склад, будет там человек на приеме сидеть. Тоже ничего сложного. Впрочем, чем сложнее, тем выше вероятность возникновения проблем. Даже молоток ломается, потому что из трех частей состоит (про клинышек не забывайте). А вот лом – не ломается, потому как одним куском, – разве согнуть кто сумеет.

Уперлись в другое – транспорт. Мой фургон и пикап Марии Пилар никак под серьезные количества товара не годились. Ни по размерам, ни по грузоподъемности. Бонита до сего времени товар у поставщиков прямо в Аламо закупала, да и не приходилось ей оперировать оптовыми количествами. За этим пришлось обращаться к Барабанову.

Барабанов сказал, что и с этим проблем тоже нет, подберут из трофеев. У них десятка три машин трофейных в боксах в парке стоит, специально для таких случаев. Езжайте, говорит, выбирайте. Потом мне скажете – я, мол, к командиру схожу и у него приказ подпишу о выделении.

Тогда засел я за банальный бизнес-план. Шпионство шпионством, хоть и дилетантское малость, а вот прогореть тоже неохота – подозрительно будет, если прогоришь, а не закроешься. Знаете, как в Москве бывает? Стоит себе магазин дорогой или ресторан. Еда в ресторане или товар в магазине – так себе, честно говоря. А вот цены! И ни одного покупателя или, скажем, посетителя. А ресторан (магазин) год работает, другой, по залу менеджеры ходят, не закрывается никак. Тут понятно, что идет отчаянный отмыв несправедно нажитых капиталов. Покажут продажу трех диванов по стоимости «бентли», скажем, и есть прибыль, заплати налоги и денежкой пользуйся. А то раньше как ею воспользуешься? Только из бюджета украл, «откат» получил или, скажем, наркотиками поторговал, и сразу пользоваться? Нельзя. Надо, чтобы жена (теща, сват, брат) магазин открыл и наличные за такую покупку прогнал. А нормальный ресторан, где посетителей много, работать заставит. Лучше уж такой, учебный. Так и тут получиться может – заинтересуется кто-нибудь, в конце концов.

Территория России, протекторат Русской Армии, Пункт постоянной дислокации. 14-е число 6-го месяца, пятница, 09:00

Вчера вечером мы Барабанову подробный план докладывали. Подготовили все, что смогли. Предусмотрели тоже все, что получилось. Вплоть до силовой поддержки со стороны Владимирского. Даже постоянные люди из разведбата в сводную группу были выделены, во главе все с тем же «Совой». Раза четыре проходились по плану туда-обратно, и так его мусолили, и эдак, пока не решили, что лучшее – враг хорошего.

Надо было бы уже готовиться к выходу, учитывая, что следующий конвой до Порто-Франко выходит послезавтра. Не решены были два вопроса – транспорт и товар. Товар надо было бы еще и выкупить, и прогнать деньги на счет дивизии, и заплатить фабрике. Барабанов договаривался с Белецким, чтобы нам кредит из Русского Промышленного выдали. Моих сбережений, которые на счету в орденском Банке, хватило бы, условно говоря, на семьдесят-восемьдесят винтовок, и все. Сначала так и хотел я сделать – использовать деньги с орденского счета, а Разведуправление мне их просто через финчасть возместит. Счета военных – тайна почище государственной. А надо было еще и транспорт приобрести, и оборотный капитал. Как ни крути, а триста тысяч экю нам были нужны. В общем, Белецкий дал добро, и Русский Промышленный открыл мне кредитную линию в Банке орденском. Пока Барабанов этим вопросом занимался, мы втроем на отдельской «Ниве» поехали в парк отдельного рембата, где в дальних боксах тихонько стояла пара десятков трофейных машин, захваченных в основном у наркоторговцев. Нас там встретил сержант Гурченко – сухощавый, высокий, лет тридцати, в рабочем комбинезоне и черном танкистском берете.

– У нас имеется двадцать три единицы автомобильной техники на консервации, – с ходу оповестил он меня. – Лучше, если вы сразу скажете, для чего вам машина нужна, – тогда не будем все боксы подряд открывать.

– Машина нам нужна для дальних маршей, с грузом до полутора тонн, с хорошей проходимостью и несложная в ремонте, – перечислил я. – Возможны марши вне конвоя, поэтому такие, чтобы первой пулей их из строя не вывели.

– Понял. Сейчас подумаю. – Сержант Гурченко пару минут глядел в небо, а затем решительно сказал: – Есть такое, пойдём.

Пока он вел нас к двум дальним запертым боксам, мы выслушали вступительную речь к представлению машин:

– Конечно, мог бы я предложить вам «унимог», у нас их с пяток – и короткие, и средние, даже длинный есть. Но трактор есть трактор, а «унимог» от трактора произошел. А тут месяца три назад ребята притащили с конфедератской территории две машины интересные, даже продавать не стали – пожалели. Ездил на них банда каких-то залетных, из Евросоюза, даже не разбойнички, а не пойми кто, наемники какие-то. Оружие у них было серьезное, связь как в лучших домах и толковые машины. Одну наши сожгли, а две зажали в овраге – они руки вверх и подняли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.